АНАТОЛИЙ КОВАЛЕНКО

НЕКРОПОЛИ СЕВАСТОПОЛЯ

СЕВАСТОПОЛЬ
2012

ББК 85.133 (4УКР - 2 СЕВ)
К. 56

Книга издана по инициативе Севастопольского городского Совета и городской государственной администации по Программе развития регионального русского языка, русской культуры в городе Севастополе на 2012-2017 гг. при содействии городского управления культуры и туризма, и Центральной городской библиотеки им. Л.Н. Толстого

А.И. Коваленко.
Некрополи Севастополя. - Симферополь: НАТА,2012. - 464 с.: ил.
ISBN _____

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
Туровский
Евгений Яковлевич -
кандидат исторических наук,
заведующий отделом Национального заповедника «Херсонес-Таврический»
Крестьянников
Валерий Васильевич -
историк-архивист, Заслуженный работник культуры

Книга знакомит читателя с многочисленными некрополями Севастополя и его региона. Автор обращает внимание, что на сегодняшний день это практически единственное наиболее полное издание, посвященное мемориальным захоронениям Севастополя. Главным принципом исследования положен метод научной достоверности.

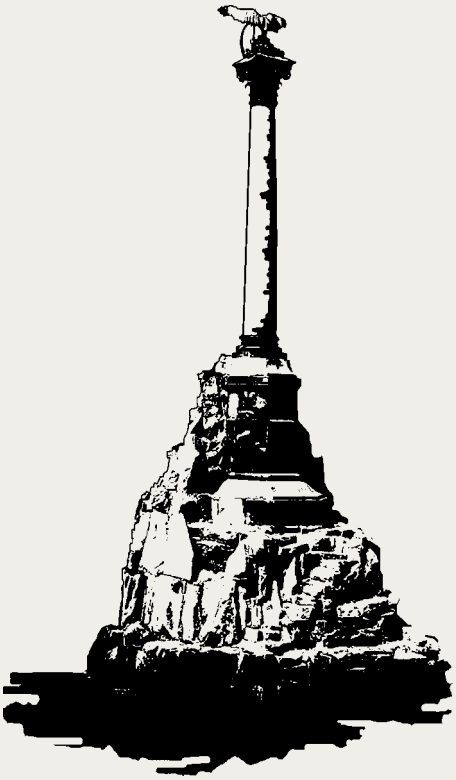
Монографическое издание призвано популяризировать мемориальную культуру, которую автор рассматривает как памятники искусства.

Для историков, краеведов и любителей мемориального искусства.

ББК 85.133 (4УКР - 2 СЕВ)

© А.И.Коваленко - макет, компьютерная верстка, 2011-2012
© А.И.Коваленко - фото, 2008-2012

ISBN _____



Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не минет судьбы

Г.Державин

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 40-х годах XX столетия индийский художник Шриджут Нандалал Боз отвечая на вопрос о философии искусства, сказал: «В искусстве нет понятий хорошего и плохого, морального и аморального. Сухой лист, увядающая роза, умирающий человек, безжизненная пустыня – вызывают в художнике такое же восхищение, как зеленый лист, распускающийся бутон розы, наивность юности, журчащий ручеек и наполненные смехом детворы просторы. Художник всюду видит лишь Божественную Суть».

Соединением в единое искусства и религии проникнуты десятки критических и мировоззренческих трудов как философов и теоретиков эстетики Западной Европы, так и России, и Украины. И лишь идеологизированные антиэстеты и атеисты Советской России утверждали, что «Освобождение эстетического сознания из-под религиозного влияния неизбежно, так как современный мир с его динамически напряженным процессом социальной жизни…разрушают, последовательно и неуклонно структуру традиционных мировых религий» [1, с.4].

К великому нашему удовлетворению советская эстетика с ее антирелигиозной пропагандой оказалась недолговечной и потому споры об искусстве религии сегодня вновь обретают актуальность, - Божественную суть. Ибо, как писал Лев Толстой: «Мы, по исповедуемой нами теории эстетики, признаем, что искусство есть или одно из высших проявлений Идеи, Бога, Красоты или есть высшее духовное наслаждение» [2, с.48].

И если мы согласимся, что религиозные отношения к миру несут в себе элементы художественного сознания, то опуская все философские рассуждения об искусстве религии, смеем утверждать некую театрализованную, хотя и канонизированную, форму, в том числе и похоронного обряда с его знаковым отражением мемориального захоронения.

Более того – взаимопроникновение искусства и религии создают предпосылки вечного союза: Божественного и Красоты. И, как тут не вспомнить пророческие слова Михаила Врубеля: «Красота – вот моя религия». Искусство и религия становятся силой, объединяющей чувство, мысль и волю.

Это же утверждение находим и у украинского теолога, писателя и профессора Киевской духовной академии Маркеллина Олесницкого (1848-1905), еще в конце XIX века утверждавшего, что «…понятие духа тождественно с понятием личности. Дух и личность – одно и тоже» [3, с.6].

Конечно это так. Но нам, современникам XXI века, совсем не безразличны происходящие процессы в обществе с нарастающими тенденциями к деградации личности и упадка моральных критериев.

В свое время английский биолог и философ Джулиан Хаксли (1887-1975) с сожалением констатировал, что человек сам создает хаос на земле, истребляет все прекрасное; он в результате уничтожит сам себя и себе подобных…

Равенство перед Богом: нищего и богатого, простолюдина и просвещенного. И это равенство человека в ирреальном (потустороннем) пространстве в настоящем, существующем мире, зачастую приводит к парадоксам не в пользу людей достойных поклонения. Надгробный памятник человеку, не обогащенному духовной нравственностью или чванливому чиновнику административно-военного ведомства, порой исполняется на более высоком художественном уровне нежели людям, имеющим заслуги перед городом, народом и отечеством. Но и здесь есть предел их земного возвышения, ибо: «Твори прежние дела, будь верен им до смерти, и дам тебе венец жизни» (откровение Иоанна Богослова).

Правда, человеческое «Я» - единица не постоянная. Она способна к интеграции во времени, к адаптации современному уровню осознания бытия. Подойдя к пику своего возраста человек волей или неволей начинает подводить итоги сотворенному им в земной жизни; начинает искать спасения в ином, ирреальном или вечном мире. И тогда он обращается к Богу. Происходит это даже с людьми, которые творили зло и неправедные дела как в адрес священнослужителей, так и самой церкви (как это было с большевистско-коммунистической властью в XX веке). Но Иисус Христос говорит: «Знаю твои дела; ты носишь имя, будто ты жив, но ты мертв… Я не нахожу, чтобы дела твои были совершенны перед Богом Моим»... Однако слабо верится, что люди творившие зло, когда либо читали Библию. И это при том, что автору неоднократно приходилось видеть на надгробных памятниках «коммунистов со стажем» христианскую символику, словно ищущих в ней спасение своей заблудшей души. «И вот среди этих-то людей стало вырастать искусство, расцениваемое уже не потому, насколько оно выражает чувства, вытекающие из религиозного сознания людей, а только потому насколько оно красиво; другими словами – насколько оно доставляет наслаждение» [4, с.42].

Мемориальная культура, благодаря высокохудожественному исполнению как русских, так и украинских мастеров монументальной скульптуры, имеет прекрасные образцы, на которые опирались и опираются заказчики и исполнители начиная с середины XVIII века до сего дня. Но если дворянская интеллигенция или мещанско-купеческая прослойка XVIII-XIX веков стремилась к созданию высокохудожественных произведений мемориального искусства, то современные представители элиты или тех, кто себя к ней причесляет, утратили не только эстетический вкус, но и само понятие «художественности исполнения». Особенно остро это ощущается в провинциях, в том числе – Севастополе. Тем не менее в нем еще сохраняются попытки к некоей стильности или художественности, хотя эта «стильность» уже исходит из упрощения и удешевления надгробного исполнения, а следовательно – обеднения изобразительной формы. В любом случае некрополи Севастополя заслуживают нашего пристального внимания и изучения…

Итак, как понял читатель, - наше монографическое исследование посвящено изобразительному отражению мемориального захоронения и его эстетическо-художественным качествам. На протяжении всего научно-публицистического обзора мы попытаемся максимально много показать виды и формы захоронений, дать им гносеологическую и историческую характеристику. Конечно, за предела-

ми нашего исследования (к сожалению) останутся многие мемориальные памятники, в том числе и достаточно известных людей по причине простого (не художественного) их исполнения или эстетической непривлекательности. Автору остается надеяться, что исследователи некрополей Севастополя продолжат работу по созданию исторической хроники о личностях, имеющих великое значение для города. Задача же данного исследования в другом: показать красоту и эстетический характер того или иного мемориального памятника; ознакомить севастопольскую публику с мемориалами существующих некрополей, отдельными захоронениями наиболее известных личностей с указанием их художественных особенностей. В то же время автор признает, что дефицит информации зачастую делает его работу номинальной, а в некотором случае – формальной, где кроме дат с указанием рождения и смерти человека нет ничего. Происходит это в результате информационного вакуума и отсутствия специальных исследований о некрополях Севастополя и его окрестностей. Иначе говоря, - данное исследование на сегодняшний день является практически единственным научно-обоснованным и наиболее полным собранием мемориалов. Возникает вопрос: из чего же автор черпал свой материал? Ответ такой же простой, как и сам вопрос: из краеведческой литературы, научных публикаций музейных, архивных работников и многочисленных авторов, издавших о героической защите Севастополя в Первую и Вторую оборону города большое количество путеводителей и другой справочной литературы. Кроме того автором использовались статьи известных севастопольских историков, дающих описание некоторых существующих и утерянных некрополей, в частности – старого городского кладбища, еврейского Национального кладбища, кладбища Коммунаров, Братского кладбища на Северной стороне и других (авторы: Валерий Крестьянников, Наталья Терещук, Владимир Шавшин, Борис Гельман). На этом, пожалуй, вся информация о некрополях Севастополя заканчивается.

Вот почему автор считает свое монографическое исследование: «Некрополи Севастополя» не только уникальным в своем роде, но и единственным научно-исследовательским трудом, где в популярной форме дается широкий изобразительный и исторический обзор существующих памятников мемориальной культуры, сохранившихся до наших дней.

И еще одно замечание.

Важное место в нашем исследовании будут занимать вопросы гносеологии возникновения мемориала в географическом и историческом пространстве, принципы его формирования, место и роль символов религии в обрядовой похоронной культуре. Не менее важно - наши современные заблуждения и ошибки в создании надгробия, связанные с отсутствием знаний религиозных канонов...

Автор выносит благодарность историкам, краеведам и научным сотрудникам музейных учреждений Севастополя, сделавших существенные замечания по тексту данного издания: Евгению Туровскому, Татьяне Яшаевой, Валерию Крестьянникову, Ирины Агишевой и другим.

Особая благодарность директору Центральной городской библиотеки имени Льва Толстого - Эссин Тамаре Александровне и Издательской комиссии при Городском управлении культуры и туризма, без поддержки которых это издание было бы невозможным...

Глава 1

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ САКРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Гносеологические корни сакральной культуры выходят далеко за пределы исследуемого материала, так как связаны не только с мемориальной культурой похоронного обряда, но с религиозными таинствами, а в некоторых случаях — с мистицизмом и мифологизмом церковного и ритуального действа.

Термин «Сакральное искусство» берет свое происхождение от латинского слова «sacrum», - то есть — священный обряд или таинство. И этот священный обряд независимо от времени, географического пространства и этнической принадлежности в достаточно короткое время может превратиться в мистический образ, переходящий в мифологическое содержание.

В то же время сакральное — это мировоззренческая категория, связывающая религиозное духовное начало с изобразительными формами символического отражения похоронного обряда. Иначе говоря — с философским пониманием церковной архитектуры, иконописи или мемориального искусства.

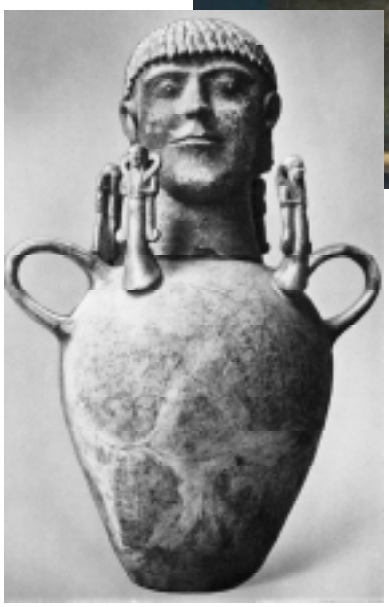
Сакральное искусство и мемориальный памятник имеют много общего между собой: если сакральное — это обрядовое религиозное таинство, то мемориал символизирует собой изобразительную память во времени (от латин. memorialis). Мемориал, как известно, создается в память о ком-то или о чем-то. В древности покровительницей памяти была богиня Мнемосина, - дочь Урана и Геи, от которой, собственно, рождались музы: Каллиопа (прекрасноголосая), Клио (дарующая славу), Мельпомена (ведущая хоровод), Полигимния (высокопесенная), Талия (цветущая), Терпсихора (наслаждающаяся), Урания (небесная) и др. Конечно, в современной интерпретации понятие мемориала сузилось до представления о памятнике монументальной скульптуры или архитектурного ритуального ансамбля. Однако, нужно помнить, что в античной Греции существовал своеобразный литературный жанр — меморабилии, - то есть — достойные упоминания. И этим жанром в полной мере владел, например, историк и писатель, ученик Сократа — Ксенофонт (430 - после 355 гг. до н.э.).

Культура мемориального захоронения (как форма художественного отражения ритуального действа) при всей глубине своего существования, явление малоисследованное и почти не описанное. И связано это, опять таки, с мистическим отношением человека к похоронному таинству, к риторическому вопросу о вечной жизни после смерти, а это, согласитесь, уже выходит за рамки человеческого миросознания. Мы можем анализировать только наши апокрифические представления (мифы) о загробном мире, которые пытаемся выразить с помощью символических знаков,

в том числе — в виде надгробного памятника. Вот почему в данном исследовании мы выбрали в качестве анализа только те мемориалы, которые нам доступны, и что сохранила и донесла до нас историческая память...

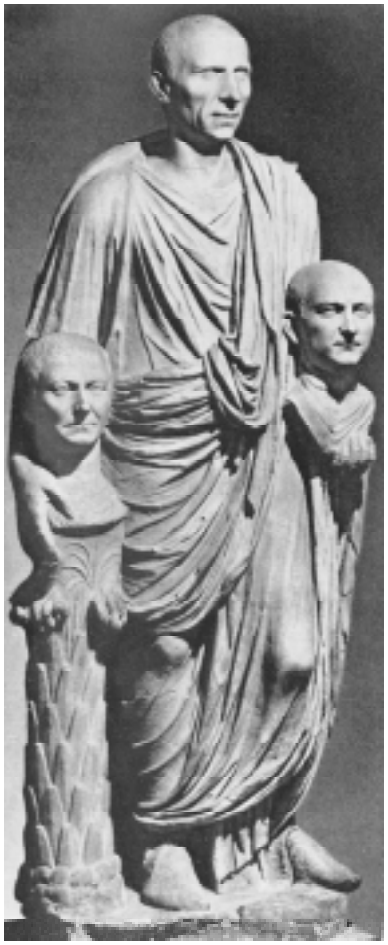
История похоронного обряда существует столько, сколько существует само человечество. И в каждом далеком племени, народе, он имеет свои присущие ему этнические традиции и свой ритуал. Во многих случаях он (обряд) пропитан глубокой верой человека в загробную жизнь. Глубоким философско-религиозным содержанием, например, проникнута похоронная культура Древней Индии, исчезнувшего народа майя, Древнего Египта и других цивилизаций. Весьма показательный похоронный обряд мы находим, например, у древних народов Италии: этрусков, ромеев, латанов, сабеллов и других. С начала I-го тысячелетия до нашей эры этруски владели искусством похоронного обряда, который сводился к помятийному представлению, что душа умершего человека будет жить вечно при условии создания для нее символического ковчега в виде Канопы. Канопа — это погребальный антропоморфный сосуд для пепла, выполненный в виде символического образа умершего человека и отражения его земной деятельности. Иначе говоря — если человек был пчеловодом или воином, то соответственно и канопа должна нести в себе образ пчелиного улья или всадника с доспехами на лошади. Душа должна точно знать свое место вечного существования. Канопы исполнялись из обожженной глины (терракоты) или бронзы и хранились в специально отведенных для праха умерших местах. Исследователи этрусской культуры писали: «Фигурный сосуд, содержащий пепел, ассоциировался с символическим воплощением телесного облика покойника. Тулово сосуда, оставаясь сосудом, вместе с тем означало и тело покойника» [1, с.26].

Канопа из Ветулонии, VIII в. до н.э.



Канопа из Четоны, VI в. до н.э.

В VI—III веках до н.э. воинственные римляне захватили и окончательно поработили этрусков, от которых они восприняли не только погребальный обряд, но дополнили и усовершенствовали его: чтобы душа умершего человека нашла именно свой, конкретно ей принадлежащий физический образ, римляне научились делать маски с умершего человека. Так появился не только натуралистический портрет, но и надгробная мемориальная плита или бюст, которыми пользуются сегодня добрая часть населения всего православного мира.



Надгробие Вибиев. Рим I в. до н.э.

Надгробие: патриций с бюстами своих предков. Рим I в. до н.э.

Художественное исполнение мемориального захоронения (надгробия, как произведения искусства) на древних славянских землях до сего дня мало кто исследовал и описывал, поэтому мы можем говорить о них только с некоторой долей предположения или опираясь на некоторые материалы публицистического характера (мы сознательно упускаем труды ученых-исследователей археологическо-материальной культуры). Так, к примеру, в Украине этому вопросу посвящено небольшое научное исследование Николая Моздира (Моздир М. Укра□нська народна мемор□альна скульптура. — К.: Наукова думка,1996); Владимира Жишковича (Жишкович В. Пластика Рус□-Укра□ни: X - перша половина XIV стол□ть. - Льв□в: □нститут Народознавства,1999).

Из других источников, конкретно посвященных Севастополю и Крыму, мы можем указать на путевые заметки крымского этнографа Евгения Маркова (Марков Е.Л. Очерки Крыма: картины жизни, истории и природы. - СПб,1902); Быстряков Иоанн. Севастопольское братское кладбище. Путеводитель,1902; Чернопятов В. Некрополь крымского полуострова. - М.: Типограф. Л.В. Пожидаевой,1910 и некоторых других.

Несколько иная ситуация складывалась в российских столичных городах, где наиболее известным некрополям посвящены труды ученых и специалистов в области некрологии:

- Саитов В.И. Санкт-Петербургский некрополь (приложение к историко-литературному журналу «Русский архив»). - М.,1883;
- Петербургский некрополь. - СПб, 1907;
- Шамурин Ю. Московские кладбища//Москва в прошлом и настоящем, 1912;
- Нетунахина Г.Д. Русская мемориальная скульптура. - М.,1978.

Особое слово следует сказать о книге Т.Д. Пановой: Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI-XVI веков (М.: Радуница,2004), которая очень подробно анализирует сложение погребального обряда периода формирования

Збручанский идол с изображением славянских языческих богов: Макоша, Велеса, Перуна, Лады и других

христианства, как религии. Она пишет: «Материалы городских кладбищ, начиная уже с самых ранних, дают различные формы погребений: просто в могильной яме без какого-либо погребального сооружения, в деревянных колодах или гробах-ящиках, в бересте и т. д.». И далее: «Как показал анализ письменных источников, в них нигде нет упоминаний о формах погребальных сооружений древности...».

Русским надгробиям и эпитафиям посвящена диссертация на соискание научной степени П.А. Акимова: «Русское надгробие XVIII - первой половины XIX века» (М., 2008).

Следуя научной мысли мы можем говорить, что формирование культуры надмогильных плит в Украине связано с первоначальным появлением языческих богов-идолов, а начиная с X-XII столетий — с верой во Христа и его образом-символом: равноконечного креста или распятого Христа. В степях Северного Причерноморья существовали более ранние захоронения, которые можно было локализировать по насыпным курганам, где часто устанавливался каменный идол, в научной интерпретации получивший условное название «каменных баб». Относительно отдельных наиболее знатных захоронений воинов молодой ученый Владимир Жишкович из города Львова в своем исследовании писал: «Із зростанням ролі померлих знатних предків, принесенням □м жертв зароджу□ться традиція встановлювати над насипними курганами монументальні антропоморфні кам`яні стели, переважно із зображеннями чоловіків-во□нів» [2, с.20].

В последующих главах мы еще будем говорить о первичных погребальных обрядах, существовавших у разных этнических народов, населяющих современную территорию Украины, в том числе: скифских племенах, у херсонеситов, крымских татар и других народов. Скажем только, что у крымских татар, например, был свой символический погребальный знак — дюрбе, - тесанный камень, украшенный затейливым геометрическим орнаментом или текстами из Корана. До сих пор все крымские татары, пользуются этими символами. Что касается православных захоронений, то мы по-прежнему встречаем различные и множественные формы христианских крестов, мемориальных плит или других символических знаков, этимологию которых многие современные жители уже, конечно, не помнят. А древние кочевые племена русичей, например, на своих временных стоянках вкапывали в землю ритуальный деревянный столб, через котоый они осуществляли связь с небом.

В то же время, чтобы быть более последовательными и доказательными в нашем научном исследовании, сошлемся и на более старые, дохристианские, захоронения, какими являются курганные захоронения киевского князя Аскольда на правом берегу Днепра в Угорском урочище, княгини Ольги на горе Щекавица, князя Святослава у Днепровских порогов и других, где устанавливался деревянный столб с изображениями языческого бога умерших — Велеса или стража умерших душ — Нави.

Символизм и изоморфизм — главная особенность художественного отражения мемориального захоронения. Причем, - символизм рассматривается нами как с позиции философского осмысления ритуального действа, его сакральной, идейной и мировоззренческой сути, так и изобразительного символа — знакового отражения захоронения, полученного в результате творческой мысли художника. Вот, например, как достаточно сложно, но весьма показательно объяснил суть символизма мировой души поэт и теоретик символизма Андрей Белый: «Если жизнь наша есть культурная смерть, то в удалении от жизни — жизнь творчества. Человечество рождает

Надгробие в виде растущего дерева.
Село горожанка, Тернопольской обл.

Надгробие в виде растущего дерева.
Старое кладбище в Севастополе.

форму искусства, в которой мир расплавлен в ритме, так что уже нет ни земли, ни неба, а только — она наисовершеннейшая форма удаления от жизни... здесь — прообразы идей, миров, существ. Здесь художник — дух, парящий над хаосом звуков, чтобы создать новый мир творчества и им раздавить творческие обломки, называемые бытием: задача ритма, укрытого в творчестве, оборвать небо, раздавить землю: бросить небо и землю в пропасть небытия...» [3, с.170].

Здесь, на месте мемориального захоронения, витает мир бестелесный и незримый; здесь распадается физическое тело (личность) на дух. Там, где когда-то была человеческая плоть, вырос символ искусства, художественность которого зависит лишь от таланта мастера или того — насколько родственники покойного чтят память умершего, знают ритуальные особенности похоронного обряда или владеют изоморфной формой отражения потустороннего мира, - тогда символ духа превращается окном в Вечность...

Причем, как мы указывали выше, в каждом регионе существовало свое представление о художественном символе или мемориальном комплексе: в католическом мире это могло быть распятие Христа, изображение скорбного ангела или Девы Марии, оплакивающей умершего; в православном мире — изображения склоненного белокрылого ангела над телом усопшего, ствола дерева без ветвей, голубя или креста, украшенного орнаментом. Впрочем, следует признать, что все эти многовековые религиозные традиции сегодня так сплелись, что зачастую трудно бывает отличить один христианский обряд от другого. Но, вот что любопытно — и у тех, и у других с древнейших времен сохраняется символ «мирового дерева». И если в современной интерпретации он перешел в деревянный крест, то в древней праславянской культовой мифологии он имел свое прямое назначение: дерево, как символ жизни и смерти, молодости и старости, рождения и умирания. Один из исследователей украинской мемориальной скульптуры, опираясь на исследования западноевропейских ученых, писал: «Припущення, що знак на ц□й (як □ на □нших давн□х) могил□ був саме дерев`яний, грунту□ться передус□м на тому, що у давн□х слов`ян □снував культ дерева та що на м□сц□ поховання садили дерево або ж пок□йника ховали п□д ним» [4, с.9].

«И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла», - говорится во главе второй Библии - книги Священного писания.

Символика дерева связана с мифами о сотворении мира и у многих народов имеет свою историю космогонических представлений. Но особенно ярко «мировое дерево» представлено в Украине, где оно символизирует не только модель мифологической конструкции с ее солярными знаками, но модель рода - «Дерева життя».

Одним из предположений, почему дерево сажали у ног умершего, является мнение будто-бы душа человека улетает словно птица. Она в виде голубя, перемещаясь с места на место, садится на дерево, - именно то дерево, которое посажено на его могиле. Впоследствии форма ствола дерева и его кроны трансформировалась в витиеватый образ деревянного креста, напоминающий крону дерева или домовины. Кстати, - образ домовины к нам так же пришел от далеких славянских северо-восточных племен, когда над захоронением возводили крест в виде домовины или саму домовину — сооружение, напоминающее дом умершего. Нужно сказать, что эта традиция была выработана многими народами мира и дошла до наших

Саркофаг Ярослава Мудрого в Софийском соборе Киева

дней в виде мавзолеев, часовен, саркофагов или родовых склепов. Ярким образцом такой домовины может служить каменный саркофаг киевского князя Ярослава Мудрого, который ныне сберегается в Софии Киевской. Сегодня, с утерей знаний о древнейшем христианском символизме, мы часто сталкиваемся с ужасными примерами исполнения простых железных крестов, установленных на могилах умерших.

Впрочем нужно признать, что исстори на Руси существовала традиция безымянности мемориального захоронения, так как перед Богом все равны. Не существовало в те времена и такой технологии, как на современном этапе. Поэтому традиционной формой (особенно в сельской местности) оставался деревянный крест.

Несколько иная ситуация складывалась в городских центрах и особенно в городах, имеющих статус столичных. Богатые горожане, желая отдать глубокое почтение своему умершему родственнику, заказывали надгробия известным и та-

Надгробный крест из музейного собрания Херсонеса

Надгробие из села Звенигород, Львовской обл.

лантливым художникам, получая взамен произведения подлинного монументального искусства. И в таких городах, как Москва, Санкт-Петербург, Киев, Львов, Одесса и других на мемориальных кладбищах до сих пор сохраняются произведения мемориальной скульптуры, исполненные как талантливыми анонимными авторами, так и мастерами, широко известными в художественном мире. Достаточно, наверное, напомнить нашему читателю о таких великолепных художественных ансамблях или скульптурных композициях, как: надгробие поэтессы Леси Украинки, композитора Николая Лысенко, актрисы украинского театра Марии Заньковецкой, историка и публициста Михаила Грушевского на Байковом кладбище в Киеве; составителя Толкового словаря Владимира Даля, академика физиологии растений Климента Тимирязева, поэта Сергея Есенина, живописцев: Василия Тропинина, Василия Сурикова и других — на Ваганьковском кладбище в Москве; композитору Петру Чайковскому, архитектору Андрею Воронихину, писателю Федору Достоевскому, актрисе Вере Комиссаржевской, художнику Ивану Шишкину и другим — на Тихвинском кладбище в Санкт-Петербурге.

Все они, как понимает читатель, относятся к XIX - началу XX стлетия. В советский период, - период борьбы с «религиозным мракобесием» и всеобщей равенствующей нищетой, традиции религиозного обряда стали невозможными, а затем и вовсе забытыми. Это был, мягко говоря, стиль скупого творчества, который (за исключением единичных мемориалов) не отличался особой изысканностью в исполнении надгробного мемориала. Примерами такого «творчества» могут служить тиражированные надгробия в виде стел-обелисков, исполненных из листового же-

леза или мраморовидной прессованной крошки с вмонтированными фотографиями и со скупыми указаниями лишь на имена тех, кто здесь похоронен и не более...

Однако, вернемся к исследованию символизма мемориальной культуры.

Крест — деревянный или каменный, имеющий множество различных форм изографического начертания, становится главным связующим звеном между миром живых и миром мертвых. В церковном обряде он играет роль благословения или оберега, в надгробии — роль символа ушедшего духа под сень Христова. Он свидетельствует о вере умершего человека, как приверженца православной церкви. В тоже время нам не следует умалять значение этого знака или слишком упрощенно к нему относиться. История возникновения креста, как символа веры, начинается с Адама — первого человека на земле.

...Предчувствуя свою смерть Адам отправил сына Сета (в разных транкрипциях: Шет, Сиф - А.Ков.) в Эдем к Ангелу испросить прощения для него. «Найдя Эдем, Сет увидел там огромное дерево в форме креста, ветви которого достигали неба. В корнях дерева находилось тело Каина. Ангел дал Сету три семени от Древа жизни, которые были положены умирающему Адаму в рот. Семена проросли в дерево, его взял с собой Ной в свой ковчег во время потопа. Жизнь Адама продолжалась в этом дереве... Ной похоронил «череп Адама» под Голгофой, а дерево посадил у подножия Ливанской горы... Соломон приказал подвесить дерево перед входом в храм. Позднее его распилили и сделали крест для распятия Христа. Казнь Иисуса произошла на месте, где был захоронен череп Адама...» — так писал об этом событии Санкт-Петербургский исследователь и ученый Виктор Власов (Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства. - СПб: ЛИТА, 2000. - С. 826).

Исходя из сказанного мы можем смело утверждать - крест в разных своих модификациях есть символ божьей воли и духа. В то же время следует признать, что современным человечеством понятие креста толкуется довольно узко. Церковнослужители, например, помимо символа страданий Христа, видят в нем символ огня, добра, солнечной энергии и божественной красоты. Другие считают его космогоническим символом, означающим четыре времени года. Египтяне же называли его «Анх» - символом вечной жизни (бессмертия), который изображался в виде креста, увенчанного кольцом, а в более позднее время — фигуры человека с распростертыми в стороны руками. Вспомним тут известный рисунок Леонардо да Винчи, изобразившего анатомическую фигуру человека в круге с вытянутыми в стороны руками и широко расставленными ногами. Кстати, его можно увидеть и на распятии Иисуса Христа...

«Символизм, по мысли Андрея Белого, углубляет либо мрак, либо свет». Художнику, при всем его старании, не удастся видоизменить того, что уже свершилось и потому задача его — соединить в символе жизнь и смерть. Окончательным его воплощением становится мемориал, который создает образ духовности. Другое дело, когда творческим гением этот образ насыщается переживанием, а такой претворенный образ и есть символ, какие бы изобразительные формы он не принимал.

И еще одно замечание: когда мы словом обозначаем предмет (крест), мы утверждаем его существование. Но по Андрею Белому — слово рождает метафору, метафора — миф, миф рождает религию, религия — философию, философия — символический изобразительный образ воплощения Божественной идеи.

В мемориальную культуру Киевской Руси крест пришел вероятно в XII-XIV веках. Однако, если проводить аналогию с Крымом, ныне являющимся частью государственных границ Украины, можно говорить, что христианский символ в виде креста (правда уже каменного) появился здесь значительно раньше. Другое дело,

что Крым, являющийся разменной монетой в многочисленных войнах народов за его обладание, в большинстве своем не сохранил древние памятники мемориальной культуры. О их наличии и художественных достоинствах мы с большей долей уверенности можем говорить только с начала XIX века, когда на Крымском полуострове появились первые русские поселенцы с православной культурой и своим похоронным обрядом (среди наиболее древних считается, например, старое русское православное кладбище у села Мазанка под Симферополем, основанное в 1784 году). Вот, как пишет об одном из таких древних захоронений крымский этнограф и историк Евгений Марков: «Русские колонисты, преимущественно солдаты, были поселены в некоторых местностях Крыма тотчас после присоединения его в 1783 г., вместо греков, удалившихся на берега Азовского моря незадолго до присоединения. Биа-Салы вместе с Мангушем и другими селами были в числе этих первоначальных русских сельбищ, и русский храм был устроен на месте старого греческого. Я заметил на горе, с другой стороны села, множество могильных камней... То, что я нашел на горе, превзошло мои ожидания. Вокруг беспорядочных развалин церкви шло по скату горы огромное кладбище, сплошь усеянное могильными плитами и гробницами разнообразного и оригинального вида. Добрая половина их вросла в землю: от некоторых торчали только углы... Все они были высечены из плотного и тяжелого известняка и отличались своею величиной... Почти на каждом из таких плоских камней было высечено изображение какого-нибудь орудия: на одном кузнечные клещи, на другом характерная пастушья горлыга (посох)-...на третьем — что-то вроде пилы или пялец...

Второй тип памятников, очевидно и по времени, представляет уже гробовидный камень, поставленный на двух и трех плоских камнях, образующих пьедестал со ступенями. На таких памятниках является довольно сложная и красивая каменная резьба...Многие из таких памятников имеют в узоре кресты замысловатой формы и потому должны считаться христианскими...

Самый поздний тип биа-сальских гробниц представляют плоские, широкие камни, украшенные изящной резьбой и врезанные стоймя в лежащие плиты. Они уже все с крестами, и далеко не представляют той устойчивости, как тяжелые древние гробницы» [5, с.420-422].

Дадим некоторое пояснение прочитанному:

- Евгений Львович Марков (1835-1903) — дворянин из Курской губернии. В Крыму жил с 1865 года, куда его назначили директором Симферопольской гимназии и народных училищ. Свои путевые заметки писал в 70-х годах XIX столетия. В указанном отрезке текста мы читаем о виденных им гробницах, украшенных как символами из скифской погребальной культуры, так и символами новой христианской православной культуры. В этом отношении весьма любопытными являются виденные им, так называемые, - «Оленные камни» с символами профессии умершего человека (как тут не вспомнить этрусские захоронения Древнего Рима?). Указанные Е. Марковым надгробия весьма схожи с этими определениями и свидетельствуют о глубинной памяти Причерноморских народов в сохранении изоморфности погребального обряда, вероятно воспринятого ими от татаро-монголов, приходивших в Крым в XIII-XIV веках. Таким образом мы можем говорить о существовании на крымской земле захоронений и культового обряда еще задолго до колонизации Крыма Россией в 1783 году.

О сохранении наиболее древних обрядов и одновременно - христианской символики в Крыму свидетельствуют и монастырские захоронения Сурб-Хача — армянского мужского монастыря XIV века под селением «Старый Крым». Кстати, весьма символично, что Сурб-Хач в переводе с армянского означает «Святой крест».

Хач-Кары (так с армянского называются каменные кресты), также имеются и в других уголках старого Крыма. Многие из них ныне являются частью музейных экспозиций, как, например, - музейного комплекса генуэзских укреплений Каффы (совр. - Феодосия). Любопытным образчиком существования погребального (христианского) обряда в Крыму являются захоронения Херсонеса, под Севастополем, в музейном комплексе которого сохраняются изумительные по красоте кресты и другие надгробия «оленного» типа.

Украинские исследователи отмечают, что надгробия в виде деревянного или каменного орнаментированного креста получили основное свое развитие от XII века до конца XIX столетия. Параллельно ему начинает формироваться и распространяться образ распятия Христа и канонически выдержанных изображений святых, которые, в свою очередь, делятся на два типа: латинские (распятие) и византийские Апостолы с православным крестом и другими атрибутами церковной власти. Их датировка определяется приблизительно VI-VII веками. И если в западных землях латинский крест шел от католического удлиненного распятия, то византийский формировался как образ равноконечного креста в контексте надгробной плиты. Особенно любопытными и зрелищными являются католические надгробия эпохи готики и барокко (XII-XVII вв.), которые сегодня можно видеть как на старых мемориальных кладбищах Западной Украины, так и в музейных собраниях Львова. Однако значительная часть их, безусловно, сохраняется в музеях и открытых некрополях Западной Европы.

Православные изображения святых имеют свои канонические формы исполнения. В то же время они более сдержаны и аскетичны. И такой аскетизм сохранялся примерно до второй половины XVIII века, - времени демократического преобразования русской и украинской государственности и интеллигенции. И если в западно-европейском искусстве мемориального комплекса продолжали жить глубинные традиции и канонические формы похоронного обряда, выработанные католической церковью еще XII - XVII вв., то в православном мире появился новый образ художественного решения надгробного памятника, где приоритет получает философское осмысление и композиционно-изобразительное представление художника или заказчика об умершем. И в связи с этим любопытно будет заметить, что если в западных землях Украины рассматриваемого тут времени (наряду с типовыми образами креста с распятым Иисусом Христом) появляются надгробия со склоненной фигурой святого Иоанна Богослова, архангела Михаила или Святой Екатерины, Святой Варвары и других, то в восточной части страны формируется светский образ самого умершего или многофигурной композиции с ангелом, представляющим умершего Вседержителю. Особенностью некоторых из них является наличие скульптурного декора, повествующего о земных подвигах или достижениях умершего. Такие композиции сегодня хорошо представлены в мемориальных комплексах столичного формирования. Особенно много таких памятников не только в Киеве, Харькове или Одессе, но и в Санкт-Петербурге, и Москве, где зачастую мемориальные композиции исполнены великими художниками: Федором Гордеевым, Иваном Мартосом, Федотом Шубиным, Марком Антокольским, Марией Диллон, Паоло Трубецким, Ильей Гинцбургом и многими другими. Именно благодаря таким мастерам монументальной скульптуры XVIII-XIX вв. мемориальные комплексы Волкового кладбища и Новодевичьего кладбища в Москве, Серафимовского кладбища в Санкт-Петербурге вошли в десятку лучших музеев (наряду с Лычаковским кладбищем во Львове и Лукьяновским кладбищем в Киеве) мемориальной культуры России и Украины, где надгробия зачастую имеют высокохудожественный композиционный характер.

В своем рассказе мы, быть может, несколько забежали вперед, рассматривая крест, как символ Вечной памяти. Но семантика православной погребальной куль-

туры знает и более ранние символы христианства - это: виноградная лоза, чаша с вином, голубь, райская птица, рыба, барашек (агнец), крест и, наконец, - «добрый пастырь» - пастушок, несущий на своих плечах молодого барашка. И, что весьма важно, в каждом существующем некрополе (независимо от государственной принадлежности, где главенствует христианство) обязательно присутствуют надгробия с этими символами, о чем мы не раз будем убеждаться при анализе мемориальных комплексов и скульптурных композиций. Этот факт отмечают и другие исследователи: «Серед рослинних мотив□в у християнск□й □конограф□□ значного поширення набули орнаментальн□ мотиви лози та плюща, як□ асоц□ювалися з □де□ю духовного безсмертя та в□чного життя. Ритуально-маг□чне трактування теми виноградно□ лози у мистецтв□ мало глибок□ корен□. У передньосх□дн□й та давньо□ранськ□й м□фолог□□ культ виноградно□ лози усв□домлювався як образ Всесв□ту, що перебува□ у стан□ безперервного творення... Як символ безсмертя, в□чност□ □, передус□м, як символ Христа з домінуючим в□дт□нком велико□ жертви та спас□ння, виноградна лоза прикрашала царськ□ врата та культов□ споруди» [6, с.51].

Особенно часто мы будем наблюдать изображения большой чаши (динаса или килика), ствола разветвленного сучковатого дерева, голубя, виноградной лозы; реже: рыбы, райской птицы или «доброго пастыря» - первого изобразительного образа Иисуса Христа (IV-VI вв.). Материалами их исполнения служили песчаник, мрамор или бронза. Однако для нас и нашего анализа это не принципиально важно. Важно другое, что все эти символы — глубочайшая философия загробного мистицизма, влекущая за собой крах мироздания, через который мы видим и понимаем бренность собственного бытия. На могильной плите распят не Христос, а ваша собственная плоть с отлетающей в Лету душой. Вольно или невольно, но стоя у могильной плиты вы вытаскиваете из ее оболочки живой образ и уносите с собой,

«Добрый пастырь» - первое изображение Иисуса Христа. Рим, III-IV вв.

Первые символы христианства из собрания Херсонеса, II-III вв.

как путник, несущий тяжелую ношу. Но эта ноша — ваше воплощение потустороннего мира: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали...» (Откровение 21-1).

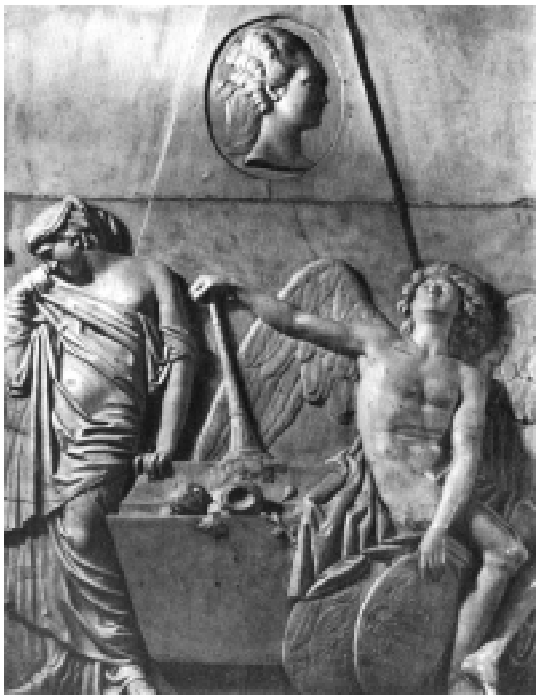
Или в другом месте и у другого автора: «Вы, несчастные, оставшиеся в живых, оплакивайте этот смертный случай; вы, боги и богини, радуйтесь новому согражданину» (Ф.Фаррар. Первые дни христианства).

XVIII - XIX века для мемориальной культуры стали переломным этапом в формировании надгробного стиля. Это было время активной ломки социальной и политической жизни украинского или российского государства. Начатые реформами российского царя Петра I, они продолжились в последующие века наследниками Рюриковичей и Романовых. Вместе с изменением социального статуса государственного управления, изменялось общество, культура и искусство. Служение Богу и царю делало это общество более весомым и важным, одухотворенным своей ролью в государственном управлении. Отсюда — формирование аллегорических образов, символизирующих значимость усопшего в государственном устройстве. Таково, например, надгробие светлейшего князя А.А. Безбородко (1803), исполненное скульптором Жаком Доминико Рашеттом, где покойный изображен не отошедшим в вечность, а живым, окруженным помощниками: «Ревность» и «Трудолюбие». Лица его самого и помощниц одухотворены, и все его порывы свидетельствуют о готовности и далее ревностно служить отечеству. О смерти свидетельствует лишь крылатый ангел, поддерживающий крест на заднем плане...

Как совершенно справедливо указывают некоторые исследователи, надгробие данного времени — это не столько скорбь по умершему, сколько «памятник

Ф.Г.Гордеев. Надгробие Н.М.Голицыной, 1780

И.П.Мартос. Надгробие М.П.Собакиной, 1782



фамильной чести, доказывающий врожденное благородство усопших представителей рода, увековечивающий славу рода...».

Вместе с тем мы должны помнить, что XVIII век был веком формирования романтизма и сентиментализма, который не мог не отложить отпечаток на сложении сентиментальной образности в формировании надгробного памятника. Задача такого мемориала — вызвать чувства сожаления о безвременно ушедшем человеке. Как правило он наделен трепетностью и интимностью скорбящего, пытающегося соединить сентиментальную грусть живых с миром мертвых: сцены семейной скорби, оплакивающий ангел, склоненная фигура плакальщицы — вот основные черты надгробий докритического реализма (до сер. XIX в.). Ярким образцом становится композиция к надгробию скульптору Михаилу Ивановичу Козловскому, исполненная его учеником Степаном Пименовым в 1802 году: образ молодой женщины — Музы ваяния, скорбно склонившаяся над телом покойного, лицо ее печально и по женски сентиментально...

Как мы уже отмечали особая роль в формировании художественного образа надгробного памятника принадлежит скульпторам Москвы и Петербурга XVIII - начала XIX веков: Федоту Шубину (1740-1805), Федору Гордееву (1744-1810), Михаилу Козловскому (1753-1802), Ивану Мартосу (1754-1835) и другим. Их творчество воспитывалось на образцах античной школы и поэтому несло в себе все особенности античного академизма. Среди наиболее любопытных — произведения Федора Гордеева: памятник-надгробие княгини Н.М. Голициной (1780), похороненной в старом соборе Донского монастыря в Москве. Плоскость мраморной стелы разбивается фигурой плакальщицы, скорбно поддерживающей аркуш с эпитафией: «Сию печали память прискорбнейший сын с бесконечным сожалением поставил». На ее лице застыла мраморная слезинка, выкатившаяся из глаз...

Современники отмечали особый дар Федора Гордеева «одушевлять мертвую натуру, наделять ее даром речи» [7, с.14];

Иван Петрович Мартос — выходец с Украины. Благодаря своему таланту стал одним из ярких представителей русского классицизма конца XVIII - начала XIX века, автором большого ряда мемориальных памятников — княгини С.С. Волконской (1782) и М.П. Собакиной (1782), что на кладбище Донского монастыря в Москве; надгробия Е.С. Куракиной (1792), Е.И. Гагариной (1803) в Александро-Невской лавре и других. По большому счету их даже нельзя назвать надгробиями, так как скульптурные композиции мастера являют собой самостоятельные высокохудожественные произведения изобразительного искусства. Авторы исследования мемориальной скульптуры И.П. Мартоса так писали о надгробии М.П. Собакиной: «Оно пленяет нас чувством тонко переданной лирической грусти. Композиционную основу этого надгробия составляют пирамида, в верхней части которой помещено профильное барельефное изображение умершей, и саркофаг, находящийся у основании пирамиды. По обеим сторонам саркофага расположены две человеческие фигуры. Одно из них — скорбящая женщина. Отвернув от зрителя лицо, она как бы стремится скрыть свою печаль. Другая фигура — сидящий на углу саркофага юноша — представляет крылатого гения смерти. Его обращенное кверху лицо выражает глубокую тоску» [8, с.198].

К сказанному можно только добавить: это своего рода безмолвный диалог, демонстрирующий душевные движения чувства...

Начиная с 1820 года в мемориальное захоронение вновь начинает вноситься церковная аллегория с долей мистицизма и глубокой религиозности. Вера в божественное предзнаменование проходит красной нитью вплоть до середины - второй

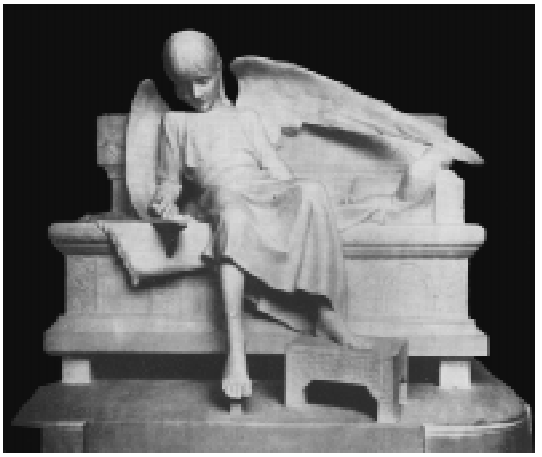
половины XIX века. Крест снова возвращается в мир усопшего. Он становится главным символом, под сенью которого находят свой последний приют. Скульптурная композиция уже не доминирует, но становится носителем аллегории под пристальным взглядом Бога. Создается искусство мистическое, где покойный уже не член высокого общества, а простой смертный среди себе равных. Таков например надгробный памятник П.А. Бекетову (1823), исполненный скульптором Иваном Витали. Здесь представлены аллегорические фигуры «Веры и Надежды», которые ведут безмолвный диалог под сенью высоко вздымающегося креста. Диалог этот иллюстрирует душевную борьбу мира живых и мира мертвых...

Однако наиболее весомое место в искусстве оформления надгробия занимает период формирования и становления демократической мысли в Украине и России с 60-х годов XIX века - до начала XX века. Как известно — это был период активного сложения русско-украинского реализма в литературе и изобразительном искусстве. Хорошо известны имена писателей как критического реализма, так и демократической школы: Тараса Шевченко, Михаила Коцюбинского, Ивана Франко, Панаса Мирного, Ивана Нечуй-Левицкого — в Украине; Ивана Тургенева, Николая Некрасова, Федора Достоевского, Николая Гоголя, Льва Толстого, Михаила Салтыкова-Щедрина — в России.

И все же более смелую новаторскую роль суждено было сыграть Товариществу Передвижных художественных выставок в Санкт-Петербурге и Товариществу южнорусских художников в Одессе, которые заложили не только основы реалистического искусства, но создали прецедент организации надгробного захоронения в виде целого комплекса художественно-скульптурной композиции. Сегодня произведения известных художников передвижнической школы являются гордостью некрополей и музейных собраний. Среди них особое место принадлежит скульптору Марку Антокольскому, о котором критик В. Стасов сказал: «Антокольский не только первый, но даже единственный русский скульптор» [9, с.167].

Марк Матвеевич Антокольский (1843-1900) из города Вильно прошел сложный и драматичный путь своего становления. Среди самых известных его произведений: статуя «Петр I» (1872), «Иван Грозный» (1875), «Смерть Сократа» (1877), «Спиноза» (1887), «Нестер-Летописец» (1890) и другие. На протяжении всего творческого пути он неоднократно возвращался к созданию мемориальных памятников дорогих и уважаемых им людей. Об одном из таких памятников писал уже упомянутый здесь В. Стасов: «В 1875 году Антокольский вылепил в Риме надгробный памятник княжны Оболенской. Еще при самой ее кончине, в 1873 году, он был сильно тронут и глубоко поражен, он лично знал и очень ценил эту девушку, и поэтому-то сильное и искреннее чувство выразилось в его памятнике. Он изобразил само□ усопшую, какой он ее видел во время последней болезни, в широком платье, с распущенными волосами. Она сидит на камне у дверей своей гробницы, она печальна, она тяжко задумалась, она в немом отчаянье положила одну руку на другую. Ах, как ей не хочется идти в эту ужасную дверь! Но как правдиво и как сильно выразил Антокольский эту щемящую мысль! Все у него полно необъяснимого чувства, поэзии, кроткой скорби. Я не знаю другого подобного памятника в целой Европе. Я провел много времени у его подножия, на кладбище Monte Testaccio, в Риме, я до глубины души был им поражен, и впечатление от него осталось у меня неизгладимое. После него каждый надгробный памятник покажется непроходимой деревянной сушью» [10, с.180].

Однако не смотря на «особое мнение» В. Стасова, первенство все же придется отдать надгробию малолетней дочери киевского мецената И.А. Терещенко, установленного в 1888 году на Аскольдовой могиле: на широкой мраморной скамье полусидит-полулежит аллегорическая фигурка крылатого молоденького ангела. Не-



М.Антокольский. Фрагмент надгробия дочери И.А. Терещенко, 1888

М.Антокольский. Эскиз надгробного памятника Т.Н. Юсуповой, 1895

принужденная поза, легкий наклон головы, нежный овал лица. Прислонившись к спинке мраморной скамьи он безмятежно спит, а над его фигуркой возвышается изящный православный крест, исполненный в виде раскрытого бутонами ствола дерева с райскими птичками на его ветвях. Вот вот наступит долгожданный миг и ангелочек раскроет свои изумрудные широкие глаза и вспорхнет в поисках божественного нектара...

Весь драматизм сосредоточен в этом трогательном, поэтичном образе ребенка, прекрасного в своей неповторимости.

Совсем иначе решено надгробие Ф.М. Дмитриева (1889), - профессора Московского технического училища, установленного на некрополе Донского монастыря в Москве: на гранитной скамье, украшенном тонким орнаментом, сидит скорбная фигура Иисуса Христа, который раскинул свои руки для объятия всего человечества. Лицо его скорбно и сурово одновременно, а в глазах — мировая печаль...

В музее-усадьбе «Архангельское» под Москвой стоит еще один изумительный памятник княгини Т.Н. Юсуповой, исполненный Марком Антокольским в 1895 году: на невысоком классическом постаменте, закиданным грудой усадебных цветов, стоит высокая изящная фигура крылатого ангела. Он прижимает к себе изогнутое распятие. Нежное лицо его, поднятое к небу, словно молит небеса принять безгрешную душу безвременно усопшей...

В своем исследовании мы много внимания уделили российским захоронениям — высокохудожественным памятникам мемориальной культуры. Однако на территории Украины имеются не менее значимые надгробные памятники, требующие нашего специального рассмотрения. Таковы, например, захоронения Лычаковского кладбища, основанного с 1786 года во Львове (с 1991 года — историко-мемориальный музей-заповедник), где мы встречаем великолепно исполненные надгробия —

подлинные произведения мемориального искусства: оперной певицы Саломеи Крушельницкой, писателю Ивану Франко, композитору Станиславу Людкевичу, скульптору Якову Чайки, историку Ивану Крипьякевичу, общественному деятелю Владимиру Барвинскому, художницы Елены Кульчицкой, видным представителям повстанческого движения в Галиции и другим; Байкового кладбища в Киеве, основанного в 1834 году: актрисы Марии Заньковецкой, скульптору Ивану Кавалеридзе, художнику Георгию Нарбуту, актерам и режиссерам: Николаю Садовскому и Панасу Саксаганскому, писателям: Александру Гончару, Борису Гринчеко, Леси Украинки, Ивану Нечуй-Левицкому и многим другим.

Надгробный памятник композитору Платону Майбороды на Байковом кладбище в Киеве

Надгробный памятник художнику Ивану Гончару на Байковом кладбище в Киеве

Особое слово следует сказать и о некрополе города Николаева, где похоронены многие защитники Первой обороны Севастополя 1854-1855 гг., герои Черноморских сражений. Некрополь основан в XVIII веке и считается одним из старейших на территории Украины. Здесь, как мы указывали, нашли свой последний приют офицеры и моряки Первой обороны Севастополя; здесь похоронен герой черноморского сражения, командир легендарного брига «Меркурий» - Александр Казарский, вступивший в мае 1829 года в неравный бой с двумя военными турецкими кораблями. Замечателен по своему исполнению семейный склеп Аркасов — выходцев из Греции. Один из них — Захарий Аркас, - историк-археолог, генерал-лейтенант, участник морских военных походов и один из первых директоров Морской библиотеки в Севастополе, был смотрителем над строительством Владимирского собора на Центральной горке, автор ряда публикаций по археологии и истории крымских древностей.

Жителям города Николаева хорошо известны захоронения родственников адмирала Макарова и генералиссимуса Михаила Кутузова, и других.

Надгробный памятник композитору Станиславу Людкевичу на Лычаковском кладбище во Львове

Скажем несколько слов о художественных достоинствах некоторых из них.

Свой выбор мы начнем с памятника Саломеи Крушельницкой во Львове: надгробие-склеп исполнен в виде пространной свободной композиции гранитного пьедестала, на который опираясь сидит бронзовая фигура греческого героя Орфея, играющего на лире. Сам памятник исполнен на высоком художественном уровне, где нет места мистицизму и символизму. Тон задает натуралистический реализм, отсюда и ощущение — словно слышатся дивные звуки музыки и чарующий голос Саломеи...

Любопытны по исполнению надгробия Байкового кладбища в Киеве: Платона Майбороды, где из мраморного крупнозернистого пьедестала произростает изумительной красоты бронзовый куст виноградной лозы. Декоративные формы его символизируют православное средокрестие; весьма символичные формы несет в себе и памятник Ивану Гончару, исполненному в виде древнего славянского креста, по красному граниту которого тонким узором растекается символ Рода - «Дерева життя»...

К сожалению Байковое кладбище сегодня переживает не лучшие времена. Однако даже то, что сегодня сохраняется — свидетельствует о глубоком признании, тех, кто здесь похоронен...

Надгробный памятник Саломеи Крушельницкой на Лычаковском кладбище во Львове

Глава 2

ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД В КУЛЬТУРНОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КРЫМА

Да одиноко городища
Чернеют жутко средь степей
Забытых дел, умолкших дней
Ненарушимые кладбища...

М.Волошин

Мифологическое сознание древнего человека, как известно, формировалось в условиях иллюзорного восприятия картины дикого мира, в котором природные силы довлели над неандертальским человеком и потому воспринимались им как силы сверхъестественные. Учитывая всю сложность познания того времени (из-за отсутствия конкретных познаний жизни дикого общества), мы можем только предполагать и строить ученые догадки об условиях их духовного развития, религиозно-мистического и мифологического сознания. И это при том, что о первобытной культуре написаны десятки исследовательских томов, обнаружены и исследованы сотни стоянок древнего человека. Но в одном мы можем быть уверены: в тот глубоко историчный период, - период эпохи палеолита, мезолита и неолита, - был положен первичный шаг в развитии религиозного мировоззрения и морали, которому суждено будет без особых изменений просуществовать до нашего времени.

В стадии тератеистического культа, предшествовавшего тотемизму, все природные явления человеку представлялись антропоморфными живыми существами и потому-то чаще всего тотемами являлись животные и обожествленные стихии. Одновременно мифологическое сознание способствовало формированию содержательного (знакового) отражения культа мертвых, развитие которого шло от тотемного символа или образного знака обожествленных природных явлений, в том числе — смерти человека. Сакральный смысл этого знакового отражения, в свою очередь, связывал художественный образ с религиозным представлением о культе мертвых. Слабый и беспомощный в борьбе с природой, первобытный человек, видящий в животных и суровой природе таинственных существ, более сильных, чем он сам, естественно искал союза с ними, - а единственным прочным союзом, известным ему, был союз единородности или союз крови, скрепляемый договором крови. Такой кровный союз, заключенный между родом и тотемным классом, превращал и тот, и другой в единый класс сородичей.

Первобытная культура складывалась многие тысячелетия и дала миру замечательные памятники художественного отражения древнего мира. Немалое их количество находится в Испании, Южной Америке, Франции, Северном Египте, Малой Азии, Сибири, в Закавказье и Крыму. Достаточно напомнить о знаменитых пещерах первобытного человека с наскальными росписями: пещера Ласко в департаменте Дордонь во Франции; Альтамирская пещера около Сантильяна дель Мар в Испании; в Крыму существует знаменитый скальный навес Таш-Аир (тат. - камень отделился), расположенный над старой дорогой от Предущельного до Качи-Кальона и другие.

Таш-Аир - стоянка первобытного человека в Крыму, III-II тыс. до н.э.

Начиная свой разговор о первобытной культуре Крыма, автор обращает внимание читателя, что задача его не сводится к историческому или археологическому исследованию материальной культуры древнейших захоронений, - они для него лишь повод к прочтению знакового (символическо-изобразительного) отражения надгробного памятника и понимания его сакральной роли в далеком историческом пространстве жизни Homo sapiens (человека разумного).

История существования в Крыму древнейших первородных племен и родовых общин подтверждается многочисленными археологическими находками и научными исследованиями материальной культуры. Известны, и сегодня хорошо описаны, древнейшие стоянки первобытного человека, которые были найдены и зафиксированы по всей территории полуострова. Перечислим только некоторые из них: памятники периода палеолита Кабази в Бахчисарайском районе, Киик-Коба в Белогорском районе, у села Малиновка на правом берегу реки Альма, Черна Терля в Байдарской долине, стоянки Ай-Кая (Белая скала) около Карасубазара (соврем. Белогорска), Чокурча в Симферопольском районе; а также — стоянки в пойме реки Черной и реки Кача, скальный навес Таш-Аир, пещеры Мангупа и Инкермана, Тиритаки, Шайтан-Коба, Замиль-Коба, Кара-Коба и многие другие. Они через археологическую материальную культуру показывают нам не только уровень жизни первобытного общества, но культуру их верования, быта и ритуальных похоронных обрядов, обнаруживаемых через солярные знаки наскальных рисунков и находок в ритуальных капищах.

Вот, к примеру, что пишут исследователи о погребении Фатьма-Коба в Байдарской долине близ поселка Передовое: «В Фатьме-кобе покойника похоронили в небольшой тесной яме. Приблизительно 40-летний мужчина лежал под завалом из крупных камней на правом боку в скорченном положении, головой к юго-востоку. Кисти рук находились над головой, а ступени были почти прижаты к тазу. И то, что умерший был несомненно связан, и то, что могилу завалили весьма солидными камнями, свидетельствует о существовании культа мертвых. Живые ограждали себя

от возможных неприятностей со стороны ушедшего в мир теней сородича и изолировали его бренные останки от себя и солнечного мира» [1, с.21].

Первобытная культура на начальном этапе своего развития (40 - 2 тыс. лет до н.э.) фактически не оставила нам внешних (знаковых) следов погребального обряда и мы знаем о них только из материалов археологических раскопок. Мы сколько угодно можем говорить о формах ритуального захоронения, когда того или иного человека погребают с целым набором золотых, серебряных или бронзовых изделий различного назначения: от ювелирных украшений до конской сбруи и военных доспехов; находим в них и тотемные знаки, задача которых — способствовать вечному существованию духа умершего человека в мифологизированном им мире мертвых. Более того: внешне эти захоронения практически скрыты от человека слоем курганных насыпей или тайниками в горах. Такими, по крайней мере, мы их периодически находим. Но мы почти ничего не знаем, как данные захоронения обозначались внешне.

Древнейшими стоянками первобытных людей в Крыму разного рода любители архаики интересовались еще в XVIII и XIX веках. Особенный интерес к ним стал проявляться с 1879 года, когда сюда прибыл молодой русский ученый, студент Императорского университета отделения естественных наук - Константин Сергеевич Мережковский (1855-1921), который в одиночку произвел фурор в палеонтологической науке, открыв на его территории ряд стоянок первобытного человека, в том числе — мустьерские памятники в Волчьем гроте в долине реки Бештерек, Кабази на реке Альма, захоронения в Долгоруковской яйле (пещера Кабази), знаменитый Качинский навес в Предущельном, Сюрень I близ Биюк-Сюйрени (соврем. Танковое).

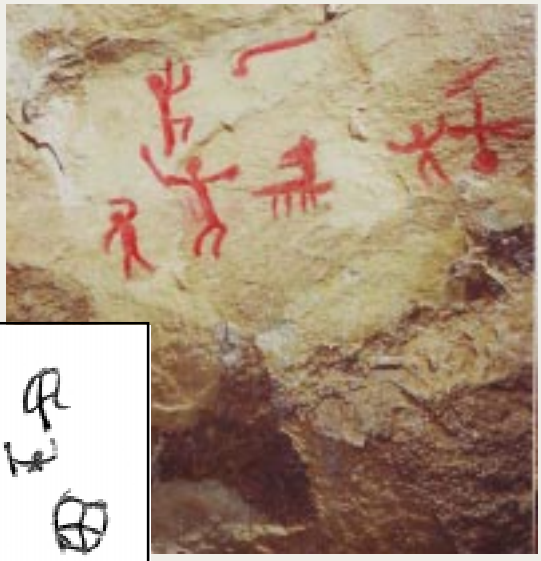
Среди других открытий можем указать на Киик-Кобинскую палеолитическую стоянку, что на правом берегу реки Зуя, Белогорского района, раскопанную в 1924-1926 годах советским палеолитоведом Глебом Анатольевичем Бонч-Осмоловским (1890-1943). Здесь в отложениях культурного слоя грота были обнаружены частичные останки неандертальского типа женщины с ребенком. Погребение было вероятно ритуальным и совершено в самом центре жилой площади в искусственно изготовленной яме. Они лежали на правом боку со слегка подогнутыми ногами.

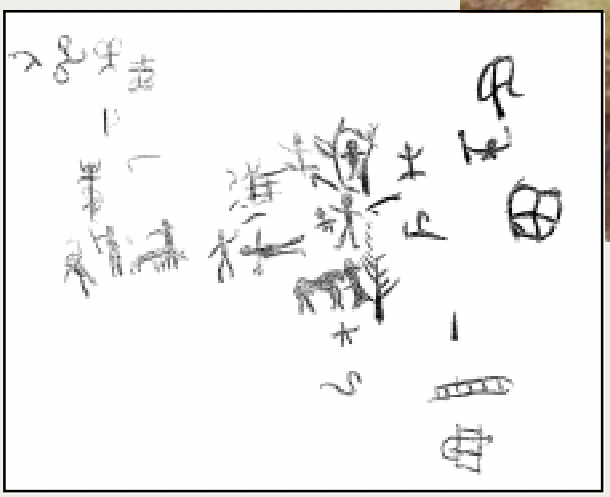
Уже одно то, что захоронение располагалось в самом жилище, свидетельствует о наличие похоронного обряда, известного древнему человеку еще в 40-30-х тысячелетиях до нашей эры. Однако мы еще более удивимся, когда будем обнаруживать захоронения предков в жилищах Херсонесского заповедника в период римского владычества в Крыму II-III вв. н.э.

И еще одно замечание: если посмотреть на карту археологических раскопок и стоянок первобытного человека, то можно обнаружить некоторую их закономерность расположения, где территория от Бахчисарая (в сторону Симферополя) буквально усеяна памятниками первобытной культуры и только весьма незначительная их часть находится по береговой полосе Черного моря и Севастополя. Другая партия палеолитических стоянок Крыма располагается уже за Симферополем в сторону Карасубазара (с 1945 года — Белогорска), где их особенно много.

Однако не это важно: мы можем приводить здесь множество различных примеров первобытных захоронений, но суть будет сводиться к одному: похоронный обряд древнейших племен и народов, как мы уже отмечали, не являлся внешне показным, но был наполнен внутренним магическим и мифологическим содержанием. Древнейшие народы вкладывали в похоронный ритуал свое архаическое представление о мире мертвых, которое должно было быть глубоко запрятанным от внешнего взора живых людей. Вот почему нам важно разобраться в гносеологичес-

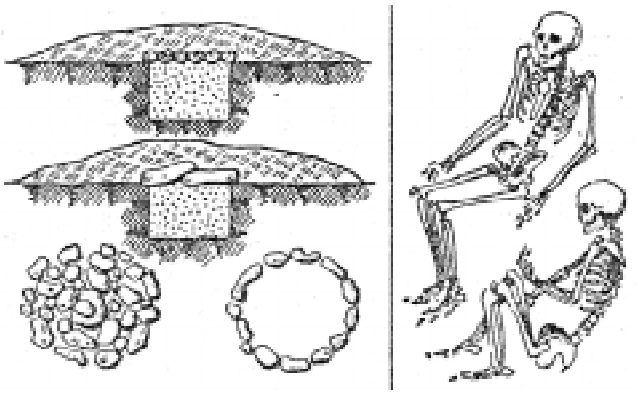
Наскальные рисунки Таш-Аир - стоянки первобытного человека в Крыму, III-II тыс. до н.э.





Прорисовка наскальных рисунков Таш-Аир

ком происхождении культового и ритуального захоронения, знакового его отражения в виде какого-либо символического или языческого предназначения. Исходя из этого в данном разделе мы будем акцентировать внимание только на материальные, внешние формы погребального обряда. Вот, например, как описывается захоронение III-II тысячелетия до н.э., найденное в 1886 году в западной стороне от Алушты русским археологом, востоковедом и этнографом Всеволодом Миллером (1848-1913), и опубликованные в статье «Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях» (Древности. - Т. XII, 1889): «Оно представляет вид невысокого кургана, около девяти аршин в диаметре, укрепленного в основании совершенно правильным кольцом из огромных, поставленных на ребро 29 камней высотою от 1,5 до 2 аршин. Внутренность кольца усеяна небольшими камнями, так что представляется почти вымощенной. В середине круга навалена куча больших камней, один из которых в виде столба высотою в два аршина, водружен на восточной стороне на расстоянии сажени от края. Пространство вокруг памятника усеяно камнями, из которых два большие образуют вход с западной стороны» [2, с.91-92].



Или в другом издании: «Каменные ящики перекрывались курганной насыпью. Часть курганов имели кромлехи, а в верхней части устанавливались каменные стелы... Рядом с умершим укладывали разнообразный материал: глиняные изделия, украшенные узорами, сделанными с помощью отпечатка шнура по сырой глине и заостренными предметами, различные орудия труда — каменные шлифованные топоры, бронзовые ножи и шилья...» [3, с.25].

Как видим захоронение имеет уже ярко выраженную мегалитическую культуру с применением сложной архитектуры культового характера, в научном мире получившем название — кромлехи.

Такая мегалитическая культура захоронения, как известно, делилась на ритуальные и архитектурно-магические формы — святилища и капища: менгиры (каменные столбы, стеллы и каменные идолы), дольмены (погребальные каменные ящики открытого типа или курганные захоронения) и кромлехи (сложные архитектурные постройки ритуального назначения). Все эти виды похоронного обря-

Менгир из села Скеля (соврем. Родниковое) у горы Чуваш-Кой, Крым.

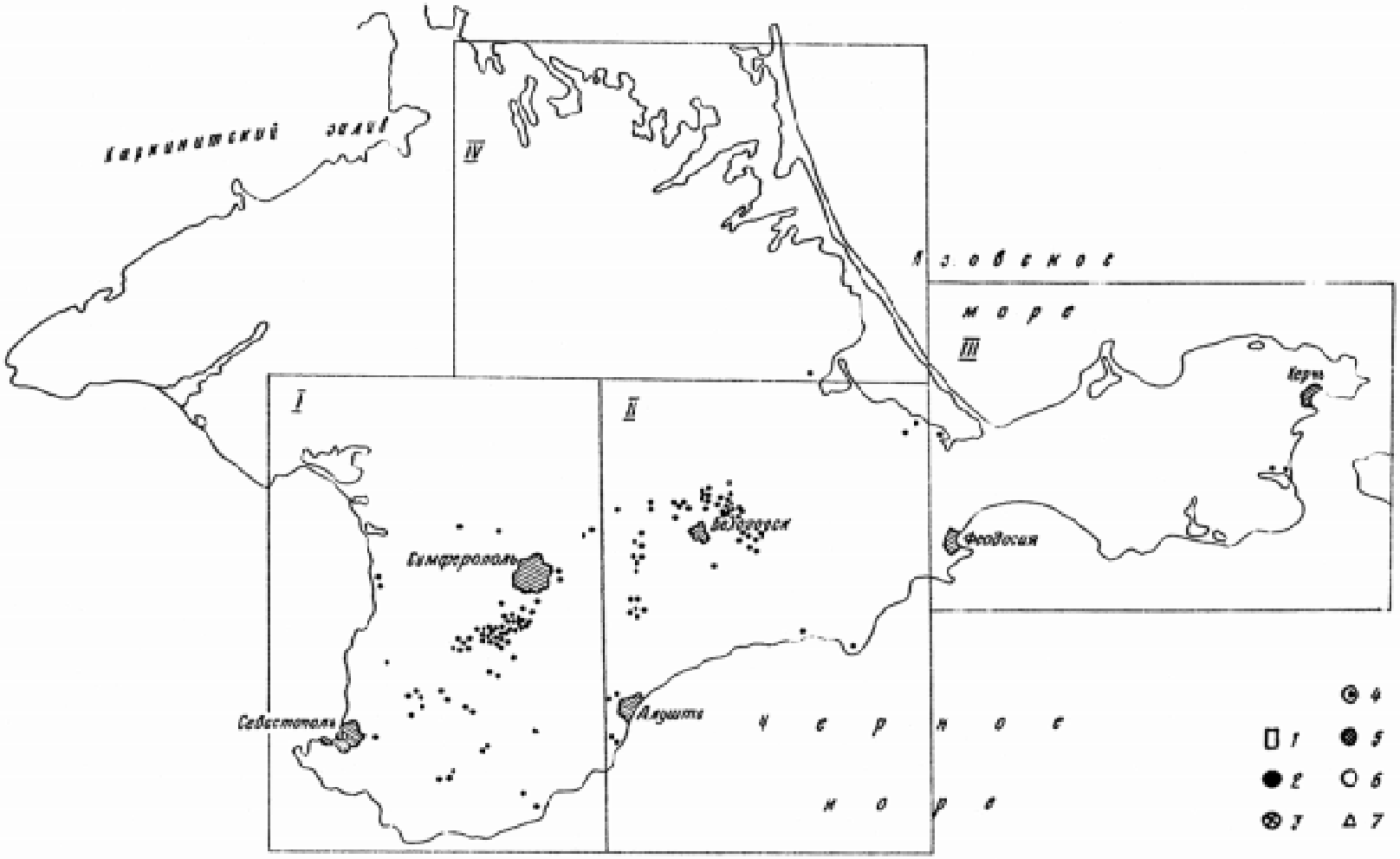
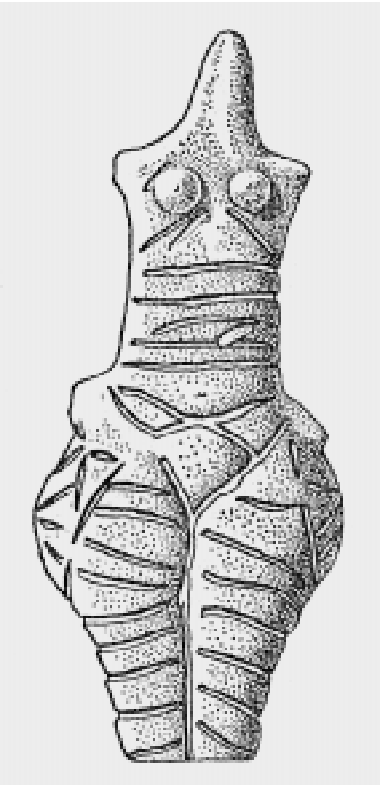


Табл. 1. Расположение палеолитических памятников Крыма.

1 – ашельские памятники; *2* – памятники ак-кайской мустьерской культуры; *3* – памятники кшик-кобинской мустьерской культуры; *4* – памятники старосельской мустьерской культуры; *5* – памятники кабазийской мустьерской культуры; *6* – отдельные мустьерские памятники; *7* – позднепалеолитические памятники



Тотем «Матери-Рода». Археологическая находка Трипольской культуры.

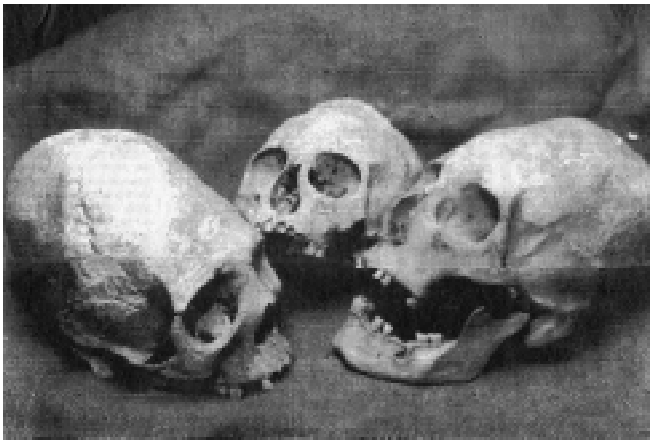
да или мировоззренческой культовой системы имели безусловное место как на территории современной Европы и юга России, так и в Крыму, что свидетельствует о широком, одновременном и достаточно быстром распространении ритуально-магической культуры по всем континентам. А совместная творческо-магическая деятельность, в свою очередь, создала синкретическую систему искусства с широким спектром мистических и шаманско-оккультных концепций, что представляется нами как художественная культура первобытного человека...

Культура знакового обозначения погребального захоронения в виде надгробной стелы (так впредь будем именовать каменные плоские плиты поставленные ребром на погребении) пришла в Крым одновременно с древнеславянскими традициями и римскими стелами с изображениями умерших. Но эти ритуальные знаки, при всей схожести своего назначения, радикально отличались как по изобразительности, так и по культовым этническим верованиям. Если в древнеримскую эпоху III в. до н.э. — III в. н.э. захоронение развивалось в сторону натурализма (создания посмертной маски и натуралистической стелы с изображением предка) с вечной жизнью души после физической смерти человека, то в древнеславянской мифологии все находилось под властью языческой Великой Богини — Матери Рода, которая воплощала в себе и культ предков, и хранительницу домашнего очага, и божественное размножение. «Почитание Высшего женского божества не было хронологически замкнутой стадией. Начинаясь где-то в незапамятные времена, этот культ Великой богини постепенно приобретает черты культа земли, земного плодородия и в этом виде живет на протяжении тысячелетий, сосуществуя и с культом Зевса, и с митраизмом, и с христианством как народный земледельческий комплекс воззрений и магических обрядов» [4, с.81].

Отсюда — обилие костяных, глиняных и каменных статуэток тотемного характера, обнаруживаемых как при раскопках древних слоев первобытной культуры, так и более позднего времени; отсюда и появление в степях Северного Причерноморья огромного количества «каменных баб», о предназначении которых до сих пор спорят ученые всего мира.

Любопытны сами по себе разновидности похоронных обрядов между отдельными этническими племенами. Так, к примеру, в каменоломнях Инкермана под Севастополем жило племя круглоголовых, которое имело уже описанный здесь похоронный обряд со скрюченными телами, положенными на правый бок. Некоторые из них не имели фаланг пальцев рук, что говорит об ритуальном обрезании их при утере ребенка или отца семейства, погибшего в военном столкновении с другими племенами. А, вот у племени яйцеголовых, живших в районе современного села Верхне-Садовое, что по симферопольской дороге от Севастополя, похоронный обряд сводился к захоронению головы умершего. И таких захоронений на территории Крыма известно достаточно много. Часто в одном захоронении можно было обна-

Яйцеголовые из Верхне-Садового.

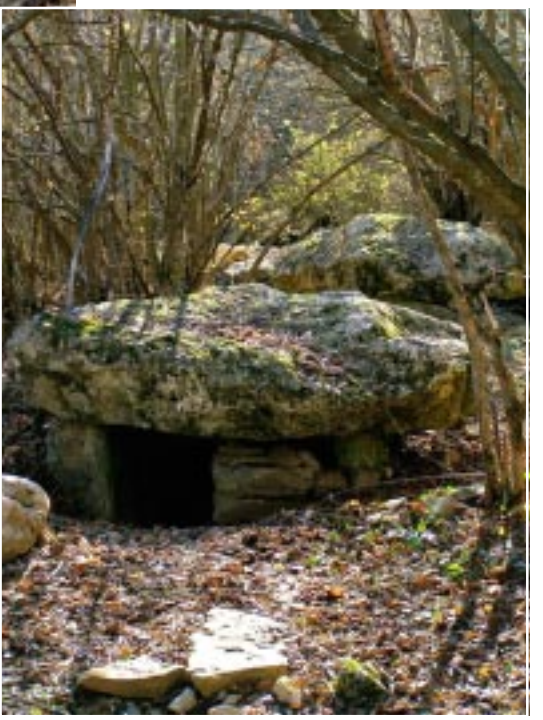


ружить до семи и более черепов. «Это не удивительно, - отмечают ученые, - поскольку у местного населения Северного Причерноморья голова явно мыслилась вместилищем особенной магической силы. Данные представления нашли отражение в широком распространении культа отрубленной человеческой головы, хорошо засвидетельствованного античными авторами, памятниками искусства и археологическими находками» [5, с.128].

Однако, если со степной частью крымского полуострова относительно все понятно, то на мировоззренческую и обрядовую систему горной части южнобережья зачастую влияли народы пришлые, у которых уже существовала своя мифология и свой божественный пантеон: киммерийская, скифская, готская, греческая, раннеримская, византийская и другая. Все эти верования, накладываясь друг на друга, в конечном итоге создали свой образ, в простонародье получивший название — Таврический мифологизм. И в одну из основ этого мифологизма был положен культ Богини Апатуры; параллельно ей — культ Богини Девы, о чем свидетельствуют многочисленные находки в захоронениях доисторического времени. И если культ Афродиты Апатуры восходит к скифской или более ранней мифологии о змееногой богине, то культ Девы (парфенос) — к греческому мифу или его переработке племенами тавров. Во всяком случае и той и другой приносили в жертву рабов или плененных чужестранцев, в том числе — потерпевших кораблекрушение. «Наконец, - утверждают исследователи, - прародительницу скифов, Афродиту Апатуру и херсонесскую Деву сближает общая для всех этих богинь связь с загробным миром и не только благодаря их пещерам, но и факту находки почти всех их изображений в могилах» [6, с.118].

Новый этап формирования погребального обряда начинается с середины первого тысячелетия до нашей эры. Это был период постепенного угасания Древнеегипетской культуры с его культом мертвых и расцветом на Балканском полуострове племенных народов древних ахейцев (Древних Греков) с их культурой и мифологией об олимпийских богах. Подобные процессы происходили на территории Центральной Америки (у народов Майя) и в Крыму с его начальной стадией Великого переселения народов. Относительно Крыма можно говорить о первоначальном появлении в VIII-VII вв. до н.э. в ее степной части скифских завоевателей, к IV веку до н.э. создавших здесь свое ираноязычное царство Атея. В короткое время Великая Скифия создала могущественное государство со столицей в Неаполе, что под современным городом Симферополем. Ей подчинялись огромные по масштабам территории: от устья Дуная и порогов Днепра до степной полосы Азова и Крыма. Однако, следует заметить, что скифы пришли на территории Крыма, где уже заняли свои географические позиции племена Киммерийцев и Тавров, которых по традиции называют этническими народами Крыма. И если тавры занимали территории всего южнобережья от мыса Фиолент под Севастополем до Феодосии и

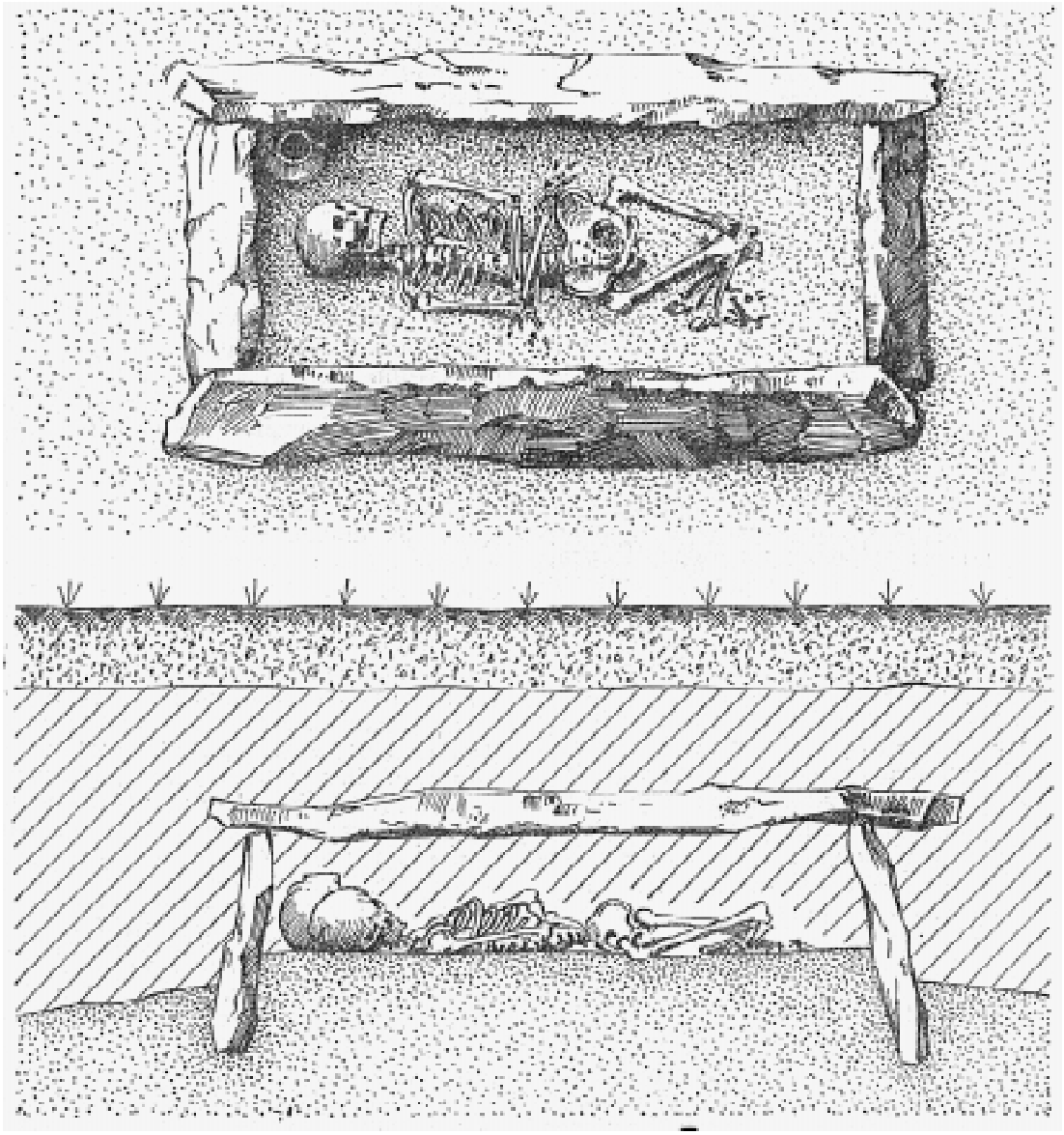
Керчи, где промышляли морским разбоем и рыболовством, то киммерийцы занимались скотоводством в степных регионах полуострова. Известны многие легенды, связанные с таврскими поселениями в районе мыса Фиолент, где по преданиям находился храм Богини Девы (воспетый поэтом А.С. Пушкиным), которой приносили жертву в виде отрубленной головы на шесте потерпевшего кораблекрушение в прибрежных водах или плененного воина. Указываются и другие храмы, посвященные Богине Деве: на мысе Партенит у Аю-Дага, пещере Ени-Сала в нескольких километрах от села Чайковское, урочище Селим-Бек около Ялты и других. Правда, говорить о храмах здесь не совсем правильно, так как во многих случаях речь идет о местных святилищах, каким было, например, святилище пещеры Ени-Сала, где на пологом склоне в пещере на сталактите располагался череп животного, предназначение которого — поклонению божеству, как хранителю домашнего скота. Другое дело, когда древние народы создавали специальное архитектурное сооружение с жертвенником и памятником Богини Девы. Предполагается, что подобный храм стоял у гераклейских мореплавателей, основавших Херсонес в 423 году до н.э. Название «тавры» тоже довольно спорное. Мы не знаем, как именовали они себя сами. Существует одна из версий происхождения: от слова «тавр» — горный массив (на-



Дольмены (таврские захоронения) в Крыму: у села Передовое и села Красное

пример в Армении и Турции. Имеются такие горы и на территории Малой Азии: Понтийский Тавр, Малоазийский Тавр). По сообщению древних греков, местные народы еще задолго до нашей эры всю цепь гор, тянущихся на восток через Переднюю и Среднюю Азию вплоть до Гималаев, называли словом Тавр. Отсюда и название «тавры» - жители гор или просто горцы.

Большинство из того, что известно в настоящее время о таврах, мы знаем из письменных источников исследователей материальной культуры и археологических находок. Наиболее яркие памятники тавров — это их могильники из каменных ящиков, которые состоят из четырех плит, а сверху перекрывались пятой плитой. Чаще всего размер таких ящиков составлял от 1,5 до 2-х метров в длину и около одного метра в ширину и высоту. Как правило они окружались кромлехами. Курганные насыпи для них не характерны. Каменные ящики сооружались непос-



План-схема таврского погребения в Крыму

редственно на поверхности или в небольшом углублении, что явилось одной из причин их разграбления.

Находят захоронения как одиночные, так и коллективные. Умершего клали, как правило, на спину во всю длину или на боку (более поздние) с сильно поджатыми ногами, головой обычно на восток или северо-восток. Любопытно заметить, что каждый могильник использовался ими по несколько раз. Когда «ящик» заполнялся, его вычищали от костных остатков, оставляя там только черепа умерших.

Поселения тавров найдены и в окрестностях Севастополя. Жили они в поймах рек Бельбек и Черной. Там же были и их захоронения. Однако наиболее полно сохранились каменные ящики в могильнике Мал-Муз, что в Байдарской долине, недалеко от села Ново-Бобровское (так называемые «Баженовы огороды»), а также на Мекензиевых горах.

О «Баженовых огородах» известно, что они представляли собой земляной вал, с сокрытыми в нем семи каменных ящиков с лежащими в них множественными костяками умерших людей. Самым любопытным было то, что независимо от останков умерших, в каждом из них было от 10 до 68 черепов...

Ясного представления об архитектурном облике таврских поселений, их планировке, размерах, видах сооружений пока нет. Наиболее детально исследовано поселение Уч-Баш около Севастополя. На скалистом обрывистом мысе, близ устья реки Черной, над ее левым берегом, в 1952-1954 годах экспедиция Херсонесского государственного музея под руководством С.Ф. Стржелецкого раскопала остатки трех жилищ одинаковой конструкции и около ста хозяйственных и очажных ям. Постройки погибли в пламени пожара в VII в. до н.э.

Жилища Уч-Баша — это наземные постройки неправильной четырехугольной формы примерно 9 х 5 метров обмазанные внутри и снаружи глиной с примесью соломы. Двухскатную кровлю, крытую, по-видимому, соломой, подпирали деревянные опорные столбы. Полы в домах глинобитные. В трехстах метрах к юго-западу находилось таврское кладбище, которое представляло собой две длинные насыпи, вытянутые с запада на восток; под насыпями — усыпальницы (каменные ящики). Стенки могил устроены из поставленных на ребро каменных плит. Сверху каменные ящики перекрывали такие же массивные плиты. Хоронили в каждой гробнице обычно несколько человек.

Подобные постройки были найдены и на левом берегу реки Черной, между современными крымско-татарскими поселками Штурмовое и Хмельницкое.

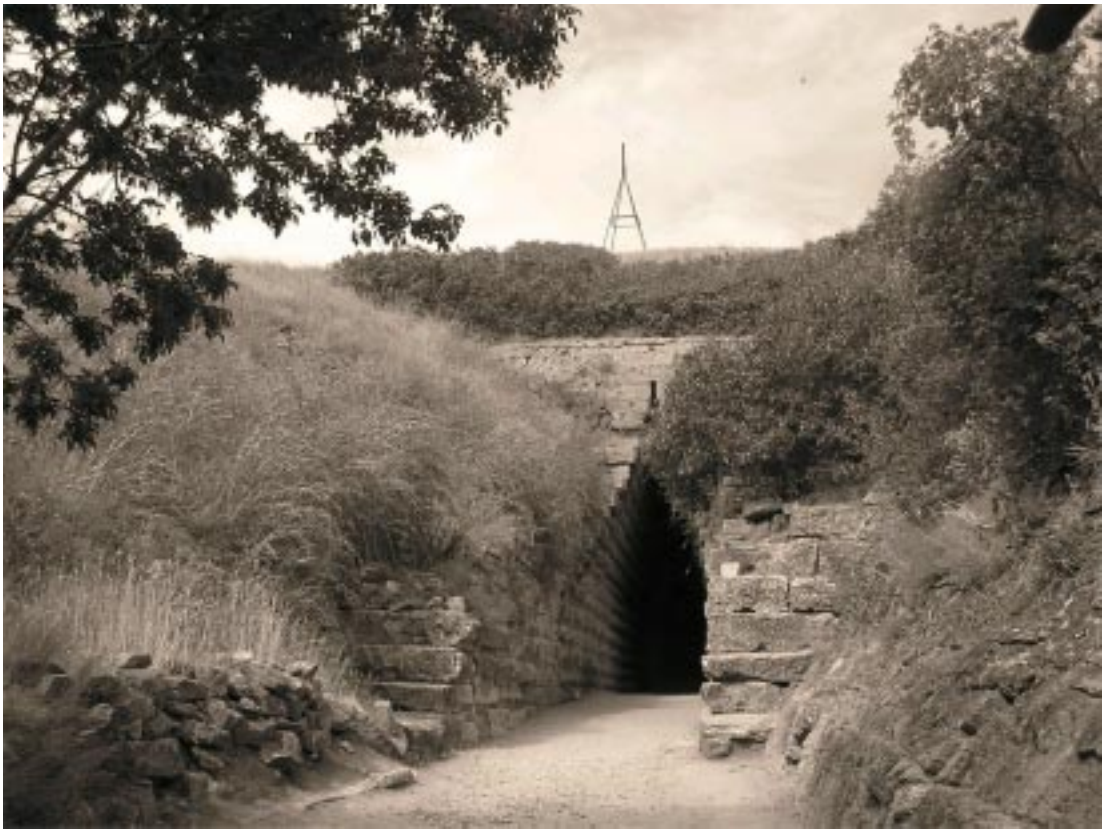
Однако вернемся к найденным в каменных ящиках черепам.

Культ человеческой головы был не только отличительным знаком тавров и скифов, но некоторой воинской удалью перед своими соратниками. Об этом говорит и Геродот: «Скиф, убив первого врага, пьет его кровь. Скольких человек он убьет в битве — головы их он приносит царю...». Отделение человеческой головы от тела нашло свое отражение не только в магическом или похоронном обряде, но и в изобразительном искусстве: в обнаруживаемых нами золотых скифских колчанах, пиктаралях, бляхах и прочих предметах прикладного характера. Остается неизвестным только одно — тавры привили скифам этот обычай или это была достаточно распространенная ритуальная форма у всех причерноморских варваров?

Несколько слов о скифах.

У скифов (в отличие от тавров) существовал свой ритуал и своя система погребального захоронения. Основным критерием здесь выступают насыпные курганы с дромосом и внутренней каменной или земляной погребальной камерой обложенной каменными плитами. На территории Севастополя и прилегающих к нему районов обнаружено одно из таких сооружений, однако это еще не означает, что это единственное захоронение на его территории такого типа. Тем не менее о похоронном обряде скифских курганов лучше всего повествуют земляные насыпные «царские» курганы: «Чертомлык» у Днепровских порогов (датируется IV в. до н.э.); Могила-Знаменская («Солоха») Камено-Днепровского района, Запорожской области; «Гайманова могила» у села Балки, Запорожской области; «Толстая могила» близ города Орджоникидзе, Днепропетровской области и другие.

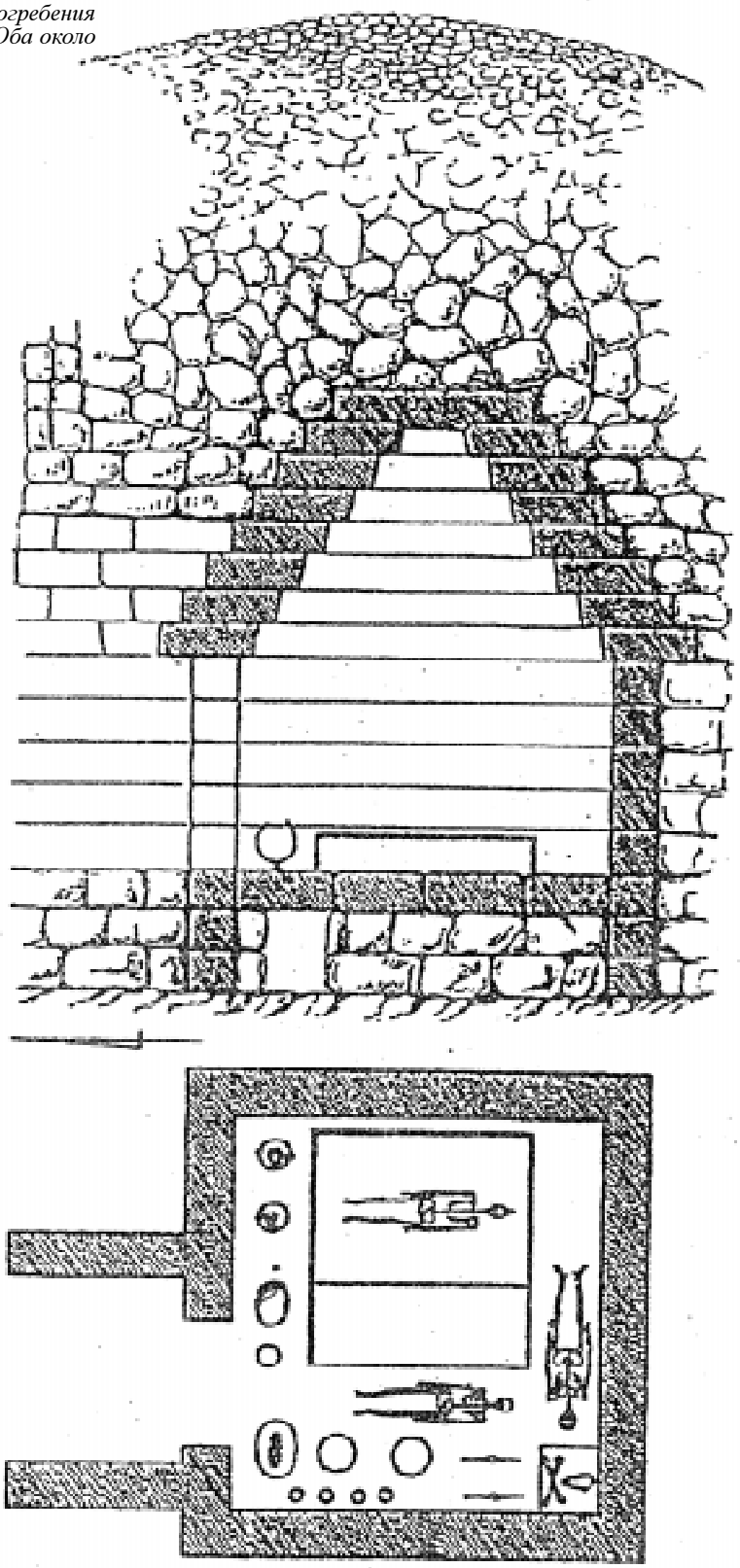
Несколько скромнее выглядят скифские захоронения в районах города Белогорска и Керчи: Ак-Кайский могильник у села Вишенное, курганы Юз-Обы («сто холмов»), Золотой курган, Павловский курган, Острый курган и другие. Об одном



Дромос кургана Куль-Оба около Керчи

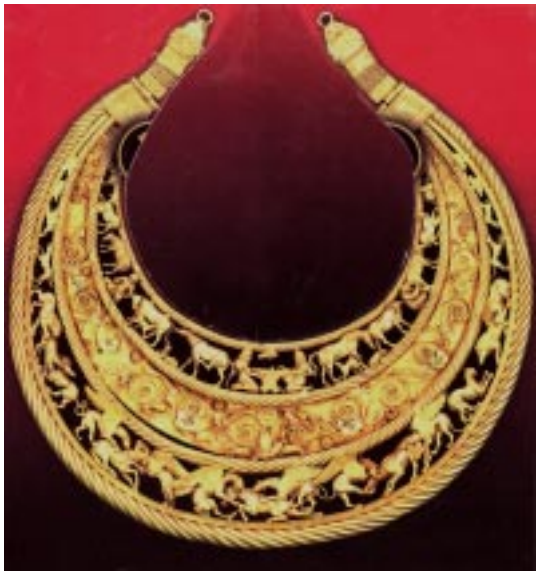
из них пишет известный советский историк и археолог Герман Алексеевич Федоров -Давыдов (1931 г. р.): «Сенсацией было открытие рядом с городом Пантикапеем (около современной Керчи) гробницы скифского царя в Куль-Обе. Огромный холм, покрытый каменными глыбами, долго служил местом для добывания камня. В 1830 г. Дюбрюкс, который наблюдал за проводившимися работами, предположил, что это не естественный холм, а гробница. Он не ошибся. Вскоре открылся массив каменной кладки и узкий проход в склеп, а в конце его таинственная дверь, заложенная камнем. С замиранием сердца разбирали исследователи кладку, и наконец перед их взорами предстала камера склепа... И когда приступили к их расчистке, одна за другой стали появляться на свет вещи изумительной красоты. Расчистили главное мужское погребение — здесь лежал знатный воин, вероятно скифский царь, почти двухметрового роста: на голове войлочная шапка, покрытая золотыми бляшками, на шее массивная золотая гривна, на ее концах великолепные фигурки скифов верхом на конях, на ногах и руках тонкой работы браслеты, на всей одежде золотые бляшки. Рядом оружие: меч, лук и стрелы. На луке золотые пластины от налучья, так называемого горита, на них вытеснены сцены борьбы зверей и фантастические животные. Тут же кожаная нагайка, оплетенная золотой лентой. Даже точильный камень был вставлен в золотую оправу. Рядом находился золотой сосуд весом 698 г., украшенный изображениями бородатого скифа и маски медузы. Любому археологу одного такого погребения хватило бы на всю жизнь. Но в Куль-Обе было еще два, рядом с воином-царем лежала женщина в гробу из кипарисового

План и разрез погребения в кургане Куль-Оба около Керчи



дерева. От него сохранились костяные накладки с тонкой и изящной гравировкой со следами раскраски. На женщине платье, расшитое множеством золотых блях. На голове электровая диадема. Тут же упоминавшиеся серьги с головой Афины. На шее женщины гривна из золота. На руках широкие золотые браслеты. Рядом зеркало с золотой ручкой. На нем изображены звери. В ногах погребенной стоял электровый сосуд — знаменитая Куль-обская ваза...» [7, с.78-79].

На ранних стадиях главными магическими вещами, заменяющими божество, для скифов был меч, копье, конь. В V-IV вв. до н.э., когда скифские оседлые племена стали ассимилироваться с местным населением, в том числе — с таврами и греческими колонизаторами крымского полуострова, у скифов стали появляться



Пектораль из Толстой могилы, IV в. до н.э.

Антропоморфные стелы из кургана Колоски и кургана Кермен-Кыр, V-IV в. до н.э.

мифологические персонажи наподобие античной Греции, только названные на свой лад. Так, например, бога Зевса они называли Папаем — прародителем Скифов; Гестию — Табити (богиня Огня и вершительница всех судеб), Гею — Апи (управляющая земной и водной стихиями), Аполлона — Гойтосира (Солнечный воин и Великий лучник), Посейдона — Фагимасада (бога Войны) и так далее.

Погребальный обряд скифов отличался особой жестокостью. Так, к примеру, при раскопках Неаполя Скифского под современным городом Симферополем, в одном из углов здания было обнаружено захоронение младенца в керамическом сосуде. Это захоронение свидетельствует о древнем ритуальном обряде, когда убийство младенца считалось обычным явлением для жертвоприношений. Младенец выступал в роли хранителя домашнего очага. Впоследствии этот культ будет развит Древними Римлянами, колонизировавшими Крым: до захоронений в жилом здании особо почитаемых старцев, которые выступали у них в роли культа предков. Такие захоронения, например, находятся на территории древнего Херсонеса и датируются I-III вв. н.э.

Однако вернемся к скифам.

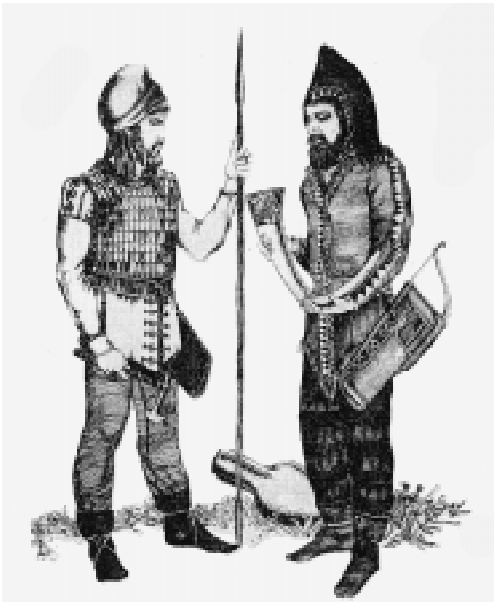
Известная исследовательница Неаполя Скифского — Т.Н. Высотская по этому поводу писала: «В некрополе Неаполя мы находим семейные усыпальницы-склепы. И мавзолей, и склепы, и грунтовые могилы Неаполя свидетельствуют о различных погребальных обрядах у скифов в поздний период.

Культ мертвых у древних народов неотделим от страха перед умершими. Отсюда стремление изолировать себя от погребенных: забить дромос и могилу камнями — у скифов, связать покойникам ноги, перекрещенные в голенях, и руки, перекрещенные в кистях, - у сарматов. Последний обычай был принесен сарматами в Северное Причерноморье и воспринят местным населением» [8, с.170].

Ни на курганах, ни на грунтовых могилах, скифы не ставили изваяний (за исключением захоронений V-III вв. до н.э. в западном Крыму). И лишь в эпизодических случаях мы находим пирамидальную горку насыпных камней или курган, окруженный вертикально поставленными камнями (кромлехами) с неглубоким рвом, кольцом окружающим захоронение.

Исследователи пишут: «При сооружении курганных комплексов в западном Крыму весьма распространенным обычаем была установка на вершине насыпи каменного антропоморфного изваяния. Их здесь найдено не менее 20 — подавляющее большинство известных в Крыму изваяний V-IV в. до н.э. Антропоморфны воспроизводят стоящую мужскую фигуру, одна рука которой опущена, а вторая прижата к груди или животу. В ней иногда помещен ритон — сосуд из бычьего рога, который считался у скифов ритуальным предметом, возможно, символом богатства, знатности, плодородия. Кроме него, на изваяниях нередко воспроизводилась одежда (кафтан, пояс), оружие (меч, лук в горите)...Изваяния скорее всего воплощали образ героизированного предка-родоначальника, который отожествлялся с изображением конкретного умершего человека...Антропоморфны демонстрируют различный уровень мастерства их ваятелей. Большая их часть изготовлена, несомненно, скифами. Некоторые же экземпляры выполнены столь «профессионально», что не оставляют сомнения в принадлежности их резцу греческого мастера» [9, с.54].

Подводя итоги можем сказать: скифские захоронения, как правило, делятся на два подвида — курганного типа с дромосами внутри (центрального и восточного Крыма) и ямно-коробочного типа с небольшим насыпным курганом и каменной стелой оленного характера (в горной и западной части Крыма), - то есть — изображения воина с родовыми атрибутами и профессионально-опознавательными знаками-символами. Есть, правда, еще один тип, к которому относится, например, позднескифское захоронение, обнаруженное в 1996 году Альминской экспедицией под руководством А.Е. Пуздровского недалеко от села Кочкар-Эли (с 1948 года — село Брянское) у правого берега балки Сакав и долины реки Альмы. Здесь был обнаружен ряд захоронений, датируемых концом I — началом III вв. Помимо грунтовых захоронений здесь располагался скальный вырубной склеп с дромосом в 2,6 м. длиной. Сама камера имела достаточно большие размеры (5,2 х 3,5 м.). И не смотря на то, что склеп был разграблен, здесь были обнаружены остатки пяти человеческих останков, предметов быта и ювелирных изделий. Это данное захоронение свидетельствует не только о близком расположении скифских племенных и родовых организаций к херсонесским владениям, но и о существовании погребального обряда, по своей схеме близкого к захоронениям Неаполя Скифского, что у современного города Симферополя.



Скифы: реконструкция по материалам Талаевского кургана

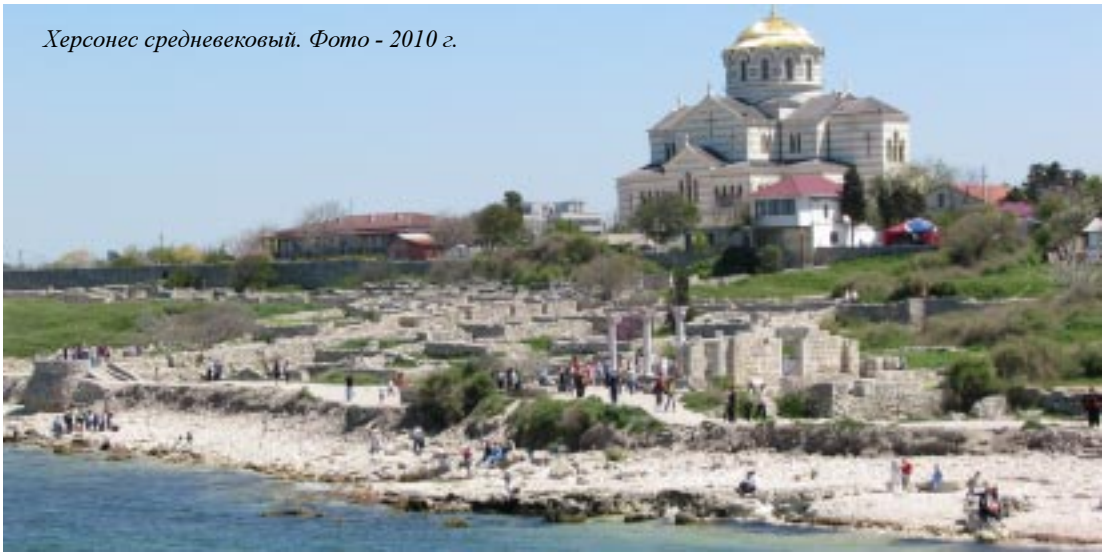
Началом великого разорения Херсонеса можно считать эпоху колонизации Крыма русскими войсками 1783 года.

Мы не беремся давать оценку политическим и стратегическим действиям Императрицы Екатерины II, тайным эдиктом к князю Потемкину присоединившей Крымский полуостров к России. Вопрос наш в другом: если верить утверждениям крымского судьи и Сенатора Павла Сумарокова, посетившего Севастополь и Херсонес в 1799 году, то есть — через шестнадцать лет после основания города-крепости, то «Севастополь всем одолжен до последнего камушка древнему Херсонесу... В Херсонесе Ахтиар ископал все свои украшения» (Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. - М.,1800).

Это же утверждение мы находим у географа и путешественника Петра Симона Палласа (1741-1811), описывающего Крымские древности в 90-х годах XVIII столетия.

Правда, еще задолго до колонизации Крыма русскими войсками, Херсонес, как «город, лежащий во прахе» описывал польский дипломат Мартин Броневский, прибывший с дипломатической миссией к крымскому хану Мехмеду II Гераю в 1578 году. Он же указывает и первых виновников разрушения — турков, которые «...прекрасные колонны из мрамора и серпентинита... перевозили через море для их собственных домов и публичных зданий. От того город пришел в еще большее разрушение». Сегодня Херсонес — это обширная и относительно опрятная территория у самой кромки Черного моря. Но, к сожалению, от былой славы и красоты почти ничего не осталось. Музейные сотрудники как могут пытаются сохранить все то немногое, что выкапывается из земли в процессе археологических раскопок. А когда-то это был великолепный процветающий город, построенный гераклейскими греками в V-IV веках до нашей эры.

В заключении приведем еще одну цитату, явно относящуюся к нашему исследованию. Речь идет о газетной статье, написанной в 1897 году впоследствии известным пролетарским писателем Максимом Горьким: «Археологическим изысканиям и раскопкам доступна только 1/5 часть Херсонеса, и в данное время ее энергично эксплуатирует заведующий раскопками г. Косцюшко-Валюжинич, наполнивший выкопанными из-под наслоений двадцати веков вещами — целый музей, помещаю-



Херсонес средневековый. Фото - 2010 г.

щийся тут же, на берегу бухты на земле Херсонеса в плохоньком сарайчике. Более ценные добычи науки отправляются в Эрмитаж; монастырь также имеет в своем распоряжении целый чулан, беспорядочно набитый вещами, добытыми из земли во время рытья фундаментов для монастырских построек и храма св. Владимира. За шесть с половиной лет изысканий на почве Херсонеса сделана масса очень ценных приобретений для исторической и археологической наук, и это несмотря на тот факт, что почтенные обыватели Севастополя, безо всякого зазрения совести, в продолжение многих лет безнаказанно грабили могильники, и таскали мрамор с развалин города для своих построек. И до сего времени случается, что в зданиях Севастополя открывают осколки Херсонеса...» («Нижегородский листок», 1897. - □□ 60,67).

Присяга херсонеситов.

Херсонес, по утверждениям ряда ученых, основан в V в. до н.э. греками-дорийцами из города Гераклея Понтийского и о-ва Делос. Основная масса жителей происходила из Гераклеи, крупнейшего греческого города южного побережья Черного моря

Гераклейские греки прибыли сюда (в Крым) в момент, когда здесь уже вовсю хозяйничали тавры. Они были горцами и занимали горные районы полуострова от Балаклавы до Феодосии. Нужно отметить, что античные писатели от отца истории Геродота до поздних римских авторов единодушно подчеркивают дурной нрав этого древнего народа, характеризуя его как народ разбойников и пиратов. Скифы также, начиная с III в. до н.э. проявляли агрессивность против херсонеситов (они были кочевниками-скотоводами и занимали степные просторы Крымского п-ова), что приводило в итоге к затяжным, то ослабевающим, то разгорающимся с новой силой военным конфликтам. Известно, например, что во II веке до н.э. херсонеситы даже вынуждены были обратиться за военной помощью к царю Понта — Митридату VI Евпатору, а в I веке до н.э. в Крым прибыли римские легионеры, которые разгромили не только честолюбивого Митридата, но и скифских завоевателей...

Так или иначе, но жизнь во враждебном лагере подвигала херсонеситов к созданию мощных крепостных стен со сторожевыми башнями и постоянным военным гарнизоном. Постепенно жизнь налаживалась, стали воздвигаться дворцы знати, появился свой театр, монетный двор, термы, храмы богам и прочее. Херсонеситы подчинялись строгой иерархической системе, которая регламентировала жизнь каждого члена общества, о чем, собственно, мы узнаем из знаменитой «Присяги херсонеситов», вырезанной на каменной плите и установленной в центре агоры. «Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девою, Богами и богинями олимпийскими и героями, которые владеют городом и землей и укреплениями херсонеситов...», - так начиналась присяга граждан Херсонеса.

К сказанному, добавим: полутораметровая мраморная плита была найдена при археологических раскопках в конце XIX века и, видимо, являлась свидетельством драматического периода в истории (полиса) города-государства, а ее пятьдесят семь строк текста напоминают о том, что херсонеситы пришли сюда надолго и не намерены отдавать свою землю кому бы то ни было...

Культура греков с их мифологизированными богами хорошо описана в монографиях и учебных пособиях многих авторов, в том числе — в Украине и в России. Мы не будем касаться здесь анализа истории или исследований мифологии, архитектуры и изобразительных видов искусства. Наша задача — увидеть через историю и памятники культуры главные принципы построения погребального обряда в его культовых символических знаках, которые несомненно сегодня являются произведениями эпиграфического и антропоморфного искусства.

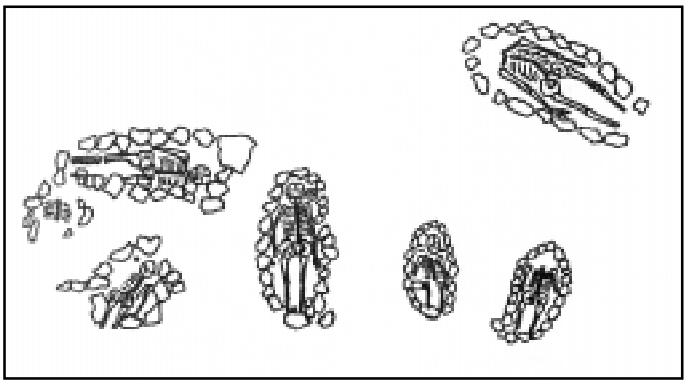
Итак, что же представлял для херсонесских греков погребальный обряд и как он отразился на обрядах и надгробных памятниках?

На сегодняшний день мы имеем несколько участков, на которых сохранились погребальные сооружения древних херсонеситов. Это отроги Карантинной балки вблизи Карантинной бухты (район улиц Древней, Шостока и Дм. Ульянова) и участки, прилегающие к западным и южным оборонительным стенам Херсонеса.

Начнем наш рассказ с древнейшего его периода.

Любопытными памятниками мемориальной культуры наиболее ранней стадии существования Херсонеса являются овально-удлиненные захоронения, относящиеся к V — середине IV столетиям до н.э. Они были обнаружены в 1964-1970 годах в процессе раскопок на территории античного театра Херсонеса и представляли собой захоронения детей и людей юношеского возраста, лежащих на спине в остроносых могилах-кораблях овальной формы, обложенных грубыми не обработанными камнями. В руках они держали монеты, вероятное предназначение которых — плата Харону за перевозку их в царство мертвых. Рядом — терракотовые фигурки плакальщиц. Захоронения сопровождались надгробными стелами весьма специфичной и нигде больше не встречающейся формы: плитами-завершиями в виде высокой островерхой шапки разных форм, вероятно символизирующих отличие мужского надгробия от женского.

Что же касается загородной балки Карантинной бухты, то здесь сохранились каменные склепы, в большей части вырубленные в материковой скале. На сегодня все они имеют вид разграбленных без каких-либо следов погребального обряда. Правда, в античных залах музея херсонесского заповедника и его фондах сохраняются надгробные плиты, снятые как с самих захоронений, так и найденных при археологических раскопках. Другие были обнаружены при реставрации и консервации крепостных стен Херсонеса, когда жители города в целях укрепления оборо-



Захоронения на территории античного театра Херсонеса.

нительных башен (например, - башни Зенона) и стен вынуждены были пустить на их облицовку надгробные стелы. Именно по ним мы частично можем свидетельствовать как о погребальном обряде, так и о традициях древних херсонеситов.

Любопытным фактом из истории некрополя, расположенного в Карантинной балке, может служить наличие на его территории небольшого крестообразного храма, обозначенного исследователями херсонесского заповедника как храм во имя Божьей Матери Влахернской. Интерес к нему связан (согласно преданию) с именем римского Папы Мартина I, похороненного в его стенах в 655 году и других его соратников — пострадавших за веру Христову: монахов Евперия и Феодора, а также великолепной мозаикой с первородными христианскими символами, когда-то покрывавшего стены и пол этого храма. Даже сегодня, спустя полутора тысяч лет, поражает размах этого некрополя, где все вокруг изрыто десятками и сотнями каменных склепов, в глубину которых ведут вырубленные в скале каменные лестницы, когда-то перекрытые плотно подогнанными каменными плитами. Некрополь в Карантинной балке был первоначально раскопан Карлом Костюшко-Валюжиничем (1847-1907) в конце XIX века, который обнаружил здесь многочисленные светильники (символы божественного света в загробном мире), глиняную посуду, ювелирные украшения и нательные кресты. Некоторые из склепов были украшены символами христианства — виноградной лозой, голубя или монограммой Христа. Надгробные плиты, как правило, были оформлены в виде православного креста или изоморфной стелы.

Следует заметить, что уже на начальном этапе формирования полиса херсонеситы достаточно свободно относились к верованиям местного населения и даже сами со временем стали использовать местный политеизм с его добрым и соседским уживанием большого количества божеств. Примером подобного отношения могут стать храмы и статуи, поставленные ими в честь греко-таврской Богини Девы на Маячном мысе, мысе Фиолент и даже на собственной территории Херсонеса.

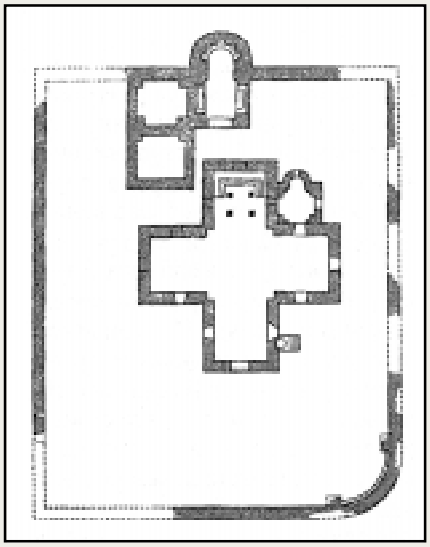
К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношения

Так писал русский поэт А.С. Пушкин, посетивший мыс Фиолент в 1820 году.

Мысль, высказанную здесь относительно политеизма местного населения, можно подтвердить мнением других ученых, которые отмечали: «Религия греков не знала каких-либо твердо установленных догматов. Государство редко вмешивалось в религиозную жизнь населения, не ограничивая греков в выборе объектов религиозного поклонения» [10, с. 81].

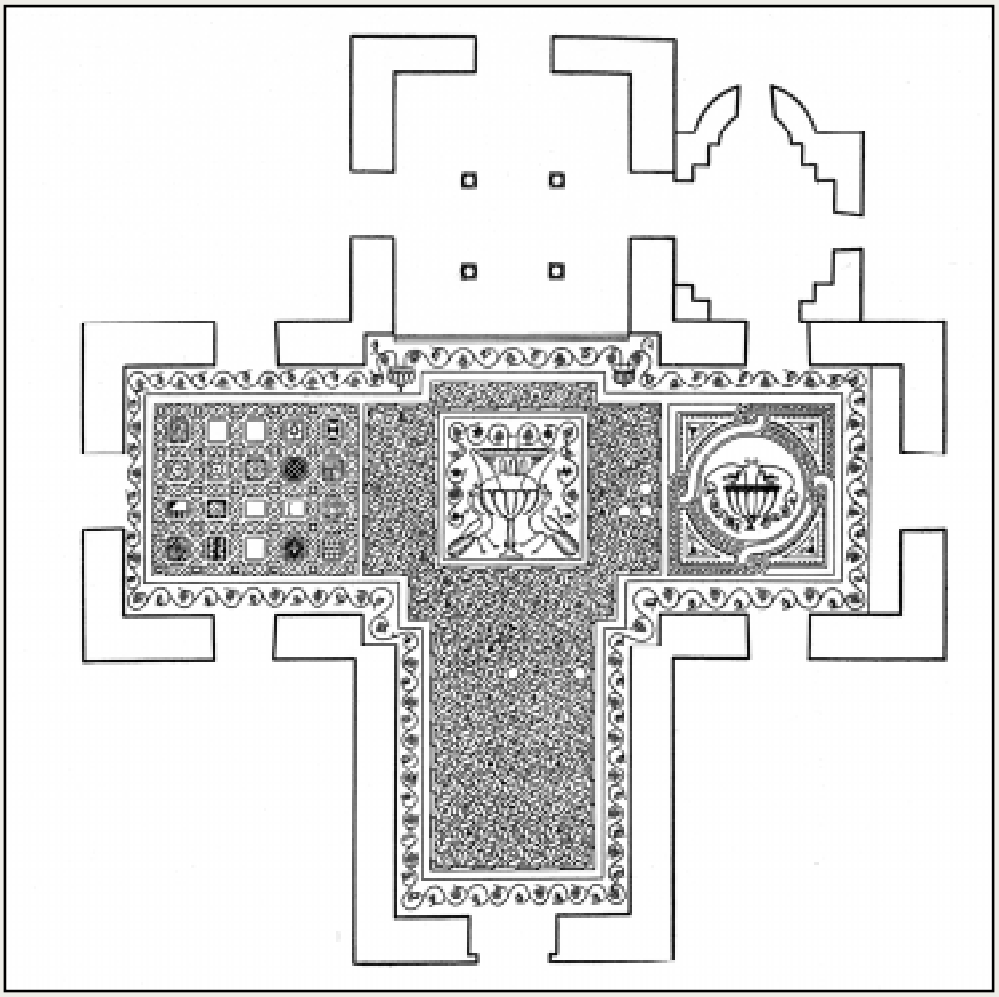
Мы уже говорили, что у Древних Греков издревле существовал культ мертвых, к которому они относились достаточно серьезно, с соблюдением точных, веками отработанных ритуалов погребального обряда. Однако, если таврское население или степные кочевые скифы в ритуальном действии принимали коллективное участие, то у греков похоронный обряд носил индивидуальный (семейный) характер. И хоронили они своих родственников зачастую мало заботясь о телоположении по сторонам света. Вот почему некрополи Херсонеса (в том числе и в Карантинной балке) имеют достаточно хаотичную разбросанность похоронных ям и семейных склепов.

И еще одно замечание: херсонеситы использовали два вида захоронений: трупоположение и трупосожжение. Последний обряд использовался гораздо реже, наиболее часто кремировали умерших в первые два столетия нашей эры.



План храма Божьей Матери Влахернской около Херсонеса, VI в.

Фрагмен мозаичной росписи храма Божьей Матери Влахернской около Херсонеса, VI в.



Некрополь храма Божьей Матери Влахернской около Херсонеса, VI в. Фото - 2010 г.

Развалины храма Божьей Матери Влахернской около Херсонеса, VI в. Фото - 2010 г.

Некрополь храма Божьей Матери Влахернской около Херсонеса, VI в. Фото - 2010 г.

При трупоположении в захоронениях часто можно было видеть наличие бытовых вещей, которые могли быть востребованными в загробном мире. На вырубленную в скале яму в качестве указательного знака памятника накладывалась плотно подогнанная каменная плита и в специально прорубленные пазы устанавливалась надгробная стела с изображением символов профессиональной деятельности умершего. В иных случаях встречались эпитафии, написанные родственниками или местными поэтами-философами, о которых мы еще будем говорить.

Любопытным, на мой взгляд, является ритуал захоронения умерших младенцев в керамическом сосуде — амфоре, что свидетельствует о живучести языческих верований местного населения, когда младенец воспринимался как росток новой родовой ветви, символ благосостояния и плодородия. Такие захоронения, как известно, были найдены в северной части некрополя Херсонеса и относятся они к V — IV вв. до н.э.

Что же касается остальных многочисленных надгробных стел, хранящихся в фондах музея-заповедника, то следует напомнить читателю любопытный факт из истории раскопок: в 1910 году историк и археолог Роберт Христианович Лепер (1864-1918) произвел свои не первые, но сенсационные открытия, обнаружив при расчистке «башни Зенона» надгробные плиты, которые были применены в качестве облицовки. Эти открытия продолжил в 1960 году археолог С.Ф. Стржелецкий, который научно доказал время строительно-оборонных работ, относя их к первой половине III века до н.э. «Именно в это время, - пишет В.Н. Даниленко, - херсонеситы разрушили часть своего кладбища и использовали надгробные памятники как строительный материал для возведения оборонительных сооружений», защищаясь от набегов воинственных скифов.

... В конце 40-х годов до н.э., после гибели царя царей Фарнака, - сына Митридата Евпатора, - определяющее политическое влияние в регионе переходит к Риму. А со II-III вв. н.э. римские солдаты располагаются в Крыму стационарно и надолго.

Период римского владычества в Крыму окутан многими тайнами и нераскрытыми страницами истории. Считается, что прямых памятников материальной культуры, свидетельствующих о римском влиянии в Херсонесе практически нет. Однако это достаточно поверхностный взгляд. На самом деле известны многие памятники материальной культуры, среди которых, например, оборонительные укрепления, созданные легионерами в юго-восточной части городища, что недалеко от центральных ворот. Музейными сотрудниками херсонесского заповедника предполагается и наличие здесь ремесленного квартала, храмов, мемориев, дворцовых построек для чиновников и высшей знати и др. В то же время подчеркивается, что в Херсонесе вероятно находился лишь небольшой гарнизон, в то время, как все южнобережье от Балаклавы до мыса Ай-Тодор было перекрыто римскими войсками. Отмечается и другое: римское присутствие на протяжении II-III веков по Рождеству Христову здесь будет только нарастать. Об этом, например, свидетельствуют римские надгробные стелы, найденные как на территории Херсонеса, так и на месте других захоронений: у Михайловского равелина Северной стороны, в долине реки Альмы и других местах.

Что же касается погребальных захоронений в ремесленном квартале Херсонеса, то следует обратить особое внимание на его портовый район, где в 1963-1965 годах наряду с жилами кварталами был раскопан небольшой храм (10,6 х 3,8 м.), относящийся ко времени становления христианства. Его интерес к нашему исследованию подчеркивается наличием в полу храма и в его стенах захоронений как в склепах, так и в аркосолиях (лат. — arco-colium — захоронение в арке). Всего наличе-

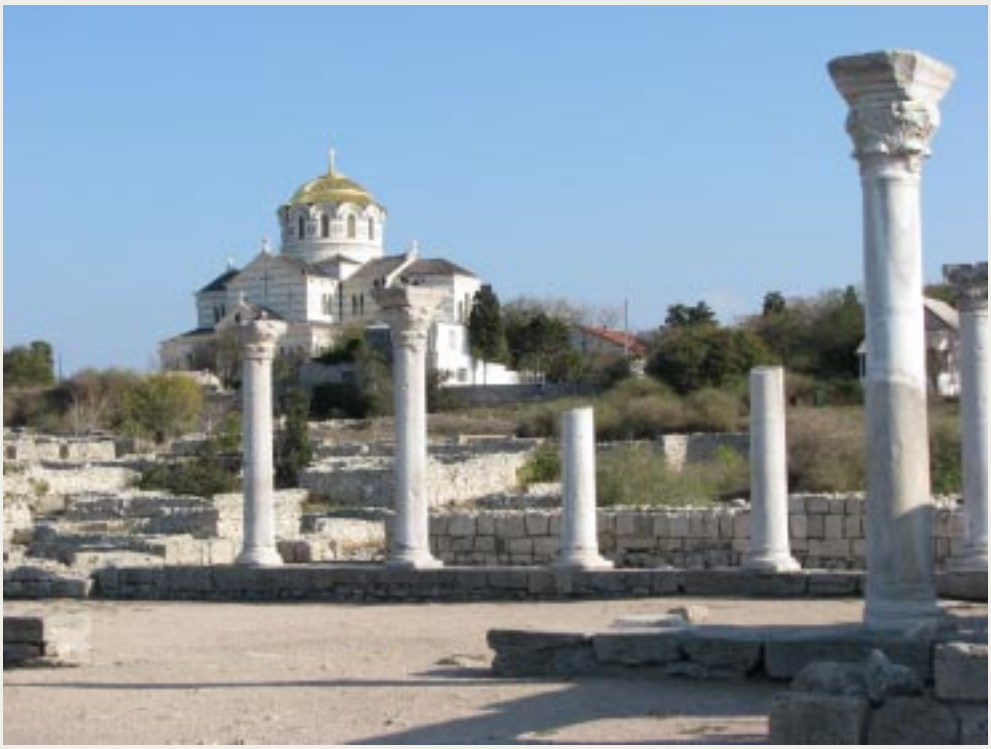
Римский квартал Херсонеса

Склепы в аркосолиях римского квартала в Херсонесе. Фото - 2009 г.

ствовалось здесь около девяти захоронений, а стены и пол его когда-то были покрыты росписями.

«Способ погребения, выбор и размещение вещей в могиле, - отмечает ряд ученых, - установка надгробной стелы зависели главным образом от имущественного положения и мировоззрения родственников умершего, традиций семьи, а не диктовались какими-либо строгими правилами религиозного ритуала, которых античный мир не знал. Этим в определенной степени объясняются различия погребального ритуала наблюдаемые не только в погребениях Херсонеса, но и античных некрополях античных государств Северного Причерноморья в целом. Те или иные черты ритуала захоронения, фиксирующиеся в погребальных комплексах, при корреляции с данными других категорий источников отражают сложные и не до конца последовательные представления, связанные с заупокойным культом и потусторонним миром. Они несут на себе печать не только социальных отношений, но и являются материальным выражением идеологии и религиозных представлений, которые не нашли отражения в иных категориях источников. Поэтому именно на основе материалов некрополя Херсонеса следует рассмотреть те изменения которые происходили в идеологии, и попытаться выявить основные тенденции в идеологической жизни населения позднеантичного Херсонеса накануне проникновения сюда христианства.

Одной из наиболее характерных черт некрополя Херсонеса первых веков н.э., в отличие от предшествующего эллинистического периода, является несомненное преобладание семейных усыпальниц над одиночными могилами. Такие усыпальницы рассматривались в качестве нового жилья умершего, а в их декоре ис-



Херсонес античный. Фото - 2009 г.

Крепостная стена Херсонеса
с пристенными склепами

пользовались те же мотивы, что и при украшении жилых помещений античных домов. В этом отношении показательно, что крышки некоторых мраморных саркофагов римской эпохи делались в виде черепичной кровли здания или храма.

На рубеже и в первых веках новой эры в античных некрополях Северного Причерноморья, и в Херсонесе в частности, получают значительное распространение склепы. Это погребальные сооружения, вырубленные в скале, чаще всего подпрямоугольные в плане, с нишами-лежанками в стенах погребальной камеры» [11, с.158-159].

Процитированное нами вышеизложенное еще раз подчеркивает, что последние десятилетия до нашей эры и первые десятилетия нашей эры шли под знаком сосуществования как чисто греческих, так и таврских божеств, и римских.

Однако к III-IV веку в Херсонесе стали активно проявляться признаки христианского вероучения, повлекшие за собой и изменение надгробной символики: «Верующие желали обрести единого бога. На место старых греческих культов приходили новые, в которых значительную роль занимало обещание загробного блаженства...» [12, с.126].

«Теперь впервые ты живешь свое счастливое время, далекий от всякой земной доли; высоко на небе наслаждаешься ты, вместе с блаженными богами, амброзией и нектаром» - писал английский доктор богословия, архидьякон Фредерик Фаррар в своей книге: «Первые дни христианства» (2005).

Сегодня в музейных залах Херсонеса-заповедника выставлены десятки найденных при раскопках надгробные стелы как греко-скифского и таврского происхождения, так и римских и христианских надгробий. Некоторые из них несут в себе изобразительный принцип римского реалистического портрета, но с долей схематизации, так как наступал поздний эллинистический период с его ремесленностью и обобщенностью в трактовке фигур. Это был последний взлет римской провинциальной мемориальной культуры, в которой нередко соседствовали традиции местной и достаточно неразвитой изобразительной школы. Обычно это были известняковые плиты с рельефным или барельефным изображением полуфигуры человека, как правило, фронтального типа: очень большие широко раскрытые миндалевидные глаза, брови, веки, зрачки глаз вырезаны сухими линиями, поверхность лица слабо выражена и упрощена. На плитах греко-римского периода обычно помещались надписи-посвящения божествам или эпитафии на греческом или латинском языках. Приведем только некоторые из них:

- «О Гелиос, ты придешь и будешь охранять Демократа, имеющего многие заслуги и достоинства, от всяческого колдовства или дурного глаза» (мраморное надгробие, III в.);
- «Под этим памятником лежу я, Парфенокл, сын Проклиона, проживший три десятка лет, исполнив время. Прощайте прохожие и будьте здоровы» (мраморное надгробие, III в.);
- «Гай Велерий Валент, моряк Мезийского флота, либурна «Стрела», поставил алтарь Юпитеру Величайшему» (алтарь III в.).

В первой половине II — начале III веков власть в Риме перешла к так называемым - «солдатским императорам», при которых начались мощные политические брожения и первые признаки развала когда-то великой империи.

В мае 330 года римский император Константин I Великий (правил 306-337 гг.) принимает решение о переносе столицы своей империи в греческое местечко Византий. Никто тогда не мог предположить, что за этим неясным и спонтанным собы-

Склад-меморий Херсонеса. Почтовая открытка начала XX в.

Херсонес:
надписи и скульптуры классического века

Выставка надгробий в Херсонесе-заповеднике.
Фото - 2008 г.

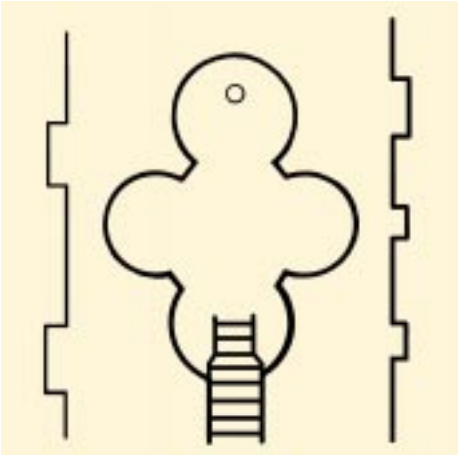
Надгробия римского времени
в античной экспозиции Херсонеса-заповедника. Фото - 2008 г.

тием вскоре последует окончательный раскол империи (в 395 году) на Восточную и Западную провинции. Огромная по территории Восточная провинция получит название Византия, а ее столица будет переименована в Константинополь (с 1453 года — турецкий портовый город Стамбул). Вот этой, новой и огромной по территории империи, преемственницы Великого Рима, и предстояло создать ту христианскую культуру, которой сегодня с успехом пользуется весь православный мир (на данном этапе изучения христианских памятников в Херсонесе можно предполагать, что христианская община возникла в Херсонесе еще во II-III вв., а окончательно утвердилась в IV в.).

Христианство прошло сложный и трагический путь своего становления и этот путь у всех православных народов был один и тот же: через катакомбовую культуру к символам христианства и сложения канонических форм Христа и святых. Это фрески в склепах IV в. с раннехристианской символикой (монограммы Христа, рыбы, картины райского сада), мозаики в базиликах и крестовокупольных храмах, которые имеют полное совпадение в аналогичных раннехристианских сооружениях в других местах христианского мира; это первый катакомбовый крестообразный храм на главной улице греческих кварталов агоры и др.

Кстати, о последнем.

Автору данного монографического исследования приходилось слышать от музейных сотрудников Херсонеса о, якобы, спорном отношении к катакомбовому и первом на херсонесской земле христианском храме, расположенном на Главной улице. Они считают невозможность причислить его к раннему периоду становления христианства в Херсонесе и относят данное сооружение к крестообразному захоронению или части наземного храма более позднего периода V-VI вв. Причем выс-



Расположение катакомбовой христианской церкви внутри скальной породы, которая сверху накрывалась каменой плитой.

Символы христианства на источнике храма античного театра Херсонеса. Фото - 2009 г.

казывается даже мысль об искусственном создании катакомбового храма из цистерны для засолки рыбы, каких много на территории городища. Однако, на мой взгляд такое предположение не выдерживает никакой критики, так как захоронение в самом полисе производилось в исключительных случаях. Сооружение над ним храма возможно, но тогда должны были остаться какие-либо искусственные следы его пребывания там, которых практически нет; не обнаружены по причине наличия над катакомбовым храмом дикой необработанной скалы без каких-либо следов фундамента или вырубки при построении храма.

Справедливо будет сказать и о другом: христианство в первые три столетия несомненно было в зародыше. «Существовала лишь маленькая община, по общему мнению, необразованных людей — рыбаков, мытарей, делателей палаток, которые не имели ничего... Все, что христианство могло противопоставить языческому миру, было лишь слово, свидетельство о Христе. Но это свидетельство проповедовалось с живой верой, с доказательством духа и силы» [13, с.141-142].

Положение начинает меняться, когда к христианству стали обращать свой взор правящие классы. Но на первом этапе смена власти в Риме и политическая нестабильность империи мало затронули социальное устройство жизни херсонеситов. Они по-прежнему занимались торговлей, экспортом соли и рыбы. Почти не изменился и похоронный обряд. Правда, начиная с IV-V веков в похоронном обряде начали преобладать не одиночные захоронения, а семейные склепы, часто украшенные фресками внутри (это достаточно смелое предположение автора, так как найдены пока единичные и плохо сохранившиеся фрески с монограммами Христа, орнаментов или эпитафий). Эти изменения можно объяснить двумя причинами:

- Окончательным формированием в данной местности глубоких родовых семейных отношений, который стали прослеживаться на протяжении нескольких поколений;

- Появлением в Херсоне богатых горожан, способных не только оплатить и содержать подобные погребальные мемориалы, но имеющих местное родовое знатное происхождение.

Изменилось другое: на смену семейного погребального (языческого) ритуала, где присутствуют только члены семьи или рода, вновь пришла традиция общественного присутствия с сопричастностью каждого члена христианской общины к похоронному обряду. Он объявляется некоей божественной мессией, - провода покойного в царство Христово, где душа умершего будет жить вечно в раю, в царстве красоты, покоя и божественного света.

Со временем изменяется и внешняя атрибутика символического отражения ритуального действа: место захоронения стало ограждаться с помощью опознавательных камней, устройством каменной скамьи и надгробной плиты, в которой традиции местные странно сочетались с христианской символикой. Правда, ученые, производящие раскопки христианских захоронений, в этом отношении делают еще достаточно осторожные предположения, опираясь только на раскопки в бухте Карантинной, где обнаружены каменные стелы с равноконечным крестом. Что ими достоверно устанавливается, так это наличие в склепах и могильниках отдельных бытовых предметов с символами Христа: светильники с равноконечным крестом, бляшки от одежды, расписная керамическая посуда с изображениями рыб и прочих символов.

Среди наиболее известных следует указать на два семейных склепа у западной оборонительной стенки некрополя Херсонеса, что недалеко от современного пляжа и бухты Песочной. Они были раскопаны в 1983 году учеными-археологами

Некрополь северо-западной стороны Херсонеса. Фото - 2010 г.

Некрополь северо-западной стороны Херсонеса. Фото - 2010 г.

Института археологии Академии наук УССР, которые обнаружили семейные захоронения эллинистической эпохи. Один из склепов состоял из покатого дромоса длиной около 2,5 метра, который вел в погребальную камеру с нишами-лежанками для погребенных, обнаруженных там же в вытянутом положении. Причем многие из них содержали дополнительные захоронения черепов. Наличие малого количества инвентаря свидетельствует о разграблении их еще в раннем средневековье.

Более любопытными являются христианские захоронения, найденные непосредственно в городе, у стен многочисленных базиликальных храмов. Это крестообразные погребальные ямы, где, вероятно, были захоронены приверженцы христианской веры, церковнослужители или великомученики за веру Христову. Однако, как они внешне были оформлены, установить нам вероятно никогда не удастся.

Особое слово следует сказать о мозаиках.

В начале нашего повествования мы говорили о том, что символами нарождающегося христианства были: виноградная лоза, рыба, голубь, райская птица, агнец, крест и «Добрый пастырь». Все эти символы мы в большом количестве находим в мозаичных обломах, найденных при раскопках Херсонеса, датируемых IV-VI веками. Их наличие в базиликальных и крестовокупольных храмах, а также домах богатых горожан, свидетельствует не только о развитии христианства, но подтверждает единство идеологического мира — мира живых и мира мертвых. Ярким образцом

Мозаики и рельефы Херсонеса. Фото - 2009 г.

мозаичного искусства является каменное узорочье пола храма Богоматери Влахернской в Карантинной бухте, о котором мы уже писали в начале нашего исследования мемориальной культуры Херсонеса. К сожалению автор тут вынужден вмешаться в научный спор с авторами монографии — С.Б. Сорочан, В.М. Зубарь. «Жизнь и гибель Херсонеса» (Харьков, 2001), где они пишут о явном влиянии Востока и Сирии на развитие христианской орнаментализации в фресковом и мозаичном искусстве Херсона (правда, надо отдать им должное эти ученые признают, что «безоговорочно на этом настаивать трудно». — С.195 указанного труда).

Если быть последовательными и до конца честными, то можно сказать, что на нашу культуру кто только не влиял, в том числе и Восток. Но в отношении христианской символики довольно проследить историю и пути ее развития на примере монографических исследований известных византиистов — Виктора Лазарева и Веры Лихачевой, которые четко и последовательно приводят научно-исследовательские и изобразительные примеры их формирования в эпоху позднего Рима и Византии, частью империй которых был и Херсонес. Бесспорным остается другое: христианизация населения действительно проходила сложный и порой драматичный путь, который особенно усилился в период укрепления византийской власти при императоре Зеноне Исавре (ок. 435-491) и Юстиниане I Великом (483-565).

VII-IX века проходили под знаком политического и экономического упадка Херсона (так его именовали византийцы), как полиса и форпоста Византийской империи. Этому способствовали бесконечные набеги хазар, которые обескровили прилегающие территории, что привело к экономическому застою и прекращению торговли. Незадолго до своей смерти в сентябре 655 года римский папа Мартин I Исповедник, сосланный в Херсон, писал, например, о великом голоде, постигшем херсонеситов.

В начале VIII века начались политические и религиозные брожения в самой Византии, которые сопровождались быстрой сменой императоров, пытавшихся путем войн упрочить свою власть. В религиозном отношении это, прежде всего, обозначилось усилением борьбы с иконопочитанием и захватом монастырских земель. Особенно сложной стала ситуация с 730 года, когда пришедший к власти византийский император Лев III Исавр издал эдикт, согласно которому запрещалось писание икон, библейских сказаний, украшение храмов фресками и мозаиками с изображением Христа и святых, и прочее. Гонения на церковнослужителей приобрело систематически характер. Исследователи писали: «В 768 году патриарх Никита приказал уничтожить во всех церквах столицы изображения святых, выполненные в мозаике на стенах или на досках восковыми красками. На месте их появлялись орнаменты, цветы, растения, птицы» [14, с.90].

Правда в ритуальном отношении взамен Христа и святых стал формироваться процесс культа православного креста, который стал собой заменять и образ Христа, и символ всего христианства. И вот этот культ, как это ни странно, весьма быстро нашел своих идейных поклонников и вдохновителей, и достаточно быстро получил распространение в православных провинциях. Особенно ярко он отразился в культе похоронного обряда, когда вместо громоздкой и сложной по исполнению изобразительной системы надгробной изоморфной стелы появился крест, как символ покровительства Христа над плотью и духом умершего. Надо думать, что на распространение такого изобразительного принципа в значительной степени мог повлиять экономический спад и обнищание населения.

Таким образом начиная с IX века медленно, но неуклонно крест стал вытеснять надгробную стелу, и без которого сегодня немыслим погребальный обряд православной части населения Крыма и не только его... Правда, в XIX веке крест, как символ приверженцев православного христианства, стал заменяться высокохудожественным скульптурным надгробием, который в эпоху советского оголтелого атеизма XX века превратился в обелиск с красной звездой. Однако — это отдельная тема нашего разговора...

Одновременно с этим исследователь средневековья в Крыму Анатолий Леопольдович Якобсон (1906-1984) — доктор исторических наук и видный археолог из Санкт-Петербурга, считает, что уничтожение монастырей в Византии вызвало мощ-

нейшую волну миграции монашеской братии в соседствующие страны Италии, Малой Азии, Крыма. Появление первых христианских мучеников на территории Инкермана, Бакле и Мангупа он относит к VIII-IX векам, которые вероятно были приняты местным населением не очень-то гостеприимно. Паломники вынуждены были селиться на отвесных скалах и недоступных местах крымских гор, где со временем сформировались целые города (а их на территории Крыма более пятнадцати) с храмами и кельями для братии. Некоторые из них до сих пор несут в себе следы их пребывания, являясь памятниками христианской культуры мирового значения. Правда некоторые из ученых склонны относить возникновение пещерных храмов к более раннему времени. Однако это вопрос, на мой взгляд, достаточно спорный. В то же время, наряду с указанными факторами гонения на христиан, нам важно проследить историю формирования похоронного обряда «пещерных монахов». Примерами скальных захоронений могут сегодня служить гробницы одного из крупных городищ Крыма — Эски-Кермена (тюркск. — старая крепость), расположенного юго-западнее села Красный Мак, где мы находим захоронения как в самих пещерах и пещерных храмах, так и на внешней прилегающей гряде. Для этой цели использовались как естественные горные укрытия, так и могильные ямы, вырубленные в скале. К сожалению из-за их практической несохранности мы не можем говорить о надгробии, как знакового отражения мемориального памятника. Можно лишь предположить, что они были весьма скромны по своему исполнению.

Военно-политические события в Киевской Руси и ее взаимоотношения с византийской империей конца первого тысячелетия, где Херсон стал посредницей и заложницей имперских амбиций; события 1061 года и последовавшие за ними военные столкновения с половцами, - окончательно сломили волю Византии на притязания владения Таврикой. В 1169 году она подписала договор об отказе от крымских территорий сначала с генуэзцами, а в 1198 году — с венецианцами, что поставило Херсонес на край выживания. Начался долгий и трагичный путь постепенного угасания великого античного полиса под названием — Херсонес Таврический...

Тепе-Кермен - один из пещерных городов Крыма. Фото - 2009 г.

История появления в Северном Причерноморье половецких орд весьма слабо затрагивает наше исследование по некрополям Севастополя и его окрестностей. Однако, на наш взгляд картина формирования погребального обряда будет не полной без освещения курганных захоронений Половцев с их культом отображения Матери-Рода, в науке прозванными «каменными бабами». Как нам кажется, именно половецкие «каменные бабы» (наряду с римскими изваяниями) положили начало формирования скульптурного мемориального комплекса, широко развитого во всем славянском мире, в том числе — Крыму...

Считается, что далекими предками половецких орд, появившихся в северных и северо-восточных степях Крыма в середине XI столетия, были дикие кочевые племена жестоких воинов-кыпчаков, прибывших из Заволжья и Средней Азии. Первоначально они колонизировали широкие просторы от Дуная и Днепра до всего Донца, Приазовья и Северного Причерноморья, где, собственно, искателями-историками обнаруживается максимальное количество «каменных баб», поставленных в святилищах или в виде отдельных степных мегалитов. Половцы появились внезапно и в достаточно короткое время растворились среди монголо-татарских завоевателей XIII-XIV веков. Тюркоязычные кочевники и скотоводы жили еще родовыми племенами со своим устоявшимся «государственным» устройством Дешт-и-Кыпчак (древнерус. - Поле половецкое) и погребальным обрядом. В начальной стадии они хоронили своих предков под насыпными курганами вместе с конем и боевыми доспехами. Над этими курганами возводились святилища (капища) с целым семейством каменных стел в виде мужских и женских фигур. Обязательным атрибутом было человеческое жертвоприношение.

Половецкие «Каменные бабы» Северного Причерноморья. Фото - 2006 г.

Впоследствии этот обряд превратился в степную мегалитическую культуру отдельно стоящих каменных статуй, о предназначении которых ученые до сих пор ломают голову. Вполне возможно, что со временем они переродились в жертвенные или священные статуи, покровительствующие той или иной родовой ветви, отколовшейся от основной массы, - то есть — своего рода магические божества Матери-Рода.

История формирования музейных коллекций «каменных баб» заслуживает отдельного рассказа, поэтому здесь мы обратим внимание нашего читателя на количественный состав:

- в музее-заповеднике «Аскания-Нова» их семнадцать;
- Донецкий краеведческий музей — семнадцать;
- Днепропетровский художественный музей — шестьдесят шесть;
- Ждановский художественный музей — тридцать четыре.

Имеются «каменные бабы» в музеях Одессы, Полтавы, Кременчуга и других городов Украины. Есть сведения, что «каменных баб» в степях Украины и Северном Причерноморье насчитывалось более двух тысяч. К сожалению жители окрестных мест не всегда правильно относились к их сохранности, что привело к катастрофическому их уничтожению на протяжении последних двух-трех столетий...

Наше исследование будет не полным, если мы не попытаемся проанализировать погребальную культуру и мемориальные памятники народов, отложивших огромный отпечаток на социальное и политическое устройство Крыма вплоть до сегодняшнего дня. Речь идет об этническом народе Крымских татар.

Крымские татары, в короткое время захватившие и заполонившие всю территорию среднестепного и горного Крыма, вплоть до деревушки Ак-Яр (с 1783 года — Севастополь), стали главными носителями и законодателями жизни полуострова, завоевавшие это право в жесткой и кровавой борьбе сначала с Золотой Ордой, затем — от турецкого ига.

История формирования монотеистической исламской культуры в Крыму начинается с первых попыток малоазийских сельджукских турок из Коньи в начале XIII века захватить Крым, для чего они высадились у кыпчакской Сугдеи (соврем. Судак), где разгромили объединенное многотысячное войско из половцев и русичей. Поводом для нападения, якобы, стали случаи притеснения, чинимые мусульманам (то есть — людям покорным Богу) в торговле. Здесь, в 1221-1222 годах внуки и наследники знаменитого правителя Сельджука ибн Дукака из племени Кынык попытались основать свою новую тюркоязычную колонию, устроив в Сугдее военные и гражданские законодательные органы: кадия (мусульманского судью), имама (духовного наставника), возвели ряд мечетей и медресе. Сугдею подчинили султанату Ала ад-Дин Кей-Кубаду I, который укрепив свою власть в восточном Крыму вскоре отозвал свое войско. Но в 1223 году восточный Крым подвергся еще более страшному и жестокому разорению со стороны тюркоязычных монголо-татарских завоевателей, пришедших с заволжских степей.

Нападение на Крым и постепенное формирование исламских народностей — это отдельная и порой трагичная история полуостровного многоэтничного народа. Здесь же только попытаемся обозначить главные вехи ее истории:

- в конце XII — начале XIII века из Центральной Азии в сторону Северного Китая, Средней Азии, Киргизии, Бурятии и Заволжья двинулась многотысячная армия кочевых и воинственных Монголов, сметая все на своем пути. Так начался

беспримерный по своей жестокости и невиданный по масштабности военный поход Великого войска монгольского, - завоевателя Темучина, за храбрость прозванного Чингисханом, который за короткое время в жестоких битвах завоевал огромные территории: от Северного Ирана до Восточной Европы, став первым каганом (хан ханов) и основателем Монгольской империи 1226 года. Его власть значительно укрепилась после великой победы в 1223 году, произошедшей на реке Калке (близ Азовского моря), когда были наголову разбиты объединенные войска половцев и русичей.

После смерти Великого хана в 1227 году дело его продолжили дети, соратники и внуки. Особенно удачливым ханом был Бату-хан, прозванный на Руси — Батыем, который, собственно, завершил поход на запад в 1242 году подчинив Золотой Орде все крупные русские поволжские княжества и Крым. Историки утверждают, что: «Взятые монголами города подверглись такому опустошению, что некоторые исчезли с лица земли, другие не могли оправиться и вернуть свое прежнее значение» [15, с.119].

Золотая Орда, как известно, была основана в 1243 году с первоначальной столицей в Сарай-Бату (город Батыя) на Волге. К этому времени вся огромная и мало управляемая империя уже была поделена на улусы: Средней Азией и Семиречьем управляли потомки Чагатая — второго сына Чингисхана; Туркмения, Иран и Закавказье перешли к наследникам Хулагу — внуку Чингисхана; западный регион от Иртыша до Крыма принадлежал наследникам Джучи — старшему сыну Чингисхана. Со временем все улусы начали распадаться на юрты (уделы), что в конечном итоге привело к распаду и междоусобной войне за владениями осколками империи, а это, в свою очередь, - к распаду Великой империи, который закончился в 70-х годах XIV столетия. В результате дробления образовались три основных ханских юртов: Астраханский, Казанский и Крымский.

Исследователи истории крымского полуострова отмечают несколько особенностей формирования в Крыму исламской культуры, которая образовывалась частично путем ассимиляции монголо-татарских и турецких народностей с местными этносами, что способствовало формированию не только антропологического формирования типа лица, но и традиций, языка и погребального обряда. «По диалектным различиям языка, - пишут они, - особенностям антропологического типа, материальной и духовной культуры крымских татар можно подразделить на три общепризнанных группы:

1. Крымские татары Южного берега Крыма «ялы бойло». Язык их относится к огузо-сельджуксой группе (Ялта, Судак, Балаклава). Антропологический тип европеоидный, отсутствие признаков монголоидности;

2. Крымскотатарское население между Первой и Второй грядами Крымских гор, средней полосы «орта елах» (Бахчисарай, Карасубазар), так называемые «таты». Язык относится к кыпчакско-половецкой группе, сильно огузирован. В 1928 году этот язык был принят общекрымскотатарским (литературным). Антропологический тип — европеоидный, монголоидность отсутствует;

3. Степные крымские татары — «ногаи» (самоназвание «мангыт»). Язык кыпчакской группы. Признаки монголоидности 10% (по Н.В.Теребинской-Шенгер). Занимались животноводством, виноградарством, виноделием, садоводством, огородничеством, выращиванием бахчевых культур, шелководством, табаководством, морским промыслом, коневодством, разведением верблюдов».

Так начиналась тюркизация и исламизация крымского народа. Особое место в формировании традиций, обрядов, этнического языка и литературы, погребального обряда и быта занимает история политической борьбы крымских ханов за свою независимость.

Кырк-Ор сегодня. Фото - 2009 г.

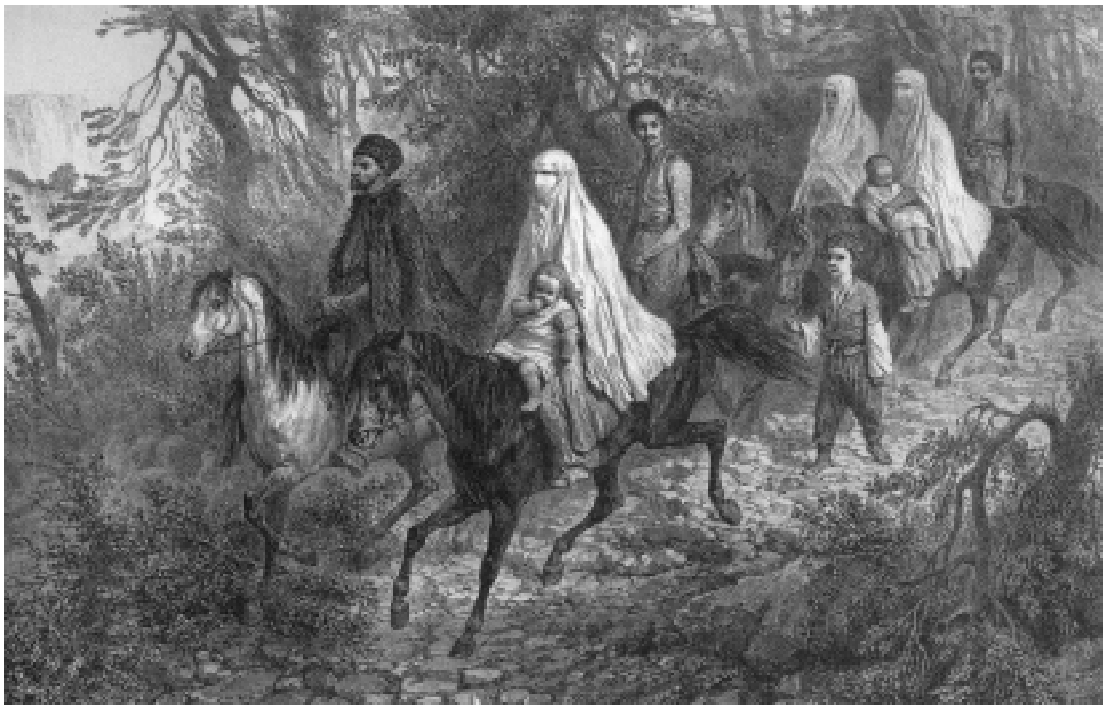
В середине XV века один из отколовшихся от Золотой Орды и наместничества в Солхате — столицы крымских татар, местный правитель Хаджи I Герай (ок.1397-1466) не без помощи местной татарской знати объявляет себя ханом и основывает новую столицу в алано-кыпчакской (с начала XIII века — татарской) деревушке Кырк-Ор (тюрк. — сорок укреплений, существовал до 1852 года), что в горной части недалеко от современного Бахчисарая.

После смерти Хаджи I Герая разгорелся ожесточенный спор за престол между братьями Нур-Девлетом (? — 1503), который в своей борьбе опирался на Турцию, и Менгли I Гераем (1445-1515), поддерживаемым местной знатью. Это борьба закончилась победой последнего в 1478 году. Вот, что пишет о нем один из авторитетных ученых, сотрудник Бахчисарайского музея-заповедника — Олекса Гайваронский: «В 1467 г. сделал малоудачную попытку воцариться и ушел в Каффу, где собрал вокруг себя крымских беев. С их помощью в 1469 г. сверг брата Нур-Девлета и занял трон.

В 1475 г. во время нападения османских войск на Каффу был низложен заговором знати. За сопротивление туркам арестован и отвезен в Стамбул, где провел в плену 3 года. В 1478 г. султан Мехмед II восстановил Менгли I Герая на крымском престоле с условием признания ханом турецкого верховенства. Этому способствовали и просьбы крымских беев, страдавших от безвластия в стране, и просивших султана вернуть Менгли I Герая в Крым.

До прихода в Крым османов Менгли I Герай был озабочен усилением турецкого влияния в Черноморье и угрозой для ханства перехода из ордынской зависимости в османскую. Яркой чертой политического курса того времени являлись прочные симпатии хана к крымским генуэзцам, которых он смог примирить с их давним противником — Готией.

Продолжал политику отца, направленную на выход из всякой зависимости от Золотой Орды. Вернувшись на престол в качестве турецкого вассала, отбил после-



О.Раффе. Путешествующая семья татар,1837.

Кырк-Ор. Остатки крепостных укреплений.
Фото - 2009 г.

Мавзолей Джанике-ханым в Кырк-Ор (Чуфут-Кале).
Фото - 2008 г.

дние ордынские атаки на Крым. В 1502 г. разгромил столицу Золотой Орды г. Сарай, что в исторической литературе считается финалом существования Золотой Орды, как государства. Интересы Менгли I Герая в борьбе с Ордой совпадали с интересами Московии, по инициативе которой двумя странами был заключен тесный союз. Это, в свою очередь, вызвало резкое ухудшение традиционно дружеских отношений Крыма с Польско-Литовским государством, которое в тот момент находилось в остром конфликте с Московией из-за территориальных притязаний последней.

Во внутренней политике проявил себя как выдающийся деятель государственного строительства. Очевидно, именно Менгли I Гераю принадлежит идея объявить род потомков Хаджи Герая новой династией, объединенной общим династическим именованием.

Менгли I Герай переселил в крымские степи значительное количество выходцев с Волги (бывших ордынских подданных) для поднятия экономической и военной мощи страны.

Построил новую ханскую резиденцию — Девлет-Сарай (Ашлама-Сарай), придав тем самым черты городского поселения Салачику, в котором располагался новый дворец. Помимо дворца, здесь был выстроен культово-образовательный комплекс с мечетью, дюрбе и учебным заведением Зынджирлы-медресе. Заслуженно считался одним из великих крымских правителей.

Умер в 1515 г. Похоронен в Салачикском дюрбе, которое возв□л над могилой отца в 1501 г.»...

Между тем Турция все чаще и чаще стала бросать свои взгляды на плодородные земли Крыма. В 1475 году турецкий флот высадился около Каффы (соврем. Феодосия). Так началась османская колонизация всего крымского полуострова, окончившаяся лишь в 1783 году победой России над Османской империей...

Вот, собственно, короткая история более 500-летнего политического правления и языкового влияния на местное население Крыма. Вместе с тем следует заметить, что этнические народности других языковых культур, со своими традициями и обрядами в этой жесткой борьбе сумели сохранить свою самобытность. Поэтому весьма проблематичным следует считать заявления крымских татар, объявляющих себя единым и законным этносом на владение Крымом. Другое дело, когда мы говорим о татарской самобытной культуре, одежде и традициях, отложивших свой отпечаток в том числе и на похоронный обряд.

И, конечно же, огромную роль в формировании крымскотатарского народа, как самостоятельного этноса, сыграл принятый при хане Узбеке (начало XIV в.) ислам. Нельзя не сказать и о развитии науки, образования, искусства. В Бахчисарае, Гезлеве (Евпатории), Керчи, Карасубазаре (Белогорске), Старом Крыму и других городах Крыма существовали высшие духовные училища, где изучался Коран, риторика, логика, философия и астрономия; возводились дворцы, мечети, мектебе, медресе, мавзолеи и другие здания, часть из которых сохранились до наших дней.

В то же время нельзя исключать из поля зрения другие регионы Крыма, где проживала основная масса простого оседлого крымскотатарского народа: от Балаклавы до Судака, от Карасубазара до Ялты; крымские татары компактно проживали на Керченском и Тарханкутском полуостровах, в районе Евпатории и на берегу залива Сиваш. Но это уже были «другие», оседлые, татары, хорошо описанные путешественником Евгением Марковым, побывавшим в 70-х годах XIX века в гостях у одного из зажиточных семей горных татар: «Мы побывали сначала в нескольких простых татарских хатах, у кузнеца, у мясника; хотелось побывать у зажиточного татарина. Осман, проводник наш, пригласил заехать к его приятелю Селямет-Бею; уже одно прибавление к имени титула бея указывает на некоторую привилегированность положения. Это не дворянин, не мурза, а что-то среднее: зажиточного поселянина со значением, с дворянскою роднею, называют обыкновенно беем; вероятно, и происхождение его дворянское, я не знаю наверное. Селямет-Бей встретил нас любезно: лошадей приняли, нас ввели в парадную комнату. Идея ее та же, как и всякой татарской хаты: возможность лежать в тени; комнатка низенькая, темная, но просторная; маленькие окна смотрят на галерею, нигде нет окон прямо на Божий свет. Весь пол в чистых разноцветных коврах, вдоль всех стен низенькие, сплошные, восточные диваны с подушками; они повыше наших подножных скамеечек. Круглый столик в углу той же высоты, просто доска на полу. Над диванами, кругом стен, такие же сплошные полки; тут же все богатство хозяев, вся их кладовая: ярко вычищенная оловянная посуда, платья хозяйки, опрятно сложенные. Сафьянные терлики, пояса тонкого серебряного филиграну, дорогие шапочки для головы, обложенные червонцами, словом, все, что есть в доме парадного.

Надо объяснить образцовою честностью татар этот оригинальный обычай раскладывать самые дорогие веши в приемной комнате, без замка, прямо на открытых полках. Хозяин, жирный татарин с лоснящимся красивым лицом, в мягких желтых мештах, которые он снял у порога, в куртке с позументами, смотрел барином. Он с полным достоинством усадил нас на диваны, усадил туда же друга своего Османа и начал с нами беседовать через его посредство. На низеньком столике поставлен свежий чернослив, на полу курильница с углем...» [16, с.194].

Мусульманская мечеть Джума-Джами в Евпатории. Фото - 2011 г.

Теперь скажем несколько слов об изоморфизме исламской культуры.

Советский ученый-религовед и этнограф Сергей Александрович Токарев (1899-1985) в свое время писал: «Мусульмане имеют с иудаистами ряд общий обычаев и запретов... строгое запрещение делать изображения бога, а также и вообще изображать живые существа, человека и животных, - чтобы не давать никакого повода к идолопоклонству» [17, с.515-516].

Мировоззренческая система ислама, как известно, имеет глубокие социальные и религиозные корни со стереотипом покорности Богу, предельного аскетизма и жесткого соблюдения религиозного догмата. Эти догмы заложены в самой структуре мусульманской веры, где нет места изобразительным элементам, напоминающим человеку о красоте бренного мира и его совершенстве. Все уже предопределено Богом и все находится во власти Бога. Следовательно, никто кроме Бога не может создавать нечто, что уже создал Бог, так как только ему принадлежит это право, ему решать судьбу каждой вещи и ее физической формы и эстетического совершенства. Человек не может даже воспроизводить того, что создал Бог, но может попытаться с помощью ритмов и узоров определить свое синкретическое единство с Богом. Отсюда — орнаментальность, как форма бесконечности Бога с глубоким декоративизмом, выросшим на поклонении и восторженности Всевышнем. Изобразительное искусство, архитектура, музыка — все подчинено служению и восхвалению воли Аллаха, так как нет иного Бога кроме Аллаха...

Историки пишут: «В обстановке политического экономического господства татар в период Крымского ханства и при том феодальном угнетении, которому подвергалось население полуострова, христианское по вероисповеданию, состоя-

Некрополь Бахчисарайского дворца-музея.

щее по преимуществу из греков и потомков алан, готов и частично армян, неизбежным было сильное этнокультурное воздействие на них со стороны татар. Так. К XVIII в. все население юго-западного Крыма, греки преимущественно, было полностью ассимилировано татарами, в его среде распространились татарский язык и обычаи татар, а христианство постепенно вытеснялось исламом» [18, с.181].

Ханский некрополь в Бахчисарае.
Фото - 2010 г.

Исходя из сказанного мы можем с долею уверенности говорить о повсеместном влиянии ислама в Крыму, существовавшем здесь на протяжении многих столетий. Главным его центром (помимо Солхата (совр. Старого Крыма) и Евпатории) оставался Бахчисарай, ставший резиденцией крымских ханов с 1532 года. По состоянию на 1884 год здесь уже располагалось три медресе и тридцать две мечети, а всего по Крыму было более 1550 мечетей...

Османское искусство — это особая страница крымско-татарской культуры, о которой в двух словах не расскажешь.

Исламский символизм имеет глубокие мировоззренческие корни, проходящие через национальные чувства единения, существующие между мусульманами и Богом. Аллегорическим языком путем символов-знаков он (мусульманин) говорит с Богом. Земная реальность воспринимается как иллюзия, лишь внешне похожая на истинный, божественный мир. Постичь его смертный человек может умозрительно или интеллектуально через цепь ассоциаций, вызванных чтением вслух Корана, произнесением молитв, начертанием и созерцанием священных надписей — аятов. Вот почему так обильно разукрашен коранический текст, так затейливы обороты поэтической речи, изыскана философская мысль, абстрактен и обобщен геометрический орнамент, самоценной выразительностью Божественного слова которого является каллиграфия.

По большому счету речь идет даже не о толковании исламизма, как монистического учения, а о понимании герменевтики, - искусства прочтения текстов, - в том

числе и с помощью изоморфной орнаментации библейских сказаний, архитектурных деталей или надгробных эпитафических стел. Недаром такой известный английский ученый-теолог, как Френсис Бэкон (1561-1626), опираясь на эмпирическое учение познания сотворенных Богом вещей, стремился очистить разум во имя совершенствования процесса познания. Его учение в полной мере подтверждается если рассматривать арабскую вязь или мусульманскую орнаментализацию, которая выступает посредником между духовной сущностью бытия и духовным прозрением, - познанием Бога. И, конечно же, данный постулат подтверждает отречение от идолопоклонства, ибо он является порождением синкретических заблуждений. Язык Бога — это язык проникновения, духовного прозрения и перевоплощения. И понять его можно только полностью отдав себя воли Аллаха.

Весь мир — поток
Метафор и символов узор

Эти слова персидско-таджикского поэта и философа Омара Хайяма весьма точно определяют философскую сущность арабо-мусульманской культуры. Исламисты (покорные Богу) на протяжении многих веков складывали эмпирическое направление, достаточно жестко выраженное в хадисах (араб. — изречение, известие). Недаром многие ученые сегодня выдвигают гипотезу о слиянии двух начал — арабской философии и мусульманского мистицизма, и превращения их в арабо-мусульманское изоморфное узорочье — нить бесконечности Бога с вплетенными в вязь аятов — кратких фраз и стихотворных строчек из Карана куфического письма (Аль хат аль Куфи: «Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед пророк Его»).

Аяты вырезались в самых неожиданных местах: на амулетах, порталах мечетей, оружии, надгробных плитах и так далее.

Следов пребывания татарско-мусульманского населения в Крыму сохраняется достаточно много: от татарских деревушек и сел, до мавзолеев, мусульманских кладбищ и мечетей. К сожалению насильственная депортация этнических народов на протяжении многих десятилетий, многочисленные войны и революции стерли с лица земли многочисленные памятники погребальной культуры. Особенно беден такими памятниками город Севастополь, где практически уничтоженные старые татарские кладбища имеют жалкий вид: памятники и надгробные стелы частично находятся в земле, другие разрушены, третьи пошли на строительство фундаментов строящихся домов...

Севастополь, как известно, возник в 1783 году на месте или рядом с татарской деревушкой Ак-Яр (тюрк. — Белый обрыв), о котором мало что известно. Русские военные, высадившиеся на побережье Ахтияровой бухты, окрестили эту местность как Ахтиар, куда вскоре вывели Азовскую и Днепровскую флотилии, основав, таким образом, будущий город-крепость Севастополь.

О самой татарской деревушке известно, что она насчитывала несколько дворов оседлых татар, которые занимались скотоводством и частично — рыболовством. Это было глубоко-патриархальное сообщество, жившее традициями и обрядами мусульманского народа. На территории хребта Беззакония (совр. Матросский бульвар) находилось татарское кладбище (мезарлык), о котором нам мало что известно.

Другим татарским селением была Каламита (соврем. Инкерман) со средневековой крепостью, мирно соседствующей с мужским христианским монастырем Святого Климента.

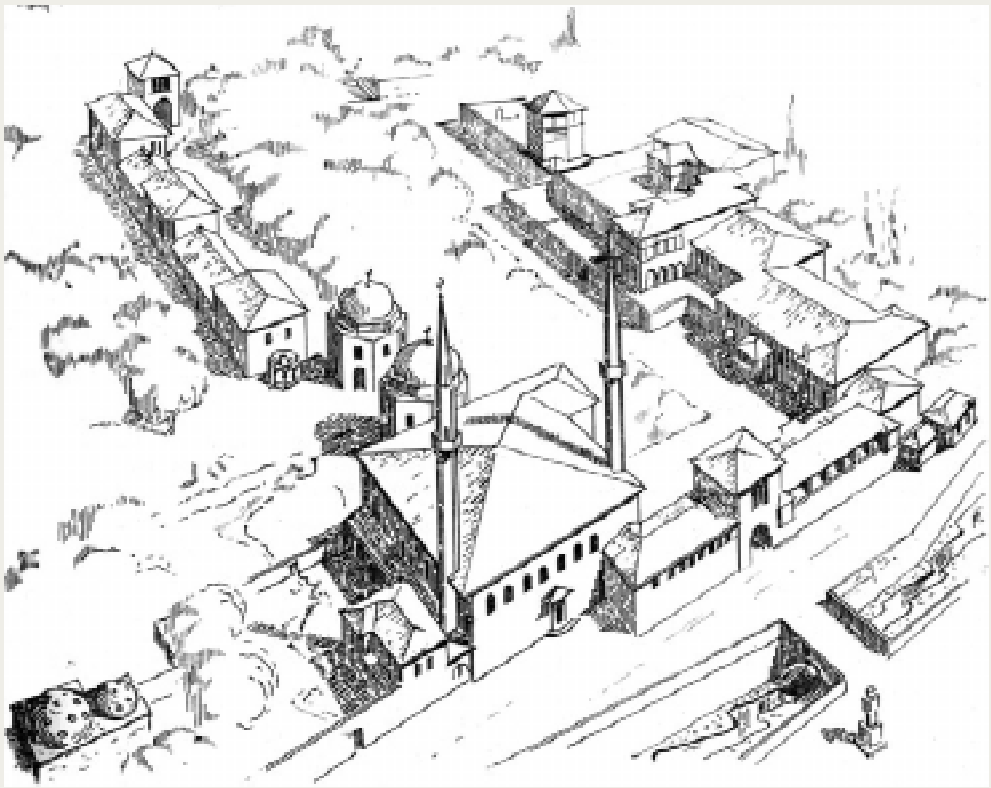
К.Боссоли. Бахчисарай, 1842.

С возрастанием роли и значения Севастополя татарские поселения стали формироваться по кольцу города-крепости, окружив его ремесленными и торговыми слободками. На современной улице Н.А. Пожарова в первой половине — середине XIX века появился новый некрополь с христианскими, караимско-еврейскими и татарскими захоронениями, о которых речь впереди.

Сакральная культура татарского народа — это отдельная страница исследования крымских некрополей. Их отличает особый изысканный стиль исполнения и особая духовно-культовая культура изографического начертания. Показателем высокого стиля татарских некрополей могут служить захоронения Бахчисарая, где глубочайшие традиции как похоронного обряда, так и уклада жизни сохраняется до сих пор. Дюрбе или мезарлык (тат. — мавзолеи, захоронения) Кырк-Ора, Салачика, Бахчисарая, Эски-Юрта до сих пор считаются шедеврами крымско-татарской культуры. Наиболее любопытные образцы искусства мемориальной мусульманской культуры можно видеть на территории бахчисарайского некрополя, где в тени садов и насаждений покоится прах девяти высокопоставленных ханов и придворной челяди (за его пределами находится еще девяносто восемь захоронений), о которых весьма своеобразно высказался русский поэт А.С. Пушкин, посетивший Бахчисарай в 1820 году и воспевший его в поэме «Бахчисарайский фонтан»:

Я видел ханское кладбище,
Владык последнее жилище,
Сии надгробные столбы,
Венчаны мраморною чалмою

Семантика, как наука о знаках, татарских захоронений, как мы уже знаем, имеет свои принципы символического отражения, на который влияет веками отработанный, похоронный обряд. Обозначим только некоторые его основные элемен-



Перспективный план Бахчисарая.

Бахчисарай. Ханский дворец

ты: умершего одевали в специальные одежды, укутывали в саван и мужская процессия относила тело покойного к месту захоронения. Умершего хоронили в сидячем положении таким образом, чтобы между пластами земли сохранялось свободное пространство с покойным внутри и небольшим количеством продуктов и инвенторя для загробной жизни. Надгробная плита состояла из специального каменного саркофага с двумя торцовыми плитами (их еще называют двурогими) или высокими стелами-кристаллами, одна из которых — с чалмой (мужская) или плоской женской шапочкой-феской (женская). На надгробной плите или стеле (текиль-таше) в обязательном порядке помещалась эпитафия, но не короткая, как у христиан или греков, а расширенная, в хвалебных эпитетах рассказывающая о жизни и достоинствах умершего. В других случаях помимо эпитафии наличествует наподобие родового герба (тамги), вплетенного в изоморфную вязь.

Любопытными сами по себе являются надгробные эпитафии ныне уже не существующего кладбища Кырк-Азизлер: «Сказал Пророк, мир над ним: верующие не умирают, но переходят из мира тленного, в мир вечный» (1316 г.); «Сказал Пророк, да приветствует Аллах его и род его. Смерть — чаша и все люди пьют из нее. Могила — врата и все люди войдут в нее» (1397) г.) и др.

Не менее повествовательными звучат эпитафии кладбища Бахчисарая: «Эта гробница есть ложе одной прекрасной особы, нежное тело которой судьба сравняла с землей. Молитва за упокой души усопшей Мемек-Султаны» (1729 г.); «Сын хана Крымского. Ах, еще младенцем отказался от жизни и переселился в царство вечности. Эта райская птица, бросив суетный мир, улетела в сад духовный... Я, Муджеми, со вздохом написал год его кончины» (1763 г.) и целый ряд других.

Каменные надгробия в Крыму сооружались как над могилами знатных ханов или беев, так и простых людей, мусульманских деятелей, причисляемых к лику мучеников (азизам). В случаях последних они превращались в места массового паломничества и поклонения.

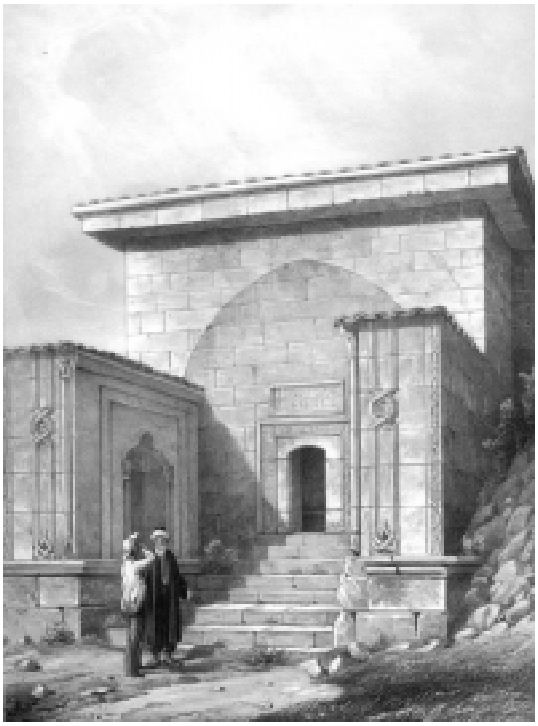
Арабская зооморфная вязь с эпитафиями часто становилась предметом изысканного художественного творчества и тогда мы видим буйство фантазии мастера, вплетающего орнаментальный каллиграфический узор в виде каменного узорочья в общую концепцию похоронного ансамбля. В то же время автор склонен согласиться с рядом исследователей, утверждающих, что к сожалению «...мы не имеем до сих пор цельной картины развития крымскотатарских мусульманских надгробий в их эволюции и в полном историческом диапазоне от истоков, от зарождения этого искусства в Крыму до современной модификации данной художественной традиции» (С.М. Червонная. Мусульманская эпиграфика в Крыму).

Главным виновником отсутствия целостной картины эпиграфического изучения татарских надгробий (и не только татарских) является человек, когда «по всему полуострову методично и полностью уничтожались все мусульманские кладбища; надгробные каменные плиты, включая шедевры искусства XV-XVI веков, шли на строительство колхозных свинарников, вмуровывались в мостовые...» (см. там же: С.М. Червонная. Мусульманская эпиграфика в Крыму).

И все же несмотря на сознательное и целенаправленное уничтожение надгробных стел, крымскому краеведению и сотрудникам городских и республиканских музеев удалось сделать многое в сохранении этого древнейшего наследия. Героическими усилиями сохраняются, изучаются и научно описываются многие памятники мемориальной культуры. Ученые говорят о их наличии не только в центрах этнической крымско-татарской культуры, но находят их в лесах, забытых богом деревнях, брошенных в полях и глубоко в горах. Так, к примеру, в 1996 году в горном районе Верхнего Керменчика (современное село Высокое) Бахчисарайско-

го района были обнаружены остатки старого мусульманского кладбища. Тогда же были найдены остатки надгробий в других горных селах, от которых нет уже следа. Однако, как известно, наиболее древнейшими поселениями с мусульманскими захоронениями следует считать старые городища: Солхата (Старого Крыма), Гезлева (Евпатории), Эски-Юрта, Кырк-Ор, Кырк-Азизлера, Салачика и Бахчисарая (все Бахчисарайский район), где еще можно найти захоронения XIII-XVIII веков.

Другой формой захоронения, как мы уже отмечали, являлись Мавзолеи. Позволить себе такую роскошь мог не каждый и потому их сохранились единицы. Принадлежали они, как правило, представителям ханского рода. Ярким образцом такой архитектуры является мавзолей (дюрбе) Дивлета I Герая, Исляма III Герая, а также — ротонда-погребение Менгли II Герая в столице крымского ханства — Бахчисарае. «Рядом с мечетью, - пишет известный этнограф и археолог А.Л. Якобсон, - построены два простых восьмигранных купольных дюрбе, а за ними находится ханское кладбище с многочисленными пышно орнаментированными мраморными надгробиями XVIII в., увенчанными чалмой или клобуком. В начертанных на них витиеватых и многословных турецких надписях придворные поэты восхваляли погребенных ханов, а заодно и тех, кто еще держался на троне: ослабевшие, цеплявшиеся за власть Гиреи питали, как видно, особую страсть к превозношению собственных особ.



М.Вебель. Чуфут-Кале. Гробница дочери Тохтамыша, 1840-е годы.

В целом Бахчисарайский дворец — это сложный, стихийно выросший ансамбль многочисленных жилых и парадных построек, павильонов, мечети, дюрбе и хозяйственных служб» [19, с.157].

Вероятно подобные постройки: мезарлыки, Дюрбе и другие мемориальные сооружения, в том числе — архитектурного исполнения, во множестве были как на территории Севастополя, так и в его округе. К сожалению ни время, ни политические бури не сохранили следов этого буйства мусульманской культуры. В самом Севастополе остались лишь единичные следы мусульманских захоронений, которые нельзя даже назвать некрополями. Они располагаются (точне сказать - распологались) на древнем городском кладбище, устроенном на пологом склоне горы Рудольфа, что берет начало от дороги Кладбищенского шоссе (современ. ул. Н.А. Пожарова), в первой половине XIX века. Любопытно будет заметить, что по сведениям историков рядом находился хутор Миниха, - вероятно дальних родственников того, знаменитого, Бурхарда Миниха, - генерала-фельдмаршала, сыгравшего значительную политическую роль в войне России с Турцией в 1735-1739 годах...

Современному жителю Севастополя хорошо известна эта улица, по которой ныне проложена автомобильная трасса, ведущая из центра в западные районы города. Вдоль нее располагается целый ряд некрополей, где нашли свой последний приют христиане, евреи, караимы и мусульмане. Некоторые из некрополей имеют

статус Национальных. Однако от былой красоты и устройства здесь почти ничего не осталось: разрушены надгробия, везде видны следы запустения и неухоженности. И если о части православного некрополя еще заботятся энтузиасты и церковная братия храма Всех Святых (ул. Н.А. Пожарова), то остальная часть захоронений остается вне внимания общественности и духовных лиц.

Считается, что основную нагрузку некрополи Севастополя стали нести с Крымской войны и Первой обороны Севастополя в 1854-1855 годах. Однако, следует признать, что они выросли уже на ранее стихийно возникших кладбищах. Плотность захоронения в них столь высока, что можно лишь предполагать об использовании новых на местах более древних захоронений...

Известно, что начало разрушения некрополей началось в период революционных и гражданских войн начала XX столетия. Затем памятники мемориальной культуры подверглись разрушению в момент землетрясения 12 сентября 1927 года и мощного ливня 1 сентября 1928 года; в 30-х годах XX столетия большевистские комунхозы вскрыли склепы и вытащили в пользу страны Советов цинковые гробы, предварительно выбросив из них останки умерших...

В 1942-1944 годах за каменными надгробиями устроили себе артиллерийские и пулеметные «гнезда» защитники Севастополя в Великой Отечественной войне. Остальное разрушение довершили послевоенные и современные вандалы нашего города.

1 марта 1965 года некрополи на улице Н.А. Пожарова официальным постановлением Севастопольского городского Совета были закрыты...

Фрагменты сакральной культуры в Крыму.

Глава 3

НЕКРОПОЛИ СЕВАСТОПОЛЯ И ИХ СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Грузинский фронтовик и писатель Реваз Джапаридзе, будучи в Севастополе на открытии мемориального памятника грузинским воинам, погибшим при освобождении города в 1944 году, прочитал стихи, начинающиеся словами: «Осторожно на эту землю ступайте». Это очень точное определение. Настолько точное, что одной этой фразой можно определить степень насыщенности на один квадратный метр севастопольской земли воинскими захоронениями или погибших. За всю немноговековую историю существования Севастополя, как города и крепости, земля буквально пропитана кровью его защитников и врагов, полегших здесь в результате кровопролитных боев. А если это так, то Севастополь должен был-бы превратиться не в уютный Приморский город, а в сотню или тысячу некрополей и других мемориальных захоронений. Однако человеческая сущность обладает великой способностью обустраивать свой цветущий мир на дорогах, усыпанных прахом...

Мы любим плоть – и вкус ее и цвет,
И душный, смертной плоти запах

Писал в самом начале XX века поэт Александр Блок. При всей многослойности нашего бытия мир наш разделен на два этапа: жизнь и смерть. И смерть людей – есть неотъемлемая часть космического круговорота природы. И никому не дано изменить этот закон. Человеку остается подчиниться этому короткому мигу бытия.

Нам ли весить замысел Господней?
Все поймем, все вынесем любя –
Жгучий ветр полярной преисподней,
Божий Бич, приветствую тебя !
М. Волошин, 1920 г.

История формирования некрополей Севастополя, как мы уже писали, берет свое начало с 1783 года – времени возникновения города-крепости на берегах Ахтиаровой бухты. Однако следы первых мемориальных захоронений стерлись и в памяти людской, и в вихрях мировых и гражданских войн. Другие были сознательно уничтожены в период строительства микрорайонов города, как это было, например, с некрополями Корабельной стороны, магометанского кладбища (на современной территории Станции скорой помощи), Михайловского и целого ряда других.

Сегодня на территории Севастополя и его округе сохраняется несколько некрополей, относящихся к разным историческим эпохам. Вот, только, некоторые из них:

- некрополь старого городского кладбища на склонах Рудольфовой горы по херсонесскому тракту (современ. ул. Н.А. Пожарова);
- мемориал Братского кладбища защитников Севастополя 1854-1855 гг. на Северной стороне (здесь устроены сразу три некрополя: собственно Братское, новое военное и кладбище-мемориал Новороссийцам, учасникам военных походов и конфликтов);
- некрополь Коммунаров, - участников большевистских восстаний, советских партийных и военных чиновников высшего ранга на площади Восставших;
- городское кладбище у поселка Кальфа;
- братский некрополь Великой Отечественной войны у поселка Дергачи и ряд других, о которых мы будем еще говорить.

Не все они сохранились до нашего времени, как не все они равнозначны по своим функциональным задачам, художественному уровню и законам развития синкретичного и сакрального искусства. Да это и понятно: формирование мемориальных комплексов происходило в разное историческое время и, следовательно, отражали разные религиозные и идеологические задачи. В то же время всех их объединяет стихийность развития с отсутствием единой архитектурно-планировочной и художественной концепции решения как отдельных видов мемориальных памятников, так и всего комплекса в целом. И тем не менее, исходя из задач нашего исследования, нам, в первую очередь, следует обратить взор на внешние формы художественного решения памятника, как произведения искусства. К сожалению наш город всегда отличался глубоким провинциализмом, где мемориальному искусству уделялось минимум внимания (это подтверждается хотя бы тем, что архитекторы в редких случаях принимали участие в их планировке).

Позволить себе богатое захоронение севастопольцы могли только в двух исторических отрезках времени: в период пореформенной России середины — второй половины XIX века (что совпадает с периодом Первой обороны Севастополя 1854-1855 гг.) и в советское время второй половины XX века, когда номенклатурные партийные чиновники или руководители высшего военно-морского ведомства хоронили своих собратьев-большевиков за казенный счет по высшему разряду, заказывая мемориальный памятник ведущим художникам страны или местным талантливым мастерам монументальной скульптуры, какими в Севастополе были, например, скульптор: С.А. Чиж, А.Р. Сухая, О.Д. Минькова и ныне здарвствующий В.Е. Суханов из Балаклавы.

Что же касается некрополей, посвященных Крымской войне 1853-1856 гг., то московский историк Александр Анатольевич Орлов по этому поводу писал: «Военные действия в Крыму вскоре прекратились, а 18(30) марта 1856 г. в Париже между сторонами был подписан официальный мирный договор. Союзники покинули полуостров, оставив здесь после себя 168 кладбищ, разбросанных на территории не менее чем 75 кв. верст (больше 80 кв. км.)». Цифра настолько впечатляющая, что невольно задается вопрос: «А где они сейчас?..».

Впрочем, этот вопрос до сих пор остается чисто риторическим, так как уничтожение их началось задолго до прихода сюда, в Крым, советской власти. В 1856-1868 годах между Англией, Францией и Россией возник даже дипломатический конфликт, где европейские союзники обвиняли российского Императора Александра II в нарушении данного им обещания бережно относиться к захоронениям воинов, павших в битвах за Севастополь. Вот этому, собственно, конфликту и посвящена статься А.А. Орлова: «Англо-Российский «Крымский» дипломатический конфликт 1856-1868 гг.».

Впрочем речь не о нем, а о некрополях Севастополя...

УСЫПАЛЬНИЦА АДМИРАЛОВ

Издревле человечество пыталось найти способы погребального обряда, соответствующего значимости умершего. В начальных главах нашего исследования мы уже проводили аналоги погребений «рядового человека». Но в истории мемориальной культуры достаточно много примеров, когда во имя возвеличивания роли умершего над захоронением возводились архитектурные объекты - памятники-усыпальницы. И одними из таких форм были мавзолеи, созданные в эпоху античности, включающие в себя погребальную камеру с пышным надгробием в виде монумента или храма. Таковы, например: мавзолей Мавсола в Галикарнасе (Малая Азия); мавзолей Августа, мавзолей Адриана или Галлы Плацидии в Древнем Риме; мавзолей Саманидов и Чашма-Аюб в Бухаре; мавзолей Шер-шаха и Тадж-Махал в Южной Азии; мавзолей Джаныке-ханым в Крыму; мавзолей В.И.Ленину в Москве (Россия) и целый ряд других.

В силу каких-то причин севастопольцы не называют мавзолеем Владимирский собор на Центральной горке, хотя к таковым его, собственно, можно и отнести. Здесь, в нижнем храме собора, располагается один из самых значительных некрополей города с захоронениями выдающихся личностей города и Черноморского флота: М.П. Лазарева, П.С. Нахимова, В.А. Корнилова, В.И. Истомина.

Как известно, собор изначально не предназначался под мавзолей, но история распорядилась таким образом, что с момента его строительства он уже стал памятником-усыпальницей.

Вот короткая история его строительства: собор во имя Святого Равноапостольного князя Владимира на Центральном городском холме города Севастополя является уникальным церковным сооружением, построенным по византийскому образцу католикона X-XII вв. Конструкция такого храма предполагает наличие, как правило, одного купола на барабане, под которым находится подкупольное про-

странство. Подкупольное пространство, в свою очередь, может служить алтарной частью с центрическим обходом во время богослужения, и одновременно — символическим нахождением микрокосмоса, в котором главенствует бог.

Как и большинство византийских классических храмов того времени (X-XII вв.), Владимирский собор на Центральной горке в Севастополе имеет подобную центрическую форму трехапсидного храма со сдержанными наружными объемами в виде схемы вписанного креста. А каскадная композиция от главного купола к цилиндрическим полусферическим сводам придает зданию пирамидальный характер.

Внутри храма переход от купола к опорам осуществляется с помощью изящных парусов, покрытых искусными фресками известных мастеров и художников.

Весьма любопытные сведения об истории строительства этого храма мы находим в небольшой брошюре, изданной в Севастополе в 1904 году. Ее автор, - лейтенант Угрюмов, который еще в 1899 году собрал и подготовил к изданию материал под названием: «Храм Святого Равноапостольного князя Владимира в Севастополе». На страницах своей брошюры он пишет: «Рассматривая историю построения храма в хронологическом порядке, надо обратиться ко времени посещения Севастополя (в 1825 г.) Императором Александром I, когда Главный Командир Черноморского флота и портов вице-адмирал Грейг представил Государю записку с предложениями своими о сооружении храма во имя Равноапостольного Князя Владимира...» [1, с.9].

Правда, первоначальным местом возведения храма была названа агора древнего городища Херсонеса, который находился тогда за пределами крепости Севастополя. Именно для него в 1829 году была объявлена Всероссийская подписка по

сбору денежных средств, которая продолжалась до 1832 года и впоследствии еще неоднократно возобновлялась.

Одновременно шли подготовительные работы по созданию проекта и чертежей будущего храма. Императорской Академией художеств (в том же 1829 году) был объявлен конкурс, на котором первое место занял проект архитектора Константина Андреевича Тона (1794-1881), - большого знатока церковного зодчества, сторонника русско-византийского стиля в архитектуре.

По замыслу К.А. Тона, памятник должен был представлять собой пятикупольный храм во имя Святого Равноапостольного князя Владимира. Фасад, план и разрез храма был Высочайше утвержден Императором 5 сентября 1837 года. Но...в течение пяти последующих лет смета на постройку собора почему-то не составлялась и не делалось никаких распоряжений о начале его строительства...

В 1843 году к идее возведения храма во имя Святого Равноапостольного князя Владимира вновь вернулись, проекты которого были Высочайше утверждены уже новым Государем — Николаем I Павловичем. Однако в дело строительства вмешался Военный губернатор и Главный командир Черноморского флота — адмирал Михаил Петрович Лазарев (1788-1851), по согласованию с которым местом строительства была названа Центральная горка Севастополя, «...где он с пользой для жителей может быть, как драгоценный для каждого россиянина памятник, чаще посещаем, нежели за несколько верст от города».

За период более чем десятилетнего вынужденного простоя поменялся и его архитектор: надзор за строительством храма был передан севастопольскому архитектору Василию Александровичу Рулеву (1811-1881), который опираясь на разработку детальных чертежей, исполненных К.А. Тоном дополнил их чугунной оградой с тремя воротами и двумя служебными домиками. Такой уточненный проект и был подписан Императором Николаем I Павловичем 11 апреля 1845 года. И, не смотря на то, что уже к началу мая 1845 года была учреждена комиссия по строительству во главе с капитаном над Севастопольским портом (с 1832 г.) и на то время контр-адмиралом Григорием Ивановичем Рогулей (с 1841 г.), только в сентябре 1847 года начались подготовительные работы по возведению храма на утвержденном месте. Работы шли достаточно медленно не только из-за, как оказалось, очень твердого скального грунта, но и из-за нехватки денежных средств, а также постоянных споров в отношении внешнего вида будущего храма. Споры эти были обусловлены тем, что параллельно строительству Владимирского собора на Центральной горке началось утверждение проектных чертежей Владимирского собора в Херсонесе.

Как бы то ни было, но под давлением Военного губернатора М.П. Лазарева строительство храма на Центральной горке хотя и медленно, но продолжалось.

11 апреля 1851 года в Вене от тяжелой и затяжной болезни умирает адмирал флота Михаил Петрович Лазарев. По распоряжению начальника Главного Морского штаба Императорского флота князя Александра Сергеевича Меншикова (1787-1869) — будущего Главнокомандующего над сухопутными и морскими силами во время Крымской компании, тело покойного было доставлено в Севастополь для погребения в нижнем склепе строящегося собора Святого князя Владимира. Для этой цели в срочном порядке производились необходимые приготовления и к прибытию 5 мая 1851 года в Севастополь парохода «Владимир» с телом адмирала М.П. Лазарева возведение склепа практически было завершено.

7 мая 1851 года в церкви Святых Петра и Павла на Чесменской улице (ныне — Советская) при огромном стечении народа была отслужена панихида, откуда тело

под пушечные выстрелы всех кораблей Черноморской эскадры перенесли к склепу, расположенному в центре нижнего строящегося храма...

В начале сентября 1851 года строительство храма возобновилось. Председателем по постройке храма Святого Владимира был назначен военный офицер, историк и археолог Захар Андреевич Аркас (1793-1866) — директор Севастопольской морской библиотеки. Для надзора за работами по сооружению храма, по рекомендации К.А. Тона, в Севастополь прибыл знаток византийской архитектуры, академик Императорской Академии художеств Мартин Иванович Эппингер (1822-1872), вскоре назначенный главным строителем собора (впоследствии много строил в Русской миссии в Иерусалиме). И тем не менее к началу Первой обороны Севастополя в сентябре 1854 года успели построить лишь подвальный этаж.

Военные действия в Крыму и 349-дневная оборона Севастополя 1854-1855 гг. приостановила возведение собора. Рабочие в экстренном порядке были переведены на сооружение бастионных укреплений вокруг города. В первые дни обороны Севастополя адмиралы В.А. Корнилов и П.С. Нахимов в кругу высших чиновников высказали свое пожелание, чтобы в случае смерти их похоронили возле М.П. Лазарева.

Первым, кто присоединился к праху М.П. Лазарева, был смертельно раненый на Малаховом кургане 5 октября 1854 года во время 1-й бомбардировки Севастополя Начальник штаба и фактический командир Черноморского флота вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов (1806-1854).

7 марта 1855 года на Камчатском люнете (передовых рубежах Малахова кургана) был убит ядром в голову контр-адмирал Владимир Иванович Истомин (1809-1855), - герой Синопского сражения 18 ноября 1853 года. По предложению П.С. Нахимова он также был похоронен в склепе, где уже покоились адмиралы Лазарев и Корнилов.

В письме к брату В.И. Истомина Нахимов писал: «По единственному желанию всех нас, бывших его сослуживцев, мы погребли его в почетной и священной могиле для черноморских моряков, в... склепе, где лежит прах незабвенного Михаила Петровича и Владимира Алексеевича. Я берег это место для себя, но решил уступить ему. Три праха в склепе Владимирского собора будут служить святынею для всех настоящих и будущих моряков Черноморского флота...».

28 июня 1855 года там же, на Малаховом кургане, был смертельно ранен вице-адмирал Павел Степанович Нахимов (1802-1855). Его тело также было погребено в склепе Владимирского собора.

Так в ходе Крымской войны еще недостроенный собор Святого Равноапостольного князя Владимира стал усыпальницей выдающихся адмиралов Российского флота, вечным памятником героям обороны Севастополя 1854-1855 гг.

В ходе военных действий 1854-1855 гг. Севастополь был разрушен, по свидетельству очевидцев, примерно на 60-70 %. Во время обстрелов также пострадал строящийся собор, и склеп адмиралов.

С 1858 года в жизни как самого Севастополя, так и строящегося храма наступили годы застоя и неопределенности. Город залечивал рваные раны войны. Средств катастрофически не хватало. Все внимание властей переключилось на возведение храма в Херсонесе, а строящийся собор на городском холме решено было превратить в домовую церковь при Инвалидном доме. Видя такое состояние дел, архитектор М.И. Эппингер летом 1858 года оставляет свой пост и отправляется в Иерусалим, где, как было уже отмечено, много строит для Русской духовной миссии.

Однако среди севастопольской дворянской и военной аристократии не утихали споры о продолжении строительства храма на Центральной горке, результатом чего стало поручение возглавить сооружение храма главному архитектору города — Алексею Андреевичу Авдееву (1819-1885), возводившего в это время храм-памятник Братского кладбища на Северной стороне. А.Авдеев, руководствуясь нехваткой средств, переделал проект К.А. Тона, предложив сделать храм однокупольным, при сохранении прежних размеров. Такой проект вскоре был Высочайше утвержден (2 апре-

ля 1862 г.). Согласно проекту, собор в византийском стиле в плане должен был иметь форму трехапсидного храма со схемой вписанного креста, папертью (внешним притвором) и звонницей; под верхней церковью планировалось устройство крипты — нижнего скрытого помещения-храма во имя Святого Николая-Чудотворца с усыпальницей адмиралов под алтарной частью (освящение нижнего храма, как известно, произошло 5 октября 1881 года).

Вскоре на Центральной горке вновь начались работы. Однако из-за начавшихся очередных раздоров чиновников и споров подрядчиков в 1866 году А.Авдеев вынужден был оставить пост главного строителя собора, но продолжал курировать художественную часть внешней и внутренней отделки храма. А в самом строительстве вновь началась эпоха неопределенности и застоя.

В 1871 году на Высочайшем уровне появились предложения посвятить собор Святому Великому князю Александру Невскому, однако через два года разногласий тем же Высочайшим повелением это решение было отменено и оставлено прежнее наименование храма — во имя Святого Равноапостольного князя Владимира.

5 октября 1888 года, после долгих и сложных лет кропотливого труда, состоялось торжественное освящение храма Святого Равноапостольного князя Владимира. Уже известный нам лейтенант Угрюмов писал: «Византийский стиль внутренней отделки храма строго выдержан во всех деталях. Облицовка стен, колонны, иконостас и клиросы собраны из мраморов различного цвета и рисунка. Выше мраморной отделки — арка и своды расписаны красивым орнаментом в несколько красок при преобладании матового золота и серебра... Благодаря строго художественной последовательности, с которой везде проведена идея того же стиля, получается впечатление гармонии и изящества, подобающие храму Божьему» [2, с.22].

Октябрьский переворот 1917 года круто изменил судьбу не только этого храма, но и всего государства. Церковь была упразднена (впоследствии — отделена от государства), светское и военно-морское духовенство подвергалось гонению и расстрелам, церковные праздники отменены и так далее.

В годы становления советской власти храм передали...севастопольскому Авиационному спортивному обществу, которое устроило в нем...ремонтные мастерские, подсобные помещения и место тренировок по проведению репетиций воздушно-химических атак. В мае 1932 года храм окончательно закрыли, а оставшееся после разграбления церковное имущество передали в госхранилище...

В годы Второй обороны Севастополя 1942 года в соборе разместили госпиталь, в нижнем храме устроили бомбоубежище, а на звоннице устроили корректировочный пост 1-го Гвардейского отдельного артдивизиона.

Во время авианалетов и артобстрелов храм сильно пострадал: был разрушен северный фасад, изуродован купол, осколками избиты стены и колонны (следы их видны до сих пор), внутри обрушилась цветная штукатурка с фресками и мозаиками, в стенах появились трещины, повреждены мраморные внешние плиты на стенах и утрачены тексты на них, почти полностью разрушен мозаичный пол и иконостасы Верхнего и Нижнего храмов.

Вопрос о целесообразности восстановления храма решался до 1965 года. Наконец было принято решение о частичной реставрации храма, как объекта «исторического значения». Было издано специальное Постановление Государственного комитета по делам строительства УССР. Этим постановлением был утвержден проект реставрации, подготовленный Республиканским научно-реставрационным комитетом и к осени 1967 года была проделана большая работа по замене утраченных частей кровли, восстановили резьбу карнизов, украшения фасадов и других деталей.

Вторая очередь ремонтно-реставрационных работ включала реставрацию росписей храма, восстановление пола, утрат мраморной облицовки стен и приспособление здания для работы филиала Музея героической обороны и освобождения Севастополя 1942-1944 гг., что и было сделано в июне 1973 года.

Третья очередь реставрационных работ наступила лишь в 1989-1991 гг., когда по старым чертежам и рисункам архитектора А.Авдеева был восстановлен мозаичный пол верхней церкви, очищены капители колонн, восстановлена мраморная облицовка стен и отремонтированы ступени лестниц и амвона.

Новые времена наступили с распадом огромной державы под названием СССР в 1991 году. 20 октября 1991 года в Верхнем храме собора прошло первое богослужение, храм был заново освящен...

Лазарев
Михаил Петрович
(3 ноября **1788-1851** 11 апреля)

Севастополь – город относительно молодой, но история его уже пестрит историческими событиями и прославленными именами. Гордостью русской славы именуют его в некоторых исторических хрониках. Трудно не согласиться с таким убеждением, тем более когда встречаешь в летописях имена Михаила Петровича Лазарева, Павла Степановича Нахимова, Владимира Алексеевича Корнилова и ряда других, оставивших на крымской земле великую память о себе и вечную признательность потомков.

Свято-Владимирский храм-мавзолей с честью исполняет свой долг по сохранению останков полководцев, захороненных в его стенах, чтит их мужество, отвагу и честь русского офицера.

Михаил Петрович Лазарев родился 3 ноября 1788 года в семье сенатора и правителя Владимирского наместничества. 14-летним подростком оканчивает Санкт-Петербургский морской кадетский корпус и выпускается гардемарином с отправкой на английский флот для дальнейшего усовершенствования обучения. В течение пяти лет находится в непрерывном плавании в Атлантическом океане и Средиземном море. В декабре 1805 года в возрасте семнадцати лет производится в первый офицерский чин – мичмана на Балтийском флоте, где прослужит до 1813 года. За этот период он успевает принять первое боевое крещение в войне против Шведов (1808-1809 гг.) и в войне против Наполеона 1812 года.

В чине лейтенанта в 1813 году, вступив в командование судном «Суворов», принадлежавшем Российско-Американской компании, совершил свое первое трехгодичное кругосветное плавание из Кронштадта к берегам Аляски, сделав, при этом, ряд географических открытий.

В 1819 году был назначен помощником начальника кругосветной экспедиции Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена (1778-1852), с которым на шлюпе «Мирный» совершил очередные географические и этнографические открытия: ряда островов Тихого океана и шестой части света – Антарктиды. В порт назначения экспедиция вернулась 24 июля 1821 года. Завершилась 751-дневная эпопея великих завоеваний, открытий и морских путешествий. За эту экспедицию Михаил Лазарев был сразу (через чин) произведен в капитаны II-го ранга, пожалован пенсией по чину лейтенанта и назначен командиром фрегата «Крейсер», на котором в 1822-1825 гг. совершил свое третье кругосветное путешествие к берегам русских владений в Северной Америке.

За это плавание был награжден орденом Св. Владимира и чином капитана I-го ранга. В 1826 году в должности начальника штаба эскадры и командира 74-пушечного парусного линейного корабля «Азов» из Балтийского флота совершил поход в Средиземное море.

В октябре 1827 года в Наваринской бухте Ионического моря произошло сражение соединенной эскадры России, Англии и Франции против Турецко-Египетского флота. М.П. Лазарев на своем флагманском корабле «Азов» шел впереди русской эскадры и первый принял бой, уничтожив пять турецких кораблей, в том числе – турецкий флагман. Примечательно, что в наваринском сражении на корабле «Азов» тогда отлично показали себя и будущие адмиралы Севастополя: П.С. Нахимов, В.А. Корнилов и В.И. Истомин. А, вот, как писал о своем командире Павел Степанович Нахимов: «Я до сих пор не знал цены нашему капитану. Надобно было на него смотреть во время сражения, с каким благоразумием, с каким хладнокровием он везде распоряжался. Но у меня недостает слов описать все его похвальные дела, и я смело уверен, что русский флот не имел подобного капитана».

Линейный корабль «Азов», командиром которого в Наваринском сражении 1827 года был Михаил Петрович Лазарев.

За отличие в сражении Михаил Лазарев был произведен в контр-адмиралы.

С 1830 года он снова командует отрядом кораблей на Балтийском флоте, а в 1832 году получает назначение на Черноморский флот в должности начальника штаба.

Весной 1833 года Михаил Лазарев был произведен в вице-адмиралы с назначением исправляющим обязанности Главного командира Черноморского флота и портов, а также Военного губернатора Севастополя и Николаева.

Здесь, в Севастополе, Михаил Петрович особое внимание уделял не только развитию Черноморского флота, но и всей городской инфраструктуры, как его главной базы в роли укреплений морских позиций России на Черном море. Он был одним из первых, кто явился инициатором строительства бронированных кораблей, каким, например, стал железный пароход «Инкерман», построенный в Англии в 1838 году.

В Николаеве, Херсоне, Севастополе за восемнадцать лет его губернаторства и командующего Черноморской эскадрой было построено более тридцати линейных кораблей и пароходов, прилагая все усилия к созданию в Севастополе нового Адмиралтейства с пятью сухими доками; построил казармы для флотских экипажей (ныне носящих его имя) и многое другое. Уделяя особое внимание укреплению Севастополя, М.П. Лазарев в 1834 году настоял на составлении Ге-

нерального плана реконструкции оборонительных сооружений и городской перепланировки, предусматривающей усиление береговой артиллерии и защиту Южной стороны. Началось строительство каменных береговых батарей на Северной стороне и в других бухтах Севастополя.

Особую заботу Михаил Петрович проявлял о севастопольской Морской библиотеке, которая содействовала повышению профессионального уровня и культурному развитию офицеров флота. Основанная в 1822 году она не имела собственного здания. Ее построили на Центральном городском холме в 1844 году по проекту архитектора Александра Павловича Брюллова (1798-1877) – родного брата знаменитого живописца Карла Брюллова. В управлении библиотекой и комплектовании книжного фонда активно участвовали ученики адмирала – В.А. Корнилов, П.С. Нахимов, В.И. Истомин.

При нем на Центральном городском холме был устроен Мичманский (ныне Матросский) бульвар, на котором был открыт первый памятник города – командиру брига «Меркурий» капитану I-го ранга А.И. Казарскому (1799-1833), была благоустроена Графская пристань, началось строительство церкви во имя Святых Петра и Павла, инициировано строительство Свято-Владимирского собора на Центральном городском холме и многое другое.

В середине 1840-х годов стали проявляться первые признаки тяжелой затяжной болезни. В феврале 1851 года адмирал М.П. Лазарев выехал на лечение в Вену в сопровождении В.И. Истомина, жены, дочери и лейб-медика, но лечение не помогло.

11 апреля 1851 г. Михаил Петрович Лазарев скончался в Вене от рака желудка. Обряд погребения был совершен с большой торжественностью в церкви Императорского Российского посольства в Вене 13 апреля 1851 года, а в начале мая 1851 года останки адмирала были перевезены в Севастополь, где в торжественной обстановке при огромном скоплении людей было произведено захоронение в специально подготовленном склепе под строящимся Свято-Владимирским собором на Центральном холме.

В 1864 году у лазаревских казарм был установлен памятник великому адмиралу, исполненный по проекту скульптора Николая Степановича Пименова (1812-1864). Имя Михаила Лазарева присваивалось русским кораблям: броненосному фрегату, крейсеру, ледоколу. В Севастополе с начала XX века одна из площадей также называется Лазаревской…

Памятник М.П. Лазареву на площади Лазарева, 1996 г. Скульптор Игорь Лысенко. Фото - 2006 г.

Нахимов
Павел Степанович
(5 июля **1802-1855** 28 июня)

Истреблением Турецкой эскадры при Синопе
Вы украсили летопись русского флота новой
Победой, которая навсегда останется памятью
В морской истории

Император Николай I

Павел Степанович Нахимов родился 5 июля 1802 года в пустоши Пройнина (село Городок), Вяземского уезда, Смоленской губернии в семье небогатого помещика, - украинского шляхтича Степана Михайловича Нахимова, приехавшего из города Ахтырка, Харьковской губернии в приобретенные им земли вместе с крепостными душами.

Весь род Нахимовых принадлежал к военным служащим и потому естественным было поступление молодого человека в морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге, который окончил в 1818 году. В 1817 году, будучи еще слушателем, проходил практику гардемарином на бриге «Феникс», участвовал в морском походе к берегам Швеции и Дании. Самостоятельную службу начал на Балтийском флоте в звании мичмана.

В 1822-1825 годах совершил свое первое кругосветное плавание вахтенным офицером на 36-пушечном фрегате «Крейсер»: из Кронштадта к берегам Северной Америки под командованием своего будущего покровителя и учителя Михаила Петровича Лазарева.

В 1827 году в звании лейтенанта, командуя батареей на линейном флагманском корабле «Азов» (под командованием М.П. Лазарева), участвовал в Наваринском морском сражении, где проявил себя бесстрашным и хладнокровным офицером. Вместе с ним, бок о бок, отважно сражались и его товарищи – будущие флотоводцы: мичман В.А. Корнилов и гардемарин В.И. Истомин. За это ратное дело Павел Нахимов был произведен в капитан-лейтенанты с награждением Георгиевским крестом 4-й степени.

Производство в штаб-офицерский чин давало ему право получить в командование небольшой корабль. В 1828 году П.С. Нахимов был назначен командиром захваченного у турок корвета, названного в честь наваринской победы – «Наварин», на котором в ходе русско-турецкой войны 1827-1828 гг. успешно производил патрулирование у кавказских берегов, участвовал в блокаде Дарданелл. По прибытии в Кронштадт был включен в отряд кораблей под командованием М.П. Лазарева.

В 1832 году был назначен командиром строящегося фрегата «Паллада» и в короткий срок сумел сделать его образцовым кораблем на Балтике. Имя Нахимова как талантливого офицера становится популярным.

В январе 1834 году М.П. Лазарев переводит своего талантливого ученика в Севастополь, куда сам Лазарев незадолго получил назначение в должности начальника штаба Черноморского флота. С переводом на Черное море П.С. Нахимов получил в командование строящийся корабль «Силистрия» с присвоением очередного звания капитана II-го ранга.

На «Силистрии» Павел Нахимов прослужил много лет: крейсировал на Черном море, получил в 1837 году чин капитана I-го ранга; вместе с В.А. Корниловым, - начальником штаба эскадры, - участвовал в десантных операциях при занятии Туапсе и Псезуапе (1840 г.), оказывал помощь Головинскому форту при отражении нападения горцев (1844 г.) и так далее.

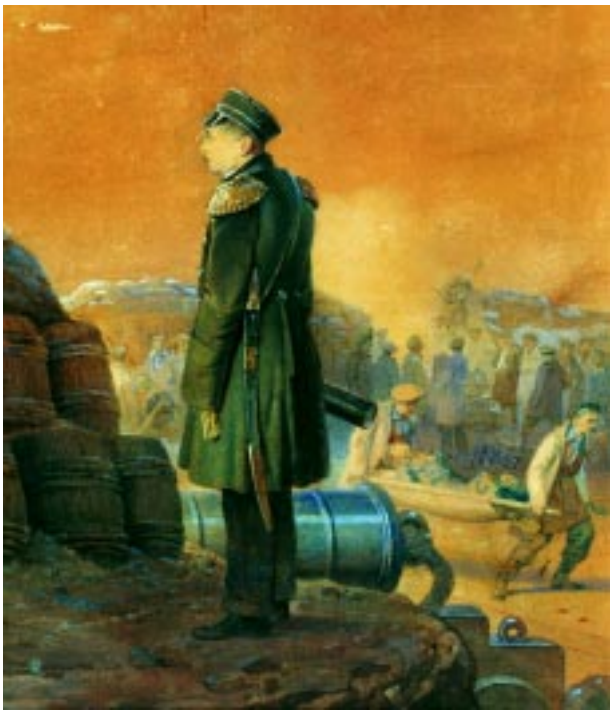
В 1845 г. Павел Степанович Нахимов стал контр-адмиралом с назначением командиром 1-й бригады 4-й флотской дивизии. Его труды на этой должности были поощрены орденом святой Анны 1-й степени. В 1852 был произведен в вице-адмиралы.

Наступил 1853-й год. Международная обстановка все более осложнялась, обострялись отношения между Россией и Турцией. Высшим командованием была разработана операция по переброски войск на Кавказское побережье, в Анакрию. Нахимов, которому была поручена эта операция, блестяще ее выполнил. За выполнение этой операции П.С. Нахимов был представлен к награде орденом Святого Владимира 2-й степени.

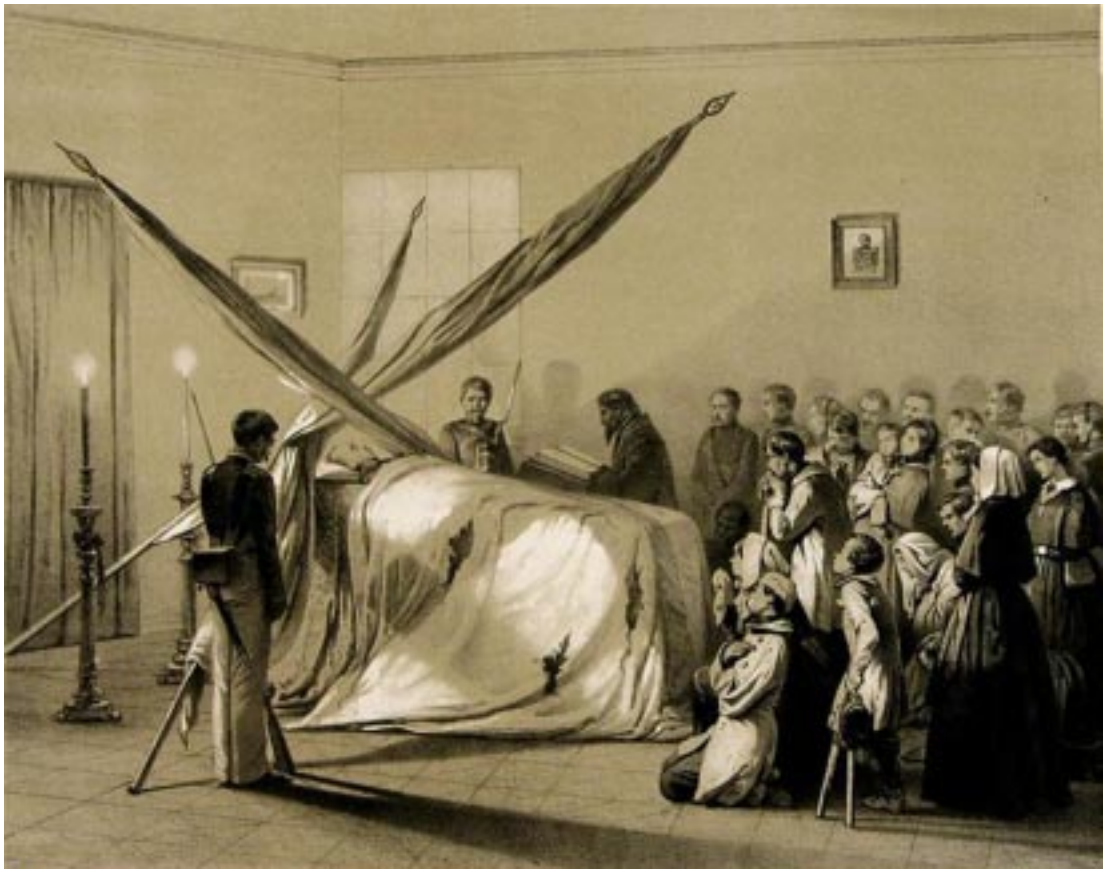
16 октября 1853 года Турция объявила войну России.

Известие о начале войны П.С. Нахимов получил 3 ноября 1853 года: турецкая эскадра под командованием Осман-Паши, направившись к берегам Кавказа, вышла из Босфора и по случаю шторма зашла в Синопскую бухту. Имея в своем распоряжении всего несколько боевых кораблей Нахимов смело повел их на встречу с врагом и 18 ноября 1853 года в бухте Синоп нанес сокрушительное поражение турецкому флоту. Турки потеряли убитыми, ранеными и пленными свыше 3200 человек, в плен был взят и Осман-Паша. За победу при Синопе российский Император Николай I удостоил вице-адмирала Нахимова орденом Святого Георгия 2-й степени, написав в именном рескрипте: «Истреблением турецкой эскадры вы украсили летопись русского флота новою победою, которая навсегда останется памятной в морской истории…».

Разгром турецкого флота привел еще к большей эскалации напряженности на Ближнем Вос-



П.С.Нахимов на Малаховом кургане.



Прощание с П.С. Нахимовым.
Литография В.Тимма.

токе. И тогда Англия и Франция вступает в военный союз и объявляют войну России. К ним присоединяется королевство Сардиния. Корабли союзных войск появляются на Босфоре, а затем – в Черном море. Главной задачей было уничтожение черноморского флота и его главной базы – Севастополя.

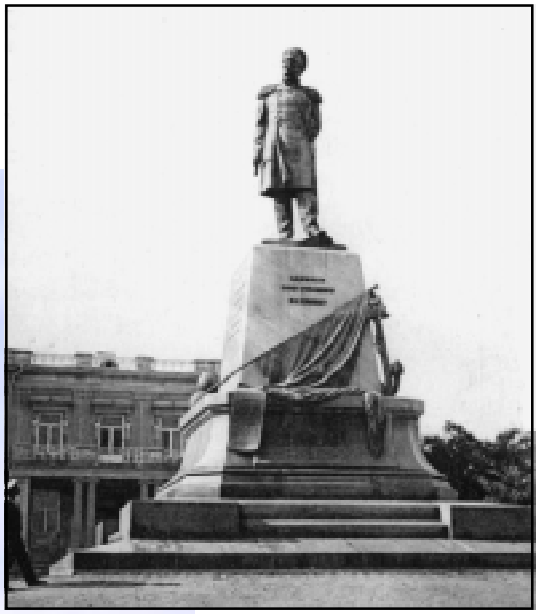
Началась знаменитая оборона Севастополя, которая продолжалась с сентября 1854 года долгих 349 дней и ночей.

Занимая должность командующего эскадрой, а с февраля 1855 года – командира Севастопольского порта и военного губернатора, П.С. Нахимов фактически (особенно после гибели В.А. Корнилова) вместе с контр-адмиралом В.И. Истоминым и военным инженером Э.И. Тотлебеном возглавил героическую защиту черноморской крепости, проявляя выдающиеся способности в организации обороны и с моря, и с суши.

Во время одного из объездов передовых укреплений 28 июня 1855 года Павел Степанович Нахимов был смертельно ранен пулей в голову на Малаховом кургане и через два дня скончался…

Похоронен в нижнем храме Владимирского собора на Центральной горке, там, где уже покоились останки адмиралов: М.П. Лазарева, В.А. Корнилова и В.И. Истомина.

Памятник П.С. Нахимову: скульптор И.Н. Шредер,1898 г. (справа); скульптор Н.В. Томский,1959 г. (слева). Площадь П.С. Нахимова в Севастополе. Фото - 2006 г.



Фрагмент памятника П.С.Нахимову: скульптор Н.В.Томский,1959 г.
Площадь П.С. Нахимова в Севастополе. Фото - 2006 г.

Корнилов
Владимир Алексеевич
(1 февраля **1806-1854** 5 октября)

Имя Владимира Алексеевича Корнилова достаточно неоднозначно воспринималось его соратниками: он был честолюбив, напорист и быстр в решениях, которые зачастую шли вразрез с общепринятым мнением. Однако именно ему Севастополь обязан столь упорным сопротивлением, которое было оказано коалиционным войскам в Первую оборону города в 1854-1855 годах.

Владимир Корнилов родился 1 февраля 1806 года в семье отставного морского офицера в селе Ивановское Старицкого уезда, Тверской губернии. Получил домашнее воспитание и в 1821 году отдан в Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге. Через три года в звании мичмана был назначен на шлюп «Смирный», который должен был направляться в плавание по Тихому океану. Однако молодой повеса рвением по службе не отличался и только с прибытием на линейный корабль «Азов» в 1827 году, под командование Михаила Петровича Лазарева изменило все его отношение к морской профессии и ратному делу. Большим испытанием для него, как начинающего офицера, стало участие в наваринском сражении в октябре 1827 года, где он, наряду со всем отважным экипажем, проявил чудеса храбрости, за что был награжден орденом Св. Анны 4-й степени и произведен в лейтенанты. Вслед за этими событиями последовало его назначение в 1831 году командиром тендера «Лебедь», входящего в Балтийскую эскадру. М.П. Лазарев не терял из виду своего питомца и в 1833 году вызвал его к себе на Босфор, где находился с Черноморской эскадрой. Владимир Корнилов был назначен офицером для особых поручений. За серьезное отношение к морской службе и разработанные операции он вскоре был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с назначением в качестве командира на бриг «Фемистокл», на котором заслужил репутацию «лихого командира».

В 1835 году Владимир Алексеевич Корнилов был произведен в капитан-лейтенанты, а в 1837 году – назначен командиром корвета «Орест».

С 1838 по 1842 годы, быстро продвигаясь по службе, он получил чин капитана II-го ранга, затем – капитана I-го ранга и, наконец, назначен командиром 120-ти пушечного корабля «Двенадцать Апостолов» с одновременным исполнением обязанностей начальника штаба Черноморского флота.

Особую заботу проявлял В.Корнилов к севастопольской морской библиотеке, в которой навел не только образцовый порядок, но пополнил ее фонды и сам составлял морские пособия, а также переводил их с английского и французского языков.

С 1846 по 1848 годы Корнилов находится в Англии, где строилось несколько русских кораблей, на одном из которых он вернулся в Севастополь. За успешно выполненную задачу В.А. Корнилов был произведен в контр-адмиралы.

В 1851 году умер Михаил Петрович Лазарев.

Смерть любимого адмирала стала тяжелым ударом для Корнилова. Он очутился в самом неопределенном и затруднительном положении. Практически был отстранен от работы и только вмешательство командующего сухопутными и морскими силами в Крыму светлейшего князя Александра Сергеевича Меншикова (1787-1869) позволили ему остаться в рядах штабного морского ведомства. Более того, в конце 1851 года Корнилов был назначен в свиту Его Величества, а в 1852 году Император пожаловал его в генерал-адъютанты с производством в вице-адмиралы и утвердил в должности начальника штаба Черноморского флота.

14 февраля 1853 года Корнилов со свитой князя А.С. Меншикова был послан к турецкому султану для переговоров. Предвидя, что дело окончится войной, он поспешил уехать в Севастополь, где деятельно принялся за приготовление к предстоящей военной кампании: производил ежедневные морские маневры и пополнял артиллерию на судах, предписал все порты и суда Черного моря привести в боевую готовность.

В начале ноября 1853 года, вместе с П.С. Нахимовым, начал военные действия против турецкого флота, захватил один из пароходов «Перваз-Бахри». А после Синопского сражения вместе с П.С. Нахимовым по приказу главнокомандующего А.С. Меншикова бросил все свои силы на укрепление севастопольских портов и береговых батарей. С сентября 1854 года имена В.А. Корнилова, П.С. Нахимова и Э.И. Тотлебена, В.И. Истомина стали неразрывно связаны со славной обороной Севастополя 1854-1855 гг. И в самый критический момент, когда поступил приказ главнокомандующего о затоплении кораблей в севастопольской бухте, В.А. Корнилов первоначально отказывался исполнить приказание. Но по настоянию последнего вынужден был подчиниться.

Затопив корабли, он деятельно и с таким же рвением принялся, вместе с инженером Эдуардом Ивановичем Тотлебеном (1818-1884), за укрепление бастионов, практически взяв на себя защиту города и главное командование войсками.

Пятого октября 1854 года В.А. Корнилов для дислокации войск приехал на Малахов курган, где попал под обстрел и бомбардировку русских войск. Случайное ядро попало в него и раздробило левую ногу. Как пишут историки, он успел лишь сказать: «Отстаивайте же Севастополь!» и потерял сознание.

В тот же день Владимир Алексеевич Корнилов скончался…

Памятник В.А. Корнилову на Малаховом кургане,1894 г. Скульптор И.Н. Шредер.

Истомин
Владимир Иванович
(18 марта **1809-1855** 7 марта)

История рождения Владимира (наст. Владислав) Ивановича Истомина состоит из множественных домыслов и предположений. Так, некоторые историки отмечают, что происходил род Истоминых из дворян Псковской губернии (деревень и крестьян не имеет), каким-то образом оказавшимся в Эстляндской губернии, где отец его – Иван Андреевич Истомин (1769-1823), - «служил коллежским секретарем камерального суда» (с 1815 года – Титулярный советник).

Можно задать вопрос: каким образом Высший камеральный суд Римской империи попал в Эстляндскую губернию?

В других источниках читаем: Истомины – выходцы из мещанского сословия; в третьих – Владимир Иванович Истомин родился в селе Липовка Пензенской губернии 18 марта 1809 года.

Как бы то ни было, но в марте 1823 года мы находим Владимира Истомина в числе кадетов Морского корпуса Санкт-Петербурга, откуда он в мае 1827 года выпускается гардемарином с назначением на 74-пушечный линейный корабль «Азов», где уже служил его старший брат – Константин. В октябре того же года он впервые принял участие в морской битве при Наварине, где показал себя бесстрашным и находчивым в морском деле. После сражения командир корабля Михаил Петрович Лазарев представил молодого гардемарина к боевому ордену Святого Георгия с производством в мичмана.

1827-1832 годы Владимир Истомин продолжает службу на «Азове», «совершенствуя свое морское образование». В 1832 году переходит на корабль «Память Азова» и служит на Балтике, а через год производится в лейтенанты.

Помня о своих бесстрашных молодых офицерах Михаил Лазарев, став осенью 1834 года Главным командиром Черноморского флота переводит его поближе к себе на корабль «Варшава», на котором тот участвует в крейсерских походах у берегов Кавказа.

Набрав опыта Истомин в июле 1837 года принимает под свою команду пароход «Северная Звезда», на борт которой в августе того же года поднимается царствующая семья Императора Николая I, совершавших переход к Кавказским берегам. За это плавание Владимир Истомин удостоился царской милости с награждением орденом Св. Владимира 4-й степени.

В 1838 году Владимира Ивановича назначают командиром 16-пушечной шхуны «Ласточка», которая участвовала в крейсерствах по Средиземному морю.

И снова Михаил Лазарев хлопочет о своем подопечном: производит его в капитан-лейтенанты с назначением на корвет «Андромаха», на котором тот крейсировал у абхазских берегов. Одновременно Истомин входит в попечительский комитет Морской офицерской библиотеки в Севастополе.

В 1843 году В.И. Истомина назначают командиром фрегата «Кагул», - одного из лучших судов Черноморского флота.

В 1845 году наместник Бессарабии и Крыма князь М.С. Воронцов обратился к адмиралу М.П. Лазареву с просьбой прикомандировать к своему штабу знающего и опытного офицера «для разработки местных морских вопросов». Выбор пал на Истомина, который своей службой завоевал доверие и уважение Воронцова. В течение пяти лет Владимир Иванович состоял в должности офицера по морской части, участвовал в совместных операциях Черноморского флота и армии против горцев, в том числе - в осадах укреплений Гергебиль и Салты. За отличие в боевых действиях в 1847 году капитан-лейтенант Истомин был произведен в капитаны II-го ранга, а в 1849 году досрочно получил чин капитана I-го ранга с назначением в 1850 году на 120-пушечный корабль «Париж». И снова месяцы тяжелейших крейсерств у Кавказского побережья с перерывом на устройство различных предприятий, связанных с похоронами своего учителя и покровителя Михаила Петровича Лазарева, скончавшегося в Вене и похороненного в усыпальнице Свято-Владимирского собора на Центральной горке в Севастополе.

Завершив печальную миссию, Владимир Иванович Истомин вернулся на «Париж», на котором участвовал в эскадре П.С. Нахимова в Синопском сражении и встретил русско-турецкую Восточную войну 1853-1856 гг.

Линейный 120-пушечный корабль «Париж».

28 ноября 1853 года за Синоп Владимир Истомин был произведен в контр-адмиралы.

После высадки союзных войск в Крыму контр-адмирал В.И. Истомин в должности командира 3-й бригады 4-й флотский дивизии командовал морскими батальонами, находившимися в Северном укреплении, и Пароходным отрядом, предназначенным для перевозки войск через бухту.

С 13 сентября 1854 года контр-адмирал Истомин состоял в гарнизоне Севастополя командующим 4-й дистанции оборонительной линии, включавшей Малахов курган, 1-й и 2-й бастионы, то есть - большую часть укреплений Корабельной стороны города. Под руководством Владимира Ивановича достраивались и совершенствовались инженерные сооружения, которым предстояло сыграть значительную роль в обороне Севастополя 1854-1855 гг.

О храбрости Истомина по гарнизону города ходили легенды.

Признавая заслуги контр-адмирала В.И. Истомина перед Россией, 20 ноября 1854 года Император Николай I подписал Высочайший Указ о его награждении орденом Св. Георгия 3-й степени.

В феврале-марте 1855 года под общим руководством Владимира Ивановича Истомина моряки и пехотинцы заложили передовые укрепления Корабельной стороны Севастополя – Волынский и Селенгинский редуты, а также Камчатский люнет. 7 марта 1855 года, возвращаясь на Малахов курган после осмотра работ в строящемся камчатском люнете, контр-адмирал В.И. Истомин был убит прямым попаданием неприятельского ядра в голову…

Герой Севастополя, покрытый кормовым флагом «Парижа», был похоронен в соборе Святого Владимира, рядом с могилами адмиралов: М.П. Лазарева, В.А. Корнилова и к которым вскоре предстояло присоединиться и П.С. Нахимову…

Памятник на месте гибели В.И. Истомина у подножия Камчатского люнета Малахова кургана,1904 г. Проект инженер-строителя Ф.Н. Еранцева. Фото - 2009 г.

Карпов
Петр Александрович
(8 января **1822-1869** 21 сентября)

Петр Александрович Карпов - один из девяти адмиралов похороненных слева и справа от усыпальницы четырех адмиралов в нижнем храме Свято-Владимирского собора на Центральной горке.

Родился в селе Волохово, Мещовского уезда Калужской губернии в семье военного. В 1833 году был определен в Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге, по окончании которого в мае 1840 года произведен в гардемарины, а в январе 1841 года - в мичмана на Черноморский флот. Служил на разных транспортах до 1852 года, пока не вышел в отставку с зачислением в Московский пехотный полк. Преподавал математику в Воронеже и в 1853 году за отличие был награжден производством в штабс-капитаны. Узнав о начале Восточной войны 1853-1856 гг. написал прошение о зачислении его в Черноморский флот. Ходотайство его было удовлетворено и со званием лейтенанта он отправился в Севастополь, где был определен в 29-й флотский экипаж корабля «Селафаил», который вскоре был затоплен на рейде. Петр Александрович был списан на берег. Состоял в гарнизоне Севастополя все 349 дней обороны.

В ноябре 1854 года был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Командовал 5-м бастионом (соврем. территория кладбища Коммунаров), в апреле 1855 года был произведен в капитан-лейтенанты. В июле месяце был направлен на самый ответственный участок обороны - Малахов курган, где стал последним командиром защищающим бастион.

Петр Карпов храбро отбивал атаки врага, но во время контузии был взят в плен. После возвращения из французского плена в марте 1856 года за заслуги во время обороны был произведен в капитаны II-го ранга.

В дальнейшем служил на Балтийском флоте командиром винтового корвета «Волк». В 1858 году Петра Александровича Карпова перевели в город Николаев управляющим кораблестроительной экспедицией; в 1859 году за «усердно-ревностную службу» он был произведен в капитаны I-го ранга.

С 1860 по 1866 гг. П.А. Карпов исполнял должность капитана над Николаевским портом, а весной 1867 года назначили «заведующим морской частью в Севастополе».

В самом начале 1869 года П.А. Карпов был произведен в контр-адмиралы. Жил в Ялте, где был избран гласным уездного земского собрания и почетным мировым судьей. После смерти Карпова в сентябре 1869 года по разрешению Императора был погребен в нижнем храме Владимирского собора «за счет Императора»...

Перелешин
Павел Александрович
(27 июня **1821-1901** 28 февраля)

В нижнем храме Свято-Владимирского собора в специальном склепе рядом с центральным адмиральским захоронением покоится тело героя Первой обороны Севастополя 1854-1855 гг. – Павла Александровича Перелешина.

Павел Перелешин родился 27 июня 1821 года в Костромской губернии.

В 1835 году окончил Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге и был направлен на фрегат «Нева», курсировавшего по Балтийскому морю. Через два года был произведен в мичмана с назначением на Черноморский флот, где плавал на разных судах участвуя в охране русских рубежей у берегов Кавказа. В начале мая 1839 года, под общим командованием генерала и дипломата Николая Николаевича Раевского (1801-1843), участвовал в десантной операции при занятии местечка Субаши, за которую был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «за храбрость». Н.Н. Раевский – блестящий военачальник, администратор и дипломат, исполняя волю Императора тогда стремился примирить воюющие стороны и заручиться поддержкой горцев.

В 1840 году Павел Перелешин на 16-пушечной шхуне «Забияка» занимался топографией черноморских берегов.

В ноябре 1953 года на 120-ти пушечном корабле «Париж» участвовал в Синопском сражении, в котором за храбрость был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Был одним из видных руководителей обороны Севастополя 1854-1855 гг., состоял командиром 5-го отделения оборонительной линии. Неоднократно был ранен и контужен. За храбрость и распорядительность в делах был награждён орденами Св. Анны (1854 г.) и Св. Владимира (1855 г.).

После Крымской войны в звании капитана I ранга командует 84-х пушечными линейными кораблями: «Не тронь меня» и «Владимир».

С 1861 года был назначен начальником Бакинской морской станции и капитаном над портом, а 30 августа 1863 года произведен в контр-адмиралы. Затем последовательно занимал должности Таганрогского и Севастопольского градоначальника, командира порта и коменданта.

В 1866 г. награждён орденом Св. Станислава 1-й степени.

Работая в Севастополе Павел Перелешин был одним из главных создателей Музея Черноморского Флота, председателем Комитета которого оставался до самой своей кончины. Вместе с городским головой (с 1874 по 1876 гг.) Михаилом

Ильичом Кази (1839-1896) много сделал для возрождения послевоенного Севастополя, его благоустройства и градостроительства, за что решением городской Думы в 1876 году удостоен звания Почетного гражданина города Севастополя.

В 1881 году в чине вице-адмирала и звании генерал-адъютанта (с 1 января 1872 г.) назначен директором инспекторского департамента Морского министерства, а затем членом комитета морских учебных заведений и главного военно-тюремного комитета.

В 80-х годах XIX века под его руководством было разработано «Положение о морском цензе» и «Положение о чинах по Адмиралтейству», утвержденные в 1885 году.

В апреле 1891 года был произведён в полные адмиралы.

Умер 28 февраля 1901 года в Санкт-Петербурге.

По Высочайшему повелению Государя Императора Николая II останки П.А. Перелешина, как героя Севастопольской обороны, были торжественно доставлены в Севастополь и похоронены во Владимирском соборе, в Адмиральской усыпальнице…

Шестаков
Иван Алексеевич
(13 апреля **1820-1888** 21 ноября)

Незадолго до своей смерти Иван Алексеевич Шестаков написал мемуарные воспоминания, названные им как: «Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания». Вот, что он сам писал о себе: «Природа наделила меня гордостью не в меру моим способностям, ни положению, унаследованному мною в обществе. Эта гордость претила мне уступать своевременно, заставляла забывать, что для достижения полезных целей требуются жертвы и что первее должно приносить в жертву господствующую страсть свою, как бы ни казалась она извинительна в собственных глазах и в мнении общества…» (СПб: Судостроение, 2006. - 784 с.: ил.).

Вот эта гордость и упрямство делали порой И.А. Шестакова достаточно «неудобным» человеком среди его современников…

Родился Иван Шестаков 13 апреля 1820 года в селе Сырохоренье, Красненского уезда Смоленской губернии в семье небогатого дворянина, отставного офицера морского флота. Получив домашнее воспитание, он в 10-летнем возрасте был определен в Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге. В 1832 году был произведен в гардемарины и через два года выдержал экзамен на офицерский чин (мичмана), но так как ему было всего около 15 лет, то был оставлен еще на год в корпусе и назначен фельдфебелем гардемаринской роты. Но за попытку организовать любительскую постановку комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (несмотря на благоволение адмирала князя А.С. Меньшикова) он был исключен из корпуса и возвращен родителям.

В 1836 году его отец определяет юношу к командующему Черноморским флотом вице-адмиралу М.П. Лазареву, который первоначально принимает его юнкером на Черноморский флот, а еще через некоторое время делает его своим адъютантом. Иван служит на парусных судах Черного моря: на 84-х пушечном корабле «Силистрия», на 18-ти пушечном бриге «Полукс», на 22-х пушечном корвете «Ифигения» и других.

К декабрю 1838 года Иван Шестаков уже имел значительный морской опыт, накопленный в блокаде кавказского побережья, за один из боев которого получил солдатский Георгиевский крест и 23-го декабря 1837 года произведен в мичмана. В июле 1841 года за боевые заслуги перед отечеством был награжден орденом Св. Станислава 3-ей степени с мечами.

В апреле 1843 года Иван Алексеевич был произведен в лейтенанты с назначением в адъютанты к М.П. Лазареву. Параллельно занимается переводами на русский язык «Истории Великобританского флота».

С апреля 1845 до мая 1846 года Иван Алексеевич на пароходе-фрегате «Бессарабия» находился в походе по Черному и Средиземному морям. По возвращении Ивана Шестакова назначают командиром строящегося 12-ти пушечного тендера «Скорый», на котором в октябре 1846 года отправился в плавание по Черному морю с посещением Черноморских портов для сбора замечаний, касающихся лоции Черного моря. Затем с той же целью он был командирован в устье реки Буг на Днепровском лимане. Произведенные Иваном Шестаковым гидрографические работы дали ему богатый материал для будущего его сочинения: «Лоция Черного моря».

В апреле 1850 года И.А. Шестаков был произведен в капитан-лейтенанты и отправлен в Англию до января 1852 года для наблюдения за строившейся там паровой шхуной «Аргонавт», а по прибытии был назначен командиром 18-ти пушечного брига «Персей», на котором крейсировал у Восточных берегов Черного моря.

Крымская война 1853-1856 гг. застала его в Англии, где по поручению правительства следил за строительством двух винтовых корветов: «Витязь» и «Воин».

По возвращении в феврале 1854 года был назначен членом пароходного комитета и осуществлял контрольные функции между конструкторами флота и правительственными заказами.

В декабре 1854 года за отличие по службе Иван Алексеевич был произведен в капитаны II-го ранга, а за усердие в мае 1855 года был пожалован орденом Святого Владимира 4-й степени с назначением адъютантом к Его Императорскому Высочеству.

С мая 1856 года – начальник штаба у контр-адмирала Евгения Андреевича Беренса. Вскоре за отличие по службе был произведен в капитаны I-го ранга, а в сентябре 1856 года по Высочайшему повелению Иван Алексеевич был командирован в Северо-Американские Соединенные Штаты для наблюдения за постройкой фрегата «Генерал-Адмирал». По возвращении в июле 1859 года на Шестаков был назначен командиром этого же 70-ти пушечного фрегата с переводом в 24-й флотский экипаж. Командуя фрегатом «Генерал-Адмирал» И.А. Шестаков находился в заграничном плавании, пройдя через Балтийское и Северное моря до берегов Англии и обратно.

В августе 1860 года Ивана Алексеевича Шестакова назначили командующим эскадрой в Средиземном море, в данной должности которой он состоял до октября 1862 года.

В апреле 1861 года, за отличие по службе, Иван Алексеевич произведен в контр-адмиралы с назначением в Свиту Его Величества и награждением орденом Св. Станислава.

С апреля 1863 года он становится помощником Главного командира Кронштадтского порта по морской части с оставлением в Свите Его Величества.

По возвращении из заграничного отпуска в апреле 1866 года Высочайшим Указом был назначен Таганрогским, а затем - Виленским градоначальником. В октябре 1869 года Иван Шестаков был отчислен от занимаемой должности гу-

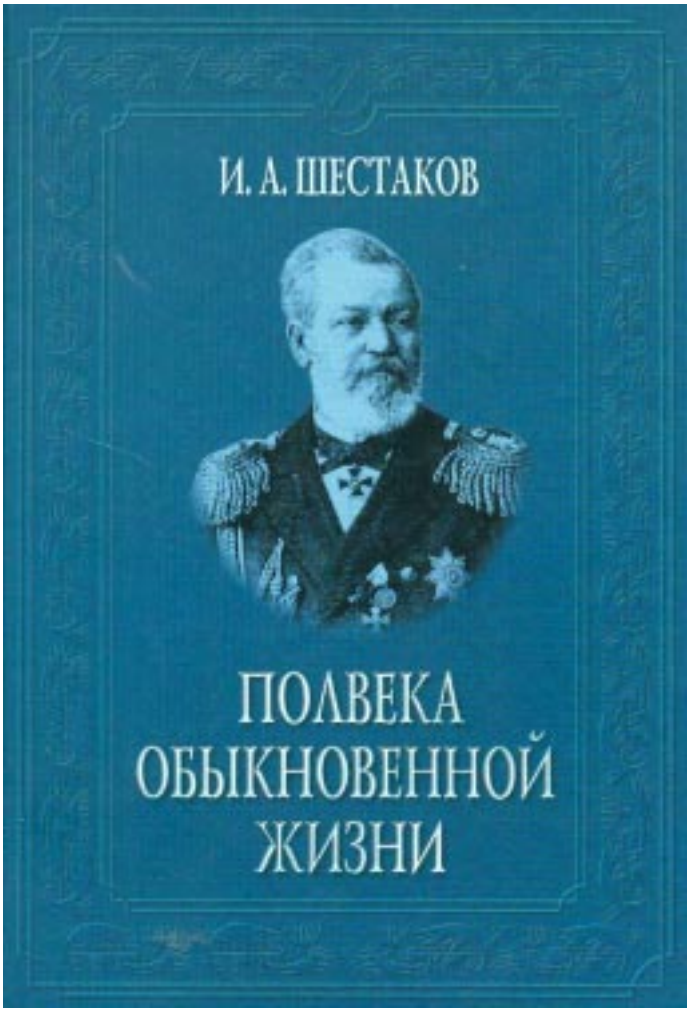
бернатора с зачислением по флоту, а затем и вовсе отправлен в отставку. Иван Алексеевич Шестаков уехал за границу для лечения жены, где прожил более трех лет.

По возвращении в Россию после смерти жены, в январе 1880 года И.А. Шестаков возвращается на военную службу с производством в вице-адмиралы и назначением председателем кораблестроительного отделения Морского технического комитета.

В январе 1882 года Высочайшим Указом Иван Алексеевич был назначен Управляющим Морским министерством с назначением генерал-адъютантом Его Императорского Величества. В январе 1888 года за многолетнюю бескорыстную службу Высочайшим Указом по флоту Иван Алексеевич Шестаков был произведен в адмиралы с оставлением в должности и звании генерал-адъютанта.

Иван Алексеевич Шестаков скончался в Севастополе 21-го ноября 1888 года от паралича сердца во время очередной служебной командировки на Черноморский флот, на 69 году от рождения…

Прах его погребен в Храме Святого Владимира, в нижнем Храме Николая Чудотворца – усыпальнице адмиралов…



Тыртов
Сергей Петрович
(19 августа **1839-1903** 10 января)

Сергей Петрович Тыртов родился в небольшом старинном селе Миронежье, Марьинской волости, Торжокского уезда Тверской губернии в родовом дворянском имении. Вся семья имела отношение к морскому флоту. По традиции во флот пошли и его братья, один из которых – Павел Петрович Тыртов впоследствии стал известным адмиралом, управляющим Морским ведомством. Следуя семейной традиции по морскому делу был определен и Сергей Тыртов – кадетом в морскую роту Александровского корпуса для малолетних детей, откуда был переведен в Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге, по окончании которого выпущен был гардемарином.

В конце Крымской войны 1853-1856 гг. принял боевое крещение участвуя в защите Кронштадта от нападения англо-французского флота, за что получил бронзовую медаль «В память войны 1853-1856 гг.».

В 1856 году был произведен в мичмана с назначением в 3-й флотский экипаж Балтийского флота. В 1860 году Тыртов переведен в 11-й флотский экипаж с назначением на клипер «Абрек» Балтийского флота, на котором совершил кругосветное плавание. Вернувшись в порт назначения в августе 1862 года был произведен в лейтенанты и назначен старшим офицером на клипер «Разбойник». И вновь с августа по ноябрь 1862 года находится в кругосветном плавании. За отличные морские навыки был произведен в старшие офицеры с переводом на корвет «Новик». И вновь – третье кругосветное плавание.

В январе 1867 года С.П. Тыртова вначале назначают старшим офицером монитора «Ураган», а в феврале 1871 года переводят на морскую береговую батарею «Не тронь меня».

Через год произведен в капитан-лейтенанты.

В январе 1873 года последовало новое назначение – командиром 7-пушечного клипера «Гайдамак» и…новое кругосветное плавание, которое продолжалось долгих шесть лет.

За мужество и находчивость, проявленные в море Сергей Петрович был награжден орденом Св. Анны, а в 1879 году произведен в капитаны II-го ранга.

В 1884-1885 годах С.П. Тыртов уже командир фрегата «Генерал-Адмирал», находится в плавании за границей и по Балтийскому морю. За успешное выполнение поручений Императора был удостоен очередного звания капитана I-го ранга с назначением на Черноморский флот со службой на только что спущенном на воду эскадренном броненосце «Чесма».

Здесь, за отличие по службе, вскоре был произведен в контр-адмиралы (январь 1888 г.) с назначением начальником штаба флота и портов Черного и Каспийского морей.

В середине октября того же года его работу на этой должности проверял сам государь-император, по результатам которой он был отправлен в Одессу для участия в работе комиссии по обороне Черноморского побережья.

В 1892 года С.П. Тыртов стал фактическим командующим эскадрой на Черном море, а с октября того же года – начальником эскадры Тихого океана в чине вице-адмирала (1894 г.).

За решительные действия эскадры во время Дальневосточного конфликта был отмечен Императором, который переводит знающего офицера поближе к себе – на Балтику. Был назначен старшим флагманом 2-й флотской дивизии, командовал эскадрой Балтийского моря. Однако здесь его постигает крайняя неприятность, связанная с гибелью броненосца «Гангут», затонувшим в Выборгском заливе 12 июня 1897 года. И хотя Военно-Морской суд Кронштадтского порта, рассматривавший это дело, оправдал командира эскадры вице-адмирала Тыртова (современники свидетельствуют, что заступничество его старшего брата Павла Тыртова спасло его от разжалования), но сам вице-адмирал был отправлен «в ссылку» на Черноморский флот, куда был назначен в мае 1898 года Главным командиром Черноморского флота и портов.

По выслуге лет в августе 1899 года вице-адмиралу С.П. Тыртову был Высочайше пожалован «Знак отличия беспорочной службы».

В том же году на С.П. Тыртова возлагается подготовка к 50-летию обороны Севастополя в Крымской войне (председателем был утвержден Великий князь Александр Михайлович). В состав Комитета тогда вошли как участники обороны, так и представители Черноморского флота, члены Севастопольского Городского управления, архитекторы и историки.

Умер вице-адмирал Сергей Петрович Тыртов 10 января 1903 года и по ходатайству его жены был похоронен в нижнем храме Свято-Владимирского собора на Центральной горке…

Чухнин
Григорий Павлович
(23 января **1848-1906** 28 июня)

В истории России есть имена, которые когда-то стояли у истоков судьбоносных событий, повлиявших на дальнейшую политическую историю великой Империи. Имя одному из них – Чухнин Григорий Павлович. Случись так, что он с честью выполнил бы свой долг до конца – неизвестно по какому бы сценарию стали бы развиваться события, повлекшие за собой кровавую революцию и гражданскую войну.

Григорий Павлович Чухнин родился 23 января 1848 года в городе Николаеве, Херсонской губернии в семье небогатого дворянина, - полковника морской артиллерии, участника Крымской войны 1853-1855 гг.

В десятилетнем возрасте Григорий Чухнин был зачислен в неранжированную роту Морского кадетского корпуса в Санкт-Петербурге, где пробыл до апреля 1865 года, после чего был произведен в корабельные гардемарины с зачислением на новый винтовой фрегат «Светлана», прибывший из Франции (месте постройки) на Балтийский флот.

В августе 1867 года ему присваивается первый офицерский чин мичмана с назначением на броненосный монитор «Латник». В дальнейшем служит в звании лейтенанта на только что отстроенном броненосном фрегате «Князь Пожарский» и корвете «Варяг». В 1878 году в звании капитан-лейтенанта назначается старшим офицером на парусно-паровой крейсер «Азия» с дальнейшим переводом на корвет «Аскольд» и фрегат «Генерал-Адмирал» (с 1882 г.). Уже здесь проявились волевые качества будущего адмирала, как очень строгого и беспринципного офицера.

Свой первый корабль, - канонерскую лодку «Манджур», строящуюся в Копенгагине, - Григорий Чухнин получил в командование 24 ноября 1886 года, на которой в сентябре 1888 года направился на Дальний Восток. В январе 1890 года был повышен в звании до капитана I ранга, а по окончании морской компании – отправлен во Владивосток, где в мае 1892 года вступил в командование крейсером «Память Азова» и сразу же повел его в Кронштадт, где предстоял смотр крейсера и его подготовка к новому походу. За образцовую службу в начале 1896 года был произведен в контр-адмиралы с назначением младшим флагманом эскадры в Тихом океане. Его строгость и полная отдача морскому делу делали Чухнина достаточно неудобным человеком в общении. Но эти же качества весьма положительно влияли на общее о нем впечатление, и особенно со стороны высшего командования. Вот почему уже в октябре того же года контр-адмирал Г.П. Чухнин

был назначен на должность командира Владивостокского порта. «Исполняя должности командиров крейсера и порта, он прилагал все силы, чтобы сделать этот порт настоящей военно-морской базой», - писали о нем историки.

1 июля 1902 года Г.П. Чухнин получает назначение на должность начальника Николаевской морской академии в Санкт-Петербурге и директора Морского кадетского корпуса.

Контр-адмирал Чухнин и здесь добился высочайшей морской исполнительской дисциплины и принципиального отношения к службе. Это подтвердилось и 28 января 1904 года, когда корпус инспектировал сам Император Николай II в сопровождении генерал-адмирала Великого князя Алексея Александровича. За блестящую подготовку кадетов весь выпуск 1904 года Николай II тогда произвел в мичмана.

В мае 1904 года Г.П. Чухнина уже в звании вице-адмирала с назначением главным командиром Черноморского флота и портов Черного моря. 19 мая того же года он прибыл в Севастополь.

Став главным командиром Черноморского флота на пороге революционных событий, обладая твердым характером и сильной волей, адмирал стремился поддерживать на флоте порядок и суровую дисциплину. Однако как для него, так и для России это был период великой политической нестабильности: на пороге стояли революционные события, которые были связаны, в том числе, и с флотом, и которые он оказался не способным остановить…

3 ноября 1904 года.

В Севастополе начались стихийные волнения портовых рабочих. Чухнин, обладающий жестким характером, запретил все увольнения в город всех флотских экипажей. Это вызвало волну матросского недовольства и массового неповиновения. По распоряжению главного командира Черноморского флота уже к вечеру 4 ноября было арестовано несколько сот человек, 35-ть из которых предстали военному суду. В январе 1905 года пять матросов приговорили к каторжным работам, 23 – к заключению в арестантские роты и дисциплинарный батальон. Но и эти мероприятия оказались не особенно действенными, так как уже летом 1905 года произошла серия мощных вооруженных выступлений матросов Черноморского флота.

14 июня 1905 года началось восстание на броненосце «Князь Потемкин Таврический», главным «героем» которого выступил известный в Севастополе унтер-офицер Григорий Вакуленчук, в упор расстрелявший одного из офицеров, и старший квартирмейстер Афанасий Матюшенко. В этом судовом конфликте погиб и сам Григорий Вакуленчук, канонизированный большевиками после октябрьского переворота 1917 года.

Григорий Павлович Чухнин предпринимает отчаянные усилия с тем, чтобы вернуть восставший корабль в Севастополь и отдает распоряжение об аресте и придании восставших матросов военно-полевому суду.

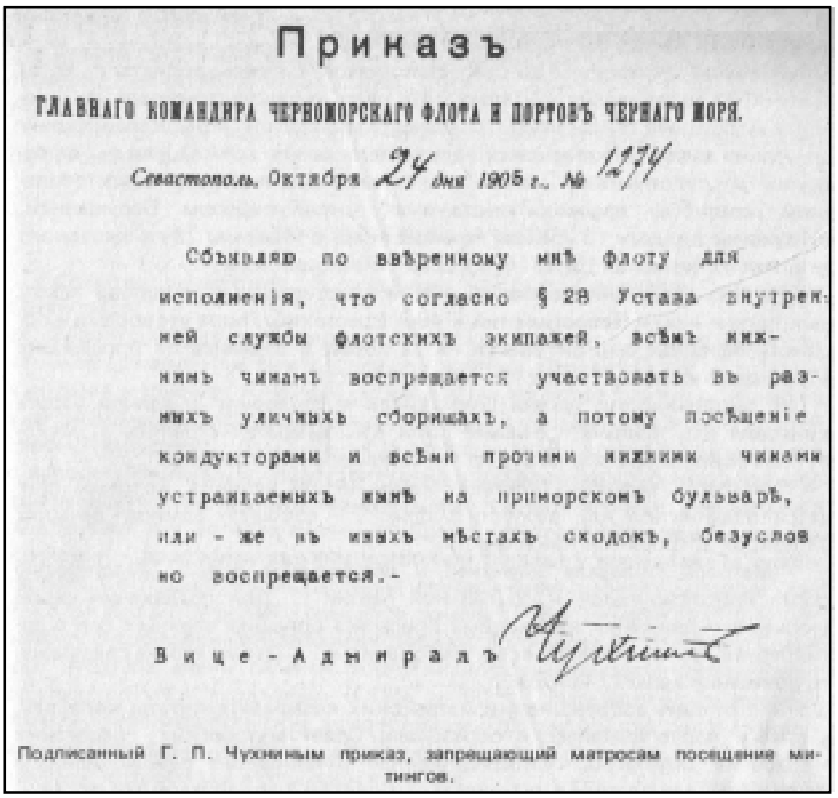
В том же 1905 году, ноября месяца, началось Севастопольское вооруженное восстание. Первыми поднялись береговые части, за ними - крейсер «Очаков». В ночь на 13 ноября 1905 года на крейсер прибыли депутаты большевистского Совета, призывавшие моряков присоединиться к восстанию. Следуя их призыву, матросы под руководством таких же большевиков-матросов: Александра Гладко-

ва, Никиты Антоненко, кондуктора Сергея Частника захватили «Очаков» в свои руки. На следующий день делегация восставших моряков «пригласила» командовать флотом и кораблем члена Севастопольского революционного Совета, лейтенанта Петра Петровича Шмидта (1867-1906). Восставшие подняли на «Очакове» красный флаг, призывая матросов других кораблей последовать их примеру.

Однако и с этими восставшим адмирал Чухнин также расправился быстро, решительно и жестко, стремясь не дать развернуться революционному брожению по всему флоту. За эти жестокие действия в отношении социал-демократов и восставших матросов-большевиков Центральный Комитет партии социал-революционеров приговорил адмирала Г.П. Чухнина к смертной казни. На адмирала началась «охота», закончившаяся несколькими попытками покушения на него.

28 июня 1906 года Григорий Павлович Чухнин был смертельно ранен матросом, работающим у него в саду на даче в бухте Голландия. В ночь с 28 на 29 июня того же года адмирал не приходя в сознание скончался в госпитале на Павловском мысу.

По личному распоряжению Императора Николая II Григорий Павлович Чухнин был похоронен в склепе нижнего храма пантеона Черноморской славы – соборе Святого Владимира на Центральном холме…



Приказъ

ГЛАВНАГО КОМАНДИРА ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА И ПОРТОВЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Севастополь, Октября 24 дня 1905 г. № 1274

Объявляю по ввѣренному мнѣ флоту для исполненія, что согласно § 28 Устава внутренней службы флотскихъ экипажей, всѣмъ нижнимъ чинамъ воспрещается участвовать въ разныхъ уличныхъ сборищахъ, а потому посѣщеніе кондукторами и всѣми прочими нижними чинами устраиваемыхъ нынѣ на приморскомъ бульварѣ, или же въ иныхъ мѣстахъ сходокъ, безусловно воспрещается.-

Вице-Адмиралъ Чухнинъ

Подписанный Г. П. Чухниным приказ, запрещающий матросам посещение митингов.

Шмидт
Владимир Петрович
(15 февраля **1827-1909** 12 февраля)

Судьба распорядилась таким образом, что старинный род потомственных корабелов Шмидтов в царской России стал известен благодаря непростительной для дворянского рода и офицерской чести одного из отпрысков – Шмидта Петра Петровича (1867-1906), возглавившего в самом начале XX века матросский бунт на кораблях Черноморского флота. Шмидты имеют достаточно запутанную родословную линию, проследить которую не так уж просто. Однако не вдаваясь в подробности этой родословной скажем несколько слов в адрес интересующего нас Владимира Петровича Шмидта – сына Петра Николаевича Шмидта (1764-1843), вместе с отцом и дедом прибывшего на российскую службу по приглашению Императора из Франкфурта-на-Майне (Германия).

Владимир Шмидт был старшим сыном П.Н. Шмидта, у которого был еще один сын – Петр и несколько дочерей. Все дети Петра Николаевича заслужили на русской службе высокие чины и славу защитников российского отечества.

Родился Владимир Шмидт в городе Николаеве, Херсонской губернии в семье потомственных корабелов и морских офицеров. Дав ему домашнее образование, в 1841 году, в 14-летнем возрасте, родители определили юношу в Николаевскую школу флотских юнкеров. В апреле 1845 года он был произведен в мичмана и направлен на Балтийский флот в 1-й Учебный морской экипаж в Кронштадте. Владимир проходит практику на 24-пушечном фрегате «Успех» (1845-1846 гг.), на линейном 74-пушечном корабле «Кацбах» (1847 г.), военном транспорте (сухогрузе) «Тверца» (1848 г.).

С марта 1849 года Владимир Шмидт служит на Черном море в 43-м флотском экипаже, участвует в крейсерских походах у абхазских берегов: плавает на 44-пушечном фрегате «Флора», «Коверна», на 16-ти пушечном бриге «Персей», линейном корабле «Силистрия», на 60-ти пушечном фрегате «Кулевчи» (1849-1850 г.), военном 5-ти пушечном пароходе «Грозный» (1850 г.), брандвахтенном 16-ти пушечном бриге «Ахиллес» (1851 г.).

В декабре 1851 года был произведен в лейтенанты.

Крымская война 1853-1856 гг. застала Владимира и его брата – Петра (также морского офицера) на парусном 44-пушечном фрегате «Флора», на котором 9 ноября 1853 года приняли участие в сражении с турецкими пароходами в районе Пицунды. За отличие и отвагу был награжден орденом Св. Анны 3-й степени.

В Первую оборону Севастополя 1854-1855 гг. он служит на фрегате «Флора», а затем – командует линейным 84-х пушечном кораблем «Ростислав», кото-

Боголюбов А. Бой 44-пушечного фрегата «Флора» с тремя турецкими пароходами у мыса Пицунда 9 ноября 1853 года, 1854 г.

рый занимал позицию у Килен-бухты и откуда вел обстрел неприятеля.

На Малаховом кургане командовал морским стрелковым батальоном № 36. За отличие при отражении бомбардировок Севастополя в декабре 1854 года был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Затем до марта 1855 года являлся помощником командира 2-го бастиона, был трижды ранен и контужен, но оставался в строю. За героизм награжден орденом Св. Анны 2-й степени. С конца апреля 1855 года командовал батареей Красовского (№ 19) у Малахова кургана, а с 25 мая и до конца осады возглавлял оборону Ростиславского редута, названного по имени линейного корабля «Ростислав», откуда были перевезены пушки. В августе 1855 года был вновь ранен и контужен. За храбрость и мужество в последние дни обороны города награжден Золотой саблей с надписью «За храбрость».

После Крымской войны Владимир Шмидт продолжал служить то на Балтийском флоте, то на Черноморском: командовал винтовой лодкой «Домовой», пароходом «Скромный», винтовой шхуной «Псезуапе». В сентябре 1859 года «за отличие против горцев» был произведен в капитан-лейтенанты.

С 1862 по 1871 годы Владимир Петрович Шмидт командует небольшой 4-х пушечной прогулочной императорской колесно-паровой яхтой «Тигр», предназначенной для царской семьи.

В 1866 году произведен в капитаны II-го ранга. Через три года он – флигель-адъютант Его Величества с производством в капитаны I-го ранга.

Дальнейшая служба Владимира Петровича проходила на Балтике, где в 1872-1876 годах командует броненосным фрегатом «Севастополь».

Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. был командирован на Дунай в должности начальника отряда морских команд. В июне 1877 года отличился при переправе русских войск через Дунай у румынского города Зимницы, а также совершил несколько боевых рейсов на пароходе «Анет», за что удостоен чина контр-адмирала с зачислением в Свиту Государя Императора.

В августе 1878 года – назначен помощником начальника обороны Финляндских шхер, в 1880 году – младшим флагманом Балтийского флота. С апреля 1884 года – В.П. Шмидт стал исполняющим обязанности старшего флагмана Балтийского флота, а через два года произведен в вице-адмиралы с назначением командующего Тихоокеанской эскадрой. В апреле 1898 года произведен в полные адмиралы и удостоен ордена Св. Александра Невского.

В 1907 году Владимир Петрович Шмидт ушел в отставку. Жил в Ревеле (Таллинн), где скончался 12 февраля 1909 года. По ходатайству родственников и жены был погребен в нижнем склепе Владимирского собора на Центральной горке…

Дефабр
Иван Иосифович
(**1827-1910** 1 октября)

Иван Иосифович Дефабр принадлежал к роду обрусевших французов, приехавших в Россию еще в XVII веке и поэтому фамилию этого человека следует видимо читать, как «де Фабр». Отец его – Иосиф Антонович за заслуги перед отечеством был удостоен дворянского достоинства, дослужился до чина полковника морской артиллерии, участвовал в Синопском сражении. В отставку вышел в чине генерал-майра и был похоронен в 1861 году на старом городском кладбище, что у современной улицы Н.А. Пожарова.

Его сын – Иван Иосифович Дефабр родился в 1827 году в городе Николаеве, Херсонской губернии. Получил домашнее образование и четырнадцатилетним подростком был направлен в школу гардемаринов, а в апреле 1846 года уже был произведен в мичмана с направлением на Балтийский флот, где до 1848 года служил на фрегате «Успех». В том же, 1848 году, был переведен на Черноморский флот, где служил на различных транспортах: «Сухум-Кале», «Рион», на шхуне «Забияка», линейном корабле «Силистрия» и корвете «Калипсо».

В 1851 году за усердие был произведен в лейтенанты с продолжением крейсерской службы на Черном море.

Крымская война началась для него на пароходо-фрегате «Бессарабия» в июне 1854 года. После высадки неприятеля в Крыму и объявления Севастополя на осадном положении, с сентября 1854 года по август 1855 года лейтенант 41-го флотского экипажа И.И. Дефабр состоял при управлении войсками с дальнейшим пребыванием на 5-м бастионе в качестве командира бомбической батареи. Был ранен и снова вступал в строй. Неоднократно награждался ор-

Памятник участникам боев на 5-м бастионе в Первую оборону Севастополя, 1954-1855 гг. (современная территория кладбища Коммунаров).

денами и медалями за храбрость. В конце обороны Севастополя вновь был тяжело ранен и отправлен на лечение в Херсонскую губернию.

После Крымской войны продолжил службу на Черноморском флоте, командуя шхуной «Суджук-Кале» и пароходом «Скромный». В 1859 году был направлен на императорскую 4-пушечную колесную шхуну «Тигр». За блестящее исполнение императорских поручений в октябре 1860 года был произведен в капитан-лейтенанты.

Корвет «Память Меркурия» и шхуна «Тигр».

Дальнейшая служба проходила (до 1865 года) на пароходе «Чатыр-даг» и корвете «Вепрь». После производства в капитаны II-го ранга в марте 1866 года Иван Иосифович командовал корветом «Львица», на котором познавали морское искусство выпускники Николаевских юнкерских классов. За успехи в военно-педагогической работе был награжден орденом Св. Анны 2-й степени с производством в январе 1871 года в капитаны I-го ранга.

Начиная с 1873 года И.И. Дефабр состоит членом различных попечительных организаций с исполнением обязанностей по морской и береговой обороны города Очакова, и заведующего местным портом.

С началом Русско-Турецкой войны 1877-1878 гг. руководил обороной Очакова и черноморских берегов, а в августе-сентябре 1878 года на корвете «Сокол» участвовал во взятии Батуми. В марте 1879 года его перевели на Дунайскую флотилию начальником судов при русской армии в Болгарии (пароходы «Опыт», «Голубчик» и «Взрыв»).

С сентября 1880 года – начальник штаба Главного командира Черноморского флота и портов Черного моря в городе Севастополе. За отличие по службе в 1882 году произведен в контр-адмиралы, а в 1884 году был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени.

В январе 1886 года И.И. Дефабр занял должность начальника штаба и портов Черного и Каспийского морей. В сентябре 1887 года произведен в вице-адмиралы «с увольнением от службы с мундиром и пенсией».

До последних дней своей жизни занимался благотворительностью, а в конце жизни даже являлся церковным старостой при соборе Св. Владимира, где и был похоронен по распоряжению Императора Николая II в начале октября 1910 года…

К сказанному можно добавить несколько слов о его сыновьях: Иване Ивановиче Дефабре, дослужившегося до чина генерал-майора корпуса гидрографов и расстрелянного большевиками в феврале 1918 года; Константине Ивановиче Дефабре – генерал-майоре морского флота, умершего в Санкт-Петербурге (тогда еще – Ленинграде) в 1933 году.

Диков
Иван Михайлович
(17 июля **1833-1914** 13 сентября)

Сложно найти в военной науке человека, кто полностью бы посвятил себя вопросам технического оснащения морских судов, их усовершенствованию и приведению к современным требованиям военной подготовки. Одним из таких морских офицеров был Иван Михайлович Диков, - адмирал, о котором в 1906 году весьма лестно отозвался сам Император России – Николай II: «Вся строевая служба Ваша связана с Черным морем. Начав Ваше плавание на линейных кораблях старого Черноморского флота, Вы через 40 лет командовали броненосной эскадрой возрожденного Черноморского флота. И за этот промежуток времени Вы неустанно работали, применяясь к условиям новой военно-морской техники, и выполняли эту задачу с полным успехом…».

Иван Михайлович Диков родился 17 июля 1833 года в Херсонской губернии. В мае 1854 года поступил в Черноморскую юнкерскую школу в городе Николаеве, Херсонской губернии. Но мирное время скоро закончилось: на пороге стоял неприятель в виде коалиционных войск Франции, Англии и Турции. Началась 349-дневная героическая защита Севастополя. В ней приняли участие и еще не состоявшиеся молодые гардемарины и юнкера. Юнкер Иван Диков сражается на Малаховом кургане, а затем на 3-м бастионе. За храбрость и мужество 21-летний юнкер получает первую в своей жизни награду – Георгиевский крест.

После Крымской войны Ивану Дикову присваивается первый офицерский чин мичмана с назначением в 30-й флотский экипаж Черноморского флота. Служит на шхуне «Абин», «Псезуаппе»; пароходах: «Опыт» и «Турок». Видя склонность юноши к морским наукам и изобретательству командование поручает молодому офицеру возглавить научные исследования по изучению и описанию магнитных излучений дна Черного моря, работа над которым заняло у него несколько лет (результаты этих исследований будут опубликованы в «Морском сборнике»: в 1861, 1863 и 1876 годах).

Параллельно с научными изысканиями И.М. Диков находит возможности поучаствовать в боевых операциях, проводимых командованием Черноморского флота: в 1862-1864 годах, например, на корвете «Кречет» он участвует в боевых действиях на Кавказе, за которые был повышен в чине и награжден орденами: Св. Станислава и Св. Анны 3-й степени, медалью «За покорение Кавказа».

В 60-х годах XIX века Иван Диков, как специалист в области морской гидрографии принял участие в международном проекте по строительству и вводу в действие Англо-Индийского телеграфа, протяженностью в 11000 км., который

по заказу английского правительства осуществляла электротехническая немецкая компания «Сименс-Гальске». Первое сообщение, как известно, было передано 12 апреля 1870 года из Лондона в Калькутту всего за двадцать восемь минут. Это была невиданная по тем временам акция на уровне мирового открытия. Иван Михайлович принял в этом предприятии самое непосредственное участие: на пароходе «Казбек» он руководил укладкой кабеля по дну Черного моря. Его работа была оценена орденом Св. Станислава 2-й степени.

Исследователи жизни и деятельности Ивана Михайловича Дикого отмечают, что телеграф устроенный ученым «действовал до 1931 года, и в Крыму еще в 90-е годы XX века в районе Феодосии можно было видеть остатки стальных опор с надписью «Siemens Brothers».

В 1871 году И.М. Диков назначается помощником директора Черноморских и Азовских маяков. В его ведении: картография, обсерватория, лоцманская служба, маячное дело, ремонт мореходных инструментов и прочее. Фактически он был руководителем всей гидрографической службы Черноморского флота. Вот на этом поприще к И.М. Дикому приходит новое увлечение – минное дело. В Николаеве, Севастополе и Керчи им были организованы минные классы, преподаватели которых занимались подготовкой специалистов по минному делу. Впервые в истории флота стали разрабатываться и внедряться морские торпеды, прошедшие боевые испытания на турецких кораблях: в ночь на 14 января 1878 года у Батума торпедами был потоплен турецкий пароход «Интибах». Активно внедряя минное дело в Русско-Турецкой войне 1877-1878 гг. Иван Диков не забывал своих научных поисков в разработке маячной и телеграфной служб.

По окончании войны Иван Михайлович назначается флигель-адъютантом в свиту Его Величества с одновременным исполнением обязанностей Флаг-Капитана при Главнокомандующем Черноморской флотилией. В 80-х годах он вновь командует Черноморским минным отрядом, в состав которого входили: крейсер «Память Меркурия», две поповки (круглые броненосцы береговой обороны) и несколько миноносок. Для этой цели в 1884 году И.М. Диковым в Николаеве была открыта Минная лаборатория, которая впервые в России стала выпускать торпеды по лицензии английского изобретателя самодвижущихся мин Роберта Уайтхеда (1823-1905).

В годы командования Черноморским минным отрядом капитан I ранга И.Диков много плавает на крейсере «Память Меркурия» и миноноске «Гонец». В 1885-1897 гг. командует фрегатом «Дмитрий Донской», становится старшим флагманом Черноморской флотилии, а в 1888 году получает звание контр-адмирала, затем вице-адмирала (1894 г.).

В 1897 году мы находим И.М. Дикого в Санкт-Петербурге, где до 1900 года он возглавляет Морской технический комитет. Работает над созданием и вооружением совершенно новой морской техники – подводных субмарин. До 1907 года состоит членом Адмиралтейского совета.

В 1905 году Ивану Дикову присваивается звание адмирала. Он становится членом Совета по государственной обороне России, а в конце 1907 года получает пост морского министра Российской Империи.

Умер 13 сентября 1914 года в Петрограде. По решению Императора Николая II тело покойного было перевезено в Севастополь, где захоронено во Владимирском соборе на Центральной горке…

Саблин
Михаил Павлович
(17 июня **1869-1920** 17 октября)

Михаил Павлович Саблин родился 17 июня 1869 года в Севастополе в дворянской семье потомственных моряков. В 1884 году он был определен в Санкт-Петербургский морской кадетский корпус, который окончил в 1890 году. Получив свой первый офицерский чин мичмана, служит на пароходе «Орел», производившим крейсерские походы по Черному морю. В 1896 году ему присваивается звание лейтенанта и предлагается пройти обучение по новой для того времени специальности – минное дело, по окончании которого служит на Тихоокеанском флоте, в составе эскадры которой «был в походах и делах в Китае в 1900 и 1901 гг.».

С 1902 года Михаил Саблин переводится на Балтику, где служит на эскадренном броненосце «Ослябя». В самом начале войны с Японией, вместе с эскадрой Зиновия Петровича Рождественского (1848-1909) направляется на Дальний Восток и принимает участие в Цусимском сражении. В середине мая 1905 года во время боя «Ослябя» была потоплена. В октябре того же 1905 года Саблина назначают старшим офицером учебного судна «Хабаровск», Балтийского флота. В 1906 году освобождается место командира корабля и его, как капитана II ранга, назначают на эскадренный миноносец «Завидный», а с 1908 года он снова служит в родном ему Севастополе, где получает назначение начальником дивизиона миноносцев и канонерскую лодку «Донец».

В 1912–1914 годах, командуя линейным кораблем «Ростислав» уже в чине капитана I ранга, встретил начало Первой мировой войны. Как опытного офицера его назначают на должность начальника Минной бригады, на которую возлагались большие надежды. В апреле 1915 года был произведен в контр-адмиралы, а за умелое руководство соединением в боевых действиях весной 1916 года был удостоен Георгиевского оружия с надписью «За храбрость». Однако назначенный летом 1916 года новый командующий Черноморским флотом вице-адмирал Александр Васильевич Колчак (1874-1920) из-за внутреннего конфликта с М.П. Саблиным отстраняет его от дел.

Министерским ведомством в октябре 1916 года было принято решение о переводе Михаила Саблина на Балтику, куда был назначен «состоять при Морском Министре».

Наступали весьма непростые политические события, которые коренным образом повлияли не только на судьбы людей, но и на политическое развитие самой России.

В середине лета 1917 года М.П. Саблин возвращается в революционный Севастополь на должность начальника штаба ЦентрФлота, командующим которого был адмирал Александр Васильевич Немитц (1879-1967), с представлением в вице-адмиралы (официально в революционном хаосе это звание не было присвоено).

В середине января 1918 года, в условиях победы большевистской власти, М.П. Саблин продолжает занимать видные позиции в морском, но уже мало эффективном флоте: был назначен оперативным членом ЦентрФлота, и даже принимал участие в планировании операций по установлению Советской власти на Черноморском побережье. Более того – «ЦентрФлот» избирает его Командующим Красным флотом (с декабря 1917 по июнь 1918). Историки приводят слова самого М.П. Саблина, написанные в первом его приказе по флоту: «Будучи коренным черноморцем и любя Черноморский флот, я не считаю себя вправе в такую трудную минуту отойти в сторону и нахожу своим долгом служить флоту, пока на это хватит моих сил...». В ночь на 30 апреля Михаил Петрович под огнем немецких полевых орудий вывел шестнадцать эсминцев и линейных кораблей из Севастополя и под Андреевским флагом ушел в Новороссийск, пытаясь, таким образом, сохранить русский флот от немецких колонистов. Однако армия стремительно разлагалась, становилась неуправляемой и Саблин принимает кардинальное решение: «Далее командовать флотом не могу и передаю окончательное командование ЦентрФлоту», - пишет он в телеграмме, отправленной в Москву. Центральный комитет ВКПб и Совнарком требует его немедленного прибытия и 4 июня того же 1918 года Командующий Красным флотом выехал в Москву, где был арестован за невыполнение приказа Совнаркома о потоплении кораблей Черноморского флота.

По причине полного развала и понимания полной безнадежности на будущее России Саблин принимает решение об эмиграции. Так в ноябре 1918 года М.П. Саблин и его семья оказалась в Лондоне.

Однако мысль о спасении «бедной России» не покидала его и в феврале 1919 года он вновь возвращается в Крым, где назначается на должность Главного командира севастопольского порта. Приказом нового Главнокомандующего вооруженными силами Юга России Антона Ивановича Деникина (1872-1947) ему в апреле того же года присваивается звание вице-адмирала с назначением Главным командиром судов и портов Черного и Азовского морей. Ему предписывается срочно готовить морской флот к эвакуации. Но… в сентябре 1920 года неожиданно произошло обострение засторелой болезни. Врачи констатировали: рак печени и 17 октября 1920 года Михаила Павловича Саблина не стало…

По решению Крымского правительства и нового Верховного Главнокомандующего войсками Юга России барона Петра Николаевича Врангеля (1878-1928) вице-адмирала М.П. Саблина похоронили в нижнем храме собора Святого Владимира.

МЕМОРИАЛЬНОЕ БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ ЗАЩИТНИКОВ СЕВАСТОПОЛЯ, 1854-1855 гг.

Мы начинаем наш рассказ с Братского кладбища защитников Севастополя 1854-1855 гг. на Северной стороне, история формирования которого относится к первой половине XIX века, когда здесь, стали появляться первые и еще стихийно выросшие захоронения жителей рабочей слободки. Однако основную нагрузку некрополь испытал с 1854 года, когда тут по приказу вице-адмирала В.А. Корнилова стали производиться массовые захоронения офицеров и матросов, погибших в Первую оборону Севастополя 1854-1855 гг. и называлось оно тогда Петропавловским, включавшим в себя несколько воинских некрополей.

По сведениям некоторых исследователей в крымскую компанию погибло 153 тысячи русских солдат, матросов и офицеров, 96 тысяч французских, 35 тысяч

Панорама Братского кладбища на Северной стороне города Севастополя. Фото - 2010 г.

турецких, 23 тысячи — английских войск. Однако сведения эти периодически опровергаются другими историками, одни из которых эти цифры завышают, другие — уменьшают...

Здесь нет места заниматься анализом политических событий, вызвавших Восточную войну 1853-1856 годов между союзными силами Англии, Франции, Турции и Сардинии, выступивших единым фронтом против России в октябре 1853 года. Заметим только, что беспримерный 349-ти дневный героизм защитников города, начавшийся в середине сентября 1854 года, принес не только бессмертную славу севастопольцам, но тысячи покалеченных и убитых в сражениях, похороненных в разных уголках Крыма и степной части Украины: Севастополе, Симферополе, Мелитополе, Екатеринославле, Николаеве и других местах. Вот, например, как писали некоторые публицисты о начале Крымской войны: «Настал час, когда Крым не смог принять у себя всех увеченных. И в 1855 году «высочайше повелено было увиличить госпитальные помещения в местах, пограничных с Крымом, и постоянно возить туда больных и раненых».

Франц Рубо. Фрагмент панорамы Первой обороны Севастополя, 1854-1855 гг.

Мемориальный комплекс Братского кладбища
Фото - 2010 г.

Первый транспорт в материковую Украину был отправлен 22 марта 1855 года в Берислав. В пространном списке городов и местечек, принявших страждущих, встречаем: Каховку и Павлоград, Николаев и Херсон, Нижние Серагозы и Михайловку Мелитопольского уезда...» [1, с. 4].

Пострадали тогда не только жители и защитники города, но почти полностью был уничтожен морской флот России и морская крепость Севастополь на Черном море. Вот каким увидел его в 70-х годах XIX века известный этнограф и путешественник Евгений Марков: «Севастополь теперь мертвец — это вне всякого сомнения... Целые улицы этих каменных остовов, целые кварталы развалин, одни за одними, одни возле других, на огромном пространстве стоят в гробовом молчании и будто ждут чего-то. Странно и страшно ходить по этим благоустроенным улицам могилы в светлую лунную ночь, никого не встречая, ничего не слыша...».

И далее о Малаховом кургане: «Малахов окружают достойные его жертвы: немой, могильный город, величественный в своей смерти... Миллионы недвижимые и миллионы живые легли вместе, друг на друга и друг подле друга в общей гибели... здесь, собственно, что ни шаг, то кровь... Вся эта глина и известь замешаны на крови; тут ей меры нет...» [2, с.84-99].

О «дыхании смерти» в Севастополе писали как публицисты второй половины XIX века, так и современные историки, перечисляя огромные цифры убитыми и ранеными. Мужественный город защищался в гордом одиночестве. На Северной стороне каждый день сотнями хоронили его защитников. Сегодня уже никто не знает точное число похороненных здесь высших чинов генералов и адмиралов,

офицеров, матросов и солдат. Севастопольский историк Валерий Крестьянников, например, указывает, что на Братском кладбище похоронено не более двадцати пяти тысяч человек, а Владимир Шавшин называет цифру в 50 тысяч, похороненных в более 500 братских могилах и двести индивидуальных надгробий, исполненных лучшими художниками и архитекторами того времени [3, с.157-159].

Одновременно с благоустройством кладбищенской территории в 1857 году началось строительство храма во имя Святого Николая Мир-Ликийского — защитника и покровителя русского воинства.

По первоначальному варианту, исполненному придворным архитектором Андреем Ивановичем Штакеншнейдером (1802-1865), это должен был быть храм в виде приземистой усеченной пирамиды с классическими портиками по всем четырем его граням. Андрей Штакеншнейдер к тому времени был уже достаточно опытным архитектором, построившим дворцы для царской семьи как в Санкт-Петербурге, так и в Ореанде, в Крыму. Однако по представлению князя В.И. Васильчикова Император России Александр II меняет руководителя проекта и поручает строительство молодому и подающему надежды архитектору Авдееву.

А.А. Авдеев. (1819-1885 гг.)

Алексей Александрович Авдеев — сын тульского помещика. Воспитывался в Московском дворянском институте, где под руководством Н.П. Соболевского с 1831 по 1837 годы обучался архитектуре. Любовь к этому занятию привела его в 1843 году в качестве помощника к известному русскому архитектору М.Д. Быковскому, с которым начал свою творческую деятельность.

В 1853-1854 годах А.А. Авдеев участвует в археологических исследованиях древнего города на Таманском полуострове — Танаиса, что при устье Дона. Вернувшись из экспедиции едет в Севастополь, где приступает к сооружению Часовни во имя российского Императора Александра II, посетившего в 1855 году Инкерманские высоты во время смотра русской армии (окончена в 1886 году, не сохранилась) и указанного здесь пирамидального храма во имя Святого Николая-Чудотворца, заложенного в сентябре 1857 и оконченного в 1870 году, часовни на могиле князя М.Д. Горчакова (1861-1863) на Братском кладбище (все — на Северной стороне города Севастополя), памятника на могиле капитана 1-го ранга А.И. Казарского в Николаеве (1865 г.). Он же является автором проекта (совместно с А.И. Штакеншнейдером) Владимирского собора, сооруженного на вершине Центрального холма в Севастополе (1856-1871 гг.), за который по высочайшему повелению Александра II, в совокупности с постройками на Братском кладбище, получил звание академика архитектуры. (Среди других, следует указать на мемориальную церковь в Кучук-Ламбате, возведенную над могилой князя Гагарина; церковь Покрова Богородицы в Ореанде (1885 г.) и другие).

А.А. Авдеев вносит коррективы в архитектурный облик пирамидального храма, благодаря которым он стала выше, отчасти оттого, что в его верхней части

Свято-Никольский собор Братского кладбища на Северной стороне города Севастополя. Фото - 2010 г.

разместили звонницу. Крест стал также более массивным, а в стенах появились узкие окна с сандриками.

Таким образом храм-пирамида стал своеобразным символом непобедимости русского солдата и русского оружия.

Тогда еще никто не предполагал, что строительство храма растянется на долгие тринадцать лет. Работа продвигалась крайне медленно и, в основном, из-за нехватки средств. Пожертвования поступали из многих городов и разных уголков России. Присылали деньги офицеры и чиновники, родственники погибших в Севастополе воинов, солдаты и матросы. Но денег катастрофически не хватало. А тут еще происшествие, которое чуть ли не поставило под сомнение весь архитектурный проект: осенью 1860 года, когда на вершине пирамиды устанавливали крест (вес 1500 пудов, высота 6,8 м.), вырубленный из диорита, под его тяжестью рухнула кровля и хотя жертв не было, но здание сильно пострадало.

...Новый крест водрузили лишь в феврале 1864 года.

Пирамидальный храм квадратный в плане (20,5 х 20,5м). Сложен он из местного крымбальского камня высотой в 27-мь метров.

С четырех сторон пирамиды находятся ризалиты, в которых устроены окна вытянутых пропорций с сандриками. Над ними арочные проемы с колоннами дорического ордена, ведущие в небольшую звонницу.

На гранях пирамиды выше рустованной кладки вмонтированы плиты из темного гранита с перечислением воинских соединений, принимавших участие в Первой обороне Севастополя и понесенных потерях. Центральный вход решен в виде мощного портика с арочным проемом. Такой прием, по мысли архитектора, должен придать храму неоклассический характер. Однако, как мы знаем, в самой пирамидальной основе лежат поиски исторических стилей, о которых исследователь архитектуры Е.Кириченко пишет: «С утратой высокого идейного звучания классицизм теряет художественную убедительность, превращаясь в сумму мертвых догм, в казарменный стиль...на смену идеалам философии Просвещения приходит сознание, проникнутое романтической окраской и историзмом» [4, с. 51].

В свою очередь историзм в своем развитии опирается на эклектизм и стилизаторство, чем, собственно, и является памятник церковной архитектуры на Братском кладбище Северной стороны. Речь идет о правдоподобии и подражании своему оригиналу, где «Имитируется не отдельный элемент системы, но вся система с характерными для нее связями, формами, хотя и истолковывается декоративно» [5, с. 53].

В 1870 году все строительные и отделочные работы были завершены и в присутствии генерал-адмирала Великого князя Константина Николаевича — младшего брата Александра II, храм Святого Николая освятили...

Однако вернемся к территории Северной стороны и некрополю Братского кладбища.

Северная сторона — это простонародное название части города, которой к началу Первой обороны Севастополя практически еще не было. Исследователи-краеведы писали: «Здесь находились Константиновский и Михайловский форты, Северное укрепление, батареи, сахарный завод, дача главного командира (в бухте Голландия), казармы, отдельные дома для офицеров и караула, военные склады... Заселяться Северная начала в 1854-1855 гг. Сюда прибывали беженцы с осажденной врагом Южной стороны, торговцы из Симферополя... Мало-помалу, с увеличением досягаемости полета неприятельских снарядов, подавался он далее и далее от рейда... и отодвинулся, наконец, даже на две версты от Северного укрепления» [6, с.72].

Вот здесь, на обширной территории, располагаются могилы убитых, умерших от ран или завещавших похоронить себя рядом с собратьями по оружию. Большинство из них так и остались неизвестными, похороненными за годы обороны в десятках или сотнях Братских могил, хаотично разбросанных по западному и северному

склонах холма. Вряд ли история когда-либо узнает точную цифру здесь погребенных. Для этого нужно будет проводить специальные раскопки, а как известно, - прах умерших тревожить не следует...

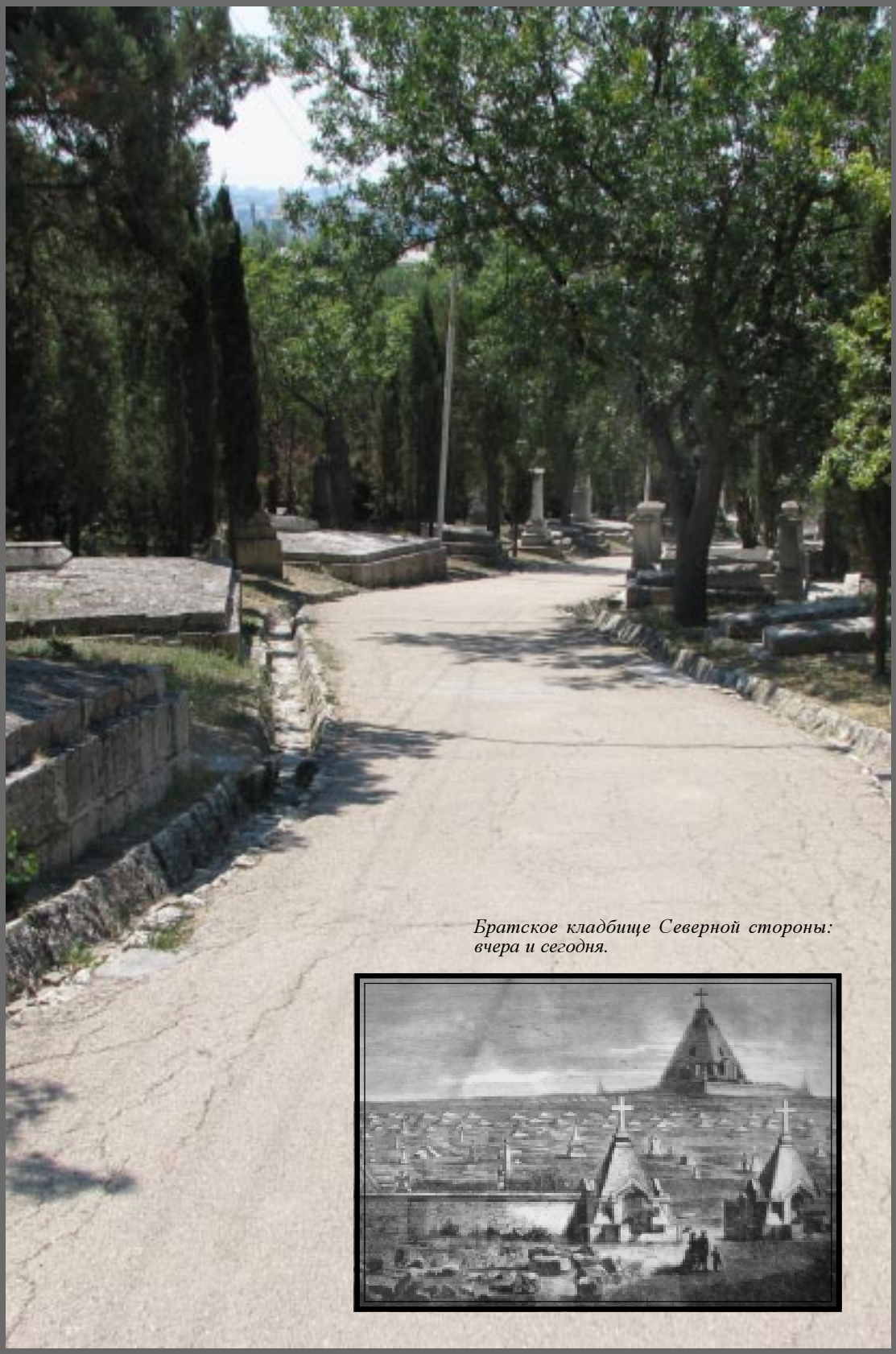
При всей своей упорядоченности здесь все же присутствует некая хаотичность захоронений. Тем не менее: в 1857 году захоронения были обнесены каменным забором, а в 70-х годах XIX столетия Симферопольская инженерная дистанция, распологавшаяся в Севастополе, при поддержке Военного ведомствав города стала проводить постепенное «окультуривание» захоронений: приводить территорию в благополучный и пристойный такому некрополю вид, благоустраивать захоронения известных личностей, устанавливать или реконструировать надгробия и памятники мемориальной культуры. К сожалению отсутствие даровитых художников монументального искусства, достаточных материальных средств и глубокая отдаленность от столицы не способствовали созданию высокохудожественных произведений мемориальной скульптуры. Большинство из известных памятников исполнены в виде стел или часовен, расположенных в основном по главной аллее, ведущей к Свято-Никольскому храму.

Следует заметить и другую особенность данного некрополя: он (опять-таки по стихийному принципу анархизма) не стал отдельно взятым некрополем защитников Севастополя Первой обороны. Здесь покоится прах обычных аборигенов Северной стороны, территория которого распространяется на северо-восточную сторону холма; здесь лежат защитники Севастополя Великой Отечественной войны; нашли свой приют деятели советско-партийного военного и гражданского чиновничества; ближе к храму располагаются могилы церковнослужителей и мучеников за православную веру...

Словом — всем пригодилась земля Братского кладбища, всех она примирила в общей могиле под названием Смерть...

Типы безымянных Братских захоронений на Северной стороне города Севастополя. Фото - 2010 г.

Типы безымянных Братских захоронений на Северной стороне города Севастополя. Фото - 2010 г.



Братское кладбище Северной стороны: вчера и сегодня.

Абаза
Эраст Аггеевич
(13 апреля **1819-1855** 10 мая)

С именем Эраста Абазы – майора Житомирского полка, похороненного на Братском кладбище в мае 1855 года, - связано много легенд, слухов и явных вымыслов. Связаны они, в первую очередь, не столько с ратными подвигами молодого 36-летнего гусара, а сколько с его музыкальными способностями, сочинительством и гусарским удальством. Так, по воспоминаниям князя А.В. Мещерского, - ротмистр Эраст Аггеевич Абаза служил в лейб-гвардии гусарском полку, расквартированном в Молдавии. С началом Крымской войны неоднократно подавал прошение о переводе его в действующую армию, что и было, наконец, удовлетворено в апреле 1853 года. Эраст Абаза направляется в Севастополь в звании майора и командира батальона Житомирского полка, 14-й дивизии. Служит на 5-м бастионе – первой пехотной дистанции генерал-майора А.О. Аслановича, занимавшем высоту от современной площади Восставших и горбольницы № 1 до Карантинной бухты.

Эраст Абаза происходил из молдавского старинного дворянского рода, который в дальнейшем переселился в жалованные за особые заслуги перед русским царем Петром I в борьбе с войсками шведского короля Карла XII, земли в Суджанском уезде, Курской губернии, где к указанному времени у них сохранилось небольшое родовое имение Куриловка (здесь до сих пор работает местный краеведческий музей, где рассказывается не только об имении, но и знаменитом композиторе Абазе). У его отца – Аггея Васильевича Абазы (1782-1852) и матери – Прасковьи Логиновне Манзей было девять детей, вторым из которых был Эраст.

Все семейство Абазов отличалось высокой культурой и духовностью. Многие из них стали композиторами, общественными деятелями, просветителями и меценатами. Здесь, в Куриловке, не раз гостили именитые личности: Иван Тургенев, Петр Чайковский, Федор Тютчев, Лев Толстой и многие другие.

Эраст Абаза по старинной семейной традиции поступил в лейб-гвардии гусарский полк, расквартированный в Царском Селе, откуда вышел корнетом в 1842 году, дослужился до штаб-ротмистра и в апреле 1847 года вероятно вышел в отставку. Однако с началом военных действий на Балканах и в Крыму вновь вступил в гусарский полк, расквартированный в Молдавии, откуда и прибыл в Севастополь.

Принял самое деятельное участие в Первой обороне Севастополя и получил смертельное ранение в ночь с 10 на 11 мая 1855 года в бою за ложементы (окопы) у Рудольфовой горы. Вместе со своим товарищами был похоронен на западном склоне Братского кладбища. Место захоронения не было локализовано (или со временем было утрачено) и в 2003 году на предполагаемом месте захоронения по проекту севастопольского архитектора Георгия Саркисовича Григорьянца (1948 г. р.) ему был установлен мемориальный памятник.

Памятник представляет собой сложную композицию, состоящую из мощного православного креста, вписанного в символический абрис греческого инструмента лиры из черного гранита, по плоскости которой прорезаны канелюры в виде струн. Крест установлен на таком же гранитном саркофаге, от которого крутой волной спускается свиток с нотами «Утро туманное…». Следует заметить, что согласно эскизному проекту весь памятник должен был бы быть выполнен не в черном граните, а в белом мраморе...

А теперь несколько слов о прославившем его музыкальном произведении.

В историю музыкального искусства Эраст Абаза вошел как сочинитель романса и музыки на стихотворные строки Ивана Сергеевича Тургенева (1818-1883): «В дороге», в простонародье получившем название: «Утро туманное…». Романс был им сочинен, как полагают некоторые исследователи, в момент одной из гусарских пирушек в Царском Селе. Однако прямых и достоверных фактов этому событию нет, так как другие исследователи полагают, что к сочинительству мог-

Г.Григорьянц. Проект памятника Э.Абазе на Братском кладбище. 90-е годы XX в.

ли быть причастны как его братья, которые также были молодыми офицерами и музыкантами-любителями, так и свояченицы (например, - Юлия Абаза, урожденная Штуббе (1830-1915) – салонная певица и жена брата Александра Аггеевича Абазы (1821-1895), которой также приписывается этот романс) и не менее талантливые его родственники. Все они тогда увлекались сочинительством, игрой на гитаре и фортепиано. Таким образом мы не можем с достоверностью говорить об авторстве этого романса и принадлежности его Эрасту Абазе. Однако уже одно то, что гранитный памятник на Братском кладбище имеет явный намек на принадлежность к романсу Эраста Абазу, можем констатировать – романс «Утро туманное, утро седое…» раз и навсегда нашел своего автора…

Памятник лейтенанту 34-го флотского экипажа ***Белавенец Николаю Петровичу****.*
Участник Синопского сражения.
Убит 24 октября 1854 г.
Братское кладбище. Фото - 2011 г.

Памятник прапорщику Екатеринбургского пехотного полка, участнику Инкерманского сражения ***Брацианову Николаю Филипповичу (1832-1908)****.*
Братское кладбище. Фото - 2011 г.

Памятник военному инженеру, участнику Черноречeнского сражения под Севастополем и Русско-Турецкой войны 1877-1878 гг, генерал-лейтенанту ***Бульмерингу Евгению Михайловичу****. Родился 14 ноября 1833 г., скончался 4 ноября 1897 г. Братское кладбище. Фото - 2011 г.*

Памятник командиру Лейб-Бородинского Его Величества полка полковнику Веревкину-Шелюте Евстафию Игнатьевичу. Скончался 16 ноября 1835 г.
Братское кладбище. Фото - 2011 г.

Горчаков
Михаил Дмитриевич
(**1793-1861** 18 мая)

Михаил Дмитриевич Горчаков – представитель старинного дворянского рода, происходившего от черниговских князей. Его отец – Дмитрий Петрович Горчаков (1758-1824), - одно время воевал под знаменами А.В. Суворова, затем служил на административных должностях в Крыму и Костроме, в конце жизни стал довольно известным московским писателем-сатириком. Сын, - Михаил Горчаков, - закончил в Костроме частное учебное заведение, после чего был определен юнкером в Петербургский лейб-гвардии артиллерийский батальон, откуда вышел через два года (1809) в чине подпоручика.

В это время Россия находилась в состоянии войны с Ираном и Турцией, и молодой офицер был командирован на Кавказ. Там он служил адъютантом у главнокомандующего русской армией в Грузии – Филиппа Осиповича Паулуччи (1779-1849), - француза на русской службе. Боевое крещение получил при сражении с персидским отрядом, следовавшим из Делижанского ущелья по направлению к Шамхорскому мосту. Возвратясь в гвардейскую артиллерию, молодой Горчаков участвовал в боевых сражениях Отечественной войны 1812 года. Отличался храбростью, проявил себя в сражениях под Бородино; Лютценом (западной окраиной Саксонии), Бауценом, при атаке Дрездена и под Лейпцигом, заслужил несколько боевых орденов, стал штабс-капитаном.

В 1817 году Михаил Горчаков был произведен в полковники с назначением в генеральный штаб по квартирмейстерской части. В 1820 году стал начальником штаба 3-го пехотного корпуса. В чине генерал-майора, участвовал в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. Умело и мужественно действовал при переправе корпуса через Дунай, при осаде и взятии Силистрии, - правобережного города на Дунае в Болгарии, принадлежащего тогда Турции. В период блокады крепости Шумен, переименованного турками в город Шумла, заслужил орден святого Георгия 3-й степени и звание генерал-адъютанта.

Перед самым началом польского восстания 1830-1831 гг. Михаил Дмитриевич получил назначение на должность начальника штаба 1-го пехотного корпуса. После сражения у Вавр (польского местечка, где 19 февраля 1831 года произошло сражение) заменил раненого генерал-адъютанта Николая Онуфриевича Сухозанета (1794-1871) на посту начальника артиллерии действующей армии. Деятельно помогал главнокомандующему Ивану Ивановичу Дибичу (1785-1831) – генерал-фельдмаршалу из Пруссии на русской службе в сражениях у деревни Грохов и польского городка Остроленки (февраль-май 1831 года). Затем под ру-

ководством нового главнокомандующего – графа Ивана Федоровича Паскевича (1782-1856) принимал участие во взятии Варшавы и окончательном усмирении польского восстания. Незадолго до завершения польской кампании Михаил Горчаков стал у И.Ф. Паскевича начальником штаба и оставался первым помощником фельдмаршала вплоть до 1853 года – начала Крымской (Восточной) войны.

В 1844 г. он был произведен в генералы от артиллерии. В качестве начальника штаба войск И.Ф. Паскевича участвовал в венгерской кампании 1849 года.

Начало 50-х годов XIX столетия характеризуются эскалацией напряженности с Турцией по всему Балканскому полуострову и северу Австрии.

11 марта 1854 года войска М.Горчакова форсировали Дунай у Браилова (современного поселка Винницкой обл.), прошли через портовый город Галац на востоке Румынии и Измаила, что недалеко от Одессы. Вскоре были заняты турецкие крепости Исакча и Тульча в городе Добрудже, что на правом берегу Дуная (Румыния) и др.

Однако вскоре Австрия, недовольная действиями России на Балканах, стала угрожать российскому императору войной и Николай I предпочел успокоить австрийцев уходом из придунайских княжеств.

Это были годы нагнетания международной войны, вылившиеся в Русско-Турецкую коалиционную войну 1853-1856 годов. Быстрее других осознав, что главные события войны развернутся южнее, в Крыму, он по собственной инициативе направил в распоряжение главнокомандующего сухопутными и морскими силами в Крыму князя А.С. Меншикова (1787-1869) 16-ю пехотную дивизию. Это вызвало недовольство со стороны И.Ф. Паскевича, но Император Николай I одобрил инициативу Михаила Горчакова. Также по собственной воле Михаил Дмитриевич командировал к Меншикову своего лучшего военного инженера Эдуарда Ивановича Тотлебена (1818-1884), которому впоследствии суждено было сыграть значительную роль при защите Севастополя.

В отличие от Меншикова, считавшего высадку противника на Крымское побережье осенью 1854 года невозможной, Горчаков в своих письмах к нему пытался убедить его в обратном, высказывал различные советы по поводу необходимых действий, но они имели малый эффект. В начале сентября 1854 года высадка противника у Евпатории состоялась, и вновь Михаил Дмитриевич самостоятельно проявляет заботу о Крыме: шлет Меншикову легкую резервную кавалерийскую дивизию, уланскую дивизию и Уральский казачий полк, позже – 11-ю и 12-ю пехотные дивизии, 4-й саперный батальон, артиллерию, переправляет в Севастополь шанцевый инструмент и продовольствие.

После ряда неудачных сухопутных сражений в Крыму и резкого ухудшения положения Севастополя война подошла к своей критической фазе. Александр II, вступивший на престол в феврале 1855 года, отозвал князя Меншикова с поста главнокомандующего крымской армией и назначил на эту должность Михаила Дмитриевича Горчакова. В рескрипте по случаю назначения он писал: «Севастополь несомненно вам обязан, что доселе в состоянии держаться против всех усилий союзников. Если бы не ваше благородное самоотвержение, с которым вы жаловали крымскую армию и войсками, и всеми необходимыми военными потребностями, может быть, он был бы уже в руках неприятеля».

Получив, наконец, самостоятельную и ответственную должность, Горчаков надеялся, что сможет спасти положение в Крыму. Питая иллюзии насчет всей организации крымской обороны, он по прибытии в Севастополь издал приказ, в котором говорил: «Самое трудное время для нас миновало: пути восстановлены, подвозы запасов идут безостановочно... Принимая начальство над вами, я в полном уповании, что вскоре с Божьей помощью конечный успех увенчает наши усилия». Однако новому главнокомандующему скоро пришлось убедиться в непреодолимых трудностях, окружавших его со всех сторон. Предвидя несчастливый исход обороны Севастополя, Горчаков заблаговременно позаботился о строительстве южного моста через Севастопольскую бухту для возможной эвакуации войск, защищавших город.

Не выработав ясного замысла действий, Горчаков под давлением лиц из императорской свиты принял решение осуществить активные действия у Черной речки и начал наступление. 4 августа 1855 года состоялось генеральное сражение, которое он, как главнокомандующий, проиграл потеряв более восьми тысяч человек убитыми, тем самым еще более усугубив положение осажденного Севастополя. 27 августа 1855 года крепость Севастополь не устояла и князь М.Д. Горчаков вынужден был отдать приказ об оставлении города, взорвав пороховые погреба и верфи, затопив на рейде оставшиеся суда.

Хотя усилия Горчакова по спасению Севастополя были безуспешны, Александр II счел своим долгом утешить его письмом, в котором он писал: «Явив себя в сей тяжкой борьбе превыше враждебных обстоятельств, вас окружавших, в мужественном их преодолении, в предусмотрительном сохранении вверенных вам войск, вы, в развалинах твердынь Севастополя, воздвигли памятник несокрушимой славы себе и армии...».

Фрагменты памятника генералу от артиллерии, главнокомандующему сухопутными и морскими силами в Крыму (с февраля 1855 г.) ***Горчакову Михаилу Дмитриевичу*** *(1793-1861).*
Братское кладбище. Фото - 2011 г.

В конце 1855 года М.Горчаков был заменен в Крыму генерал-адъютантом Александром Николаевичем Лидерсом (1790-1874), а в январе 1856 года, по смерти фельдмаршала И.Ф. Паскевича, назначен наместником Царства Польского и главнокомандующим вновь сформированной 1-й армии. Он оставался на своем посту в Варшаве до самой смерти в 1861 году...

На Братском кладбище в центре некрополя высится удивительный памятник-часовня в виде архитектурной ротонды, поднятой черно-мраморными колоннами на высокий стилобат. Его автор – московский архитектор Алексей Александрович Авдеев (1819-1885), много построивший не только в Москве, но и провинциях России и Украины. В Севастополе ему принадлежит пирамидальный Свято-Никольский собор, построенный на Братском кладбище в 1857 году (более подробно о нем см. в книге: А.Коваленко. Архитектура Севастополя в стилях и направлениях. – Симферополь: Доля, 2010. – 456 с.: ил.).

Памятник-часовня исполнена А.Авдеевым в 1861-1863 годах. На боковых створках помещены резные орнаменты, украшенные семейным гербом. На шлемовидном навершии – металлический крест. Высота часовни от основания – 9,8 м.

Когда-то в часовне был установлен бюст генерала, исполненный в белом мраморе, который был утрачен в годы Второй обороны Севастополя (1942 г.). Весьма в плохом состоянии находится и фресковая живопись, покрывающая внутренние стены часовни, исполненная выпускником Московского училища живописи и ваяния Михаилом Николаевичем Васильевым (1830-1900) – автором иконописных и фресковых работ в Свято-Никольском храме, о котором мы писали выше. В нише под часовней лежит прах Михаила Дмитриевича Горчакова, который возжелал быть похороненным рядом со своими боевыми собратьями – защитниками Севастополя, что и было исполнено его родственниками…

Памятник генералу от артиллерии, главнокомандующему сухопутными и морскими силами в Крыму (с февраля 1855 г.) ***Горчакову Михаилу Дмитриевичу*** *(1793-1861). Братское кладбище. Фото - 2011 г.*

Зацепин
Николай Константинович
(23 ноября **1818-1855** 10 мая)

В феврале-марте 2006 года в стенах Михайловского (Инженерного) замка в Санкт-Петербурге состоялась художественная выставка выпускников Инженерного училища, открытого в его стенах в 1822 году Великим князем и будущим Императором России – Николаем I. На этой выставке было представлено большое количество произведений из Русского музея. Экспонировались здесь и произведения Николая Константиновича Зацепина – военного инженера, полковника, погибшего в возрасте тридцати семи лет в Крымской войне, в битве за Севастополь.

Будучи талантливым художником Николай Зацепин берет уроки у самого Карла Павловича Брюллова, от которого воспринял высокое исполнительское мастерство и технику живописца. К сожалению военная карьера и ранняя смерть не позволили ему полностью раскрыть свое дарование. Но даже сегодня художественная критика и историки искусства с большой долей уважения изучают его живописные полотна: «Портрет пожилой женщины» (1849), «Молящаяся девушка» (1849), «Монастырки на клиросе» (1852), «Портрет Ф.А. Уварова», «Портрет В.Н. Ростовцевой» и другие. Следует заметить, что живописное полотно «Монастырки на клиросе» до сих пор экспонируется в Инженерном замке: ее отмечает сдержанная красота, академическая строгость исполнения не без легкого налета романтизма и поэтики.

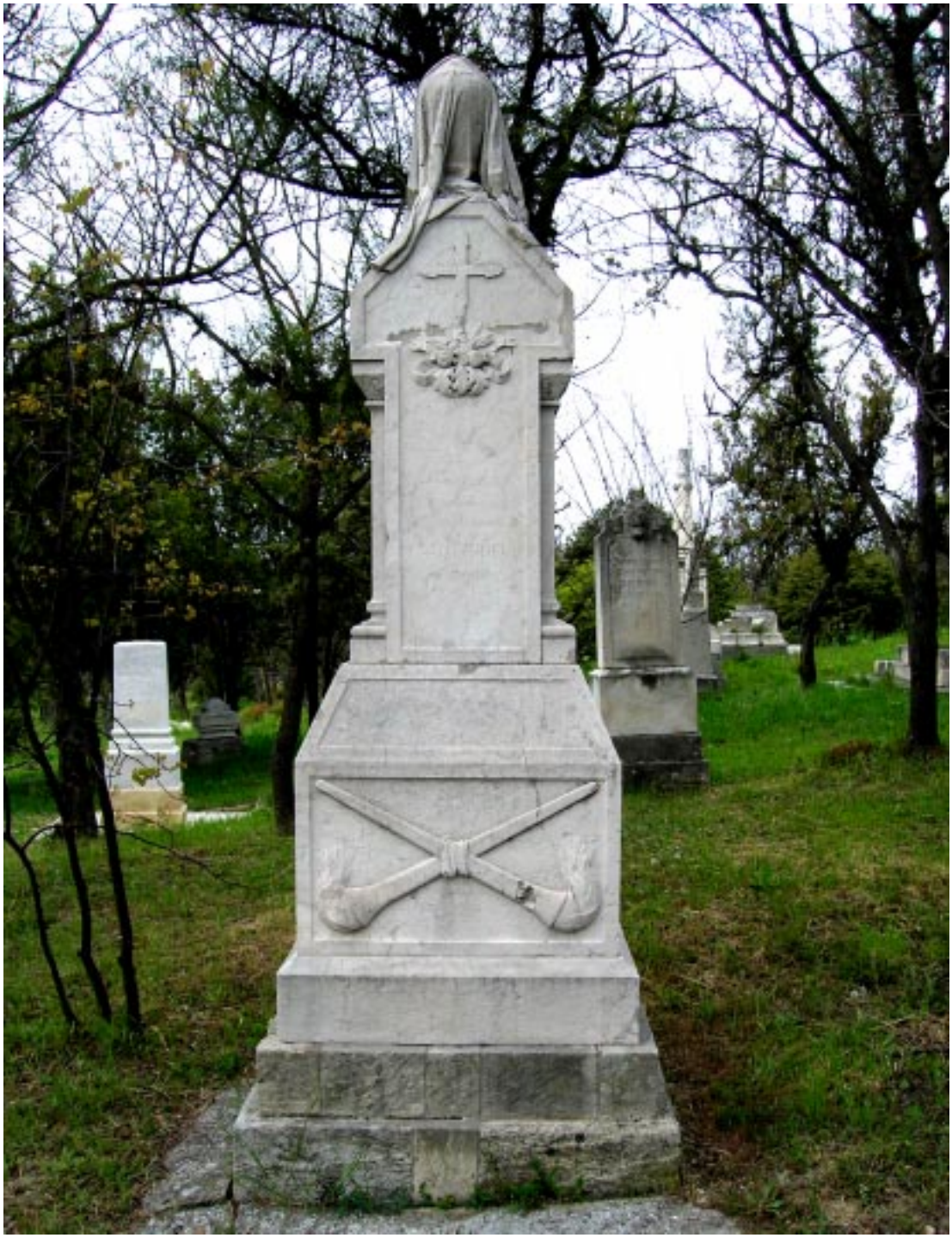
Н.Зацепин. Монастырки на клиросе, 1852 г.

Н.К.Зацепин родился в дворянской семье Романовского уезда, Ярославской губернии. Родители мечтали дать сыну военное образование и поместили молодого юношу в Главное Инженерное училище, расквартированном в Михайловском (Инженерном) замке Санкт-Петербурга (с 1855 года - Николаевская инженерная академия), откуда он в 1838 году был выпущен в звании прапорщика лейб-гвардии Саперного батальона, расквартированного в Санкт-Петербурге.

В 1841 году получил назначение в саперный батальон на Кавказе, где принял боевое крещение в войне с горца-

ми. За восточный изобразительный цикл был призван Императорской академией художеств своим почетным Вольным общником (1849 г.).

Во время Крымской (Восточной) войны в чине полковника командовал 3-м саперным батальоном, принимал деятельное участие в укреплении Севастополя и в геройской его обороне. В ночь с 10 на 11 мая 1855 года был убит наповал двумя пулями во время ночных работ перед 6-м бастионом...



Памятник генералу-майору ***Защуку Александру Иосифовичу****. Родился 9 февраля 1828 г., скончался 29 января 1905 г.*
В период обороны Севастополя служил в штабе, участвовал в Чернореченском сражении, в Байдарской долине и других сражениях.
Братское кладбище. Фото - 2011 г.

Памятник штабс-капитану Подольского пехотного полка ***Красницыну****. Умер от ран 27 мая 1855 г. Братское кладбище. Фото - 2011 г.*

Кислинский
Петр Иванович
(5 октября **1806-1880** 17 июня)

Среди почетных граждан города Севастополя числится один из выдающихся адмиралов царской России – Петр Иванович Кислинский. Его имя было достаточно популярным в послевоенном Севастополе второй половины XIX века. Блестящий офицер с бескомпромиссным характером, для которого слово чести было превыше всего.

К сожалению сведения о нем крайне скудны. Краеведы и историки, цитируя друг друга, говорят о нем мало, оперируя одними и теми же фактами: 14-ти летним юношей поступил в Санкт-Петербургский Морской кадетский корпус, откуда в 1823 году вышел в чине мичмана с назначением на Черноморский флот. Первым его самостоятельным походом уже в чине офицера стал выход на небольшой парусной йоле с несколькими пушками в составе русской флотилии под командованием вице-адмирала А.С. Грейга (1775-1845) против Турции в 1828 году. За храбрость при взятии крепости Варны в Болгарии (сентябрь 1828 года) был награжден орденом Св. Анны. Затем был штурм Сизополя (январь-февраль 1829 года), Геленджика и других турецких форпостов.

С начала 30-х годов XIX столетия Петр Кислинский вновь на арене боевых действий. На этот раз он, вместе с войсками генерала А.А. Вельяминова (1785-1838) и контр-адмирала М.Н. Станюковича (1786-1869), участвует в сражениях с горцами на Кавказе, командуя одномачтовым тендером «Скорый», а после гибели судна во время шторма в 1838 году под Туапсе, - бригом «Телемак», на котором успешно прослужил до 1843 года.

В 1844 году капитан-лейтенант П.И. Кислинский назначается командиром 20-ти пушечного корвета «Менелай», недавно спущенного со стапелей севастопольского адмиралтейства. Сторожевому кораблю предписывается прибыть в порт Пирей, что в нескольких километрах от Афин (Греция). Здесь командир корабля близко сходится с царской семьей, отдыхавшей в Оливуце (в честь этого события корвет «Менелай» переименовывается в «Оливуц»). А вскоре в составе других военных кораблей сопровождает царскую семью с Великим князем Константином Николаевичем по заграничному турне. После этих событий, в 1849 году, П.И. Кислинский производится в капитаны I ранга с назначением командиром линейного 84-х пушечного корабля «Ягудиил» с базированием в Севастополе. Здесь он вместе с флотилией П.С. Нахимова участвует в военных походах начинающейся Восточной войны; здесь он встретил и Первую оборону Севастополя 1854-1855 гг.

С первых дней обороны корабль П.И. Кислинского вел активные военные действия против коалиционных войск противника, а после распоряжения главнокомандующего сухопутными и морскими силами в Крыму князя А.С. Меншикова (1787-1869), - о затоплении кораблей на подступах к Южной бухте Севастополя в августе 1854 года, - одним из последних исполнил приказ.

Со снятыми пушками и своей морской командой держал оборону в районе Пересыпи (ныне – территория железнодорожного вокзала). За героизм, проявленный при обороне Севастополя был произведен в контр-адмиралы с награждением орденом Св. Владимира.

После Крымской войны на П.И. Кислинского были возложены обязанности коменданта севастопольского порта и военного губернатора города. При его непосредственном участии было учреждено «Русское общество пароходства и торговли», открыто отделение Государственного банка, создан музей истории Черноморского флота и др.

За заслуги перед отечеством в 1873 году был избран Почетным гражданином города Севастополя, а через год – произведен в полные адмиралы.

На его могиле установлен обелиск в виде величественной монументальной мраморной резной стелы с мемориальной надписью: «Адмирал Петр Иванович Кислинский. Родился 5-го октября 1806 г. Скончался 17-го июня 1880 г.»…

Мемориальная стела на захоронении П.И. Кислинского на Братском кладбище Северной стороны. Фото - 2010 г.

Гранитная стена с перечислением Почетных граждан Севастополя на аллее Славы на проспекте имени П.С. Нахимова. Фото - 2011 г.

Красовский
Николай Иванович
(9 мая **1827-1875** 27 марта)

Николай Иванович Красовский родился в небогатой дворянской семье в Херсонской губернии. В 1841 году 14-летний мальчишка, мечтая о морских путешествиях, поступил гардемарином на один из кораблей Черноморского флота. В 1845 году был произведен в прапорщики 13-го ластового экипажа, а в следующем году он уже мичман.

В ноябре 1853 года в чине лейтенанта принял участие в Синопском сражении на пароходофрегате «Крым», которым командовал капитан-лейтенант А.Г. Усов.

В период Первой обороны Севастополя, 1854-1855 гг. командовал батареей № 19, названной его именем, находившейся между вторым бастионом и Малаховым курганом. Был дважды контужен. В 1857 году за мужество, проявленное при тушении пожара в пороховом погребе, был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Н.И. Красовский был талантливых человеком: писал картины и делал зарисовки своих боевых товарищей. В мае 1857 года Императорская Академия художеств присвоила ему звание Почетного вольного общника. В севастопольском музее Черноморского флота хранится одна из его картин: «Затопление кораблей на Севастопольском рейде 11 сентября 1854 г.».

К сожалению о нем, как о художнике, практически ничего не известно, может быть в силу его ранней смерти в возрасте 48-ми лет. Скорее всего живописью он занимался на уровне художника-любителя, а главными изобразительными мотивами его было море и морской флот.

Среди военных моряков и художников у него есть однофамильцы, которые так же оставили свой славный след в истории флота и русского искусства.

Умер Н.И. Красовский согласно дате на мемориальном памятнике – 27 марта 1875 года в чине капитана I ранга.

Н.Красовский. Затопление кораблей на Севастопольском рейде 11 сентября 1854 г.

На могиле установлен пирамидальный обелиск из белого мрамора на вершине которого - рельефное изображение венка из цветов. На памятнике – мемориальные надписи, изображение перекрещенных якоря и знамени, а также палитры и кистей.

Кумани
Михаил Николаевич
(15 августа **1831-1889** декабрь 19)

Михаил Николаевич Кумани – сын и внук известных флотских военачальников. Его дед (также Михаил Николаевич Кумани), например, участвовал в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. Боевыми флотскими адмиралами были и другие его родственники.

Михаил Кумани был сыном известного контр-адмирала, гидрографа, краеведа и публициста Николая Михайловича Кумани, переселившегося в 1859 году в дарованные его отцу – Кумани Михаилу Николаевичу (деду описываемого здесь М.Н.Кумани) земли, - в потомственное владение с каменным домом в городе Николаеве. Вся родовая ветвь Кумани принадлежала к Критским грекам, отважно сражавшихся с турками. Эта война сблизила их род с русским Императорским двором и в течении многих десятилетий имена этих флотоводцев были на слуху каждого дворянского дома и военного офицера России.

Михаил Кумани родился 15 августа 1831 года в городе Николаеве и 14 августа 1847 года шестнадцатилетним юнкером поступил на Черноморский флот. Проходил службу на военных кораблях Балтийского и Черного морей. В годы Восточной войны и Первой обороны Севастополя командовал канонерской лодкой, служил лейтенантом флотского экипажа на 3-м бастионе, затем командовал 16-й батареей на Северной стороне.

После контузии был направлен на лечение в Николаев, а после оставления Севастополя – отправлен на Балтийский флот. В 1858 году совершил переход вокруг Европы на корвете «Удав», командовал шхунами: «Суук-Су», «Туапсе», пароходом «Инкерман».

За боевые заслуги неоднократно был отмечен императорскими знаками отличия, а в августе 1882 года произведен в контр-адмиралы.

С 1 июня 1885 года - Севастопольский градоначальник и командир порта. Период его градоначальства совпал с мощным развитием инфраструктуры города, восстановлением военно-морского флота и гражданского пароходства, устройством больниц, школ и библиотек. Именно он стал инициатором «Севастопольского справочного листка», впоследствии переименованного в «Крымский вестник», где, кстати, 20 декабря 1889 года был опубликован некролог о нем.

Севастопольским градоначальником М.Н. Кумани оставался практически до последнего своего дня. Скончался 19 декабря 1889 года.

В самом начале 90-х годов XIX века семья севастопольского градоначальника обратилась к коллежскому советнику и городскому архитектору при севас-

топольском градоначальнике Борису Александровичу Рожнову (согласно некоторым сведениям с 1888 по 1892 год Б.А. Рожнов жил в Севастополе в собственном доме по улице Екатерининской, 37. Однако уже в апреле 1893 года в звании Титулярного советника Борис Александрович Рожнов уезжает в Феодосию, где ему предложили должность главного архитектора) взяться за исполнение проекта надгробия Михаилу Николаевичу Кумани, похороненному на Братском кладбище Северной стороны.

Надгробие представляет собой классичный античный портик из белого мрамора на высоком гранитном пьедестале-склепе.

Колонны ионического ордера со стилизованными капителями, украшенными якорями - символами мореходства, поддерживают массивный антаблемент с фронтоном, в котором помещен рельефный перевернутый лавровый венок. Внутри портика когда-то имелось мозаичное изображение архангела Михаила, а в центре его располагалась колонна с бюстом самого М.Н. Кумани.

На архитраве часовни надпись: «Да будет воля твоя».

Ниже у основания:«Контр-адмирал Михаил Николаевич Кумани. Родился 15 августа 1831 года. При обороне Севастополя служил на 3-м бастионе и был контужен в деле 26 мая 1855 года. С 1 июля 1885 года по день смерти был командиром Севастопольского порта и градоначальником. Скончался в Севастополе 19-го декабря 1889 г.».

Согласно сведениям, помещенным на том же храме-часовне, надгробие исполнено в мастерской итальянцев «Тузини и Росси» в Одессе (ул. Екатерининская,12). Ее владельцы: Антонио Тузини и Джузепе Росси специализировались на подрядах по изготовлению мраморных профилей и мемориальных памятников…

*Памятник контр-адмиралу **Кумани Михаилу Николаевичу**, участнику Первой обороны Севастополя 1854-1855 гг., градоначальник Севастополя с 1885 г.*
Братское кладбище. Фото - 2011 г.

*Памятник контр-адмиралу **Лазареву Василию Егоровичу**, участнику Первой обороны Севастополя 1854-1855 гг., скончавшемуся 5 сентября 1882 года на 62 году жизни.*
Братское кладбище. Фото - 2011 г.

*Памятник генерал-лейтенанту **Мольскому Виталию Константиновичу**, участнику Первой обороны Севастополя 1854-1855 гг., Русско-Турецкой войны. Родился 2 мая 1829 г. скончался 12 августа 1892 г. Братское кладбище. Фото - 2011 г.*

Памятник штабс-капитану Севского пехотного полка ***Островскому Полиану Станиславовичу****, погибшему 6 июня 1855 г. при отражении атаки на батарее Жерве в оборону Севастополя, 1854-1855 гг. Братское кладбище. Фото - 2011 г.*

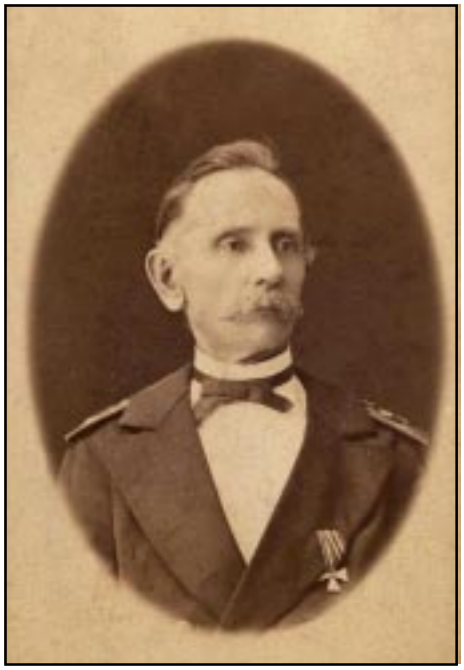
*Памятник генерал-лейтенанту **Постольскому Петру Ивановичу**, участнику сражений в Первую оборону Севастополя 1854-1855 гг.*
Скончался 26 июня 1889 г. 67 лет от роду.
Братское кладбище. Фото - 2011 г.

*Памятник подпоручику четвертого саперного батальона **Потапчину**, участнику сражений в Первую оборону Севастополя 1854-1855 гг. Братское кладбище. Фото - 2011 г.*

*Памятник капитану **Ревуцкому Ивану Яковлевичу**. Родился 24 октября 1833 г., скончался 8 сентября 1910 г.*
Братское кладбище. Фото - 2011 г.

Памятник генерал-лейтенанту, начальнику инженеров в Первую оборону Севастополя 1854-1855 гг. ***Рейтлингеру Александру Ивановичу****. Родился 2 апреля 1820 г., скончался 21 марта 1891 г.*
Братское кладбище. Фото - 2011 г.

Памятник подполковнику, командиру легкой батареи 10-й артиллерийской бригады ***Розенталю Николаю Ивановичу (1807-1855)****. Скончался от ран 5 апреля 1855 г.*
Братское кладбище. Фото - 2011 г.



РУДНЕВ
Иван Григорьевич
(5 января **1820-1894** 26 декабря)

Иван Григорьевич Руднев родился 5-го января 1820 года в семье потомственного дворянина Горбатовского уезда Нижегородской губернии.

В конце 1829 года отец Ивана обращается к Императору Николаю I с прошением о зачислении сына его в Морской кадетский корпус, где директором тогда был адмирал и известный путешественник Иван Федорович Крузенштерн.

В 1836 году Иван Руднев был произведен в гардемарины: плавал в Балтийском море на кораблях «Императрица Александра» и «Память Азова». Через год он был произведен в мичмана с назначением на Черноморский флот; в 1838 году на корабле «Султан Махмуд» и фрегате «Браилов» крейсировал у абхазских берегов, участвовал в высадках десанта в поддержку наших войск, действовавших на Кавказе против чеченцев. За участие в боевых операциях получил орден Св. Анны 4-й степени.

11 апреля 1843 года Ивану Рудневу было присвоено очередное звание – лейтенант с переводом на шхуну «Вестник»; затем служил на бриге «Фемистокл», где выполнял задачи по недопущению контрабанды оружия на кавказское побережье; в 1849-1851 годах проходил службу на корабле «Двенадцать Апостолов».

В 1852 году получил под свое командование пароход «Инкерман», на котором выполнял рейсы между Таганрогом и Ростовом. В кампанию 1853 года, командуя шхуной «Забияка» и пароходом «Дунай», Руднев ходил по реке Буг и Днепровскому лиману. Все эти переходы способствовали нарабатыванию хорошей морской практики и командного опыта.

В начале февраля 1854 года Ивану Рудневу было присвоено очередное звание «капитан-лейтенант» с назначением на пароходо-фрегат «Херсонес».

…Первого сентября 1854 года неприятельский союзный флот появился у Крымских берегов и в течение трех суток в районе Евпатории была произведена высадка крупнейшего десанта англо-французских и турецких войск. Так началась Крымская война и 349-дневная оборона Севастополя 1854-1855 гг.

Пароходо-фрегат «Херсонес» под командованием Ивана Руднева выполнял общую для всех задачу – поддержание огнем сухопутного гарнизона осажденной крепости Севастополь.

После оставления нашими войсками Южной стороны Севастополя, 30 августа 1855 года пароходо-фрегаты: «Крым», «Одесса», «Бессарабия», «Херсонес»

и пароход «Эльбрус» были затоплены на подступах к южной бухте. Более повезло параходо-фрегату «Херсонес», который оставался в полузатопленном положении на отмели в районе Сухарной балки.

Капитан-лейтенант Иван Руднев за мужество в боевых условиях был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами. После затопления кораблей капитан-лейтенант Руднев поступил в распоряжение береговой обороны в статусе командира группы батарей № 35, 36 и 37.

В январе 1856 года между Россией и англо-французским блоком было заключено перемирие, а 18 марта, Франция, Англия, Турция, Сардиния, Австрия, Пруссия и Россия подписали «Парижское соглашение», по которому Россия обязывалась возвратить Турции крепость Карс, уступить Молдавскому княжеству устье Дуная и часть южной Бессарабии. Состав русской Черноморской флотилии ограничивался шестью небольшими винтовыми корветами водоизмещением до 800 тонн, девятью транспортными паровыми судами и четырьмя колесными пароходами.

Тем временем Иван Руднев, как командир парохода-фрегата «Херсонес», в августе 1856 года снял его с мели и на буксире довел до Николаева, где поставил на ремонт и вооружение. В 1857 году, передав «Херсонес» своему помощнику, И.Руднев отправляется в плавание на коммерческих судах по Черному и Средиземному морям, а вскоре принимает назначение в качестве командира 29-го флотского экипажа с местом службы в Николаеве.

Оставаясь командиром 29-го флотского экипажа, в 1858-1860 годах, капитан II ранга Руднев, командуя винтовым пароходом «Зубр», плавает у восточных берегов Черного моря. В сентябре 1859 года Иван Руднев производится в капитаны I ранга, а в марте 1860 года назначается командиром 1-го сводного Черноморского экипажа. Этот период связан с восстановлением Севастопольского порта и флота после событий Первой обороны города в 1854-1855 гг.

В связи с реорганизацией флота капитан I ранга Руднев в январе 1869 года производится в контр-адмиралы, с назначением «состоящим по Черноморской флотилии». В том же году Иван Руднев награждается «медалью за покорение Кавказа» и «Крестом за службу на Кавказе», а через год контр-адмирал Руднев назначается младшим флагманом Балтийского флота.

Весь 1870 и 1872 годы контр-адмирал Руднев находился в плавании на фрегате «Петропавловск», «Громобой» и «Князь Пожарский».

В январе 1874 года контр-адмирал Руднев назначается старшим флагманом судов, крейсировавших в Черном море. Принимает участие в Балканской войне 1877-1878 годов, которая, как известно, закончилась 19 февраля 1878 года заключением мира между Россией и Турцией, подписанного в Сан-Стефано – пригорода Константинополя.

30 августа 1882 года вице-адмирал И.Г.Руднев (с 1875 г.) принял должность Севастопольского градоначальника, которую исправно исполнял до мая 1885 года…

Надгробие представляет собой обелиск из белого мрамора, исполненного в виде квадратной колонны со стилизованной коринфской капителью и резным

классическим навершием, на котором возможно когда-то находился бюст умершего. В верхней части – изображение Георгиевского креста.

Памятник установлен на ступенчатом стилобате из крымбальского известняка, на котором начертана эпитафия: «Вице-адмирал Иван Григорьевич Руднев. Род. 5 января 1820 г. Умер 25 декабря 1894 г. Участвовал при обороне Севастополя командиром парохода «Херсонес». Ниже – 349…

Памятник генерал-лейтенанту, участнику сражений в Первой обороне Севастополя, 1854-1855 гг. ***Сильвестровичу Константину Онуфриевичу****. Родился 8 июля 1836 г., скончался 2 июня 1902 г. Братское кладбище. Фото - 2011 г.*

Памятник полковнику Одесского егерьского полка, участнику сражений в Первой обороне Севастополя 1854-1855 гг. ***Скюдери Александру Петровичу (1817-1855)****. Скончался от ран 4 августа 1855 г. Братское кладбище. Фото - 2011 г.*

Памятник генерал-майору, участнику сражений в Первой обороне Севастополя 1854-1855 гг. ***Ставраки Михаилу Ивановичу****. Родился 19 октября 1806 г., скончался 3 января 1892 г.*
Братское кладбище. Фото - 2011 г.

Спицын
Александр Петрович
(24 марта **1810-1888** июнь 30)

Справочные издания мало что говорят о личной жизни этого прославленного человека. Известно только, что в четырнадцатилетнем возрасте он юношей был определен в морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге, из которого в начале мая 1826 года был выпущен в плавание гардемарином. Служил на корабле «Александр Невский» и фрегате «Крейсер» в Балтийском море.

По окончанию кадетского корпуса в марте 1829 года был произведен в мичмана и отправлен на Черноморский флот. Службу нес на корабле «Пармен» и «Пантелеймон». Участвовал в кратковременных локальных боевых стычках с турецкой флотилией у мыса Румели (Босфор), при взятии портовых крепостей Инады и Мидии. Через год в составе команды брига «Орфей» участвовал во взятии абхазской крепости Гагры.

Флотская жизнь на Черном море без особых приключений продолжалась до конца 1852 года. В ноябре 1853 года уже в чине капитан-лейтенанта, Александр Петрович Спицын, командуя фрегатом «Кагул», участвует в знаменитом Синопском сражении по разгрому турецкой эскадры русским флотом под флагом адмирала Павла Степановича Нахимова (1802-1855).

Эта битва произошла в процессе политического мирового конфликта, когда Россия была втянута в очередную коалиционную Восточную войну с Турцией, Англией и Францией (1853-1856 гг.). «За отличную исправность фрегата в продолжение всего крейсерства, искусные маневры в сражении с неприятелем» капитан-лейтенант Спицын в декабре того же года был удостоен повышения звания до капитана II ранга.

С началом Первой обороны Севастополя А.П. Спицын несет боевую вахту на корабле «Гавриил». 5 октября 1854 года, узнав о подготовке союзников к бомбардировке города, командиры российских кораблей: «Гавриил» и «Ягудиил», пароходо-фрегаты «Владимир», «Херсонес» и «Крым» открыли упредительный артиллерийский огонь по неприятельским батареям, вызвав, тем самым, значительное замешательство в рядах противника.

После затопления линейных кораблей в Севастопольской бухте 11 сентября 1854 года, Александр Петрович командовал 37-м береговым флотским экипажем, защищал оборонительные линии находясь на 4-м бастионе. За мужество и отвагу был произведен в капитаны I ранга с награждением орденом Св. Владимира 4-й степени. За период севастопольской обороны несколько раз был ранен и контужен.

После оставления Севастополя в августе 1855 года был командирован в город Николаев, где вместе с Э.И. Тотлебеном организовывал работы на оборонительных рубежах города.

В марте 1857 года монаршеской волею был назначен Керчь-Еникальским градоначальником в Крыму. Этот период – особая страница жизни Александра Петровича Спицына…

Макет фрегата «Кагул» из музея Черноморского флота. Фото - 2010 г

Согласно сведениям Н.Быковской и других сотрудников Керченского историко-краеведческого музея, - А.П. Спицын занимал эту должность с 1857 по 1875 годы. Александр Петрович принял в свои владения разрушенный и разграбленный неприятелем город. Пришлось вложить немало труда, энергии и сил, чтобы не только поднять его из руин, но создать новую инфраструктуру Керчи как промышленно-морской базы и оздоровительно-климатического центра Южного берега Крыма. Были заново построены и открыты: девичий пансион, мужское уездное училище, преобразованное в гимназию; построены больницы, банки, церкви, дороги и мостовые. Произошло благоустройство набережной и центральной городской площади. За свою плодотворную деятельность ему присваивается звание вице-адмирала, а в октябре 1866 года - Первого почетного гражданина Керчи.

Мемориальная доска, установленная в апреле 2010 года к 200-летию со дня рождения А.П. Спицына на здании городского культурного центра в Керчи. Фото - 2010 г.

В мае 1878 года был произведен в адмиралы.

Не обошла его стороной и монаршеская милость: за многолетнюю верную службу отечеству неоднократно награждался почетными орденами царской России…

А.П. Спицын был женат на Анне Михайловне Станюкович (1827-1912) – дочери командира порта города Севастополя – Станюковича Михаила Николаевича (1786-1869). Через год после смерти мужа она заказала скульптурное надгробие А.П. Спицыну одесскому скульптору и художнику Борису Васи-

льевичу Эдуардсу (1861-1924), который и исполнил его в своем ателье художественной и промышленной скульптуры (Одесса, Софийский переулок, д.3). Мемориальный памятник представляет собой высокую мраморную канелюрованую колонну, увенчанную бюстом адмирала. На стилобате эпитафия: «Адмирал Александр Петрович Спицын. Родился 1810 г. 24 марта. Скончался 1888 г. 30 июня»; «В Синопском бою командовал фрегатом «Кагул»; «Находился при обороне Севастополя с 13 сентября 1854 г. по 27 августа 1855 г.».

Как свидетельствуют краеведы и историки: вокруг памятника когда-то была установлена изящная чугунная решетка с якорями, которой ныне к сожалению уже нет…

Памятник капитану 4-го саперного батальона, участнику сражений в Первой обороне Севастополя, 1854-1855 гг. ***Тонагелю Александру Германовичу****. Скончался от ран 5 февраля 1855 г. Братское кладбище. Фото - 2011 г.*

Торопов
Моисей Сергеевич
(**1819-1900** апрель13)

Недалеко от Севастополя по ялтинской трассе на правом берегу Сухой речки (Куру-Узень) в густой заросли крымской растительности скрывается ничем не примечательная «Торопова дача» или, как ее именовали сами владельцы – экономия (ныне здесь располагется лестничество и дорожные службы, которые следят за разметкой и мелким ремонтом дорожного покрытия Севастополь-Ялта). Впрочем, от самой «экономии» практически ничего не осталось и как выглядела «Торопова дача» уже никто не знает.

Владельцем этого хутора когда-то был Моисей Сергеевич Торопов – житель города Севастополя и участник 349-дневной обороны Севастополя, о котором в свое время писал Петр Владимирович Алабин (1824-1896), - военный писатель, журналист, действительный статский советник: «Надобно видеть этого громовержца, стоящего бестрепетно в урагане смерти и обдуманно поражающего врагов, тогда как десятки его товарищей и подчиненных падают вокруг…».

Эпизод этот взят П.В. Алабиным – очевидцем и участником войны за Севастополь, когда поручик корпуса морской артиллерии Моисей Торопов на холме «Кривая пятка» Камчатского люнета (впереди Малахова кургана), с конца февраля до середины мая 1855 года насмерть стоял за апрошные укрепления и только превосходящие силы противника заставили войска отступить.

Война застала М.С. Торопова на 4-ом бастионе (октябрь 1854 года), где в жестоких сражениях получил два ранения, но остался в строю и только третье ранение в голову заставило его оставить траншеи. Четыре месяца он был на грани жизни и смерти в госпитале города Николаева. Не успев вернуться в осажденный Севастополь, он снова был ранен, но уже в боях за Малахов курган. И опять длительное лечение в Николаевском госпитале…

За защиту Севастополя его наградили орденом Святой Анны 3-й степени.

Служба после крымской кампании сложилась относительно удачно: дослужился до генерал–майора. Последние годы жизни провел в своем имении, которое затем перешло его сыну – капитану II ранга в отставке – Эваристу Моисеевичу.

Надгробие представляет собой простую усеченную пирамиду из крымбальского камня, украшенною сандриком и гранитным крестом. На лицевой стороне фигурная доска из белого мрамора с надписью: «Генерал-майор Моисей Сергеевич Торопов скон. 13 апреля 1900 г. Упокой, Господи, душу раба твоего».

Захоронение находится в одном ряду с мемориалом Эрасту Абазе...

Памятник М.С.Торопову на Братском кладбище Северной стороны. Фото - 2010 г

Тотлебен
Эдуард Иванович
(8 мая **1818-1884** 19 июня)

Эдуард Иванович Тотлебен родился в городе Митаве (ныне Елгава, Латвия). Род его предков принадлежал к старинному немецкому дворянскому роду востока Германии – Тюрингии, волею судьбы оказавшемуся в Прибалтике. Первоначальное образование получил в частном пансионе доктора Гюттеля в Риге, куда незадолго до этого переселилась вся его семья.

В 14-летнем возрасте родителями был отвезен в Санкт-Петербург, где вскоре был принят кондуктором (вольнопринятым) в 3-й класс Главного инженерного училища.

В начале 1836 года Эдуард Тотлебен был произведен в инженер-прапорщики с переводом в Динабургскую (сейчас – город Даугавпилс, Латвия) инженерную команду.

С 5 февраля 1838 года Тотлебен на действительной службе в Рижской крепостной команде, где занял должность дежурного офицера, откуда в апреле 1839 года переведен в гренадерский саперный батальон.

Летом 1840 года участвуя в практических работах саперов в Красном Селе, где были расквартированы гвардейские части Петербургского гарнизона, Тотлебен познакомился с талантливым военным инженером и изобретателем Карлом Андреевичем Шильдером (1785-1854), знакомство с которым имело решающее значение для дальнейшей карьеры Тотлебена. Вскоре К.А. Шильдер поручил молодому офицеру производство опытов над своей трубной контрминой, которые с успехом велись им в течение нескольких лет. За эти труды Эдуард Тотлебен 12 мая 1845 года был произведен в штабс-капитаны.

…В марте 1848 года штабс-капитан Эдуард Иванович Тотлебен был командирован на Кавказ для применения минного сверла при осадах укрепленных пунктов, возведенных Шамилем в Дагестане. Первое боевое крещение получил под аварским укрепленным аулом Гергебилем, где под картечным и ружейным огнем противника лично руководил саперами. За участие во взятии Гергебиля Э.И. Тотлебен был награжден чином капитана с присвоением ордена Св. Владимира 4-й степени.

В 1849 году за мужество и усердие при осаде укрепленного аула Чох, расположенного в котловине Андалалской долины, был награжден золотой саблей «за храбрость».

В ноябре 1850 года уезжает на лечение в Варшаву, откуда в конце декабря 1851 года возвращается с назначением обер-офицером в штаб генерал-майора Андрея Андреевича (Генрих Фердинанда) фон Цур-Милена – тогдашнего на-

чальника инженеров гвардейского и гренадерского корпусов, - с дальнейшим переводом в гвардейские инженеры.

В начале Дунайской кампании по представлению К.А. Шильдера 16 января 1854 года Эдуард Тотлебен был произведен в подполковники с назначением в Бухарест и Ольтеницу – города в Румынии (в Валахии) к генералу Степану Александровичу Хрулеву (1807-1870), с которым участвовал в военных сражениях с Турками. В ночь с 26 на 27 февраля Тотлебен приступил к устройству ложементов для стрелков штуцерных ружей и затем в течение 6-ти суток днем и ночью, находясь под сильным огнем, руководил постройкой батарей и береговой обороны. В мае 1854 года под командованием генерал-фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича (1782-1856) участвовал во взятии крепости Силистрии, что на правом берегу Дуная, за что был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

В августе 1854 года по распоряжению князя Михаила Дмитриевича Горчакова (1793-1861), - генерала от артиллерии, сменившего И.Паскевича на посту командующего, был направлен в Севастополь, где вскоре предстояло разыграться беспримерной 349-дневной обороны черноморского города-крепости.

По предложению светлейшего князя Александра Сергеевича Меншикова (1787-1869) – главнокомандующего сухопутными и морскими силами в Крыму, начал осмотр укреплений, результат которых его не удовлетворил. Однако, не смотря на его тревожные доклады, к укреплению боевых позиций никто не преступал и продолжалось это до тех пор, пока не начались осадные работы неприятельских войск.

12 сентября 1854 года, - практически с первых дней компании по обороне города Севастополя, - инженер-подполковник Э.И. Тотлебен был назначен начальником над всеми оборонительными работами. Получив в свое распоряжение все инженерные и саперные части, он немедленно взялся за работу. Перед ним стояла нелегкая задача: ввиду многочисленной неприятельской армии превратить неукрепленные участки города в неприступную крепость. Он начал с создания разветвленной системы ложементов, передовых окопов и редутов, которые обеспечивали усиление ружейного огня, затрудняли противнику ведение осадных работ, способствовали производству вылазок и прочее. И упорный труд увенчался успехом: с 14 сентября по 5 октября (первой бомбардировки Севастополя) Тотлебеным было уже построено более двух десятков батарей не считая стрелковых окопов (главным образом на Городской стороне, против французской линии атаки). Первое бомбардирование Севастополя 5 октября показало силу севастопольских укреплений, их выгодного расположения и направленного артиллерийского огня. Сорвет неприятельские планы Тотлебен и тогда, когда неприятель, после неудавшегося штурма с ходу занять Севастополь, перейдет к осадной войне.

Вскоре его особой заботой станет Малахов курган - главный объект атак противника: здесь им устраивались батареи, укреплялись подступы к высотам, активно велись работы по подземной контрминной борьбе. Русские минеры всегда на шаг вперед предупредали неприятельские маневры и встречали своей, искусно подготовленной сетью минных галерей.

Разыгравшееся 24 октября (5 ноября) 1854 года Инкерманское сражение убедило союзников о присутствии значительных сил русских и заставило на какое-то время отказаться от решительных действий сходу занять город. Времен-

ное ослабление действий противника дало возможность Тотлебену придать более солидный, долговременный характер наскоро построенным укреплениям.

К марту 1855 года Тотлебен обратил ложементы впереди редутов и Камчатского люнета в непрерывную сеть контрапрошных траншей; укрепил бруствера и амбразуры по всей оборонительной линии, увеличил число блиндажей и пороховых погребов на батареях.

За боевые заслуги 10 апреля 1855 года Эдуард Иванович Тотлебен был произведен в генерал-майоры, с назначением в свиту Его Величества.

25 мая началось третье бомбардирование, продолжавшееся с перерывами до 5 июня 1855 года. 8 июня вечером, спускаясь с Малахова кургана к батарее № 6 (батарее П.Л. Жерве), он был ранен штуцерной пулей в правую ногу навылет, с повреждением надкостной плевры. Рана приняла опасный характер; в течение двух месяцев Тотлебену пришлось перенести несколько операций. В полубесчувственном состоянии он был перевезен в долину Бельбека, что в 11 верстах от Севастополя, на хутор помещика Сарандинаки. Здесь заботливый уход и чистый воздух быстро восстановили его силы, и в августе он снова принимает деятельное участие в обороне Севастополя, снабжая подробными инструкциями и указаниями его дежурных инженеров.

24 августа 1855 года Тотлебен вернулся в Севастополь и поселился в одной из казарм Северного форта. С вала этого укрепления видел он падение Малахова кургана, на оборону которого им было потрачено столько сил. А в седьмом часу вечера, 27 августа 1855 года, через наплывной мост началось отступление военного гарнизона с Южной стороны города…

9 сентября 1855 года князь М.Д. Горчаков отозвал Э.И. Тотлебена в Николаев, где уже 14 сентября представил Императору, который вскоре назначил его своим генерал-адъютантом. Вскоре Эдуарду Тотлебену поручается привести в боевую готовность военный порт Николаев, стратегическое значение которого после падения Севастополя еще более возросло. Работы начались с той энергией и быстротой, с которой всегда производились под руководством Тотлебена: в начале ноября вооружены были уже береговые батареи по Бугу, доступы к ним со стороны реки прикрыты были подводными минами; сам Николаев обратился в обширный укрепленный военный лагерь. Государь, пробывший здесь шесть недель, лично следил за ходом работ, инженерной частью которой заведовал Великий князь Николай Николаевич, в подчинении которого состоял Тотлебен.

По окончании военной кампании Эдуарду Тотлебену было разрешено вернуться в Петербург, где по званию помощника генерал-инспектора по инженерной части ему предстояло заведовать работами по укреплению Кронштадта. За заслуги перед отечеством Его Императорское Величество повелел назначить Тотлебена Почетным членом Николаевской Инженерной академии с выставлением портрета в здании Санкт-Петербургского Инженерного училища.

16 мая 1856 года Тотлебен был командирован для осмотра крепостей Балтийского побережья: Свеаборга, Ревеля, Риги и Балтийского порта.

Поездка эта была для Тотлебена скорее триумфальным шествием: в Риге и Ревеле он был внесен в списки почетных граждан с внесением в потомственное дворянство рыцарств Лифляндии, Эстляндии, Семигалии и Эзельской провинции.

16 сентября того же года Тотлебен выехал за границу для лечения. Проведя зиму с семейством в Вене, Тотлебен весной выехал в Париж, где был радушно встречен недавними врагами. Император Наполеон удостоил его особой аудиенции и долго беседовал о минувшей кампании. Затем были другие города и страны, где именитого инженера встречали с триумфом и торжествами. Из-за границы Тотлебен вернулся лишь 1 октября 1858 года с назначением его директором Инженерного департамента Военного ведомства, должность которую он исполнял до 1877 года.

Не ограничиваясь специально инженерными вопросами, Тотлебен принимал живое участие и в деле вооружения российских крепостей. Он председательствовал в артиллерийской и инженерной комиссиях. Будучи прежде всего практиком, Тотлебен прилагал особые старания к возможно большему развитию практических работ в инженерных войсках; участвовал в особых Совещаниях о стратегическом положении России и об внутренней организации армии, работы которого легли в основу дальнейшей реорганизации русской армии.

Перед Восточной войной 1877-1878 гг. Тотлебен, живший в своем волостном имении центральной Литвы – Кейданы (Кедайняй), был вызван в Крым, в Ливадию, к Императору и уже 27 сентября 1877 года получил назначение Главным распорядителем обороны Черноморского побережья (с подчинением ему морских сил). Но в самый разгар деятельности Э.И. Тотлебен по каким-то причинам внезапно был отозван в Санкт-Петербург. Однако это не помешало Императору использовать инженерный опыт Тотлебена при осаде и взятии Плевны.

За участие при осаде Плевны Эдуард Иванович был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени.

В декабре 1877 – начале 1878 года Тотлебен выехал в Боготу и Брестовец (Болгария), где принял командование войсками от цесаревича. Однако в самом начале февраля того же года вновь был отозван в Санкт-Петербург. Сказавшись больным Э.И. Тотлебен стал хлопотать перед Императором о новой поездки за границу «на лечение». Вместо этого государь назначил его главнокомандующим действующей армии в Сен-Стефано – западного пригорода Константинополя, куда он прибыл 15 апреля 1878 года. Однако медлительность Тотлебена, как главнокомандующего, привела к тому, что турки успели сосредоточить около Константинополя до 80 000 своих войск; вокруг столицы, у Буюк-Дере и Маслака выросли укрепленные неприятельские позиции. Тотлебен практически проиграл сражение так и не начав его…

Государь недовольный действиями Э.И. Тотлебена отправляет его в ссылку и 5 апреля 1879 года Тотлебен приезжает в Одессу, где назначается генерал-губернатором. В июне того же года отчислен от должности главнокомандующего с назначением членом Государственного Совета. Однако памятуя о заслугах и в ознаменовании 25-летия со дня первой бомбардировки Севастополя, Императорским Указом Эдуард Иванович Тотлебен был возведен в графское достоинство.

В 1882 году Тотлебен вновь был вынужден ехать за границу для лечения. Но там к постоянным недугам его присоединилась еще болезнь глаз, повлекшая за собой тяжелую операцию, произведенную на юге Германии – городе Вюрцбурге.

Зиму он провёл в Висбадене, весной переехал в Соден (ок. Франкфурта-на-Майне), где 19 июня 1884 года скончался…

Эдуард Иванович Тотлебен был перевезен в Ригу для погребения на Петровском лютеранском кладбище. Но по распоряжению Императора тело севастопольского героя было перенесено в Севастополь, где 5 октября 1884 года было погребено на Братском кладбище…

К сожалению большевики, пришедшие к власти в 1917 году, осквернили могилу генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена и, как пишет историк В.Гуркович, ссылаясь на немецкую русскоязычную газету «Голос Крыма» от 2 июля 1942 года: «На севастопольском Братском кладбище в воскресенье, 27 июня, было много публики. Здесь у восстановленной Германским командованием поруганной большевиками гробницы Эдуарда Ивановича Тотлебена состоялась торжественная церемония. Прах героя Севастопольской обороны 1855 г., выдающегося русского военного инженера, выброшенный большевистскими вандалами из гроба, снова был предан земле…» (Крым и Россия: неразрывные исторические судьбы. - Симферополь, 1994).

Надгробие Э.И. Тотлебену представляет собой стилизованную часовню из светло-серого мрамора, возведенную на мощном пьедестале-склепе из темного гранита. Надгробие исполнено в 1889 году в итальянской фирме Э.Р. Менционе в Одессе по проекту модного тогда архитектора и первого хранителя музея Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штиглица – Андрея Александровича Карбоньера (1846-1908), - автора ряда построек в СПб и пригородах.

В годы Второй мировой войны бюст Э.И. Тотлебена был утерян и восстановлен лишь в 2004 году балаклавским скульптором Владимиром Егоровичем Сухановым...

Памятник Э.И. Тотлебену на Историческом бульваре города Севастополя. Фото - 2009 г.

Мемориальный комплекс Э.И. Тотлебена на Братском кладбище Северной стороны. Фото - 2010 г.

Хрулев
Степан Александрович
(**1807-1870** 22 мая)

Генерал-лейтенант от артиллерии, один из руководителей Севастопольской обороны 1854-1855 гг.

Родился в Тульской губернии, в семье председателя гражданской палаты. Закончив Александровское военное училище в Туле, был выпущен прапорщиком артиллерии. За польскую кампанию 1830-1831 гг., где он участвовал в тринадцати боях, получил чин подпоручика и награжден орденами Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и Св. Владимира 4-й степени.

С 1835 и до конца 40-х годов XIX столетия нес службу в Лейб-гвардии конной батареи. Во время войны с Венгрией в 1849 году, полковник Степан Хрулев уже командовал 4-й конно-артиллерийской бригадой, где за находчивость и отвагу вновь был награжден: на этот раз – золотой саблей с надписью «За храбрость», а 1 сентября того же года произведен в генерал-майоры. Австрийский император наградил его орденом Железной короны 2-й степени.

Летом 1853 года Степан Хрулев участвовал в военной экспедиции в Среднюю Азию, где руководил осадными работами крепости Ак-Мечеть под общим военным руководством полковника лейб-гвардии Измайловского полка, оренбургского военного губернатора Василия Алексеевича Перовского (1795-1857). В 1853 году он за успешные военные действия в борьбе с кокандскими ханами получил чин генерал-лейтенанта.

Началась Восточная (Крымская) война, и Хрулева направляют на Дунай, где он совместно с М.Горчаковым участвует в осаде крепости Силистрия. В декабре 1854 года генерал прибывает в Крым в распоряжение главнокомандующего сухопутными и морскими силами князя Александра Сергеевича Меншикова (1787-1869). В конце января – начале февраля 1855 года Хрулева назначают командиром отряда для штурма Евпатории, в которой находился гарнизон, состоящий из турок, египтян и французов. Здесь С.А. Хрулев столкнулся с мощным сопротивлением союзных войск и потерпел поражение, которое стало прелюдией окончательной победы союзных войск при захвате Севастополя.

С 26 мая 1855 года генерал-лейтенант Хрулев - начальник войск Корабельной стороны, которого отличало хладнокровие и быстрота в принятии решений во многих событиях обороны Севастополя. Его подвиги запечатлены на живописном полотне панорамы «Оборона Севастополя, 1854-1855 гг.». За героизм, проявленный в обороне города был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени (за вылазку на неприятеля в ночь с 10 по 11 марта 1854 года).

После оставления Южной стороны Севастополя, Хрулев командовал отдельным Кавказским корпусом графа Муравьева на кавказско-турецкой границе, поз-

же – вторым армейским корпусом в Средней Азии. После упразднения корпуса жил в Санкт-Петербурге, где и умер 22 мая 1870 года.

Выполняя волю покойного родные С.А. Хрулева 29 июня 1870 года с высочайшего Императорского разрешения перезахоронили его прах на Братском кладбище Северной стороны. На похоронах настоятель мужского Херсонесского монастыря архимандрит Евгений произнес прощальную речь. «Пораздайтесь, холмы погребальные – ратники, - вот старатель ваш боевой пришел доказать вам любовь свои воинскую; дабы видели все, что и в славных боях, и в могильных рядах не отстал он от вас...». Слова эти стали прощальной эпитафией на могильном памятнике, деньги на который собирали всем миром. Собранные средства пересылались в редакцию журнала «Русский инвалид». Первоначально ветераны севастопольской обороны пожелали, чтобы памятник состоял из груды бомб, ядер, картечи и осколков снарядов. В центре предлагали установить каменный столб, увенчанный штыком, на памятнике выбить надпись: «Хрулеву – солдаты». Однако по желанию друзей С.А. Хрулева проект памятника было решено заказать Санкт-Петербургскому скульптору Михаилу Осиповичу Микешину (1835-1896). Но тот оказался довольно громоздким и дорогим. И тогда решено было исполнить его в более скромном варианте, пригласив на эту работу польского скульптора Киприяна Ксавериевича Серве-Годебского (1835- ?), который и исполнил его в 1873 году. Представляет он собой – портретный бюст из каррарского мрамора, установленный на канелюрованной колонне высотой 5,1 м. У основания бю-

Фрагмент скульптурного оформления мемориального памятника С.А. Хрулеву на Братском кладбище Северной стороны города Севастополя. Фото - 2010 г.

Памятник С.А.Хрулеву на Братском кладбище Северной стороны города Севастополя. Фото - 2010 г.

ста – изысканная лавровая ветвь. В центральной части колонны – четырехгранный пояс, на котором высечена эпитафия: «К бессмертной славе за собою он благодетелей водил! И громкой славой боевою средь благодетелей почил!» - экспромт, произнесенный участником Первой обороны Севастополя генералом Владимиром Дмитриевичем Коссинским (1830-1889). И далее другая эпитафия: «Пораздайтесь холмы погребальные, потеснитесь и вы, благодетели. Вот «старатель» Ваш пришел доказать вам любовь свою, дабы видели все, что и в славных боях и в могильных рядах не отстал он от Вас! Сомкните же теснее ряды свои, храбрецы беспримерные, и героя Севастопольской битвы окружите дружнее в Вашей семейной могиле!» - несколько измененное начало речи архимандрита Евгения.

На памятнике – скульптурное изображение двуглавого орла с распростертыми крыльями, накладная рельефная лавровая ветвь, и картуш в форме щита со словами, начертанными Императором: «Хрулеву – Россия».

Фрагменты скульптурного оформления мемориального памятника С.А. Хрулеву на Братском кладбище Северной стороны города Севастополя. Фото - 2010 г.

Эрихс
Николай Федорович
(7 мая **1826-1890** 12 августа)

О дворянине Бессарабской губернии Николае Федоровиче Эрихсе известно достаточно мало: закончил кадетский корпус, с русской армией участвовал в подавлении восстания венгров за независимость (1848-1849 гг.); под командованием генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича участвовал в боевых действиях с Турцией на Дунайском направлении, был среди тех, кто брал крепость Силистрию.

В Первую оборону Севастополя Николай Эрихс служил на 4-й легкой батарее из восьми орудий 14-ой артиллерийской бригады. 4 августа 1855 года в Черноречeнском сражении был контужен осколком гранаты. За доблестную службу получил чин штабс-капитана.

После Крымской войны продолжил военную службу в 13-й артиллерийской бригады, дислоцировавшейся на Северной стороне.

В 1887 году ушел в отставку в чине генерал-майора.

Вот, пожалуй, и все.

Надгробие представляет собой квадратную в сечении стелу из белого мрамора со сложным профилированным фронтоном на многоступенчатом гранитном постаменте. На лицевой части постамента – рельефное изображение перекрещенных стволов полевых орудий с надписью: «Здесь похоронен Артиллерийский генерал-майор Николай Федорович Эрихс. Родился 7-го мая 1826 года. Скончался 12 августа 1890 года»…

Из сказанного можно добавить: недалеко от мемориального захоронения Н.Ф. Эрихса на Братском кладбище Северной стороны находится захоронение его супруги – Эрихс Александры Диомидовны (1832-1911).

Батарея № 4.
Фото - втор. пол. XIX в.

Проведя короткий анализ Мемориального Братского кладбища Северной стороны периода Первой обороны Севастополя, 1854-1855 гг. мы обнаруживаем на его территории достаточно большое количество памятников, где покоятся видные представители дворянской и военно-морской элиты. Однако еще в большем количестве обнаруживаются захоронения в братских могилах нижних чинов и матросов оформленных не столь пышно, как это видно в одиночных. Братские могилы здесь везде и всюду: их десятки и сотни. Многие из них уже сравнялись с землей, наличие которых лишь угадывается.

Не менее печальна судьба и одиночных захоронений: многие из них исполнены из мягкого инкерманского камня, который, как известно, подвержен выветриванию. В других же случаях надгробные стелы побиты осколками бомб и снарядов в период Второй обороны и освобождения Севастополя в 1942 и 1944 годах или же подверглись сознательному разрушению вандалами. Вот почему некоторые надгробные памятники мы уже не можем идентифицировать и они постепенно переходят в разряд безымянных.

Сказав о захоронениях западного склона Братского кладбища, следует сказать и о некрополе, расположенном как на самой вершине горы (у Свято-Никольского храма), так и протянувшемуся по восточному склону, где располагаются захоронения, относящиеся к другому временному отрезку: здесь покоится прах как обычных аборигенов, так и защитников Севастополя в годы Великой Отечественной войны; нашли свой последний приют деятели советско-партийного, военного и гражданского чиновничества. Ближе к храму располагаются могилы церковнослужителей и мучеников за православную веру...

Вся территория у Свято-Никольского храма покрыта сотнями и тысячами захоронений, которые формально можно поделить на три основных типа и временных отрезков:

- старые захоронения, формировавшиеся с 80-х годов XIX века до конца 30-х годов XX века;

- некрополь 40-80-х годов XX столетия;
- некрополь Нового и Новейшего времени: 90-х годов XX века – начала XXI века.

Однако эти временные рамки и формы мемориально-символического отражения мало отличаются друг от друга. Всех их объединяет почти единый и стандартный способ изготовления надгробного сооружения: от железной конусовидной стелы с красной звездой до гранитной (как правило – черной) плиты с выбитыми инициалами умершего. Они имеют достаточно упрощенную схему изобразительного исполнения и, как правило, не несут в себе ни эстетического, ни художественного вкуса (как, собственно, практически нет в них и православно-христианской символики). Правда в третьем временном отрезке: с 90-х годов XX века и до сего дня, мы видим некоторые попытки установки таких надгробий, где сознательно и показательно демонстрируется еще не смелое желание причислить умершего, как приверженца христианской веры, с одновременной показущьностью финансового достатка, как самого умершего, так и тех, кто устанавливает памятник. И, хотя, речь идет о все тех же гранитных черных плитах, но сама плоскость украшается зернистой насечкой в виде символов христианской веры с портретными изображениями отошедшего в мир иной. Плоскость изображения, в таких случаях, обыгрывается за счет изогнутой линии надгробной плиты или обилием украшательств, создавая, таким образом, некую «стильность и художественность исполнения».

Особое слово следует сказать о множественных братских могилах, погибших моряков и русских солдат как в период Великой Отечественной войны, так и в военных столкновениях в мирное время. В первую очередь нужно отметить величественное братское захоронение погибших в годы Второй мировой войны 1941-1945 годов, где на гранитных плитах высечены сотни имен и над всем этим некрополем на пьедестале стоит высокая и мужественная фигура склоненного в трауре матроса с приспущенным красным знаменем. Ансамбль поражает своей высокой художественно-выразительной идеей о единстве русского, украинского и крымского народов, мужестве и силы их духа (подробнее см.: Коваленко А. Памятники Севастополя и их авторы. - Симферополь: Таврия, 2008. - 216 с.: ил.).

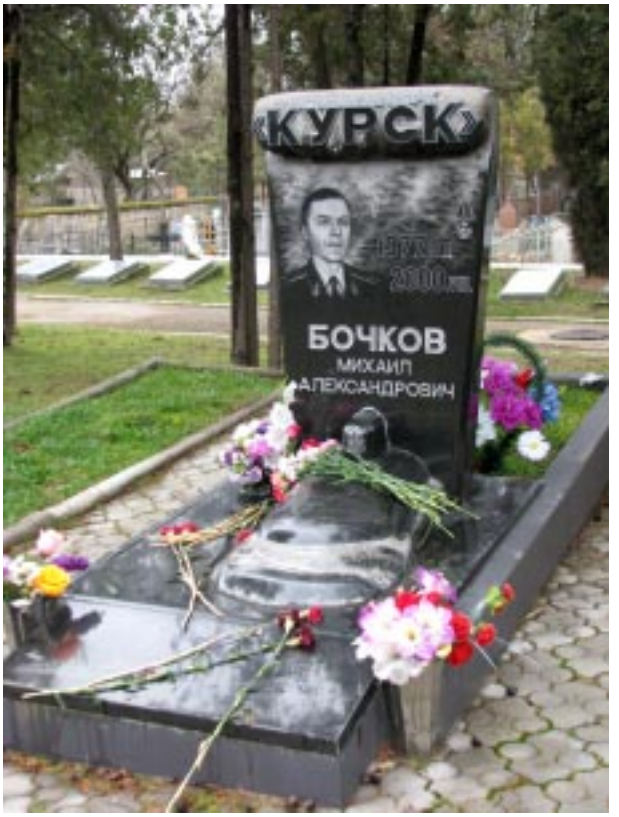
Не менее впечатлительны захоронения погибшим на атомоходе «Курск» и других морских военных судов с их экипажами, попавших в морские катастрофы.

О них, смелых и отважных, как и о менее заметных в своем жизненном пути, наш дальнейший изобразительный рассказ...

*Памятник иподиакону **Михаилу** в миру Коваленко. Родился 13 ноября 1980 г., скончался 10 ноября 2005 г.*
Братское кладбище. Фото - 2011 г.

*Памятник монахине **Евфимии**. Родилась 15 декабря 1927 г., скончалась 10 октября 1995 г. Братское кладбище. Фото - 2011 г.*

Памятник «Родина-Сыновьям» на Братском кладбище, где похоронены офицеры и матросы с погибшего на севастопольском рейде линкора «Новороссийск» в октябре 1955 года. Скульптор - П.И. Бондаренко, 1963 г. В 1990 году мемориал был реконструирован и дополнен еще 543 именами погибших моряков. Авторы реконструкции: архитектор А.Л. Шеффер и А.И. Баглей.



*Памятник **Бочкову Михаилу Александровичу**. Родился 21 февраля 1977 г., погиб в Баренцевом море на атамоходе «Курск» в августе 2000 г. Фото - 2011 г.*

*Моряки-подводники у памятника **Бочкову Михаилу Александровичу** на Братском кладбище Северной стороны.*
Фото - март 2011 г.

Братская могила Инженер-механикам, погибшим при исполнении служебных обязанностей в мирное время.
Фото - 2011 г.

*Памятник **Родионову Михаилу Олеговичу**. Родился 3 марта 1973 г., погиб в Баренцевом море на атомоходе «Курск» в августе 2000 г. Фото - 2011 г.*

Памятник ***Гончарову Николаю Рудольфовичу (1956-1986)***.
Братское кладбище. Фото - 2011 г.

Детское надгробие-памятник ***Кононенко Ксюши.*** *Родилась 3 июля 1985 г., скончалась 2 декабря 1986 г.*
Братское кладбище. Фото - 2011 г.

*Памятник **Краснопер Алексею Алексеевичу.** Родился 12 января 1968 г., скончался 21 сентября 2001 г.*
Братское кладбище. Фото - 2011 г.

Семейное надгробие: ***Крастелев Михаил Андронович и его семья.*** *Родился 19 ноября 1911 г., скончался 25 января 1988 г. Начальник Севастопольского Военно-Морского училища в 1956-1971 гг. Братское кладбище. Фото - 2011 г.*

*Памятник **Мельнику Станиславу Станиславовичу.** Родился 7 июня 1972 г., скончался 2 сентября 2007 г.*
Братское кладбище. Фото - 2011 г.

*Памятник **Шумиловской Ольге Николаевне.** Родилась 27 октября 1857 г., скончалась 29 октября 1903 г.*
Братское кладбище. Фото - 2011 г.

БРАТСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

26 июня 1833 года в Константинополе по поручению Императора Николая I граф А.Ф. Орлов подписал с Блистательной Портой Ункиар-Искелесский договор о взаимной защите государственных территорий и политическом влиянии на Ближнем Востоке. Это соглашение вызвало весьма резкую позицию со стороны соперничавших держав: Англии и Франции. Такой расклад политических сил не мог держаться долго. Он закончился со смертью в 1839 году турецкого Султана Махмуда II (1785-1839), который пытался привить своему народу некоторые европейские традиции в области военного дела, книгопечатания и светского образования. Пришедший к власти Османский султан Абдул-Меджид (1823-1861) — старший сын Махмуда II, продолжил реформы отца и при поддержке дипломатов европейских держав одержал победы в мусульманском Египте. Турция получала права на Босфор и Дарданеллы, контроль над судоходством по Черному морю. Все это уже не могло не волновать Россию.

Между тем на Ближнем Востоке и Балканах стали созревать революционные события, повлекшие за собой мощные волнения против Турции, устанавливающей в Придунайских княжествах мусульманско-магометанские религиозные порядки. Особенно остро обозначились проблемы к 1852-1853 годам с православно-христианскими народами и церковью, в том числе и в западной части Балканского полуострова. Турецкая армия под командованием Омера-паши (1806-1871) — серба по происхождению, генерал-майора, принявшего ислам, имеющего опыт военных действий по усмирению Валахии (1848 г.), Боснии и Герцеговины (1851 г.), вошла в Придунайские княжества и Черногорию и начала военные действия против русских войск.

Все эти события подвигли Императора Николая I отправить к турецкому султану делегацию во главе генерал-адъютанта - Светлейшего князя Александра Сергеевича Меншикова (1787-1869). «Непомерное себялюбие, громадное самолюбие и самомнение, обширная начитанность, отсутствие привязанности к кому бы то ни было и к чему бы то ни было, недоверчивость к окружающим, неумение распознавать людей и несомненная личная храбрость — вот в немногих словах тот облик, в котором в действительности рисуется князь Меншиков» - писал о нем военный историк Андрей Медардович Зайончковский (1862-1926).

Задачи А.С. Меншикова заключались в попытке давления на Османскую Турцию на подписание конвенции о строительстве православных церквей в подконтрольных Турции территориях и в Святых местах Греции.

29 января 1853 года князь Меншиков спешно выехал в Константинополь и уже 16 февраля того же года в составе большой делегации прибыл в порт Буюк-Дере. Начатые им переговоры в свойственной ему резкой форме, как, собственно, и личные слова Императора высказанные в письме к султану Турции, в которых он «не скрывал чувств глубокого прискорбия и удивления», вызвали крайне негативную реакцию. Переговоры с парламентером Меншиковым сознательно затягивались, следовали уклончивые ответы. Так продолжалось до мая 1853 года. Находя, что султан в своих решениях склоняется не в пользу России, князь А.С. Меншиков от имени Императора России объявил о разрыве дипломатических отношений с Турцией.

Узнав о постигших неудачах в переговорах Император Николай I принимает решение о военном давлении на Турцию путем ввода своих войск в Придунайские княжества и блокаду Босфора. Начались военные действия в Молдавии и Валахии, в Закавказье и на Дунае. В Синопской бухте в ноябре 1853 года адмирал П.С. Нахимов

разгромил турецкий флот, весной 1854 года последовала осада крепости Силистрии в Болгарии.

Не оставались в долгу и коалиционные войска Франции и Англии: бои шли как на Черном, так и на Балтийском морях. Премьер-министр Англии лорд Пальмерстон (1784-1865) в письме к лорду Джорджу Росселю писал: «Моя заветная цель в войне, начинающейся против России, такова: Аландские острова и Финляндию возвратить Швеции; часть остзейских провинций России у Балтийского моря передать Пруссии; восстановить самостоятельное королевство Польское как барьер между Германией и Россией; Валахию, Молдавию и устье Дуная отдать Австрии. Крым и Грузию отдать Турции, а Черкесию либо сделать независимой, либо передать под суверенитет султана» [1, с.13-14].

К осени 1854 года коалиционные войска в составе более 60-ти тысяч англо-франко-турецких и сардинских войск высадились под Евпаторией, и под прикрытием огромного флота направились к Севастополю.

«Главная цель политики и войны, - писалось в газете «Таймс» от 3 июня 1854 года, - не может быть достигнута до тех пор, пока будет существовать Севастополь и русский флот. Но раз только этот центр могущества России на юге империи будет уничтожен — разрушится и все здание, сооружением которого Россия занималась сотню лет...» (цит. по Н.Ф. Дубровин. История Крымской войны и обороны Севастополя. — СПб, 1900. — С.123).

Война за Севастополь стала неизбежной...

Севастополь периода Первой обороны, 1854-1855 гг.

Братские захоронения на месте Альминского сражения

Ранним утром второго сентября 1854 года недалеко от Евпатории началась высадка коалиционных англо-франко-турецких войск, которая продолжалась более пяти дней. На берег было высажено 62 тысячи живой силы и 134 единицы дальнобойного и осадного орудия. Вся эта масса, под прикрытием морского флота двинулась на Севастополь. В устье реки Альма ее ждал Главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму Александр Сергеевич Меншиков (1787-1869), назначенный Императором на эту должность накануне войны. В распоряжении А.С. Меншикова было около 35-ти тысяч морских и сухопутных сил и 84 орудия, не приспособленных к ведению наступательной войны.

Альминское сражение, состоявшееся 8 сентября 1854 года, стало первым крупным сражением в Крымской компании. Целью А.С. Меншикова было по возможности остановить продвижение союзников и не допустить захвата Севастополя с ходу.

Войска союзников находились под двойным командованием. Английскими войсками командовал лорд Раглан, французскими - маршал Сент-Арно. Их войска, участвовавшие в сражении, составляли по разным оценкам, от 50 до 59 тысяч солдат, из которых половина приходилась на французов. Союзники располагали 112 орудиями, кроме того артиллерийскую поддержку с моря осуществлял флот. Почти вся союзная армия, вступившая в бой под Альмой, была вооружена штуцерными винтовками, в то время как в русской армии их было крайне мало.

Правым флангом русских, на котором располагались: Казанский, Владимирский и Суздальский пехотные полки, командовал генерал Петр Дмитриевич Горчаков (1785-1868), который мужественно выдерживал атаки противника.

Командовать левым прибрежным флангом, находившимся на господствующей высоте, был назначен генерал Василий Яковлевич Кирьяков (1800-1862). В его подчинении находился Минский пехотный полк и части артиллерии.

Центром, включавшим Белостокский, Брестский и Бородинский пехотные полки, командовал непосредственно князь А.С. Меньшиков.

Панорама долины у реки Альма, где произошло сражение. Фото - 2009 г.

По дислокации ключевой и наиболее ответственной позицией всего альминского сражения являлся левый фланг.

Сражение началось в полдень ударом французских войск генерала Боске в обход позиций Кирьякова. На высоты левого фланга русских обрушился артиллерийский огонь с моря, а затем огонь французской пехоты из нарезных, более дальнобойных, штуцеров.

Карта боевой диспозиции в долине реки Альма.

И тут случилось непредвиденное: по какому-то стечению обстоятельств генерал В.Я. Кирьяков отдал приказ об отступлении. Впоследствии так никто и не смог услышать от генерала внятного объяснения. А тем временем французские стрелки беспрепятственно взбирались на оставленные позиции и открывали по русским войскам прицельный огонь.

В центре, у моста через Альму, русские упорно дрались и не сдавали позиций до тех пор, пока французы не открыли по ним фланговый огонь с захваченных высот. В общей сложности мост удерживался в течение семи часов. Отступление, несмотря на то, что проходило под убийственным стрелковым и артиллерийским огнем, производилось достаточно организованно. Русские потеряли только три пушки и не одного знамени.

После начала общего отхода русских войск ни французы, ни англичане не решились на преследование, провожая отступающих исключительно артиллерийским огнем. Главная причина отказа союзников от преследования – размер потерь личного состава, который потряс английское и французское командование.

Общие потери союзников в сражении на Альме составили от 4000 до 4500 человек, русских – около 6000.

Нужно сказать, что при всей прискорбной очевидности русские войска достигли своей главной цели – остановить немедленный захват Севастополя.

После Альминского сражения войска А.С. Меншикова были отведены на окраину Севастополя – Куликово поле, а оттуда – к Бахчисараю, открыв, тем самым, дорогу в незащищенный город. Оборону Севастополя взяли на себя морс-

кие адмиралы – В.А. Корнилов (укрепления Северной стороны) и П.С. Нахимов (Южная бухта и Малахов курган).

Началась 349-дневная героическая оборона Севастополя…

Неприятельская союзная армия оставалась на месте сражения до 11 сентября 1854 года и занималась погребением убитых, для чего были вырыты три братских могилы: для русских, англичан и французов.

В 1877 году из Англии был привезен памятник, который установили на братской могиле погибших британцев в Альминском сражении.

В день тридцатилетия битвы, - 8 сентября 1884 года, по проекту симферопольской инженерной команды, начальником которой был полковник, участник Первой обороны - К.Е. Геммельман, установлен новый обелиск «Сяг Памяти Воинов» - русским воинам, павшим в Альминском сражении. На лицевой стороне надпись: «Памяти воинов, павших в Альминском сражении».

Слева от входа на кладбище возвышается высокий мраморный постамент. Надпись на нем гласит: «Здесь 8 сентября 1854 г. Владимирский мушкетерский полк под командой полковника Ковалева отражал атаки англичан, три раза бросаясь в штыки и опрокидывая их к реке Альме, он потерял 51 офицера и 1260 нижних чинов убитыми и ранеными. Сооружен 8 сентября 1902 г. 61-м пехотным Владимирским полком...».

Памятник погибшим из числа Владимирского полка с фигурой простого солдата в момент атаки с ружьем наперевес уцелел во время оккупации, пережил всю войну и был разбит в мирное время мародерами незадолго перед столетним юбилеем Альминского сражения (мраморная фигура была исполнена в Одессе мастерской по мрамору итальянского скульптора Баскерини).

Панорама памятников русских, английских и французских захоронений в долине реки Альма. Фото - 2009 г.

Памятники на местах братских захоронений в Альминской битве. Фото - 2009 г.

Памятник Владимирскому полку под командованием полковника Бокщанина, установленный 2 сентября 1902 года 61-м пехотным Владимирским полком на средства Императора Александра II на месте братского захоронения в Альминской битве. Фото - 2009 г.

Братское захоронение английских солдат

Если посмотреть с высоты птичьего полета на современную территорию Каткартова холма, то можно обнаружить, что вся его поверхность словно размечена на куртины с правильными прямоугольными участками, в некоторых местах которых видны следы отдельных захоронений английских солдат и офицеров, погибших в бою под Севастополем в 1854-1855 годах.

Каткартов холм расположен в нескольких километрах от города по старому ялтинскому шоссе. Получил свое название от английского генерала Георга Каткарта (1794-1854), - командира 4-й дивизии британской армии, убитого в Инкер-

манском сражении в конце октября 1854 года и похороненного на братском английском некрополе, впоследствии получившем название «Каткартов холм».

Английский некрополь складывался стихийно на протяжении многих десятков лет: здесь хоронили как погибших в Крымской компании 1854-1855 гг., так и в позднее время, когда сюда свозили останки с других некрополей или отдельных захоронений. Официально он был открыт в 1882 году, когда прибывшие в Севастополь представители английской стороны благоустроили территорию Каткартова холма, установили надгробия на могилах известных офицеров и солдат, остальных похоронили в братской могиле. Всего краеведы и историки Севастополя насчитывают около 450 мест захоронений. Здесь же находились захоронения английских генералов: Гольди – командира 1-й бригады, Торренса, Странгвейса и других. Считается, что ряд надгробий был исполнен украинским скульптором из Одессы Борисом Васильевичем Эдуардсом (1860-1924).

А, вот, каким увидел английский некрополь советский поэт, писатель и военный хроникер Константин Симонов в 1939 году:

На медных досках, на камнях надгробных,
На пыльных пирамидах из гранат
Английский гравер вырезал подробно
Число солдат и номера бригад.
…….....
Уже дряхлеют даты
На памятниках дедам и отцам.
Спокойно спят британские солдаты.
Мы никогда не мстили мертвецам.

Панорама захоронений английских солдат на Каткартовом холме.

В период Второй обороны Севастополя в 1941-1942 гг. по холму Каткарта проходила оборонительная линия защитников города. Часть ограды кладбища, сторожка и надгробные плиты были использованы при строительстве блиндажей и дзотов оборонительного рубежа. Кладбище сильно пострадало, но в 1944 году оно еще существовало.

Известно, например, что в феврале 1945 года премьер-министр Великобритании Уинстон Черчиль (1874-1965), прибывший на Ялтинскую конференцию, посетил английский некрополь, где был похоронен один из его предков.

Однако в последующие годы кладбище постепенно приходило в запустение, были утрачены и надгробия, из которых пролетариат построил свои дачи и лачуги. Но и этого ему показалось мало: вскоре на бывшем некрополе развернулось строительство дачно-садового товарищества.

В сентябре 1993 года на Каткартовом холме была предпринята первая попытка восстановить утраченную память о погибших солдатах. Для этой цели огородили небольшой участок холма, перенесли туда останки, разбросанные по всей территории и установили высокую мемориальную стелу. На специальных металлических досках выбили имена наиболее известных воинов, павших в боях под Севастополем.

Но мемориалу и на этот раз не повезло: он вновь пришел в запустение и сейчас находится в плачевном состоянии; мемориальные доски с именами погибших сорваны и сданы на металлолом. Облицовка стелы отваливается, а сама территория захламляется. Исчезла даже чугунная мемориальная плита у входа на некрополь, указывающая на объект исторического значения…

Современное состояние захоронений английских солдат на Каткартовом холме. Фото - 2011 г.

Захоронения английских солдат на Каткартовом холме. Фото второй пол. XIX века.

И снова, словно предвидя поступки советских и постсоветских людей, звучат слова Константина Симонова в адрес погребенных английских солдат:

В чужом краю его обидеть могут,
И землю распахать, и гроб сломать.
Вы слышите! Не смейте, ради бога!
Об этом просят вас жена и мать!..

Центральный обелиск на Каткартовом холме.
Фото - 2011 г.

Братское захоронение русских и французских воинов на Малаховом кургане

Трагические страницы обороны Севастополя достаточно хорошо описаны как в научной, так и художественно-публицистической литературе, где важнейшее место принадлежало восточному укреплению города - Малахову кургану на Корабельной стороне.

После сражения русской армии под Альмой 8 сентября 1854 года, коалиционные войска перешли к блокадной войне как с моря, так и с суши. С помощью дальнобойных осадных орудий и нарезного оружия, какового у обороняющихся почти не было, неприятель наносил значительный урон городу и его защитникам. Последним пал Малахов курган. Это произойдет через 349 дней и ночей отчаянного сопротивления врагу. Множество раз севастопольцы отражали атаки неприятеля, доказывая смелость и отвагу русского солдата и матроса. Так было и в ночь с 6 на 7 июня 1855 года, когда самоотверженным героизмом в очередной раз будет спасен Севастополь. Но храбрость и удаль отдельно взятого гарнизона не смогло спасти положения дел окруженного города. Град неприятельских ядер и бомб ежедневно уносил сотни жизней.

...27 августа 1855 года на Малахов курган обрушился огонь более 800 англо-французских орудий, после которого начался последний штурм. Очевидцы писали: «Укрепления кургана лежали в развалинах, почти все орудия были выве-

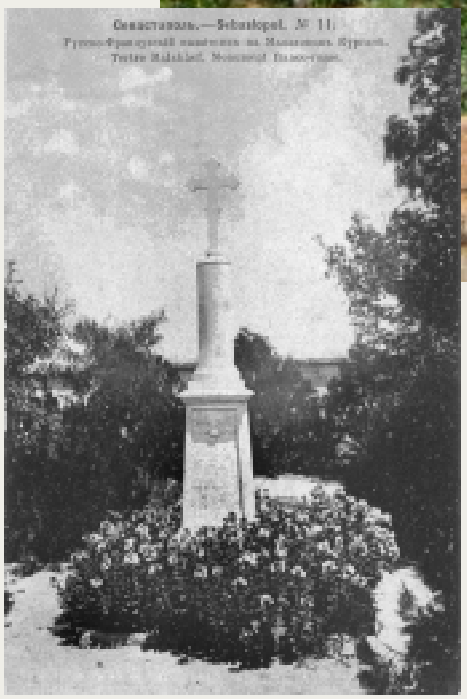
Похороны убитых у Малахова кургана.

дены из строя, тысячам наподавших противостояли сотни осажденных. После страшной схватки, в которой бились штыками, прикладами, камнями, заступами, курган остался за французами» (цит. по: Терновский Г. Памятник народного подвига. - Симферополь: Крымиздат, 1956. - С.57).

Не все, но многие погибшие в ходе боя: русские и французы были похоронены на Малаховам кургане в общей могиле, на которой первоначально был установлен деревянный крест, замененный в 1872 году мраморным памятником.

На обелиске надпись (перевод с фр.): «Их воодушевляла победа и соединила смерть».

В годы Великой Отечественной войны пямятник был утрачен и в 1960 году восстановлен севастопольским архитектором А.Л. Шеффером...



Памятник русским и французским воинам, павшим за Малахов курган 27 августа 1855 года, 1872 г.
После разрушения восстановлен в 1960 году по проекту севастопольского архитектора А.Л. Шеффера.
Малахов курган. Фото - 2006 г.

Памятник русским и французским воинам, павшим за Малахов курган 27 августа 1855 года.
Малахов курган. Фото начала XX в.

Некрополь французских воинов

В первую оборону Севастополя, 1854-1855 гг. на севастопольской земле остались тысячи убитых, умерших от ран и болезней. Французская армия занимала западную, еще не заселенную, окраину города и принимала основное участие в боевых действиях коалиции по всему фронту. Сотни и тысячи захоронений французских генералов, офицеров более низшего звена и солдат покрыли территорию от Камышовой бухты до Байдарской долины. Останки многих из них до сих пор остаются не выявленными.

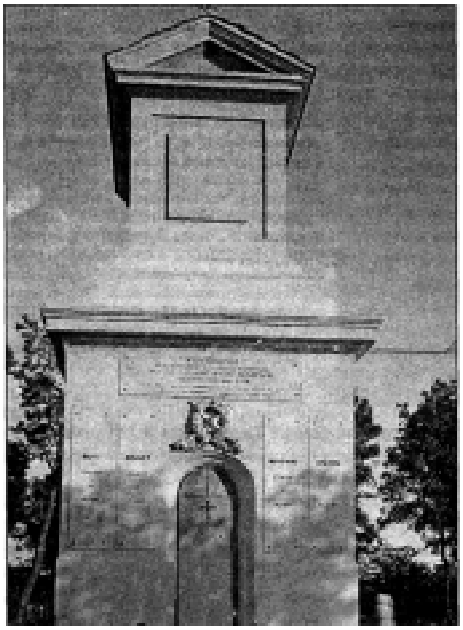
Первую попытку перенесения останков умерших в единый некрополь было предпринято в 1863 году, когда по поручению Правительства Франции у русского генерала А.Б. Бракера был выкуплен разрушенный хутор с землей у 6-го км. Балаклавского шоссе (иногда это место называют «Французским хутором»). Вот здесь и был устроен искусственно-созданный некрополь, за короткое время превращенный в ландшафтный парк-мемориал с устройством на нем цветников, часовни, сторожки и саркофагов с пояснительными плитами. Территория была окружена высокой каменной стеной с витыми кованными воротами по центру.

Согласно письменного отчета французского генерала Джона Эдви за 1872 год, побывавшего на некрополе с инспекторской проверкой, здесь было перезахоронено около 28 тысяч человек. Сколько воинских останков хранится на самом деле, - никто не знает. Краеведы Севастополя также называют разные цифры; называют и погребенных здесь генералов: Брюне, Майрана, Бизо, Бретона и целого ряда других [2, с.112].

Французский некрополь. Фото начала XX в.

Вокруг центральной часовни-склепа располагались саркофаги (братские могилы), которых указывалось семнадцать. Известный ялтинский путешественник, краевед и издатель Григорий Григорьевич Москвич в своем очередном «Путеводителе по Крыму» за 1914 год, побывав на этом некрополе, отмечал, что «порядок на кладбище образцовый».

До середины 30-х годов XX столетия некрополь сохранялся в достаточно приличном виде. Порядок на нем поддерживался (с 1928 по 1936 гг.) выходцем из Франции Раввэ Жосефом-Августом, который был и смотрителем кладбища, и сторожем, и садовником. То есть – выполнял все функции для поддержания на нем порядка. Здесь, собственно, между склепами он и был похоронен в конце мая 1936 года.



Часовня французского некрополя. Фото начала XX в.

Во вторую оборону Севастополя 1942 года некрополь сильно пострадал. Но окончательное его разрушение произошло позже: в мае 1944 года при освобождении Севастополя от немецко-фашистских захватчиков по его территории прошла первая линия обороны; в 1982 году, все то, что не разрушили фашисты и советские люди, растаскивающие камни бывшей часовни и надгробные плиты для своих нужд, по негласному приказу севастопольских руководителей было снесено бульдозерами. Вот в таком состоянии он просуществовал до начала XXI столетия, когда в сентябре 2002 года Севастопольский городской совет принял решение о восстановлении братского мемориала погибших французских воинов на том же самом месте, где тот находился до своего разрушения…

Французский некрополь сегодня. Фото - 2011 г.

Мемориальные таблички на французском некрополе. Фото - 2011 г.

Сохранившиеся надгробия французских воинов. Фото - 2011 г.

Общий вид на восстановленный мемориал французского некрополя. Фото - 2011 г.

Турецкий военный мемориал

Если посмотреть на карту военных баталий, то можно обнаружить некую стратегическую линию взаимоотношений Турции и России. История просто пестрит военными столкновениями, сухопутными и морскими сражениями этих двух государств на протяжении целых столетий. Вот, только, некоторые из них:

- Русско-Турецкая война 1768-1774 гг., в результате которой в состав России вошли земли южной Украины, Северного Кавказа и Крымское ханство;

- война 1787-1792 гг., закончившаяся победой России и подписанием Ясского мира. В этой войне Турция попыталась вернуть утраченные позиции на Кавказе и Крыму;

- Русско-Турецкая война 1806-1812 гг., закончившаяся военно-морскими победами русского флота под командованием вице-адмирала Д.Н. Сенявина под Корфой и подписанием Бухарестского мира в мае 1812 года;

- Русско-Турецкая война 1828-1829 гг., в которой вновь разгорелись военные споры за Балканы и Кавказ;

- Крымская (Восточная) война 1853-1856 гг., когда Турция в коалиции с Францией, Англией и Сардинией в течении 349 дней и ночей осаждали Севастополь. Тогда Россия потеряла право держать свой военно-морской флот на Черном море.

В этой, последней, войне Турция потеряла по предположительным подсчетам до 40 тысяч солдат, нижних и высших офицерских чинов. Русское правительство не желало видеть турецких завоевателей на своей земле даже в виде умерших от ран, болезней или убитых в бою. И только в XXI веке на уровне межправительственных соглашений независимой Украины и Турции вопрос о строительстве мемориала и перезахоронения турецких воинов в Севастополе стал возможным. Это произошло в сентябре 2004 года, когда в верховьях Килен-балки был торжественно открыт некрополь павших воинов Османской империи 1853-1856 годов…

Вид на турецкий собирательный некрополь. Фото - 2010 г.

Мемориальный памятник на турецком собирательном некрополе. Фото - 2010 г.

Мемориал воинов Сардинского королевства

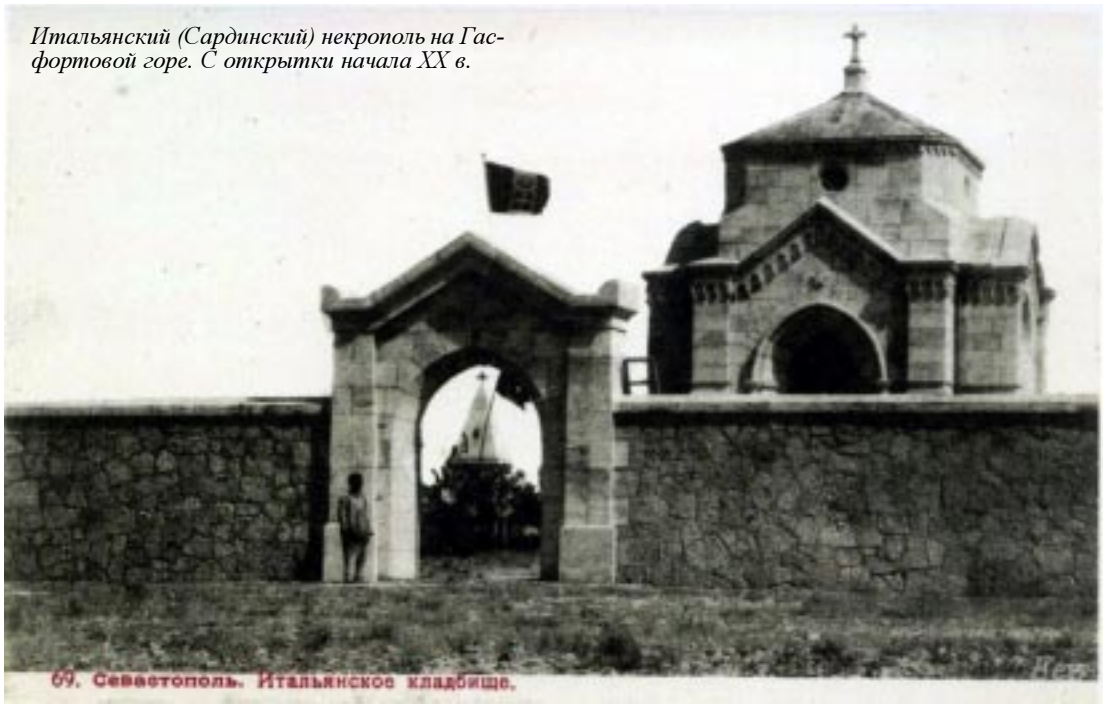
В многочисленной справочной литературе о Севастополе существует информация о наличии на территории города и его регионе Итальянского некрополя, 1854-1855 гг. Следует заметить, что это не совсем верное определение, так как речь идет не об итальянских воинах, погибших в сражениях, а о солдатах Сардинского королевства.

Для справки: Сардинское королевство – государство, существовавшее на территории Италии с 1720 по 1861 годы, со своей столицей в Турине.

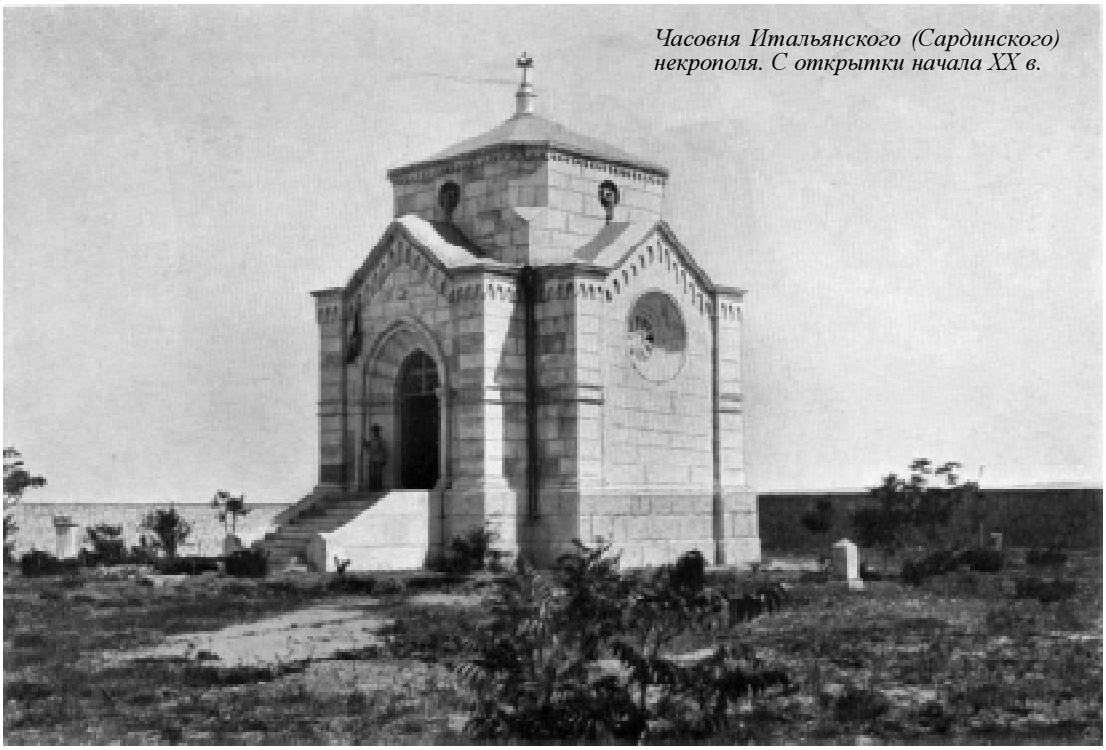
В конце 40-х годов XIX века в Италии развернулась борьба за независимость от Австрии и Франции, которая окончилась в августе 1849 года подписанием декларации об умеренной зависимости. Политическими вопросами внешней политики тогда руководил премьер-министр, граф Камилло Бенсо Кавур (1810-1861), который склонил короля Виктора Эммануила II (1820-1878) принять участие в Крымской войне против России, выступив на стороне Франции, Англии и Турции…

На Гасфортовой горе у села Хмельницкое (названа по имени командующего Казанским полком 16-й пехотной дивизии Всеволода Густавовича Гасфорта) под Севастополем располагается некрополь воинам Сардинского королевства. На этой высоте и вокруг нее когда-то в Крымскую компанию проходили сражения. Вершину горы занимали сардинские войска, давшие второе название этой вершине – Пьемонтская обсерватория.

Некрополь на этой горе возник не сразу после сражений, а лишь в 80-х годах XIX столетия. Строился он с расчетом минимальных затрат материальных ресурсов. Следует заметить, что основная масса погибших в 1855 году была захо-



Итальянский (Сардинский) некрополь на Гасфортовой горе. С открытки начала XX в.



Часовня Итальянского (Сардинского) некрополя. С открытки начала XX в.

ронена в деревнях Камары (ныне село Оборонное) и Кады-Кой (предместье Балаклавы) и в 80-х годах произошло их перезахоронение на высоте, где когда-то находились позиции сардинцев. Тогда же его территория была обнесена высокой каменной оградой, в центре которой была сооружена часовня с размещением вокруг нее останков более двух тысяч солдат погибших под Севастополем.

Историки и краеведы видят в этой постройке «Ломбардийский стиль». В этом определении есть доля истины, если учесть, что североитальянские народы при возведении общественных построек всегда опирались на свои, местные, традиции. Это, как правило, грузные, массивные, солидные церкви францисканцев и доминиканцев, коренным образом отличающиеся от невесомой французской готики. Ломбардийские церкви выглядят утонченными не за счет стремительно воспаряющих ввысь, залитых светом интерьеров, а за счет тщательно сбалансированных пропорций и отчетливой, ясно прорисованной структуры.

Часовня, готические ворота и массивная стена, окружающая захоронение, были построены в 1882 году. По свидетельству П.П. Семенова-Тянь-Шанского: «На 19-й версте, налево от дороги, на месте, где помещалась главная батарея сардинцев, в 1882 г. устроена часовня. Постройка ее проводилась итальянскими мастерами под руководством инженера майора Герардини. Часовня построена в ломбардском стиле из так называемого крымского мрамора, выломанного в окрестностях Балаклавы» («Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. – Т. XIV. – СПб, 1910).

Подобное описание мы встречаем и у Григория (Георгия) Москвича в его «Иллюстрированном практическом путеводителе по Крыму» (СПб,1911): «Внутри часовни на мраморных досках обозначены имена и фамилии павших офице-

ров итальянской армии. В часовне сохраняются много венков, присланных из Италии, в том числе роскошный венок итальянского короля Виктора Эммануила.

Близ часовни находится гробница одного из героев войны Ла Мармора, прах которого летом 1911 года был перевезен итальянским правительством на родину героя – в Италию. Кладбище огорожено каменною стеною, и в небольшом домике находится постоянно сторож».

К сожалению этому мемориалу пришлось испытать страшную трагедию, которая произошла на ее территории в годы Второй обороны Севастополя 1942 года, где тогда находился один из воинских рубежей советских войск. Итальянское кладбище практически было разрушено и окончательное его уничтожение произошло в 50-60-е годы XX столетия, когда мемориальные плиты и камни были разобраны советскими чиновниками для строительства флюсового комбината «Гасфорт»...

В сентябре 2004 года в рамках проведения мероприятий, посвященных 150-летию начала Первой обороны Севастополя (указ президента Украины Леонида Кучмы № 739 от 23 июля 2003 г.) у подножия горы Гасфорт был сооружен мемориал, посвященный вечной памяти погибшим в Крымской войне солдат Сардинского Королевства…

Современный вид на Итальянский (Сардинский) некрополь на Гасфортовой горе. Фото - 2010 г.

Памятник солдатам-Сардинцам у подножия Гасфортовой горы, 2004 г. Фото - 2010 г.

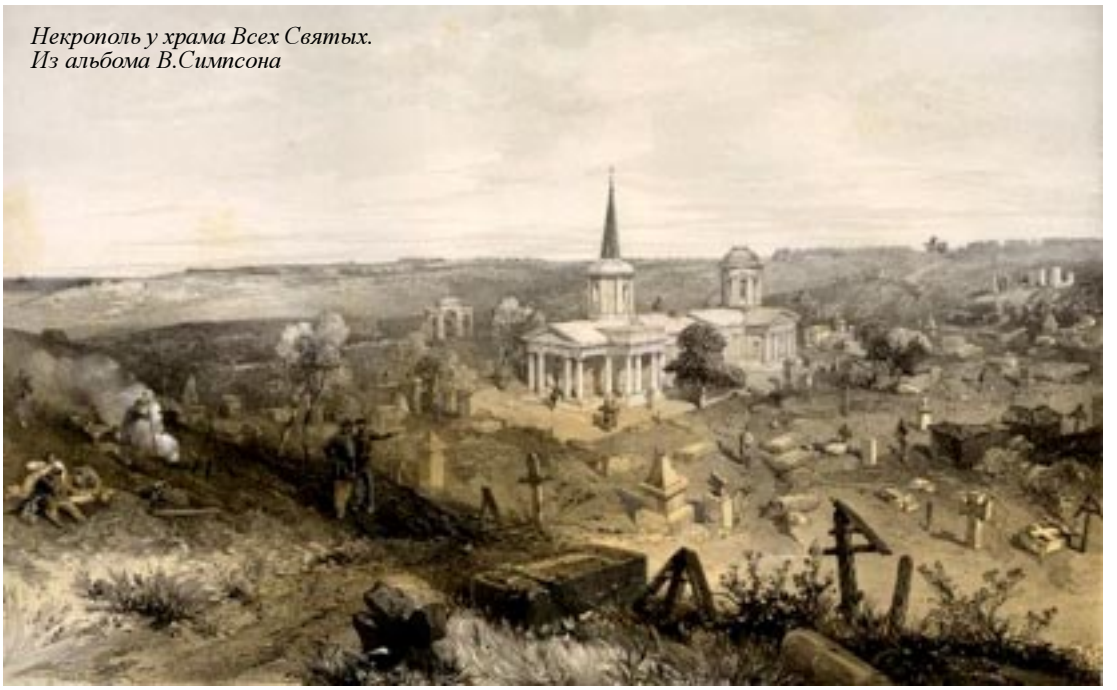
СТАРОЕ ГОРОДСКОЕ КЛАДБИЩЕ (ул. Н.Пожарова)

Нет повести печальнее на свете...

Так, вероятно, можно было бы начать наш рассказ о захоронениях старого городского кладбища, протянувшегося вдоль древнего тракта с площади Восставших (с 1958 г.) в сторону городища Херсонес-Таврический.

Согласно решению исполкома Севастопольского городского Совета за □ 138 от 4 марта 1969 года старый некрополь формально прекратил свое функционирование. Закончилась история полуторавековой давности, когда на далекой окраине к западу от центра города стали производиться первые захоронения основателей Севастополя. Формировался некрополь на склонах Рудольфовой горы, получившей свое название от имения Готлиба Рудольфа, по просьбе городских властей уступившего часть своих земель для обустройства на северном и северо-восточном склонах городского кладбища. В самом начале 20-х годов XIX века в северо-восточной части началось строительство кладбищенской православной церкви, для примирения всех усопших названной во имя Всех Святых. Известно, что она была построена на деньги вице-адмирала русского флота Филиппа Тимофеевича Бычинского, который и похоронен здесь. Храм множество раз горел и вновь восстанавливался, поэтому говорить о нем приходится с некоторой долей предположения. Тем не менее если пройти по его территории, то в некоторых его частях еще удается обнаружить элементы мраморных источников, оград или надгробий, относящихся к той далекой эпохе.

Классицизм, как известно, характеризуется простотой и чистотой архитектурных форм. Храм Всех Святых именно такой: его необыкновенно чистые прямолинейные формы изысканны, строги и одновременно традиционны для того времени. В то же время архитектор сумел придать этой традиционности необычные для классицизма формы: храм, как это ни странно, имеет несколько главных фасадов, отчего он



Некрополь у храма Всех Святых. Из альбома В.Симпсона

Фрагменты внешней и внутренней территории городского некрополя на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2010 г.

Храм Всех Святых на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2010 г.

становится достаточно выразительным со всех сторон. Вероятно эта композиционная задача изначально лежала в основе архитектурного решения, так как храм находился в центре кладбищенского захоронения и был рассчитан на круговой обход. Одновременно с этим следует заметить, что наличие нескольких фасадных решений объясняется еще и тем, что до второй половины XIX столетия ныне целостный храм был разделен на две равные доли. Это, в частности, подтверждается рисунками и гравюрами художников, сумевших запечатлеть его во время и после оккупации территории Севастополя неприятельскими войсками в Первую оборону 1854-1855 гг.

Вот как пишут о нем его прихожане: «Центральный вход, парадно выделяющийся белыми полуколоннами с треугольным фронтоном над ними, расположен в западном фасаде, и есть еще два боковых — в южном и северном... Стены храма выбелены. Бирюзово-белый наряд здания радует глаз. Над центральным входом шапкой-пирамидой с небольшим открытым окном-проемом поднимается двухъярусная звонница. В дни церковных праздников колокола наполняют торжественным звучанием всю балку и слышны до самого моря.

Восточная часть храма традиционна. Здесь здание имеет полукруглый выступ, укрывая внутри святая святых церкви — алтарь. Венчает храм широко очертаный купол, приподнятый над крышей на невысокой башенке-барабане» [1, с. 6].

История храма типична для всех церковных сооружений. В Первую оборону Севастополя, 1854-1855 гг. он был захвачен турками и французами, которые после разграбления устроили в нем конюшню, а после отступления — сожгли. В 1859 году храм был восстановлен на средства церковного старосты, купца Иоанна Пикина и, как указывают источники, - освящен 5 октября того же года протоиереем Арсением Лебединцевым. В годы советской власти церковь вновь подверглась разорению, но служба в нем уже не прекращалась. Однако до сих пор как в самом храме, так и на его территории продолжают идти восстановительные и реставрационные работы...

Однако вернемся к самому некрополю и его захоронениям.

Нужно заметить, что вероятно в XIX веке он был значительнее как по художественным достоинствам надгробных памятников, так и по представительству дворянской, военной и творческой элиты в некрополистике данной территории. Возникает вопрос: почему сегодня мы не видим здесь высокохудожественных произведений мемориальной культуры?

Ответов тут может быть несколько:

- за почти двухсотлетнюю историю существования, мемориал неоднократно подвергался разрушению и вандализму. Здесь проходили многочисленные кровопролитные битвы начиная от Первой Обороны Севастополя в 1854-1855 годов до обороны и освобождения Севастополя в 1942 и 1944 годах в войне с фашистскими захватчиками;

- город Севастополь формировался из военного офицерского состава, присланного сюда по Императорскому Указу и, как правило, из Санкт-Петербурга. А это элита из высшего дворянского сословия. Следовательно и захоронения умерших по воли родственников производилась в северной столице России. В других же случаях — на Братском кладбище Северной стороны. Услугами городского кладбища, как самого дешевого и демократичного, могли воспользоваться только военные чины невысокого ранга или гражданские лица;

- важной стороной нашего исследования должно служить наличие (а точнее — отсутствие) на территории города высокопрофессиональных мастеров мемориальной и монументальной скульптуры (об этом мы уже писали), способных создавать высокохудожественные произведения искусства.

Кроме того, не надо забывать и о финансово-материальной составляющей при заказе надгробного памятника в условиях постоянной военной угрозы, которой всегда был подвержен город;

- и, наконец, последнее: в дореволюционное время (имеется в виду октябрьский большевистский переворот 1917 года) ухоженное и тщательно охраняемое кладбище было брошено на произвол судьбы. Церковнослужители частью были изгнаны, другие — расстреляны, а могилы «буржуа» были осквернены, разбиты, уничтожены. Некоторые надгробные плиты были вторично использованы для захоронений пролетариата или же взяты для строительства мещанских и пролетарских домов...

Теперь же обратимся к семантике захоронений.

В начале нашего исследования мы много говорили о гносеологических корнях надгробного памятника и принципах формирования знакового отражения места захоронения. В этом отношении старому городскому некрополю повезло значительно больше, чем другим некрополям города. Здесь присутствуют все издревле сложившиеся традиционные формы православной христианской погребальной культуры: от ствола дерева без ветвей до голубя или креста, украшенного венком славы; от скорбного ангела до резного саркофага. Но учитывая фрагментарность представленных захоронений и их плохую сохранность мы не можем судить о них ни с позиции целостности художественного замысла, ни о единстве смысловой концепции и композиционно-планировочной системы некрополя. Более того здесь при-

сутствует, скорее, принцип монархической унифицированности и однотипности захоронений, чем их разнообразие.

Необходимо также сказать и об уровне сохранности (степени разрушения) надгробных памятников. Здесь, как, собственно, на всех некрополях Севастополя, мы наблюдаем ситуацию тотального уничтожения мемориальных надгробий, особенно относящихся к раннему периоду формирования некрополя. В большей сохранности находятся захоронения с гранитными надгробными плитами или крашенными железными обелисками с красной звездой и простой железной оградой, показывающих убогость безбожной мысли партийного чиновника или заидеологизированного рабочего, похороненного тут. Причем, как показывает практика, разрушение мемориалов происходило не только от вандалов или военных действий, но зачастую по прямому распоряжению партийных руководителей. Один из исследователей эпиграфики некрополей в Крыму — С.М. Червонная по этому поводу писала: «Однако российская администрация Таврической губернии не только не проявляла элементарной заботы о сохранности этого богатейшего художественного наследия, но по сути возглавила компанию повсеместного варварского уничтожения этих памятников». Конечно. Было бы не справедливым не сказать о захоронениях советских воинов, также покоящихся на территории старого некрополя как в отдельных локализованных местах, так и в братских могилах. Особенно много их у западной стенки, где лежат останки погибших за Родину в годы Великой Отечественной войны с фашистской Германией. Исполнены эти захоронения по советски скупо и с большой долей унифицированности (однотипности). И только скульптурный монумент в скорби склоненного матроса над могилами умерших (скульптор — Станислав Чиж) еще как-то разбивает суровую простоту мемориала.

Советская пролетарско-большевистская система, заидеологизированная марксизмом и ленинизмом, создала закомплексованную партийную культуру в том числе и в мемориальных захоронениях. Но и это еще полбеды. Беда в том, что за погоней к уничтожению всего буржуазного наследия, бездумно и по варварски уничтожались надгробия, имеющих художественную и историческую значимость. Один из прогрессивных современных московских художников — Евгений Филатов-Толь (1947 г.р.), занимающийся сохранением памятников культуры, писал: «В психиатрической науке есть такой медицинский термин: «скорбное бесчувствие». Это тяжелый недуг, - болезнь бездушия, когда человек полностью лишается способности к сопереживанию». Или в другом месте: «Равнодушно-привычный вандализм по отношению к могилам своих предков — не есть ли зловещий признак того, что эта страшная болезнь затронула душу народа?..».

Нельзя без боли смотреть на оскверненные захоронения севастопольских некрополей: православного христианского — того, что на улице Н.А. Пожарова, еврейского, караимского, мусульманского (на костях последнего, например, жители города построили свои дома и медицинские центры по переливанию крови). Склепы этих мемориалов, - произведения искусства и архитектуры, - разграблены, останки выброшены, уничтожены надгробные стелы, сбиты чугунные, бронзовые и мраморные навершия. Сами захоронения за десятки лет неухоженности поросли кустарником и деревьями, причем так плотно, что порой напоминают амазонские джунгли и где нужно производить настоящие раскопки...

Исходя из сказанного, в данном разделе мы, к сожалению, сможем говорить только о тех мемориалах, которые имеют более-менее сохранный характер. В то же время мы должны сделать небольшую ремарку: история мало сохранила сведений как исторического, так и эпиграфического характера о тех, кто покоится под надгробиями. Отсюда — наш рассказ только о тех, чьи имена нам известны, а их мемориальные памятники носят характер произведения искусства...

Захоронение советских воинов у западной стенки некрополя на ул. Н.А. Пожарова). Фото - 2010 г.

БРАТСКАЯ
МОГИ

АСТАФЬЕВ
ЯКОВ ТИМОФЕЕВИЧ
(**1819-1879** 14 апреля)

В 70-х годах XIX столетия в Севастополе жил человек, именем которого названы улицы, бухты, горы и мысы дальневосточного города Находка и Японского моря. Человек, которому суждено было сделать величайшие открытия в области гидрографии, этно и топографии. Ему принадлежит честь первооткрывателя северо-восточных островов и полуостровов Дальнего Востока. Имя ему – Астафьев Яков Тимофеевич, похороненного на старом городском кладбище в 1879 году…

О нем известно, что родился он в Кронштадте в семье штурманского помощника унтер-офицерского чина. В 40-х годах XIX столетия окончил Санкт-Петербургское кадетское штурманское училище и до 1857 года служил на гидрографических кораблях на Балтике. В частности, в 1851 году на бриге «Диомид» под командованием капитана II ранга Василия Михайловича Филиппова (1811-1878) участвовал в работах гидрографической экспедиции в Финском и Рижском заливах, был участником Высочайшего смотра на Кронштадском рейде в июле 1853 года. В 1854-1855 гг. - участвовал в обороне Свеаборга.

В июле1857 года был переведен в Сибирскую флотилию и в составе небольшого отряда (2-х корветов и 3-х клиперов) в качестве штурманского офицера на современном винтовом корвете «Новик» под командованием капитан-лейтенанта Федора Гедеоновича Стааля (1818-1892) совершил переход из Кронштадта вокруг мыса Доброй Надежды к устью Амура. В течении последующего года вместе с ним обследовал все дно океана, острова и береговую линию.

В 1859 году на пароходо-корвете «Америка» под командованием капитан-лейтенанта Николая Яковлевича Шкота (1828-1870) произвел ряд величайших открытий у берегов южного побережья Уссурийского края (под флагом генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева-Амурского (1809-1881), произвел промер подхода к заливу Посьета и некоторых участков побережья западной части залива Петра Великого у полуострова Гамова, а также непосредственно руководил описью вод залива «Америка» (залив Находка, город Находка). В чине поручика корпуса флотских штурманов и командира шхуны «Первая» (1860-1863 гг.) служил на кораблях Сибирской флотилии. Затем: транспорте «Байкал», пароходе «Аргунь» и других в морях Дальнего Востока.

В 1870 году произведен в штабс-капитаны корпуса флотских штурманов, а в 1876 году – подполковника корпуса флотских штурманов. За участие в русско-турецкой войне 1878-1878 гг. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени.

По имени Астафьева названы шесть географических пунктов на Дальнем Востоке: бухта, гора, мыс на полуострове Гамова, мыс на полуострове Краббе, а также - острова.

*Памятник подполковнику корпуса флотских штурманов **Астафьеву Якову Тимофеевичу**. Скончался 14 апреля 1879 на 59 году жизни и его жены - **Астафьевой Марии Ивановне**, скончавшейся 13 декабря 1915 г.*
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова. Фото - 2011 г.

Памятник вдовы контр-адмирала ***Антипа Евгении Дмитриевны****. Скончалась 9 января 1913 г.*
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

*Памятник **Багдасарову Григорию Багдасаровичу**. Скончался 11 декабря 1917 г. 49 лет. и его жены - **Багдасаровой Натальи Ивановны**. Скончалась 7 августа 1928 г. на 51 г. жизни.*
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

Барановский
Петр Иванович
(ок. **1800-1886** 5 декабря)

О вице-адмирале Барановском Петре Ивановиче, несмотря на его известность, сведений крайне мало: на военной службе он с 1824 года в звании гардемарина. С 1828 года - офицер Балтийского флота, участник русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Затем была кавказская кампания 1836-1838 гг.

В звании капитан-лейтенанта (с 1844 года) командовал кораблями Черноморского флота «Рион», «Аргонавт», «Колхида», «Флора»;

Капитан II-го ранга (с 1851 года) на фрегате «Императрице Мария»; в ноябре 1853 года вместе с линейными кораблями П.С. Нахимова осуществлял крейсерские походы у берегов Анатолии. 18 ноября 1853 года адмирал Нахимов принял решение атаковать Синопскую крепость и турецкие корабли, стоящие у входа в бухту. «Императрица Мария» имея на борту 84-пушки принял на себя самый первый и ожесточенный огонь противника - турецкого флагмана 44-пушечного фрегата «Ауни-Аллах» и сразу же понес значительные потери. Тем не менее не выходя из боя вел огонь по судам, которые мимо него проходили. Через короткое время турецкий флагман «Ауни-Аллах», также понеся значительные потери, вышел из боя и выбросился на берег.

Затем П.И. Барановский сосредоточил огонь своего корабля на 44-пушечный фрегат «Фазли-Аллах» и вызвал на его борту пожар. Но и сама «Императрица Мария» понесла значительные потери: 16 человек убитыми и 59 ранеными. В этом сражении в обе ноги был ранен и сам П.И. Барановский. За мужество и отвагу Петр Барановский был награжден орденом и присвоением очередного звания капитана I ранга.

84-пушешный корабль «Императрица Мария».

После синопской победы П.И. Барановский не раз еще участвовал в Восточной войне 1853-1856 годов, был одним из защитников Севастополя 1854-1855 гг. командуя 40-м флотским экипажем, затем батареей на Северной стороне и Селенгинским редутом.

С 1860 - контр-адмирал.

Уволен со службы 10 мая 1865 года в чине вице-адмирала.

Похоронен в Севастополе на старом городском кладбище.

*Семейные надгробия вице-адмирала **Барановского Петра Ивановича**, скончавшегося 5 декабря 1886 г., его супруги - **Барановской Екатерины Николаевны** и сына - **Барановского Михаила Петровича**, - полковника скончавшегося 8 декабря 1906 г.*

*Памятник инженеру путей сообщения **Баталину Феодору Феодоровичу**. Родился 8 октября 1848 г., скончался 16 августа1908 г. и его жены - **Баталиной Надежде Ивановне**. Родилась 8 февраля 1860 г., скончалась 26 апреля 1886 г.*
Городское кладбище на ул. Н.А.Пожарова. Фото - 2011 г.

Памятник генерал-майору по адмиралтейству ***Фон-Вонгаз Евгению Андреевичу****. Родился 27 июля 1840 г., скончался 29 января 1905 г.*
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.
Е.А. фон Вонгаз (Вонгауз) - флагманский инженер-механик, автор критических «Записок по механизмам крейсера «Адмирал Корнилов» от 15 октября 1888 г.

ВУЛЬФ
ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ
(16 января **1843-1909** 10 июля)

Павел Николаевич Вульф происходил из старинной дворянской семьи, потомственных военных. В 1862 году окончил Санкт-Петербургский морской кадетский корпус. Служил на военных судах Балтийского флота вначале мичманом, затем – лейтенантом (с 1868 г.): на фрегате «Дмитрий Донской» ходил по Атлантическому океану (1862-1863 гг.). К началу 1863 года между Россией и Англией возобновился дипломатический конфликт, результатом чего стало отправление в Атлантический океан крейсерской эскадры под командованием контр-адмирала С.С. Лисовского, которая в сентябре того же года высадилась в Нью-Йорке. Одним из членов этой экспедиции был молодой офицер Павел Вульф.

В середине 60-х годов XIX столетия Вульф был направлен на Черноморский флот, где служил до 1873 года. По возвращению в Санкт-Петербург он входит в различные благотворительные и учредительные фонды, даря столичным библиотекам редкостные экземпляры книг, фаянс, предметы археологической материальной культуры или морской фауны.

Однако с началом Русско-Турецкой войны 1877-1878 гг. Вульф вновь в гуще событий. За участие в военных походах в 1878 году ему присваивают звание капитана-лейтенанта и назначают командиром корабля «Родимый», а за отличие и находчивость вручают орден Св. Владимира 4-й степени.

С окончанием боевых действий возвращается на Черноморский флот, где в чине капитана II ранга служит на винтовой шхуне «Абин» и «Келасуры» (до временной передачи ее Болгарии в 1880 году), броненосном однобашенном мониторе «Тифон» (1883-1885 гг.). Через год 10 августа 1886 года на парусно-винтовом клипере «Разбойник», только что вернувшемуся с Дальнего Востока в Кронштадт, отправляется в круиз через Дальний Восток сопровождая Императорскую яхту в Копенгаген с посещением Гавра, Мадейры, Аргентины, Бразилии, Маркизовых и Сандвичевых островов. В июне 1888 года вместе со своим кораблем вошел в состав русской эскадры в Нагасаки.

По окончании почетной миссии продолжил службу на Дальнем Востоке в качестве командира военного гидрографического судна в Анадырском лимане и острова Беринга.

В декабре 1889 года отправился через Средиземное море в Балтику, куда прибыл в конце апреля 1890 года.

В 1891-1894 годах на Адмиралтейских верфях Санкт-Петербурга наблюдает за строительством броненосного крейсера I ранга «Рюрик», по окончанию которого в 1892 году, будучи его командиром, выводит его на боевое дежурство во Владивостоке.

Параллельно с этой работой в 1893 году подал российскому Императору обстоятельную записку, в которой выступил с планом усиления крейсерских сил

России. На основе анализа проекта «Рюрика» обосновал целесообразность отказа от ненужных для океанского крейсера минных аппаратов, мин заграждения, противоминных сетей, парусного вооружения.

Тем временем находясь на Дальнем Востоке в 1894-1895 годах командует бронепалубным крейсером I ранга «Адмирал Корнилов», входившим в состав русской Соединенной эскадры в Чифу (Чжи-Фу) – китайском договорном порту. Произведен в контр-адмиралы (1895 г.).

Во второй половине 90-х годов XIX столетия отзывается в Санкт-Петербург с назначением командиром Ревельского порта (с января 1899 года) и директором маяков и лоции Балтийского моря (с января 1903 года). Принимает самое активное участие по сбору средств для памятника погибшим морякам броненосца «Русалка», погибшему в Финском заливе в октябре 1893 года (Таллин, 1902 г., скульптор Амандус Адамсон - автор памятника Затопленным кораблям в Севастополе). В 1903 году произведен в вице-адмиралы и увольнением со службы в 1906 году по болезни. Похоронен на старом городском кладбище в Севастополе.

*Памятник вице-адмиралу **Вульф Павлу Николаевичу**. Родился 16 января 1843 г., скончался 10 июля 1909 г. и его сыну - **Вульф Владимиру Павловичу**. Родился 23 октября 1880 г. Погиб при взрыве флагманского эскадренного броненосца «Петропавловск» в должности Старшего штурманского офицера под Порт-Артуром 31 марта 1904 г. Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова. Фото - 2011 г.*

Памятник столяру ***Гончаренко Михаилу Николаевичу*** *(1909-1955).*
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

*Памятник **Гузевич Надежде Ивановне**. Родилась 14 марта 1856 г., скончалась 15 апреля 1904 г. Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова. Фото - 2011 г.*

*Памятник **Иванову Степану Степановичу**.*
Родился в 1850 г., скончался 20 января 1906 г.
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

Семейное надгробие-памятник. На мраморной плите: ***Коникова Надежда Мефодиевна****. Родилась 1924 г., скончалась 1927г.*
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

Памятник ***Кузнецову Григорию Яковлевичу****.*
Скончался 8 сентября 1911 г.
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

*Памятник генерал-майору **Кутрову Михаилу Константиновичу**. Родился 3 марта 1843 г., скончался 24 апреля 1911 г. и его жене - **Кутровой Елизавете Владимировне**. Родилась 13 июня 1853 г., скончалась 8 мая 1907 г.*
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

Памятник священнику Брестского саперного полка ***Лубяновскому Павлу Васильевичу****.*
Скончался 18 мая 1898 г. на 62 году жизни.
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

Памятник сестре милосердия ***Лушниковой Вере Семеновне****. Скончалась 6 февраля 1916 г. Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова. Фото - 2011 г.*

МАКСИМОВ
АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ
(**1853-1908** август)

Алексей Андреевич Максимов.

Вот уже более ста лет имя этого человека возбуждает умы севастопольских историков. И, действительно, - не каждому удается достичь столь ошеломляющих успехов в жизни: от просторабочего на Николаевских верфях до городской головы Севастополя. Это была личность с активной жизненной позицией. Не имея никаких средств к существованию, он в молодые годы весьма удачно женился на дочери купца - Аполинарии Сергеевне Кундышевой-Володиной. Получив в качестве приданного начальный капитал Алексей Максимов становится десятником и партнером своего тестя. Не имея специального образования, но обладая природной сметливостью, купеческой изворотливостью и способностью к ведению деловых отношений, Алексей Максимов едет в Севастополь, где берет подряды у Морского ведомства на строительство Александровских доков.

90-е годы XIX столетия стали для Максимова периодом, когда удачные сделки принесли ему миллионное состояние. Такие предпринимательские способности позволили ему стать чуть-ли не единственным подрядчиком по строительству послевоенного Севастополя, восстановлению храмов и административных зданий.

В Хомутовой балке, на выкупленных им землях, он, первоначально, устраивает каменоломню, а на освободившихся террасах возводит свой загородный усадебный дом. Строит его по проекту и с непосредственным участием известного севастопольского архитектора Валентина Августовича Фельдмана (1864-1928), который своим талантом превращает скалистое урочище в великолепный садово-парковый ансамбль с устроенными каскадами и фонтанами, тенистыми аллейками с беседками, исполненными в разных стилях, живописными прудами и нависающими над ними обходными мостами-галереями.

Среди всего этого великолепия высился двухэтажный особняк, исполненный в стиле «севастопольских подрядчиков», но со вкусом отделанный фантазией архитектора и его владельца. Не менее богато, «по купечески», были украшены интерьеры особняка.

В самом начале 90-х годов XIX века Максимов решает баллотироваться в городскую думу. Став гласным городской думы он активно внедряет вопросы по улучшению городской инфраструктуры не жалея, при этом, своих собственных денег. Видя такую гражданскую позицию городская дума вносит предложение о включении А.А. Максимова в число почетных граждан Севастополя, а в июле 1901 года избирает его городским Головой.

Следует заметить, что избираясь два срока подряд городским Головой Севастополя, Алексей Максимов оставил после себя память не только как меценат и благотворитель, но и как самый демократичный управитель города.

Со времени революционных событий 1905 года над Максимовым нависла угроза обвинения его в политической неблагонадежности и потакательстве заговорщикам. Тем не менее весной 1905 года Алексей Андреевич Максимов вновь баллотируется на пост городского Головы и переизбирается на второй срок. Однако дворянство и военное губернаторство не простило ему участие в переговорах с революционерами и в мае 1908 года решением севастопольского генерал-губернатора Р.Н. Вирена (1856-1917) он отстраняется от управления делами города.

Бытует расхожее мнение, что Алексей Максимов не выдержал такой клеветнической ситуации и застрелился в своем кабинете. Однако севастопольский исследователь жизни Алексея Андреевича Максимова – Аркадий Чикин считает эту версию не состоятельной: у Максимова просто не выдержало сердце. Это произошло в августе 1908 года…

Семейный склеп городской головы Алексея Андреевича Максимова на старом некрополе по ул. Н.А. Пожарова. Фото - 2010 г.

*Памятник **Манто Анне Егоровне** - жены контр-адмирала. Скончалась 20 ноября 1897 г. Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова. Фото - 2011 г.*

Двойное захоронение: ***Михайлова Якова Ивановича****. Родился 12 октября 1866 г., скончался 13 марта 1949 г. и* ***Юркина Михаила****, скончавшегося 4 августа 1882 г. на 54 году жизни.*
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

НЕИЗВЕСТНОМУ
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

НЕИЗВЕСТНОМУ
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

НЕИЗВЕСТНОМУ
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

*Памятник настоятелю севастопольского адмиралтейского собора **Никольскому Дмитрию Григорьевичу**. Скончался 20 июня 1878 г. Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова. Фото - 2011 г.*

Памятник на семейном склепе ***Никуличеву Симеону Николаевичу****. Скончался 4 декабря 1910 г. на 55 году жизни.*
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

Фрагмент надгробного памятника на семейном склепе ***Никуличева Симеона Николаевича****. Скончался 4 декабря 1910 г. на 55 году жизни.*
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова. Фото - 2011 г.

Памятник на семейном склепе: ***Септи Иосифу Иосифовичу****. Скончался 10 октября 1899 г. на 62 году жизни и* ***Септи Ричарду Иосифовичу****. Скончался 29 апреля 1939 г. Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.*
Фото - 2011 г.

И.И.Септи - итальянец по происхождению. В Севастополе на ул. Екатерининской имел лавку с мастерской по изготовлению мраморных изделий и надгробий.

*Памятник **Сербин Софии Николаевне**.*
Скончалась 13 мая 1910 г.
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

Памятник генерал-лейтенанту от артиллерии ***Сухомлину Николаю Моисеевичу****. Скончался 10 июня 1891 г. и* ***Сухомлиной Любови Александровне****. Скончалась 27 августа 1910 г.*
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

*Памятник **Тиходумову Симеону Григорьевичу**. .*
Скончался 21 декабря 1889 г. на 30 году жизни.
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

Памятник на семейном склепе: ***Трещину Ивану Антоновичу****. Родился 18 апреля 1853 г., скончался 30 декабря 1902 г.*
Трещиной Елизавете Григорьевне*. Родилась 24 апреля 1852 г, скончалась 24 июля 1907 г.*
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

*Памятник **Чайковскому Никону Ивановичу**. Родился 8 мая 1851 г., скончался 29 апреля 1910 г. Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова. Фото - 2011 г.*

*Памятник **Шипулинской Ларисе Федотовне**. Родилась 26 марта 1846 г., скончалась 26 июня 1915 г.*
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

*Памятник **Шландиной Татьяне Алексеевне,** урожденной Колегаевой. Скончалась на 53-м году жизни 28 сентября 1915 г.*
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

*Памятник **Шмигуль Анне Акимовне**. Скончалась 12 октября 1937 г. на 58 году жизни. Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова. Фото - 2011 г.*

*Памятник священнику **Явецкому Иоанну Константиновичу**. Скончался 1 осентября 1897 г. на 72 году жизни.*
Городское кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

ГОРОДСКОЕ КЛАДБИЩЕ у пос. КАЛЬФА

23 февраля 1965 года Указом Правительства УССР был утвержден новый послевоенный «Генеральный план развития Севастополя на период 1960-1980 гг.», согласно которому город должен был развиваться сразу в трех направлениях. Так на географическом пространстве появились микрорайоны города: Нахимовский, Ленинский и Гагаринский; обозначились и новые места захоронений. Старое городское кладбище на современной улице Н.А. Пожарова было решено закрыть. Под новый некрополь отводился участок в районе старого исчезающего хутора Кальфа, что в двух километрах южнее стихийно выросшего рынка, в народе получившем название, как: «5-й километр».

Считается, что хутор Кальфа принадлежал когда-то двум братьям: И.Ф. Кальфа и Н.Ф. Кальфа. Что сталось с их владельцами да и самим хутором никто уже не знает, так как с установлением советской власти в Севастополе о них история уже умалчивает...

Городское кладбище у пос. Кальфа – это огромный «город мертвых». Здесь захоронены тысячи горожан: от простых аборигенов до партийных и военных чиновников, кому не нашлось места в более элитных некрополях города.

Некрополь условно разбит на две части: левый сектор (более старый) и правый, где ныне хоронят своих близких более зажиточная часть населения. Причем места по-прежнему распределяются по чинам и финансовой состоятельности родственников (здесь можно догадаться, что имел в виду автор).

Несколько слов о художественной стилистике надгробий.

Любопытствующий, как, равно, историк и исследователь некрополей Севастополя и Крыма, не найдет здесь (за редким исключением) христианской символики. И, это понятно, так как некрополь развивался в годы, когда «все советские люди с энтузиазмом строили свой безбожный коммунизм». Таким образом все надгробия распределяются по двум типам:

Общий вид на городское кладбище у пос. Кальфа. Фото - 2011 г.

- гранитные черно-полированные плиты с плоскостной насечкой рисунка в виде портрета и надписей, варьирующихся фантазией заказчика или исполнителя;

- беломраморные и красногранитные стелы с бюстами или барельефами умершего. Такие надгробия исполнены на высоком художественном уровне. Автором, например, были обнаружены стелы, портретные бюсты и барельефы работы известных севастопольских скульпторов: Станислава Чижа, Александры Сухой и Владимира Суханова. Однако большинство из них продолжают оставаться безымянными.

В своем исследовании, как уже знает читатель, мы не ставим своей задачей обозначить все имена погибших или умерших, как не ставим своей задачей показать все надгробия. В данном разделе книги мы постараемся показать только те, что по мнению автора приближают надгробный памятник к произведению монументального и мемориального искусства, причем принцип алфавитности сохраняется...

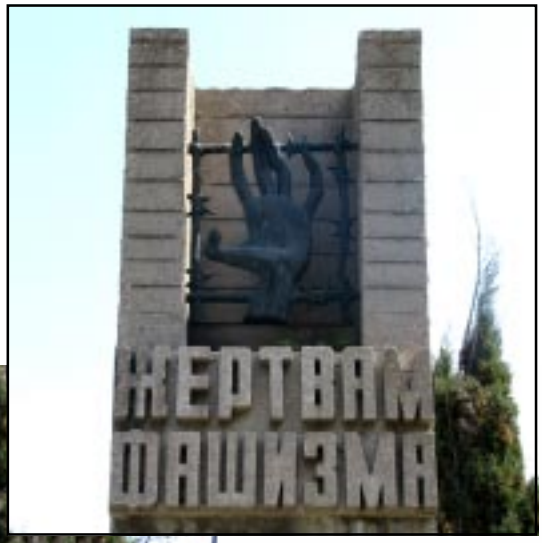
Примеры захоронений и надгробного оформления, доминирующих в общей системе некрополя. Фото - 2011 г.

Памятник жертвам фашизма

В конце июня 1942 года в Севастополь вступили немецко-фашистские оккупанты и почти сразу же начались расстрелы мирного населения. Севастопольский военный историк Аркадий Чикин писал об этом периоде так: «В июле в севастопольских концлагерях прошли массовые расстрелы. После освобождения города (в мае 1944 года - А.Ков.) было обнаружено 190 погребений в воронках от авиабомб. В них находились останки 2020 человек. Это далеко не полные данные о числе казненных в Севастополе за время немецкой оккупации. Массовые расстрелы проходили на 5-м километре Балаклавского шоссе, где находился противотанковый ров, в Юхариной балке и других местах» (Чикин А.М. Город бессмертия. – Севастополь, 2004. – С.78).

Свидетели этих жестоких дней и ночей говорят и о других событиях, когда, например, 12 июля 1942 года (практически сразу же после захвата Севастополя) тысячи жителей города были согнаны на спортивный стадион «Динамо» (современная площадь Восставших), собраны в колонны и спешным маршем направлены по дороге на Балаклаву. В Юхариной балке, в 4-х км. от города, они были расстреляны...

В 70-х годах XX столетия, при строительстве и восстановлении разрушенного города, обнаруженные останки безвинно убиенных были с почетом перезахоронены в левом секторе городского кладбища, что у поселка Кальфа, а в 1976 году над братским захоронением севастопольским скульптором Станиславом Чижом был воздвигнут мемориал «Жертвам фашизма»…



«Жертвам фашизма» - мемориал на городском кладбище у пос. Кальфа.
Скульптор С.А. Чиж, 1976 г.
Фото - 2011 г.

*Памятник **Анцуповой Сары**.*
Скульптор А.Р. Сухая, мастер по камню - В.Н. Мак, 1980 г.
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

Памятник Заслуженному учителю ***Аржаному Ивану Петровичу*** *(1906-1971).*
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

*Памятник **Баскевичу Борису Яковлевичу** (1953-1982).*
Скульптор С.А. Чиж, мастер по камню - И.И. Степанов
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

Семейное надгробие: ***Богословец Николаю Григорьевичу*** *(1924-1974), Богословец Вере Васильевне. Родилась 13 сентября 1925 г., скончалась 13 апреля 2005 г.*
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

*Памятник **Бурковскому Андрею** (1964-1981).*
Скульптор В.Е. Суханов, мастер по камню - В.Н. Мак,1985 г.
Городское кладбище у пос. Кальфа. Фото - 2011 г.

*Памятник **Гаценко Николаю Александровичу** (1920-1973).*
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

Памятник контр-адмиралу ***Горбатовскому Степану Петровичу*** *(1912-1990) - командиру 153-й бригады подводных лодок с 1957 по 1965 гг., начальник 184-й научно-исследовательской эксперементальной базой ВМФ с 1966 по 1968 гг.*
Скульптор С.А. Чиж, 1990 г.
Городское кладбище у пос. Кальфа. Фото - 2011 г.

Памятник геологу ***Деркачу Валерию Николаевичу*** *(1948-1974).*
Скульптор - С.А.Чиж, 1975 г.
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

*Памятник **Дуденко Трифону Сергеевичу**. Родился 17 июня 1894 г., скончался 6 июля 1983 г. и **Дуденко Мария Иосифовна**. Родилась 23 апреля 1897 г., скончалась 10 октября 1978 г.*
Городское кладбище у пос. Кальфа. Фото - 2011 г.

*Памятник полковнику **Желудько Петру Ивановичу** (1919-1979).*
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

*Памятник **Каневскому Владимиру Геннадьевичу**. Родился 18 мая 1958 г., скончался 11 сентября 1981 г.*
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

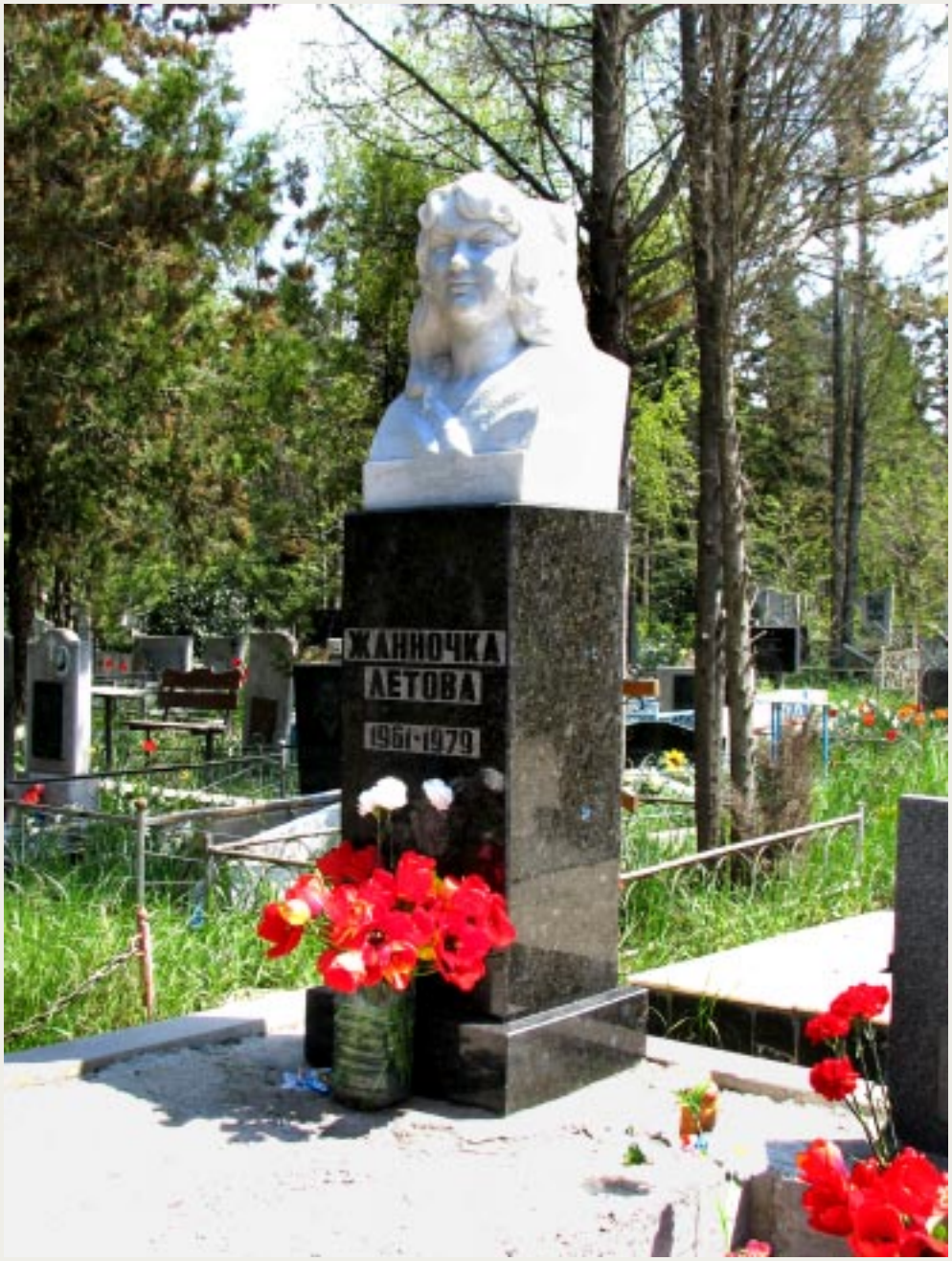
Памятник полковнику ***Кириллову Кирилу Михайловичу*** *(1908-1973).*
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

*Памятник **Кофману Виктору Леонидовичу**.*
Родился 17 марта 1955 г., скончался 1 июня 1891 г.
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

*Памятник **Круш Алеше** (1965-1974).*
Скульптор - С.А.Чиж, 1974 г.
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

Памятник ***Куртин Валерию Валентиновичу***
(1947-1973).
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

*Памятник **Леоненко Александру Михайловичу**.*
Родился 16 ноября 1954 г., скончался 24 декабря 1974 г.
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.



*Памятник **Летовой Жанне** (1961-1979).*
Скульптор - С.А.Чиж, 1980 г.
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

*Памятник **Молявицкой Ларисе Анатольевне** (1941-1970).*
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

*Памятник **Муха Алексею Алексеевичу.** Родился 2 февраля 1956 г., скончался 5 сентября 1977 г. Городское кладбище у пос. Кальфа. Фото - 2011 г.*

Памятник ***Намгаладзе Галине Борисовне*** *(1931-1985).*
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

Памятник ***Никогда Василию Данилевичу*** *(1910-1979).*
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

*Памятник художнику **Озерникову Владимиру Борисовичу** (1919-2000).*
Скульптор С.А. Чиж,2001 г.
Городское кладбище у пос. Кальфа. Фото - 2011 г.

Памятник гвардии майору Военно-Воздушных сил, защитнику Севастополя ***Петрову Ивану Ивановичу*** *(1915-1942).*
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

Семейное надгробие: ***Проскурякову Юрию Федоровичу*** *(1941-1974),* ***Проскурякову Федору Степановичу*** *(1914-1997),* ***Проскуряковой Анне Сергеевне*** *(1918-1984).*
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

Памятник капитану II ранга, Народному артисту УССР, художественному руководителю ансамбля Черноморского флота ***Самофатову Ивану Николаевичу*** *(1932-1985).*
Скульптор С.А. Чиж, 1985 г.
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

Памятник ***Севастьяновой Гертруде Витальевне*** *(1949-1978).*
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

Памятник Почетному гражданину Севастополя ***Селивановой Нине Федоровне****. Родилась 17 октября 1926 г., скончалась 8 июля 2005 г.*
Скульптор - В.Е. Суханов, 2006 г.
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

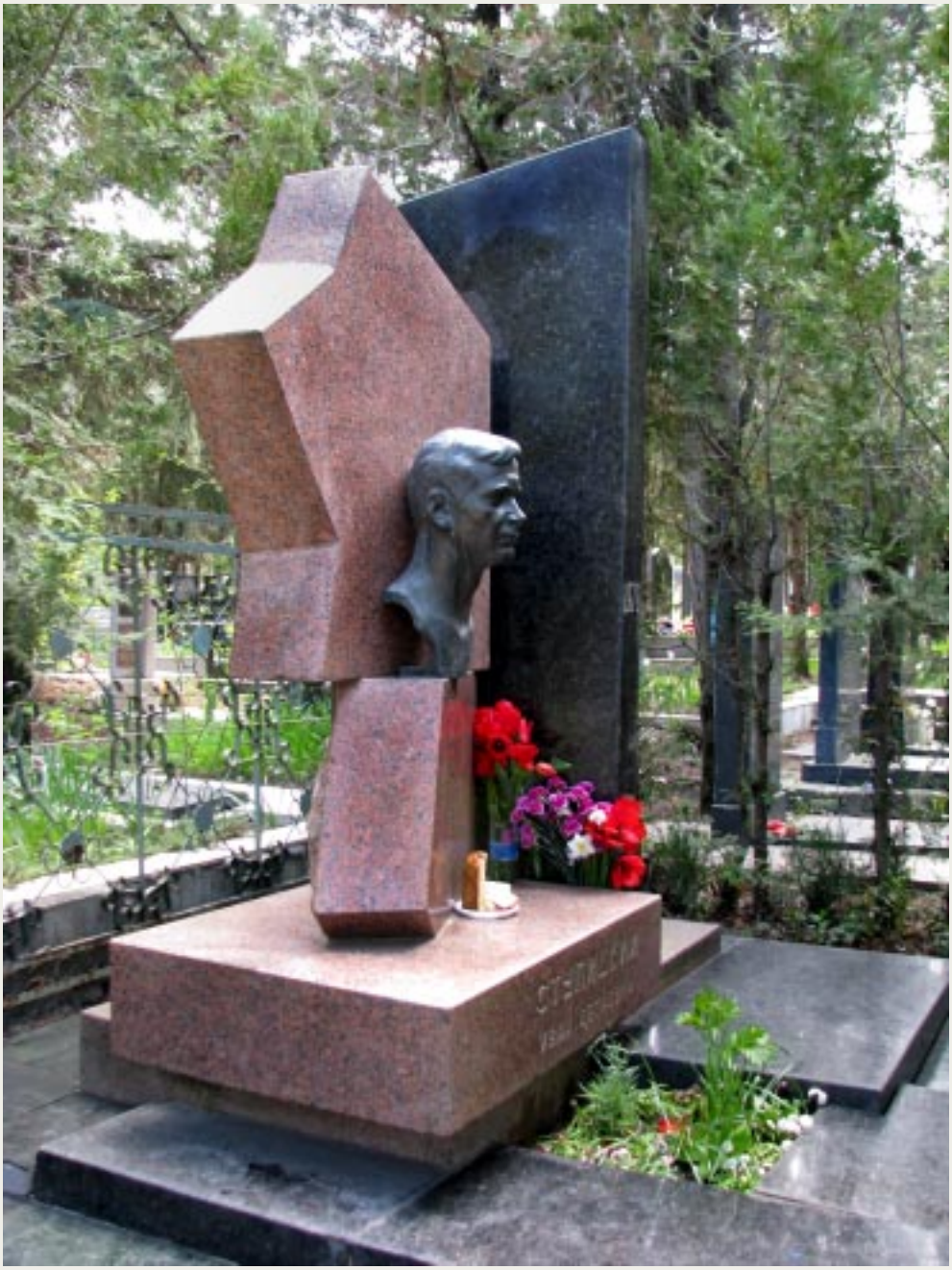
*Памятник **Семеновой Евгении Захаровне** (1912-1996).*
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

Памятник капитану I ранга ***Синельникову Валентину Ивановичу*** *(1924-1981) и* ***Синельниковой Людмиле Сергеевне*** *(1929-1994).*
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

*Памятник **Смирновой Елене Николаевне** (1954-1987).*
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

*Памятник **Сергеевой Наталье** (1961-1981).*
Скульптор С.А. Чиж по проекту художника И.А. Белицкого
Городское кладбище у пос. Кальфа. Фото - 2011 г.

Семейное надгробие: ***Стрежелецкому Станиславу Францевичу*** *(1910-1969),* ***Стрежелецкому Сергею Станиславовичу*** *(1942-2000),* ***Стрежелецкому Игорю Станиславовичу*** *(1944-2008),* ***Михайловой Антонине Матвеевне*** *(1912-2003). Городское кладбище у пос. Кальфа. Фото - 2011 г.*

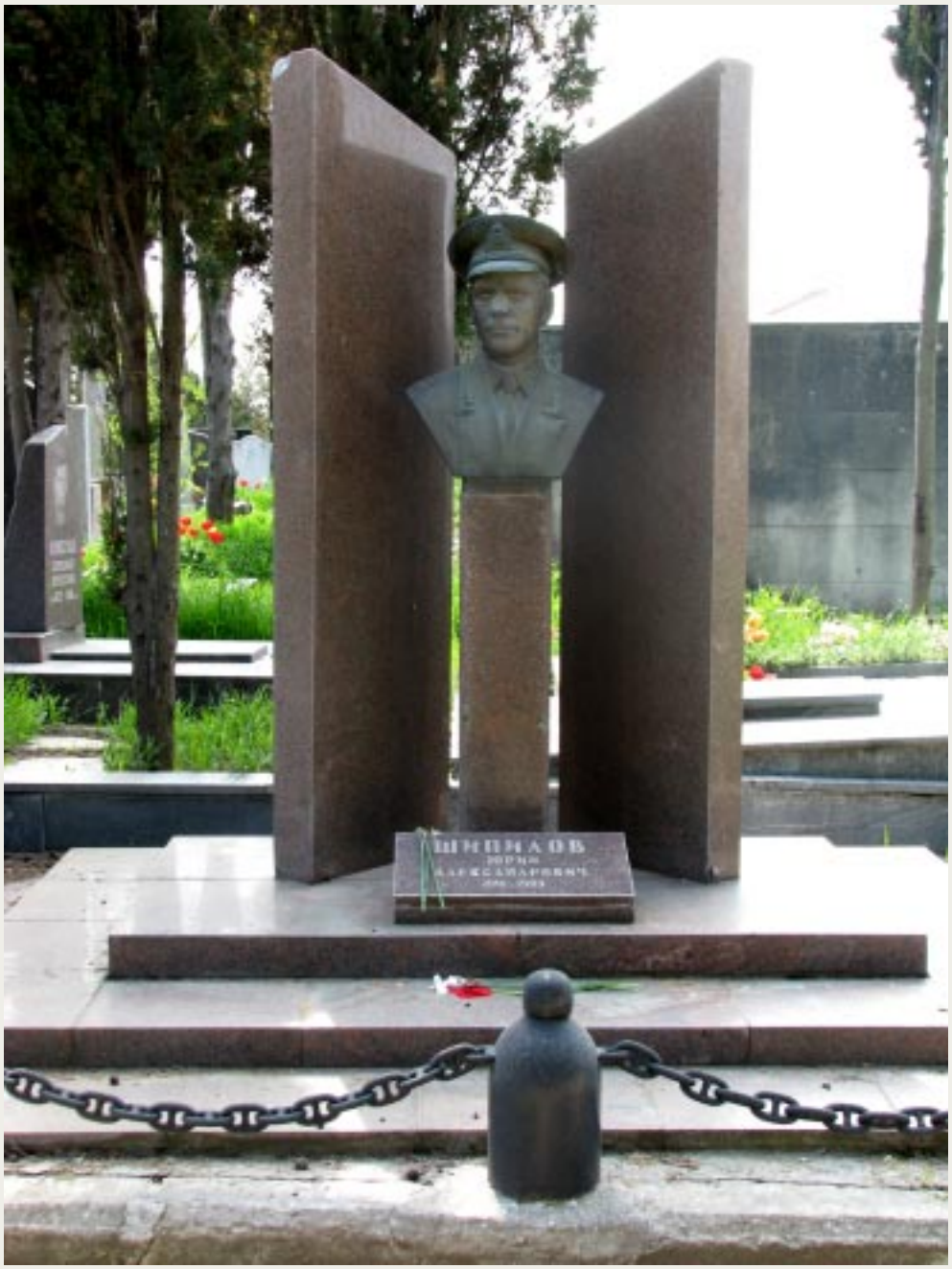


*Памятник **Ступицкому Ивану Петровичу** (1937-1976).*
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

*Памятник контр-адмиралу **Сычеву Борису Константиновичу**. Родился 29 сентября1930 г., скончался 2 октября 1984 г.*
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

Памятник контр-адмиралу ***Тимофееву Андрею Иванович****. Родился 4 июля 1915 г., скончался 12 июля 1984 г.*
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

Памятник архитектору ***Фиалко Израилю Ефимовичу*** *(1916-1985). Автор проектов: гостиницы «Крым» на пл. Восставших, центрального универмага (ЦУМа), реконструкции мемориала героической обороны Севастополя в 1941-1942 гг.,создал проект застройки парка «Победы» в Омеге и целый ряд других.*
Городское кладбище у пос. Кальфа. Фото - 2011 г.



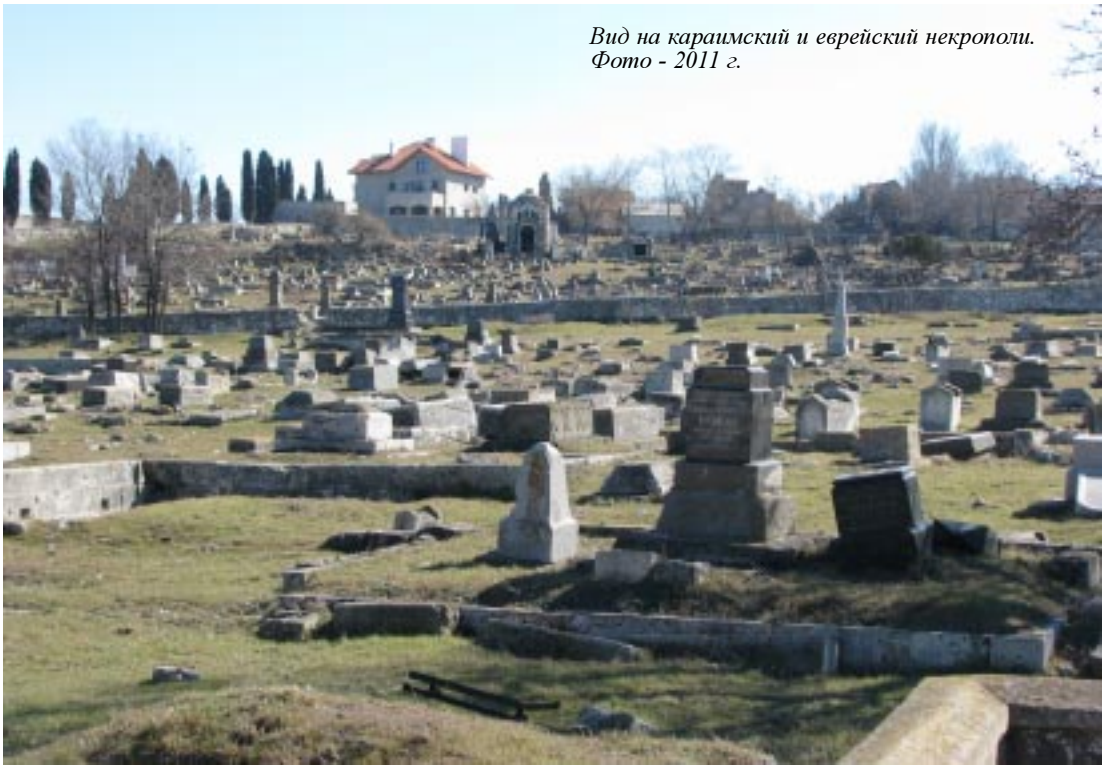
Памятник полковнику ***Шипилову Юрию Александровичу*** *(1941-1989).*
Скульптор - С.А. Чиж, 1989 г.
Городское кладбище у пос. Кальфа.
Фото - 2011 г.

*Памятник **Ясько Ивану Ивановичу**. Родился 26 декабря 1939 г., скончался 5 сентября 1979 г. Городское кладбище у пос. Кальфа.*
Фото - 2011 г.

НЕКРОПОЛЬ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КЛАДБИЩА

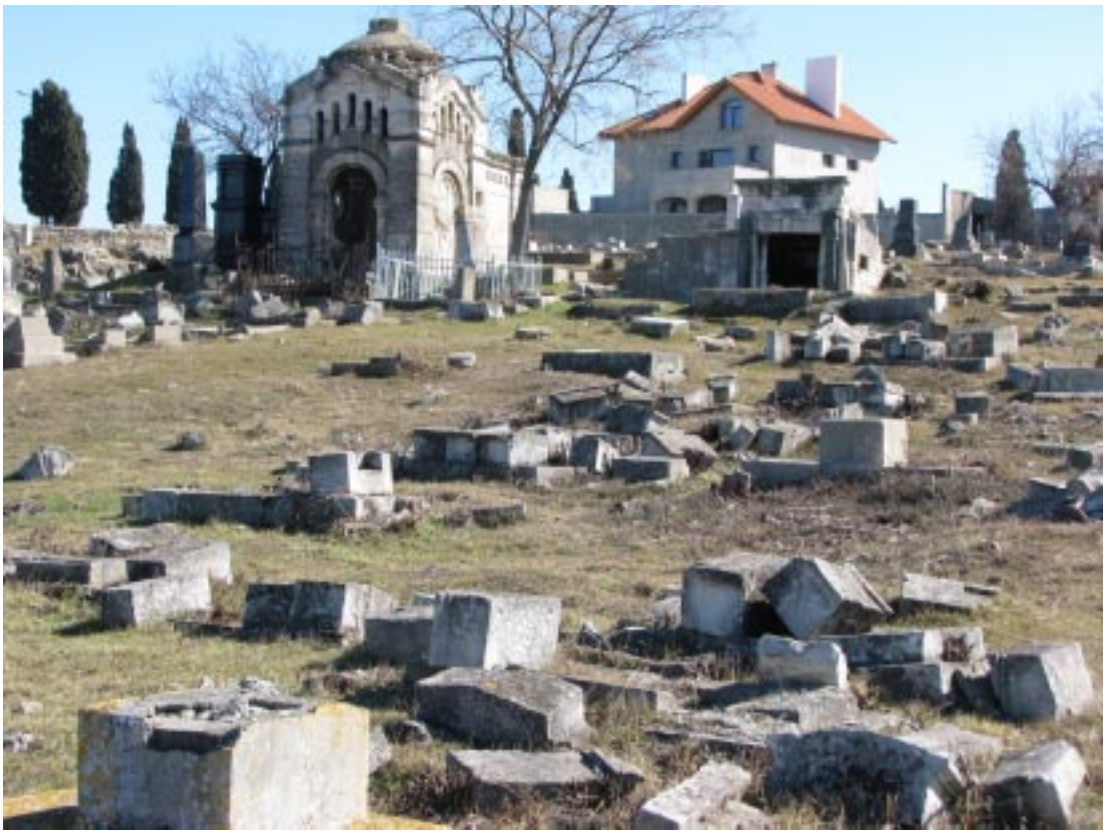
На страницах книги мы уже достаточно много говорили о печальном состоянии севастопольских некрополей. Вот еще пример: еврейское кладбище, расположенное к западу от старого городского православного кладбища. Здесь, у подножия Рудольфовой горы когда-то размещалось четыре самостоятельных и в полную силу функционирующих некрополя: православное, еврейское, магометанское и караимское. В «живых» в более-менее сносном состоянии осталось только православное...

Еврейское Национальное кладбище возникло сразу же после окончания Крымской войны 1853-1856 гг. Развивалось оно достаточно медленно поскольку город на период Всероссийской переписи населения в 1897 году составлял всего 45 тыс. 800 человек, где еврейского населения не превышало 6,5 % от общей численности, а на карте Генерального плана застройки города оно появилось только в 1887 году. Тем не менее согласно сведениям севастопольских архивистов на конец XX столетия в некрополе насчитывалось уже около 1800 захоронений. Был на его территории и специально построенный дом для молитв и отпеваний. «В центре кладбища, - писали историки-архивисты, - находился дом-часовня (остатки которой сохранились до нашего времени), построенная и освященная в начале века. Вот как описывала это событие газета «Крымский вестник» от 10 июня 1905 года: «Вчера в 12 часов дня совершено было освещение еврейского кладбищенского дома. Зал отпевания имеет куполообразный потолок, обитый темно-серым сукном, на котором вышита картина, представляющая звездное небо. На одной стене залы находится мраморная доска с выгравированными фамилиями г.градоначальника и всех лиц хозяйственного правления и погребального братства, в бытность которых был построен и освящен этот дом...» [1, с.161-164].



Вид на караимский и еврейский некрополи. Фото - 2011 г.

Еврейский некрополь с часовней-усыпальницей.
Фото - 2010 г.



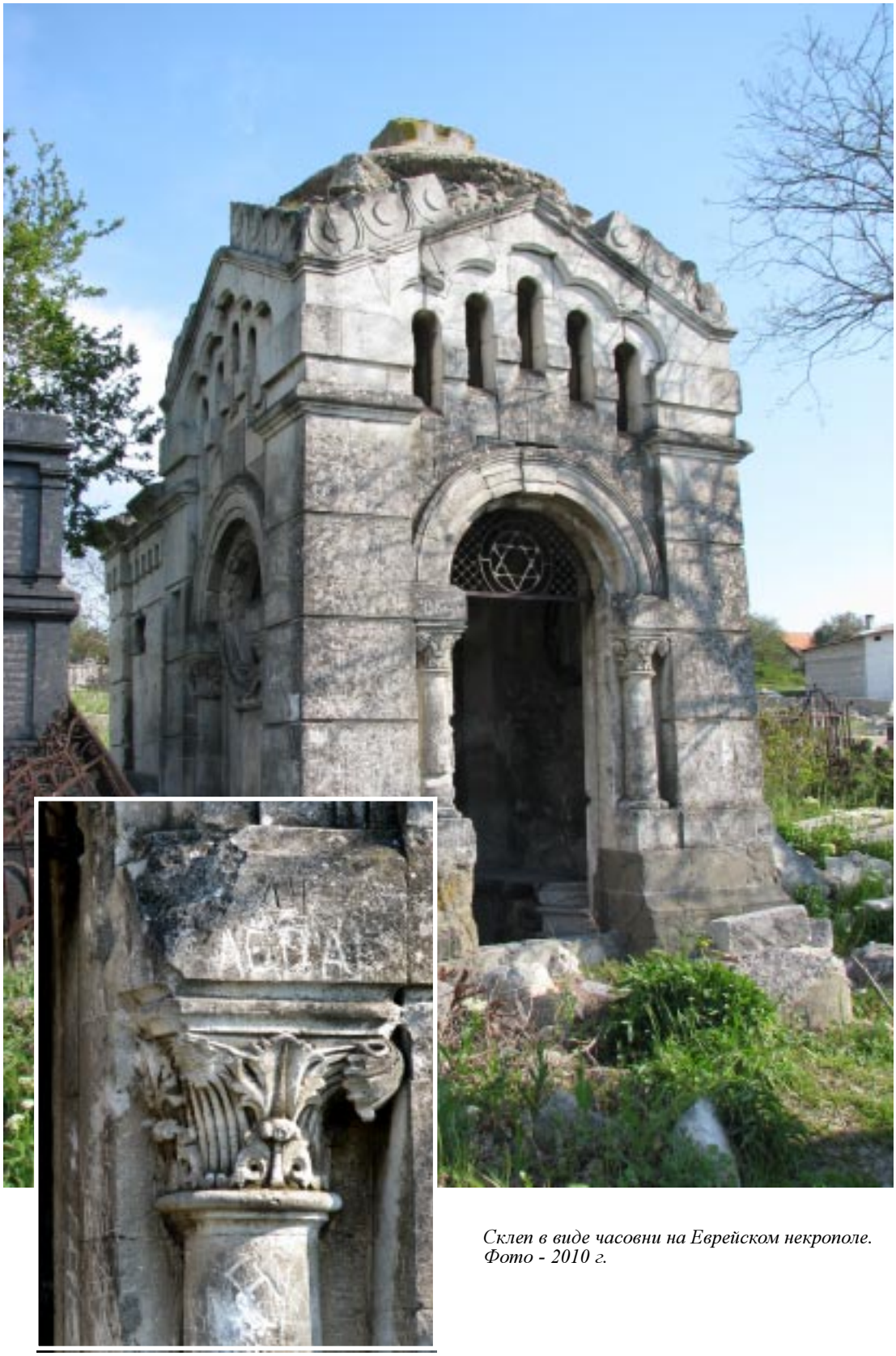
(Сегодня с долей достоверности мы можем утверждать, что молельный дом этот располагался в восточной части современной территории некрополя, там, где ныне еще видны остатки фундаментов здания).

Как бы то ни было, но к началу XX столетия еврейский некрополь представлял собой хорошо развитую систему похоронного функционирования. Надгробия отличались особой изысканностью и богатством отделки: мраморные и гранитные плиты с эпитафиями, бюсты из мрамора и бронзы, скульптурная отделка и великолепные витые решетки, изысканные часовни и часовенки, семейные склепы в виде храмов, домовин и прочее. Некрополь считался одним из лучших в Севастополе и по своей красоте мог равняться со столичными образцами Киева, Львова, Одессы, Москвы и Санкт-Петербурга.

Все это великолепие в одночасье исчезло, когда над Севастополем в 1917 году зареяли красные знамена большевиков, в 1917-1934 годах закрывших и ликвидировавших 90% культовых учреждений (с января 1923 года этим вопросом занималась особая ликвидационная комиссия, утвержденная президиумом Севастопольского Окрисполкома, которой предписывалось «приступить немедленно к работе».

Разрушали не только люди: 12 сентября 1927 года сильнейшее землетрясение, а затем — ливневые селевые потоки с Рудольфовой горы 1 сентября 1928 года стерли с лица земли былую красоту. Советские защитники Севастополя во время Второй обороны города в 1942 году и освобождение Севастополя от фашистско-немецких захватчиков в апреле-мае 1944 года в который раз стали невольными разрушителями не только храма-часовни, но и множества семейных склепов и надгробий. В таком полуразрушенном состоянии кладбище находилось до 1965 года, когда советские чиновники в пылу рьяной борьбы с религиозными культами приняли окончательное решение о закрытии некрополя...

Рассматриваемая часовня-надгробие, возведенная над семейным склепом в византийском стиле, - одна из немногих, дошедших из глубины столетий. То, что часовня имеет византийский тип храма — это, вероятнее всего, вкусы самих заказчиков, таким архитектурным украшательством отметивших надгробное семейное захоронение. Об этом свидетельствует тот факт, что рядом с часовней находится еще один семейный склеп, который исполнен в виде входа в египетский загробный храм. Исполнен он из мраморовидного известняка с колоннами египетского типа из диоритового камня. Зная историю формирования и развития «исторических стилей» в Украине и России, можно свидетельствовать, что все эти указанные надгробия относятся к последней трети XIX — началу XX вв.



Склеп в виде часовни на Еврейском некрополе.
Фото - 2010 г.

*Памятник младенцу **Абраши Гериковича**. Скончался в июле 1902 г. от роду 1 год и 8 месяцев.*
Еврейское национальное кладбище на ул. Н.А. Пожарова. Фото - 2011 г.

*Памятник **Вингельману Моисею Давыдовичу**. Скончался 18 июня 1904 г. на 75 году жизни.*
Еврейское национальное кладбище на ул. Н.А. Пожарова. Фото - 2011 г.

*Памятник **Гайго Ольге Соломоновне**. Скончалась 22 июня 1937 г.*
Еврейское национальное кладбище на ул. Н.А. Пожарова. Фото - 2011 г.

*Памятник **Гальперину Ильи Израилевичу**.*
Скончался в Берлине 19 октября 1908 г. на 44 году жизни.
Еврейское национальное кладбище на ул. Н.А. Пожарова. Фото - 2010 г.

*Семейный склеп **А.П. Гефтману, Д.С. Гольденбергу, А.Я. Гольденбергу**.*
Еврейское национальное кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

*Памятник **Гринбергу Израилю Мойсеевичу**.*
Скончался 5 июня 1913 г. на 59 году жизни.
Еврейское национальное кладбище на ул. Н.А. Пожарова.
Фото - 2011 г.

Семейные памятники: ***Эпштейн Розалии Исааковны****. Скончалась 26 января 1905 г. на 60 году жизни и* ***Эпштейн Наума Наумовича****, скончавшегося 15 октября 1907 г. на 65 году жизни.*
Еврейское национальное кладбище на ул. Н.А. Пожарова. Фото - 2010 г.

КЛАДБИЩЕ КОММУНАРОВ

Прошло чуть более двадцати лет, как закончилась эпоха Великой империи под названием «СССР», а мы все еще продолжаем пожинать ее плоды: с ужасом наблюдаем полнейший хаос в интеллектуальной, духовной и религиозной жизни. Мы, «вывернутые наизнанку» (Д. Мережковский), с трудом пытаемся примирить себя с той эпохой, искренне не понимающих и не принимающих тот почти семидесятилетний большевистский разгул, в который когда-то вверг нас пролетарский переворот 1917 года. На что сетовать нам, - на историческую память, которая еще сильна в нас? На «совковость» нашего воспитания и мышления?..

Трудно и кажется даже невозможно вот так, сразу, взять и отправить все в Лету, в бессловесную глубь.

Вот и теперь, начиная наш рассказ о советском некрополе Коммунаров, расположенном на бывшем пятом бастионе защитников Севастополя в Первую оборону 1854-1855 гг., что у площади Восставших, трудно отделаться от мысли, что здесь, почти в центре города, торжествуют надгробия разрушителям царской России и борцам за пролетарско-мещанскую страну, о которой говорил Герцен: «...это та самодержавная толпа сплоченной посредственности, которая всем владеет, - толпа без невежественности, но и без образования» [1, с. 14].

И вот этим людям создаются пышные и пафосные памятники, их именами называют улицы, проспекты и города...

Впрочем, в самом начале нашего исследования мы отмечали, что главной целью нашего анализа являются не столько люди с их заслугами перед отечеством, а художественность исполнения того или иного надгробия. Вот почему рассматривая некрополь Коммунаров мы будем акцентировать наше внимание на мемориальных захоронениях, где надгробия имеют эстетическую и художественную ценность, как произведения искусства.

Итак, несколько слов предыстории.

Некрополь Коммунаров возник относительно недавно — в 20-х годах XX столетия (первое захоронение датируется 26 декабря 1920 года). Возник он в результате придания земле «героически погибших» мятежников в 1919-1920 годах в борьбе за революционный Севастополь и становление советской власти. Тогда, в 1923 году, когда большевистские Советы окончательно укрепились в Крыму, здесь были произведены первые захоронения (а точнее — перезахоронения) 49-ти коммунаров, расстрелянных в разное время отступающими врангелевскими войсками в ходе ожесточенной гражданской войны. По имени этих революционных борцов-подпольщиков кладбище тогда получило название: «Братское кладбище имени третьей годовщины освобождения Крыма». Однако в народе закрепилось другое его название - кладбище Коммунаров.

История не оставила нам эпиграфических описаний этого некрополя в довоенный период. Известно только, что в годы оккупации немецко-фашистскими захватчиками он подвергся разрушению и его восстановлением стали заниматься в конце 40-х — начале 50-х годов XX века. Тогда же здесь появились и новые захоронения, погибших как при освобождении Севастополя в мае 1944 года, так высокопоставленных партийных и военных чиновников послевоенного времени.

Нужно признать, что некрополю Коммунаров (в отличие от других некрополей города) администрация и военное ведомство, особенно в советский период,

уделяла и продолжает уделять особо-пристальное внимание, так как здесь до сих пор производятся захоронения тех, кто по мнению администрации города имеет особые заслуги перед Севастополем. К исполнению надгробных памятников привлекались художники и архитекторы, которые в силу своих талантов и финансовых возможностей города, сумели придать мемориалам относительную художественность исполнения. Нужно признать, что городу Севастополю повезло: с 50-х годов XX века в нем поселился молодой, подающий надежды талантливый скульптор Станислав Александрович Чиж (1935-2008), который за 50 лет своей творческой деятельности в содружестве с архитекторами сумел не только украсить город монументами, но и создать почти все надгробные памятники кладбища Коммунаров.

Однако имеются здесь и другие захоронения, относящиеся как к более раннему периоду, так и недавно появившиеся. Нет здесь только мемориалов, посвященных дворянству или духовенству. Все пышет пафосом чиновнического или партийного представления о культуре мемориала с их рафинированной помпезностью и стремлением к пропаганде власти. Соответственно этому и символика захоронений — тяжелые гранитные пьедесталы, суровые лица, красные звезды и стелы с бюстами идейных вдохновителей во главе. Все по имперски торжественно и сурово...

Памятный знак 5-му бастиону защитников Севастополя в период Первой обороны, 1854-1855 гг. Под командованием капитан-лейтенанта Д.В.Ильинского бастион выдержал многочисленные асады противника. Особенно памятным стал бой за высоту 27 августа 1855 года. Архитектурно-планировочную разбивку с парковым сквером и установкой Памятных знаков исполнил военный инженер Оскар-Фридрих Энберг (1859-1937). Фото - 2011 г.

Памятный знак воинам укрепления № 7 около 5-го бастиона, установленный к 50-летию Первой обороны Севастополя, 1854-1855 гг. Назван по имени командира М.Ф. Белкина и остался в народе как люнет Белкина.
Проект исполнил севастопольский военный инженер Оскар-Фридрих Энберг (1859-1937).
Кладбище Коммунаров.
Фото - 2011 г.

Памятник 49-ти участников революционного движения в Севастополе 1919-1920 годов.

В 1918-1920 годах Крым представлял собой бурлящий поток пролетарского революционного брожения. Не обошли они и Севастополь, находящегося еще в руках царской армии. Здесь работали специальные агенты, присланные из Петербурга и Москвы с целью налаживания партизанской революционной борьбы против царского режима. И уже в ноябре 1918 года Крымский революционный комитет писал в центр: «...по всему Крыму во всех городах и селах создаются боевые отряды. Мы имеем возможность покупать оружие, пулеметы и взрывчатку...». Вот здесь, в Севастополе, в августе 1919 года была предпринята первая попытка создания подпольной большевистской группы коммунаров в составе наиболее ярых и непримиримых ее борцов: Хайкевича (направленного для поддержки севастопольской революционной организации из Симферополя), Котенева, Леонова и других.

К концу того же года революционным волнением были заражены уже многие военные и гражданские организации города, а в декабре подпольщиками-революционерами были проведены попытки диверсионных акций: потопления крейсера «Генерал Корнилов», разрушения моста через реку Альма и др. Однако эти диверсии были присечены военной врангелевской контрразведкой. Последовали аресты антиправительственных деятелей большевистского подполья, среди которых, например, был Григорий Самуилович Старосельский (1891-1920) - уроженец Севастополя, рабочий электротехнической мастерской военного порта. А в ночь на 20 января 1920 года были арестованы другие члены городского подпольного комитета РКП(б): В.В. Макаров, И.А. Севастьянов, И.М. Вайнблат, М.З. Иоффе, М.С. Киянченко, Ключников (С.С. Крючков), Л.Х. Шулькина, Ю.И. Дражинский (И.И. Ашевский), А.И. Бунаков (Рытвинский) и некоторые другие. 23 января 1920 года девять наиболее активных членов революционного подполья были расстреляны, другие посажены в тюрьму или сосланы на каторгу.

Однако подпольная революционная борьба в городе с переменными успехами продолжалась и в марте 1920 года, и вновь контрреволюционными властями были произведены аресты. По требованию командующего Крымским корпусом Якова Александровича Слащева (1885-1929) революционеров вывезли в Джанкой, где все они были казнены.

Но подполье продолжало существовать несмотря на ряд провалов и даже провело ряд диверсионных актов: подрыв снарядов в Килен-бухте, транспорта «Дон» и ряд других.

К середине ноября 1920 года войска Южного фронта Михаила Васильевича Фрунзе (1885-1925) почти полностью освободили Крым от врангелевских войск. И почти сразу же начался новый террор, но уже красно-большевистский, где без разбору расстреливались и сочувствующие, и явно непримиримые; расстреливались сотнями, тысячами...

В 1923 году на территории нынешнего кладбища Коммунаров были произведены перезахоронения коммунаров-подпольщиков, именем которых некрополь и обязан своим возникновением...

Памятник 49-ти революционных подпольщиков, расстрелянных в Севастополе в 1919-1920 годах частями Белой армии.
Исполнен симферопольским скульптором Л.С. Смерчинским и С.С. Карташевым совместно с архитектором М.А. Садовским. Открыт 22 ноября 1937 года. Кладбище Коммунаров.
Фото - 2011 г.

Памятник революционным руководителям восстания на крейсере «Очаков» и участникам пролетарского движения в Севастополе в 1905 году.

В истории революционного движения в Крыму нет более противоречивой личности, чем Петр Петрович Шмидт (1867-1906).

Подающий надежды офицер, сын дворянина и потомственного военного офицера П.П. Шмидта-Старшего, в самом начале XX века оказался замешанным в сомнительных связях с революционным пролетариатом и тем оказался памятным в истории советского государства.

Исследователи отмечают, что уже в раннем возрасте Петр Шмидт отличался странностями, среди которых, например, был необъяснимый для родителей и всего офицерства поступок в виде женитьбы на уличной девке Доминике Павловой, создавшей ему настоящий кошмар в дальнейшей жизни. За более чем 20-ти летний период военной службы: от присвоения звания гардемарина в декабре 1885 года до увольнения от службы в звании лейтенанта (другие считают, что ему все же было присвоено звание капитана II ранга) в ноябре 1905 года, было много такого, что даже у обычного человека вызывает недоумение. Скандалы с вышестоящими офицерами, лечение в клинике для душевнобольных, отставка по причине нарушения кодекса офицерской чести и прочие несуразности, которые всюду сопровождали его.

И, вот, этот офицер, в лейтенантских погонах, в середине ноября 1905 года поднимается на борт крейсера «Очаков» и объявляет себя командующим восставшим Черноморским флотом…

Сегодня, почти в центре кладбища Коммунаров, высится памятник восставшему кораблю «Очаков» и главным вдохновителям севастопольского революционного восстания 1905 года: лейтенанту П. Шмидту, машинисту А. Гладкову, комендору Н. Антоненко, кондуктору С. Частнику. Конечно, можно говорить, что Петр Петрович Шмидт оказался в гуще политических событий в силу обстоятельств и невостребованности в высшем офицерском обществе или несложившейся личной жизни. Как бы то ни было, но для революционного пролетариата это была выигрышная фигура, способная повести за собой взбудораженные массы рабочих и матросов. Оппозиционный либерал, участвующий в антиправительственных митингах, неоднократно подвергавшийся арестам за резкость в общении с командованием, ужасно нравился простой публике. Вот почему, воспользовавшись политическим брожением и неспособностью высшего офицерского состава к решительным действиям, Петр Шмидт поднимается на борт восставшего крейсера «Очаков» и объявляет себя командующим Черноморским флотом. В тот же день, 14 ноября 1905 года, он отправляет Российскому Императору Николаю II Александровичу ультимативную телеграмму: «Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от Вас, государь, немедленного созыва Учредительного собрания и не повинуется более вашим министрам. Командующий флотом П. Шмидт».

К восставшему кораблю вскоре присоединились два миноносца и часть береговой команды. Революционные матросы арестовывают морских офицеров и свозят их на «Очаков». Однако флот не пошел за «Очаковым» и его самоназванным командующим. На следующий день крейсер «Очаков» был расстрелян бере-

говыми батареями. Петр Петрович Шмидт при попытке бегства был арестован и по распоряжению Императора Николая II, вместе с частью главных зачинщиков восстания, отправлен в крепость Очаков, а оттуда – на о. Березань, где вместе со своими сподвижниками: А.И. Гладковым, Н.Г. Антоновым, С.П. Частником и некоторыми другими был расстрелян. Это произошло 6 марта 1906 года…

Поразительно, но за несколько месяцев до Октябрьского переворота 1917 года останки П. Шмидта и его товарищей по революционному движению привезли в Севастополь, где в Покровском соборе, что на Большой Морской улице, произошло их перезахоронение. Однако в середине ноября 1923 года останки революционеров вновь были изъяты для их окончательного захоронения на «Братском кладбище имени третьей годовщины освобождения Крыма», оставшимся в народе, как «кладбище Коммунаров»…

*Памятник революционным руководителям востания на «Очакове» в 1905 г. - **П.Шмидту, А.Гладкову, Н.Антоненко, С.Частнику**. Исполнен по проекту инженер-архитектора В.К. Ретлинга в 1935 г. Фото - 2011 г.*

Чиж
Станислав Александрович
(23 октября **1935-2008** 22 мая)

Наверное правильно будет поступить, если мы перед началом анализа мемориальных захоронений на кладбище коммунаров, скажем несколько слов об авторе надгробий – Чиже Станиславе Александровиче (1935-2008).

В своей книге «Скульптор Станислав Чиж и его время» (Симферополь, 2004) автор этих строк писал: «Художник Станислав Александрович Чиж пришел в Большое искусство в самом конце 50-х годов XX столетия, когда пламенеющим соцреализмом расцветал героико-романтический образ советской страны; когда живописец, график или скульптор средствами изобразительной пластики обязан был выразить наиболее значительные идеи времени, побуждать зрителя жить и трудиться во имя Великой страны» [2, с.9].

Да, Станислав Чиж – дитя своего времени. В то же время – он один из ярких представителей севастопольской школы изобразительного искусства. Ему удалось в бронзе и камне воплотить образы наиболее видных представителей чиновнической и военной элиты города. «Еще будучи моряком Черноморского флота (призванный на военную службу сразу же со студенческой скамьи) молодой начинающий скульптор попадает в гущу художественной жизни возрождаемого из пепла Севастополя и получает возможность реализовывать свои творческие способности… Народ, победивший в Великой Отечественной войне, нуждался в прославлении своих подвигов в граните, мраморе или бронзе. Отсюда и монументальность архитектурного строительства, и суровость отображения военного и трудового подвига в изобразительном искусстве» [3, с.9-10].

Вот некоторые вехи жизни и творчества Станислава Чижа:

1935 г. - Родился 23 октября в г. Кривой Рог (Украина) в семье горного инженера.

1952 г. - После окончания средней школы поступил в Высшее художественно-промышленное училище им. В.Мухиной в Ленинграде.

1954 г. - Перевелся в Одесское художественное училище им. К.Костанди.

1956 г. - Призван в ряды Советской Армии. Службу проходил на флоте в г. Севастополе, где началась творческая деятельность.

1959 г. - Период демобилизации и женитьба на Светлане Георгиевне, с которой провел многие годы счастливой совместной жизни. В 1964 году родилась дочь – Чиж Яна Станиславовна, а в 1967 году - Чиж Александра Станиславовна.

1971 г. - За памятник «Мужеству, стойкости, верности комсомольской» становится лауреатом комсомольской премии им. Н. Бирюкова.

1979 г. - Присваивается звание Заслуженного художника УССР.

В 1967 и 1970 гг. награждается медалями: «За доблестный труд» и «За трудовую доблесть»

2000 г. - Становится лауреатом Государственной премии Автономной Республики Крым

2003 г. - Присваивается звание Народный художник Украины

2008 г. - Почетный гражданин города Севастополя.

Станислав Чиж в свое время говорил: « Как «продукт» своего времени, я, как многие другие мастера моего поколения, верой и правдой служил этому искусству. И счастлив, что мой творческий путь начался и продолжается в удивительном Севастополе, в котором я многие годы стараюсь оставить и свою страницу о городе и флоте…».

Мемориальный комплекс на кладбище Коммунаров – яркий пример его патриотических чувств и верности своему городу; благодаря ему «он приобретает статус памятника национальной культуры, где на относительно небольшой площади размещается более двадцати памятников, исполненных в мастерской скульптора» [4, с.14].

Надгробный памятник севастопольскому скульптору Станиславу Чижу на кладбище Коммунаров. Автор - архитектор Эдуард Хубулов. Открыт 22 мая 2012 г. Фото - 2012 г.

Братская могила погибшему экипажу «Новороссийск».

Из воспоминаний В.И. Фомина - бывшего инженера проектной организации Черноморского флота:

29 октября 1955 года ночью сильный взрыв разбудил севастопольцев. В Северной бухте, напротив госпиталя Черноморского флота, подорвался линкор «Новороссийск», накануне вечером пришедший из учебного похода.

Погиб не только корабль, но в результате неправильных действий командования флота, погибли, как потом уточнилось, 628 матросов, старшин, офицеров, курсантов военно-морского училища...

Ко второй годовщине гибели линкора «Новороссийск» в октябре 1957 года на кладбище Коммунаров был возведен и официально, с соблюдением воинского ритуала, открыт памятник над братской могилой, с надписью на бронзовой доске: «Матросам, старшинам и офицерам «Новороссийск», погибшим 29.10.1955 г. при выполнении воинского долга».

Вторично этот памятник был открыт в 40-ю годовщину гибели линкора. Необычная судьба этого проектирования... В начале 1957 года помощник командующего ЧФ и исполняющий обязанности главного архитектора города В.М. Артюхов организовали конкурс на эскизный проект памятника морякам линкора «Новороссийск» на кладбище Коммунаров. Мне поступила команда прибыть к помощнику командующего, а оттуда вместе с ним мы поехали в учебный отряд, где нас проводили в маленькое помещение, похожее на мастерскую лепщика. В этой мастерской я увидел в испачканной гипсом робе худощавого матроса Станислава Чижа (в будущем известного севастопольского скульптора, заслуженного художника Украины). Адмирал представил нас друг другу и предложил нам совместную работу над памятником.

На следующий день я выехал на братскую могилу... Из десяти поступивших на конкурс работ, в том числе городских архитекторов и художников, жюри, которое возглавляли В.М. Артюхов и З.В. Еремеев, выбрало эскизный проект, авторами которого были я и Станислав Чиж. Мне было приказано разработать рабочие чертежи памятника...

Станиславу Чижу командование создало сносные условия, в том числе выделило помещение. Начал он работу матросом, а продолжал ее уже демобилизованным с воинской службы молодым человеком, уже женатым, но не имеющего своего жилья...

Первые эскизы на картоне и в глине были очень удачными - динамичными и интересными. Станислав превзошел все мои ожидания, увидев их я понял, что горельефы сделают памятник заметным произведением...

Когда до двухлетней годовщины гибели линкора и открытия памятника оставалось менее месяца, стало очевидным, что металлические горельефы Станислава Чижа не будут отлиты из-за...отсутствия финансирования. Тогда, в том далеком 1957-м, по моему предложению были изготовлены и вставлены диоритовые блоки с грубо околотой поверхностью...

Многолетние ходатайства Станислава Чижа увенчались успехом только в октябре 1995 года, когда памятник линкору «Новороссийск» получил свое второе рождение и окончательное завершение в его проектном варианте... (Из книги: Коваленко А. Скульптор Станислав Чиж и его время. - Симферополь: Таврия, 2004. - 200 с.)

Братская могила ***погибшему экипажу «Новороссийск»****. 29 октября 1955 года в севастопольской бухте погибло 628 матросов, старшин и офицеров.*
Скульптор С.А. Чиж; инженер В.И. Фомин, 1957-1995 гг.
Кладбище Коммунаров. Фото - 2004, 2010 гг.

Памятник Борцам подполья 1942-1944 годов.

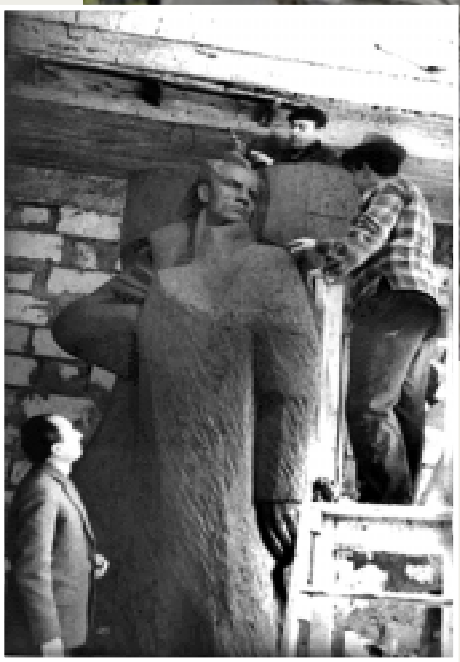
В период оккупации Севастополя немецко-фашистскими войсками с июня 1942 года по май 1944 года в городе существовало несколько групп подпольщиков: подпольная группа под руководством Павла Даниловича Сильникова (1909-1944), - подпольная кличка «Павлов», действовавшая в мастерских Главвоенморпорта («Верфь»); подпольная группа в лагере военнопленных на территории Лазаревских казарм под руководством Николая Игнатьевича Терещенко (1902-1944), - подпольная кличка «Михайлов»; подпольные группы, действовавшие в Инкермане, на Северной стороне, в Балаклаве и даже среди медицинских работников города и другие.

В 1943 году под руководством Василия Дмитриевича Ревякина (1918-1944), проживающего на Лабораторном шоссе (ныне – улица Ревякина, 46) разрозненные группы объединились в единую Коммунистическую подпольную организацию. Здесь начали издавать свою подпольную газету «За Родину», первый номер которой вышел уже 10 июня 1943 года. Организовывали диверсии на железнодорожной станции «Севастополь», в морском порту, в немецких воинских частях и складах, побеги из лагерей и прочее. В марте 1944 года, в результате предательства, Василий Ревякин и другие члены подпольной организации были арестованы и вскоре расстреляны в Юхариной балке.

В мае 1944 года останки героев-подпольщиков были перезахоронены на кладбище Коммунаров, а в 1963 году на братской могиле по проекту Станислава Чижа открыт памятник «Борцам подполья». В 1967 по инициативе ветеранов-подпольщиков в доме № 46 по ул. В. Ревякина открыт дом-музей «Севастопольское коммунистическое подполье, 1942-1944 гг.».

Братская могила борцам подполья 1942-1944 гг.
Скульптор С.А. Чиж, архитектор Г.Н. Денисов, 1963 г.
Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

Фрагмент памятника на Братской могиле борцам подполья.
Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.



Работа над глиняной моделью памятника «Борцам подполья»: скульптор Станислав Чиж (справа), архитектор Адольф Шеффер (слева). Фото - 1963 г.

Памятник флотскому экипажу атомной подводной лодки «Курск»

Трагедия всегда несет в себе печать безысходности, печали и страдания, невозможности повернуть все вспять. Скорбью по безвременно ушедшим в мир иной веет от любого мемориального захоронения, но когда уходят из жизни молодые и сильные – это уже выходит за рамки человеческого сознания. И каким садистским мышлением нужно обладать, когда читаешь такие строки: «Эпоха социалистической революции и строительства нового общества породила новый тип трагических героев, которые отличаются революционной оптимистической целеустремленностью, сознанием целей борьбы, верой в торжество передовых идеалов, в силы народа и готовностью к самым тяжелым испытаниям и даже к смерти во имя победы коммунизма» (Философский словарь /Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политическая литература, 1986. – С. 487).

…В глубине кладбищенской территории, под тенистыми кронами деревьев, стоит тяжелый и мрачный гранитный монумент в виде колокола или усеченной пирамиды, исполненный скульптором Станиславом Чижом в 2005 году. На нем выбиты имена и портретные изображения молодых, красивых и сильных мужчин, трагически погибших в Баренцевом море на атомной подводной лодке «Курск»...

Атомная подводная лодка Северного флота «Курск» затонула 12 августа 2000 года в Баренцевом море, в 157 километрах к северо-западу от Североморска во время учебного похода. Официальная версия – самопроизвольный взрыв торпеды, в результате которого весь экипаж лодки из 118 человек погиб.

Подводная лодка К-141 класса «Антей» была заложена на морской верфи Северодвинска в марте 1990 года. Вооружение лодки - 24 крылатые ракеты и 28 торпед. В апреле 1993 года ей было присвоено наименование «Курск» в составе Северного флота и 30 декабря 1994 года поднят Андреевский флаг.

Командиром корабля был назначен капитан I ранга Геннадий Петрович Лячин (1955-2000).

10 августа 2000 года, согласно плану военно-морских учений, атомный крейсер «Курск» вышел на боевую задачу недалеко от Кольского залива. Необходимо было произвести пуск крылатой ракеты и учебную торпедную стрельбу по отряду боевых кораблей. Через два дня, 12 августа 2000 года, когда подводная лодка находилась на полигоне боевой стрельбы в Баренцевом море, она не вышла на связь в установленное время.

О крушении «Курска» военному руководству стало известно уже вечером в субботу 12 августа, когда в 23.00 командир подлодки повторно не вышел на связь.

Утром следующего дня, 13 августа 2000 года, на поиски подлодки отправилась группа кораблей во главе с командующим Северным флотом адмиралом Вячеславом Алексеевичем Поповым (1946 г. р.). Ранним утром 14 августа гидроакустической аппаратурой крейсера «Петр Великий» был обнаружен корабль, лежащий на грунте на глубине 108 метров. Спасательные операции продолжались много дней. Однако все попытки пристыковать спасательные капсулы к лодке оставались безрезультатными.

Тем временем в Москве была создана правительственная комиссия по расследованию причин аварии во главе с заместителем председателя комиссии по

военно-техническому сотрудничеству Ильей Иосифовичем Клебановым (1951 г. р.) и главкомом Военно-Морского флота, адмиралом Владимиром Ивановичем Куроедовым (1944 г. р.). Наряду с военными в состав комиссии вошли гражданские специалисты и конструкторы подводной лодки.

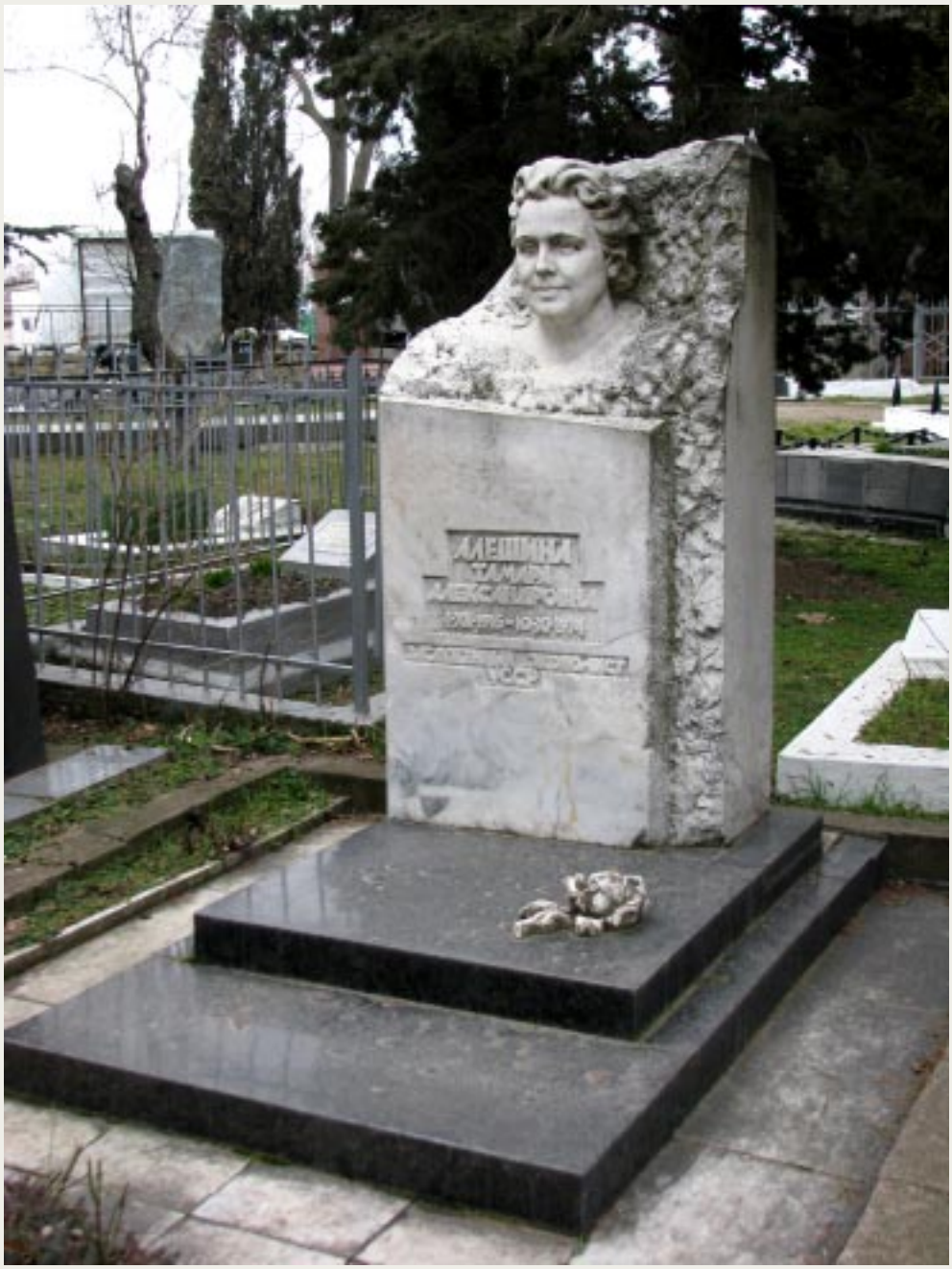
21 августа 2000 года был официально подтвержден факт гибели экипажа атомной подводной лодки К-141 «Курск».

Подъем затонувшей субмарины со дна Баренцева моря начался лишь…7 октября 2001 года. В ходе операции удалось обнаружить и опознать 115 из 118 погибших подводников, в том числе останки командира подлодки «Курск» - капитана I ранга Геннадия Лячина.

Похороны моряков с «Курска» продолжались несколько месяцев по всей России и Украине. Захоронение погибших подводников в Петербурге стало самым большим в стране – здесь покоится прах 32 членов экипажа; 12 человек похоронено в Курске, 8 - в Севастополе, 8 - в Северодвинске, а кроме того - в Москве, Абакане, Архангельске, Нижнем Новгороде и других городах…

В память о погибших моряках подводного крейсера «Курск» в Москве, Нижнем Новгороде, Севастополе и поселке Видяево были открыты мемориалы.

Братская могила ***экипажу атомной подводной лодки «Курск», погибшему 12 августа 2000 года в Баренцевом море.***
Скульптор Станислав Чиж, 2005 г. Кладбище Коммунаров.



*Памятник Заслуженному экономисту УССР **Алешиной Тамаре Александровне**. Родилась 4 декабря 1916 г., скончалась 10 ноября 1974 г.*
Скульптор А.Р. Сухая, архитектор В.М. Артюхов,1975 г.
Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

Памятник Первому секретарю Городского комитета ВКПб, руководителю комитета обороны Севастополя 1942 года, Почетному гражданину города Севастополя, писателю ***Борисову Борису Алексеевичу*** *(1903-1981).*
Скульптор С.А. Чиж, архитекторы: А.И. Баглей, А.Л. Шеффер, 1989 г. Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

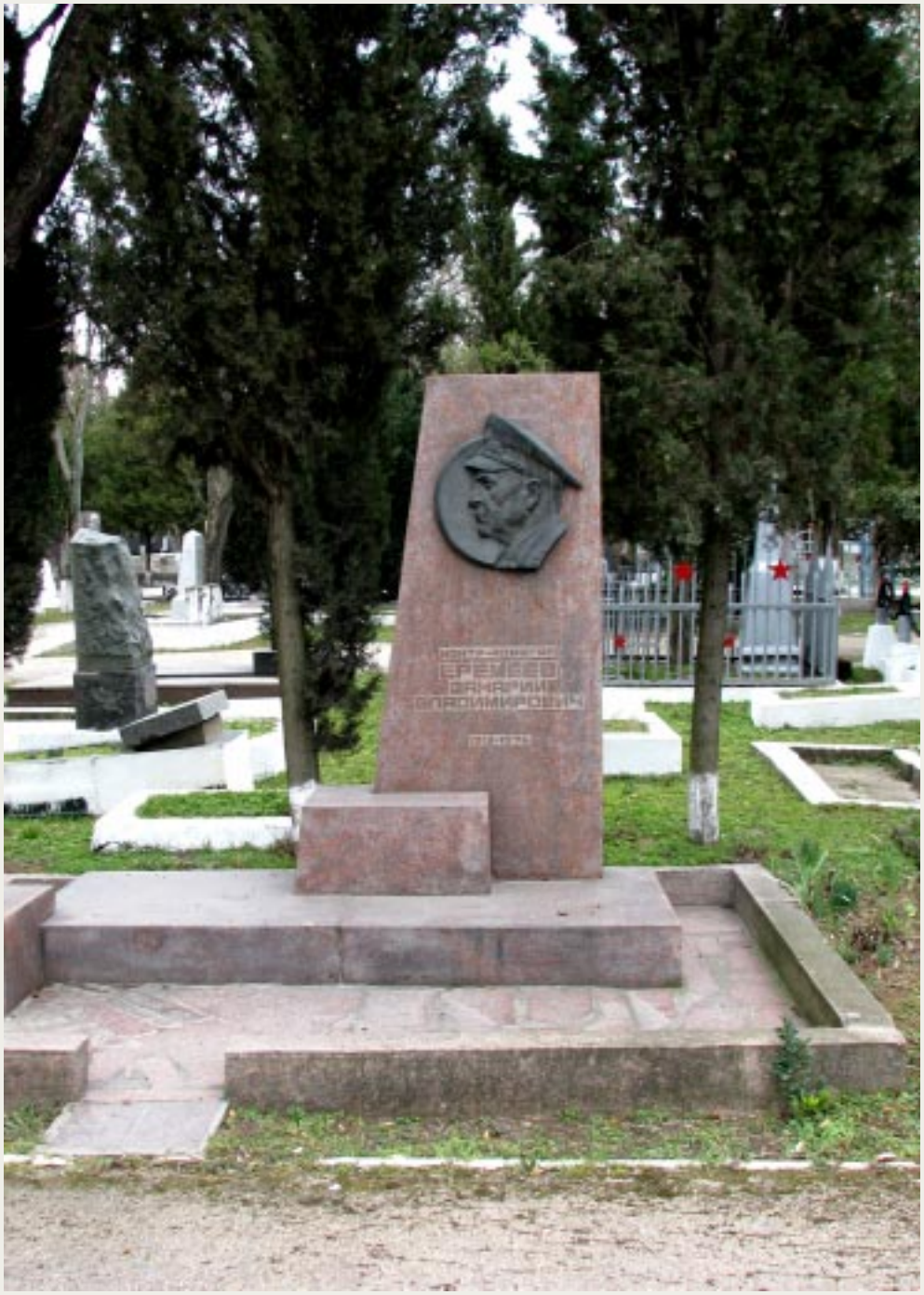
Памятник капитану II ранга, доктору исторических наук, Заслуженному деятелю науки и техники Украины, профессору и писателю ***Ванееву Геннадию Ивановичу*** *(1927-2004).*
Скульптор С.А. Чиж, мастер по камню - В.Н. Мак, 2006-2007 гг.
Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

Памятник деятелю науки УССР, профессору ***Водяницкому Владимиру Алексеевичу*** *(1893-1971). Скульптор С.А. Чиж, архитектор А.Л. Шеффер, 1973 г. Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.*

Владимир Алексеевич Водяницкий родился 24 декабря 1892 года (по старому стилю) в городе Константинограде, (ныне - Красноград, Харьковской обл). В 1916 году окончил биологическое отделение Харьковского университета. Тогда же увлекся наукой, - изучал физиологию инфузорий. В 1921 году, вместе с профессором батаники Владимиром Митрофановичем Арнольди (1871-1924), организовал Новороссийскую биологическую станцию, которой самостоятельно руководил до 1931 года. Дальнейшая научная деятельность В.А. Водяницкого была связана с Севастопольской биологической станцией, реорганизованной в 1963 году в Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского НАН Украины. Руководил экспедициями в Черном, Средиземном и Красном морях. Обосновал утверждение о высокой биологической продуктивности акватории Черного моря. Автор ряда научно-исследовательских статей и монографий.

В 1931-1938 годах - заместитель директора, в 1944-1963 гг. - директор Севастопольской биологической станции. Доктор биологических наук (1934 г.), профессор (1941 г.), член-корреспондент АН УССР (1957 г.), Заслуженный деятель науки УССР (1968 г.). Умер 30 ноября 1971 года

Памятник генерал-полковнику авиации, заслуженному военному летчику и писателю ***Воронову Владимиру Ивановичу.*** *Родился 22 июля 1923, скончался 7 ноября 2004 г.*
и его сыну - ***Воронову Сергею Владимировичу****. Родился 24 декабря 1952, скончался 20 ноября 1973 г.*
Скульптор С.А. Чиж, мастер по камню - М.П. Сова. Фото - 2011 г.



Памятник контр-адмиралу ***Еремееву Захарию Владимировичу*** *(1913 -1976) - заместителю начальника Высшего военно-морского училища им. П.С. Нахимова.*
Скульптор С.А. Чиж,1976 г.
Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

Памятник редактору и журналисту газеты «Слава Севастополя» ***Иванову Владимиру Ивановичу*** *(1948-1995). В.И. Иванов был убит 14 апреля 1995 года от взрывного устройства, подложенного в мусорную урну во дворе дома № 52 по ул. Октябрьской революции по пути следования на работу.*
Скульптор С.А. Чиж,1996 г.
Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

Памятник Ректору (с 1999 по 2007 гг.) Севастопольского государственного Национального технического университета ***Карпенко Виктору Андреевичу.*** *Родился 29 января 1943 г., скончался 10 января 2008 г.*
Скульптор В.Е. Суханов, мастер по камню - В.В. Суханов.
Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

Канарев
Виктор Павлович
(10 марта **1907-1965** 5 июня)

Родился 10 марта 1907 года в городе Коканд (Узбекистан).

В 1928 году окончил Ленинградскую военно-теоретическую школу Военно-воздушных сил. Через год – Севастопольскую военную авиационную школу морских лётчиков (ВАШМЛ), где до 1932 года работал летчиком-инструктором. В декабре 1936 года в Липецке окончил Высшую летно-тактическую школу, по окончании которой служил командиром авиаэскадрильи Балтийского флота.

Войну начал на ленинградско-финском фронте 1939-1940 годов в должности командира отедельной морской разведывательной эскадрильи.

С началом Великой Отечественной войны - командир авиационного полка Черноморского флота: на гидросамолетах МБР-2 участвовал в обороне Одессы, Севастополя и Новороссийска. С августа 1942 года – командир 5-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка (ВВС Черноморского флота). Лично совершил 74 боевых вылета. За мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1944 года гвардии подполковнику Канареву Виктору Павловичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В 1944 году окончил Высшие академические курсы ВВС и ПВО при Военно-морской академии. С апреля 1944 года – командир минно-торпедной авиационной дивизии Черноморского флота.

После войны, в 1946-1947 гг. – начальник штаба Военно-Воздушных сил Черноморского флота. В 1949 году окончил Военную академию Генштаба.

В 1950-1953 гг. – командующий Военно-Воздушными силами 5-го военно-морского флота на Дальнем Востоке; с 1953-й по 1955-й годы – командующий Военно-Воздушными силами Тихоокеанского флота.

В 1956-1957 гг. – заместитель начальника кафедры морской авиации Военно-морской академии.

С апреля 1961 года генерал-лейтенант авиации В.П. Канарев – в отставке.

Жил в Москве, где и умер 5 июня 1965 года. Похоронен на кладбище Коммунаров в Севастополе.

*Памятник Герою Советского Союза генерал-лейтенанту авиации **Канареву Виктору Павловичу** (1907-1965).*
Скульптор А.Р. Сухая, 1966 г. Кладбище Коммунаров.
Фото - 2011 г.

*Памятник Начальнику инженерных войск Приморской армии полковнику **Г.П. Кедринскому** (1897-1942).*
Гавриил Павлович Кедринский был смертельно ранен на Микензевых горах 15 января 1942 года.
Архитектор З.А. Серапионов, 1950 (?).
Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

Памятник Герою Советского Союза, капитану I ранга ***Кесаеву Астану Николаевичу*** *(1914-1977). А.Н. Кесаев родился в Осетии 11 сентября 1914 года . В годы войны командовал подводной лодкой М-117. За потопленные вражеские суда в мае 1944 года удостоен звания Героя Советского Союза. Умер в Севастополе 15 января 1977 года.*
Скульптор С.А. Чиж, архитектор И.И. Медников, 1979 г. Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

Колесников
Аркадий Георгиевич
(5 декабря **1907-1978** 4 апреля)

Аркадий Георгиевич Колесников - известный советский ученый в области гидрофизики, первый директор Севастопольского морского гидрофизического института Академии наук УССР.

Родился 5 декабря 1907 года в Юрбурге (ныне - Юрбаркас) Ковенской губернии в семье техника-строителя. Школу закончил в Туле, откуда отправился в Москву для поступления в Московский технический университет (механико-машиностроительный факультет).

В 1930 году начинает работать во Всесоюзном теплотехническом институте. Там же оканчивает аспирантуру, по результатом которой защищает кандидатскую диссертацию «Исследование явления испарения и теплообмена в условиях естественной конвенции» (1937 г.).

В годы Великой Отечественной войны живет и работает в Казани, где в 1943 году защищает докторскую диссертацию по «Теории прогноза роста льда на поверхности моря».

С 1945 года - заместитель директора московской морской гидрофизической лаборатории, где среди всего прочего занимается закрытыми разработками в области инженерной защиты СССР.

В 1948 году отправляется в длительную командировку в Севастополь, где работает в только-что открытом отделе Морского гидрофизического института от Академии наук СССР. Изучает проблемы термики моря и его турбулентности в глубинных слоях. Согласно плана научной работы проводит исследование в Арктике, Байкале и берегов Антарктиды. Полученные результаты легли в основу инструментального исследования глубоководной турбулентности.

С 1961 по 1974 годы - заместитель, а затем - директор Морского гидрофизического института УССР, переведенного из Москвы в Севастополь.

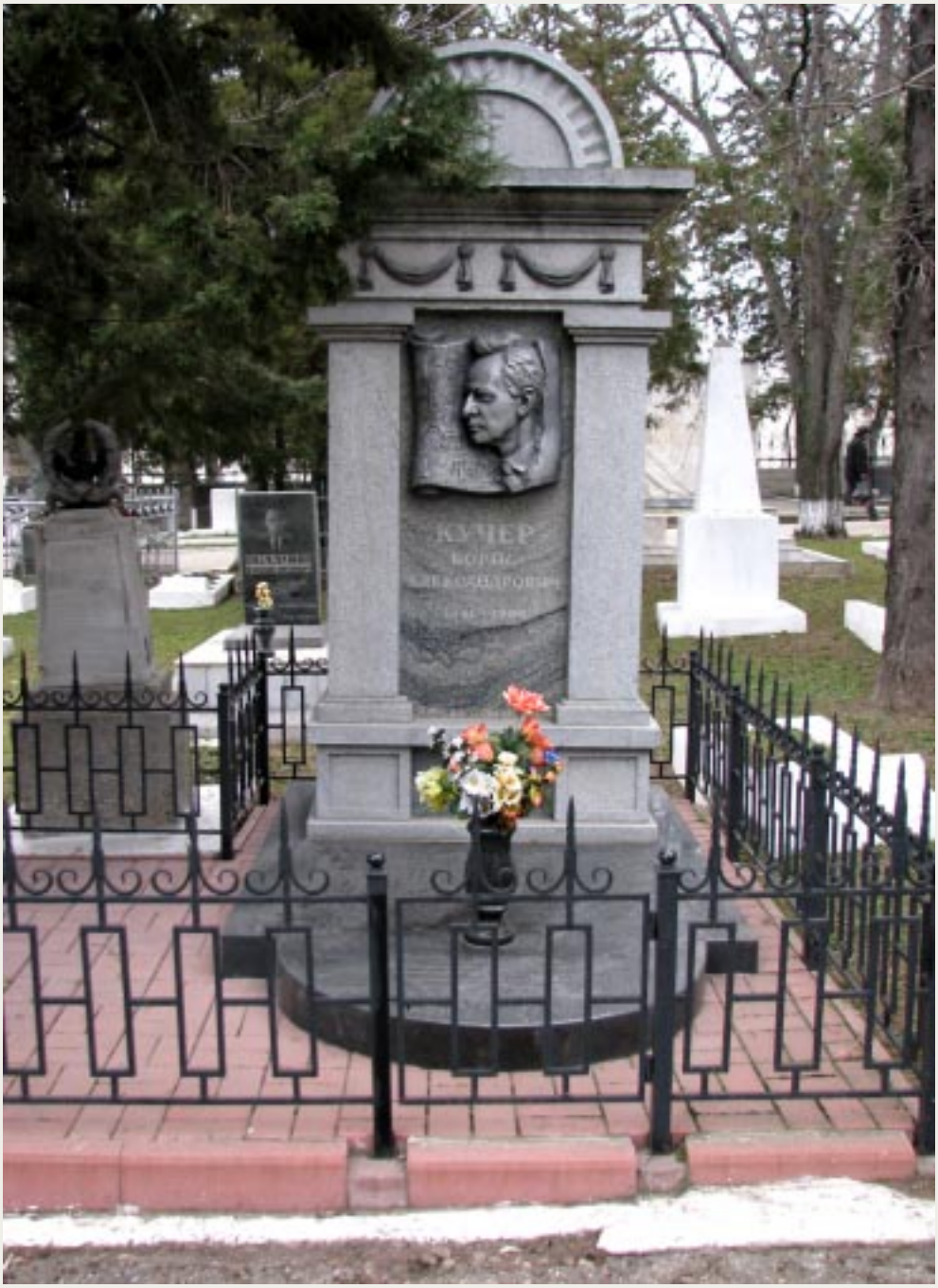
В 1964 году - доктор физико-математических наук, избирается в члены-корреспонденты Академии наук УССР, с 1967 года - академик.

Автор множественных открытий и научных публикаций.

Умер Аркадий Колесников 4 апреля 1978 года...

Памятник академику Академии наук ***Колесникову Аркадию Георгиевичу****. Родился 5 декабря 1907 г., скончался 4 апреля 1978 г. Скульптор Е.М. Слюсарь, мастер по камню - В.Н. Мак, 1982 г. Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.*

Памятник заслуженному строителю УССР ***Колобову Евгению Николаевичу*** *(1912-1973).*
Скульптор С.А. Чиж, мастер по камню - И.И. Степанов. Кладбище коммунаров. Фото - 2011 г.



Памятник Мэру города Севастополя (с апреля 1998 по апрель 1999 гг.) ***Кучеру Борису Александровичу*** *(1941-1999).*
Скульптор С.А. Чиж, 2000 г.
Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

Памятник Ректору Севастопольского государственного технического университета (с 1975 по 1999 гг.) ***Лавриненко Михаилу Захаровичу*** *(1927-1999).*
Родился 2 октября 1927 г. в с.Цыбулево, Кировоградской обл. В 1956 году окончил Днепропетровский горный институт. С 1965 года - кандидат технических наук, академик Академии инженерных наук (с 1992 г.).
Скульптор С.А. Чиж, мастер по камню - В.Н. Мак 1999 г.
Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

Памятник Герою Социалистического труда ***Музыке Николаю Алексеевичу****. Родился 2 февраля 1927 г., скончался 6 июля 1963 г.*
Н.А. Музыка был одним из первых, кто активно восстанавливал послевоенный разрушенный город Севастополь. Трагически погиб на стройке в июле 1963 года. Его именем названа одна из улиц города Севастополя.
Скульптор - С.А. Чиж, мастер по камню - И.И. Степанов, 1964 г.
Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

Октябрьский
Филипп Сергеевич
(11 октября **1899-1969** 8 июля)

Весьма сложной и противоречивой личностью представляется автору человек, которому правительство поручило (а народ доверил свои жизни) оборонять город Севастополь от немецко-фашистских захватчиков в 1942 году, и который в самый критический момент бросил свои войска и бежал…

Тогда, в самом начале июля месяца 1942 года, на мысе Херсонес (на западной окраине от Севастополя) остались на произвол судьбы по сведениям историков от 75 до 95 тысяч офицеров, старшин, солдат и матросов. Все они попали в фашистский плен и были отправлены в концлагеря или расстреляны…

И, вот, этому человеку отдают честь в городе Севастополе в виде увековечивания его имени в памятниках и названиях улиц.

Филипп Сергеевич Октябрьский (настоящая фамилия – Иванов) родился 11 октября 1899 года в деревне Лукшино (ныне Старицкий район Тверской губернии) в семье крестьянина. По окончанию четырех классов сельской школы он едет на заработки в северную столицу - в Санкт-Петербург. Работает кочегаром и даже помощником машиниста на пароходах, ходивших по Ладоге и Неве.

В 1918 года Иванов с радостью принимает большевистскую власть и добровольно вступает в ряды Балтийского флота. По примеру большевистских вождей изменяет свою фамилию на более революционную – Октябрьский.

В период Гражданской войны проходит службу на кораблях Балтийского флота параллельно оканчивает курсы при Петроградском коммунистическом университете, а затем в 1928 году оканчивает курсы при Военно-Морском училище имени М.В. Фрунзе, после которых командует отрядом торпедных катеров на Балтийском и Тихоокеанском флотах.

В 1935 году Ф.С. Октябрьский уже комбриг, которому в 1938 году доверяют Амурскую военную флотилию, а с августа 1939 года – командующий Черноморским флотом.

На период его руководства выдались самые тяжелые дни обороны страны в Великой Отечественной войне.

…30 октября 1941 года началась оборона Севастополя. По приказу командующего флотом Ф.С. Октябрьского с Кавказа перебрасывается 8-я бригада морской пехоты. В начале ноября был создан Севастопольский оборонительный район, который возглавил Ф.С. Октябрьский.

7 июня 1942 года немецкие войска начали штурм подходов к Севастополю и уже 14 июня противник захватил Мекензиевы горы. В город перестали ходить транспорты. Теперь все боеприпасы и продовольствие, а также вывоз раненых и доставка пополнения выполнялись боевыми кораблями Черноморского флота, в том числе и подводными лодками. Последним кораблем, прорвавшимся в город, был лидер «Ташкент», покинувший его 27 июня 1942 года с 2100 ранеными.

Одновременно с этим проходила эвакуация личного состава Севастопольского оборонительного района, однако всех перевезти не удалось. Большое количество рядового состава было оставлено. Большая часть из них погибла в ходе городских боев, многие попали в плен…

С июня 1943 года по март 1944 года Ф.С. Октябрьский командует Амурской военной флотилией. Но вскоре вновь возвращается на Черноморский флот, где занимается вопросами поддержки наступавших советских войск по освобождению черноморского бассейна от врага: 10 апреля 1944 года была освобождена Одесса, а 9 мая, ровно за год до Дня Победы, - главная военно-морская база Черноморского флота - город Севастополь.

В 1944 году Ф.С. Октябрьскому присваивают звание адмирала, а пятого ноября 1944 года в Севастополь возвращается Черноморская эскадра. Начались долгие месяцы и годы восстановления города и главной базы Черноморского флота. В ноябре 1948 году Ф.С. Октябрьский назначается на должность Первого заместителя главнокомандующего Военно-Морскими силами СССР.

В 1951 году был уволен в отпуск «по болезни», но в 1952 году вернулся и продолжил работать в Военно-Морском ведомстве в должности начальника Управления.

В 1954 году отправлен в отставку, в которой находился до 1957 года, когда его назначили начальником Высшего военно-морского училища имени П.С. Нахимова. 20 марта 1958 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Скончался Ф.С. Октябрьский 8 июля 1969 года в Севастополе.

*Памятник Герою Советского Союза адмиралу **Октябрьскому Филиппу Сергеевичу** (1899-1969).*
Скульптор - С.А. Чиж, архитектор А.Л. Шеффер, 1972 г. Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

*Памятник пулеметчице 25-й Чапаевской дивизии **Ониловой Нине** - героической защитнице Одессы и Севастополя. Скончалась от ран 8 марта 1942 года.*
Скульптор Е.М. Слюсарь, архитектор А.Л. Шеффер, 1961 г. Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

Памятник разведчице Приморской армии ***Оношко Алле иловой Нине****, погибшей при освобождении Севастополя. Родилась 17 апреля 1924 г., скончалась 11 апреля 1944 г.*
Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

Петров
Борис Федорович
(7 февраля **1914-1984** 3 декабря)

Борис Федорович Петров родился 7 февраля 1914 года в деревне Клобучино, Демьянского района Новгородской области.

С мая 1931 по июнь 1936 года - слушатель Военно-Морского училища им. М.В. Фрунзе, по окончании которого назначается командиром боевой части крейсера «Коминтерн», где он служит до ноября 1937 года. С октября 1938 до апреля 1941 года преподавал мореходную астрономию в Военно-Морском училище, основанном в Севастополе в апреле 1937 года.

С апреля 1941 года – штурман Отряда легких судов Черноморского флота. Вот в этой должности он и встретил Великую Отечественную войну 1941-1945 гг.

С июля 1942 по ноябрь 1943 года – флаг-штурман бригады крейсеров Черноморского флота. Однако 17 апреля 1942 года был осужден военным трибуналом Потийского военно-морского гарнизона к пяти годам лишения свободы в исправительно-трудовом лагере с заменой отправкой на фронт (трибунал принял во внимание отличные боевые характеристики и участие Б. Ф. Петрова в войне). 31 декабря 1942 года судимость с него была снята и Б.Ф. Петров возвратился на прежнюю должность.

С ноября 1943 по апрель 1944 года – командир оперативного отдела штаба Черноморского флота, с марта 1944 по октябрь 1945 года – старший помощник командира крейсера «Ворошилов».

С марта 1946 года – командир эсминца «Киев», эсминца «Озорной», а затем до декабря 1949 года – командир крейсера «Молотов», на котором 19 августа 1947 года встречал самого Иосифа Виссарионовича Сталина (1878-1953).

С 1949 года Б.Ф. Петров учился в Военно-Морской академии им. К.Е. Ворошилова, по окончанию которой командует строящимся тяжелым крейсером «Сталинград».

С мая 1953 года – начальник штаба, а с марта 1955 – командующий Черноморской эскадрой. 31 мая 1954 года капитану I ранга Б.Ф. Петрову было присвоено звание контр-адмирала.

В октябре 1956 года за серьезные упущения по службе понижается в должности и переводится командиром 15-й дивизии крейсеров Тихоокеанского флота, где пробудет до января 1959 года.

С 1959 года работает на кафедре тактики противолодочных сил флота при Военно-Морской академии.

В октябре 1967 года присваивается звание вице-адмирала.

С июня 1967 по сентябрь 1969 года находился в должности командира 5-й оперативной эскадры Военно-Морского флота СССР, а с декабря 1974 года – заместитель начальника Военно-Морской академии по учебной работе.

Умер 3 декабря 1984 года в Севастополе.

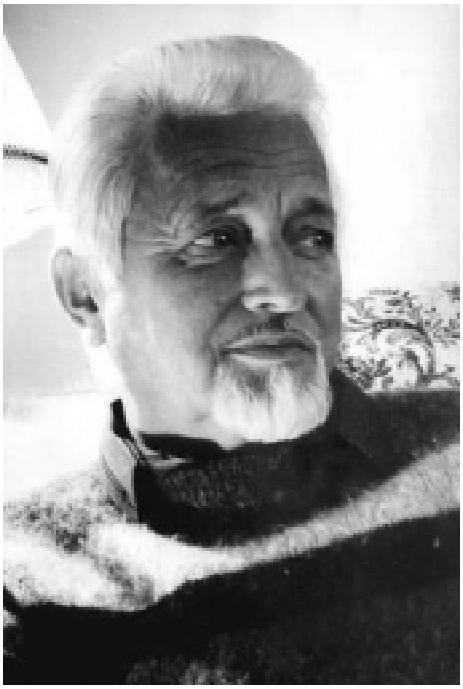
Памятник вице-адмиралу ***Петрову Борису Федоровичу*** *(1914-1984).*
Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

Памятник вице-адмиралу ***Рудневу Ивану Семеновичу*** *(1917-1975).*
Скульптор - С.А. Чиж, мастер по камню - И.И. Степанов, 1986 г.
Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

Семейное надгробие Почетному гражданину города Севастополя, участнице обороны и освобождения Севастополя в 1942-1944 гг. ***Сариной Антонине Алексеевне****. Родилась 6 августа 1903 г., скончалась 18 сентября 1997 г. и* ***Сарину Павлу Яковлевичу*** *(1901-1944).*
Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

Памятник Заслуженной учительнице УССР, участнице обороны Севастополя 1942 г. ***Федоринчик Александре Сергеевне*** *(1888-1960).*
Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

Памятник вице-адмиралу ***Чалому Василию Филипповичу*** *(1911-1979).*
Скульптор С.А. Чиж, 1980 г.
Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.



Черкашин
Геннадий Александрович
(13 сентября **1936-1996** 21 июня)

Геннадий Александрович Черкашин – творчески одаренная личность, оставившая огромное писательское наследие: от лирических детских литературных произведений и книг о трагических страницах любимого им Севастополя до трудов в области физики и истории. Люди, знающие его, писали: «Севастополь для Г.А. Черкашина не только город, в котором он родился и вырос. Здесь его корни, здесь – источник его духовной и нравственной силы. Героические страницы истории Севастополя легли в основу его замечательных книг: «Вкус медной проволоки», «Меркурий» – бриг Российский», «Клянусь Землей и Солнцем», «Возвращение», «Молчание колокола. Вершиной его творчества как ученого и писателя является роман «Избранный день» об истории создания атомной бомбы» и др.».

По инициативе Г.А. Черкашина в Севастополе в 1996 году был создан Фонд истории и культуры, которому после смерти писателя было присвоено его имя.

Геннадий Черкашин родился 13 сентября 1936 года в Донецке (УССР), как сам говорил писатель: «в семье потомственных корабелов». Война застала семью в осажденном Севастополе. Чудом удалось эвакуироваться в далекую Кемеровскую область. Семья вернулись в Севастополь сразу же после его освобождения в 1944 году.

По окончании школы был отправлен на учебу в Ленинградский Государственный университет им. А.А. Жданова, где поступил на физический факультет (1954-1959 гг.).

Трудовую деятельность начал там же, в Ленинграде, в качестве инженера во Всесоюзном научно-исследовательском маркшейдерском институте (ВНИМИ).

С 1966 по 1975 годы работал Старшим научным сотрудником Ленинградского агрофизического института. Защитил кандидатскую диссертацию по исследованию электронных процессов в тонкопленочных структурах (1967 г.). Одновременно с этим начинается его писательская деятельность: публикует рассказы: «Шоколад», «Возвращение эскадры» (в журнале «Костер»), «Велосипед» (в журнале «Искорка») и другие. В 1969 году из печати выходит его новая книга: «Вкус медной проволоки», за которыми последуют: «Клянусь Землей с Солнцем» (1978 г.), «Бриг «Меркурий» (1981 г.) и другие.

Для получения больших впечатлений в декабре 1982 года отправляется в кругосветное путешествие на гидрофизических судах Черноморского флота: «Адмирал Владимирский» и «Фаддей Беллинсгаузен».

По возвращении в апреле 1983 года пишет целый ряд литературных и публицистических произведений патриотического характера: «Лейтенант Шмидт» (1984 г.), «Возвращение» (1984), повесть: «Ночная экскурсия на батарею», опубликованную в сборнике «Подвиг» (1985 г.); политический детектив: «Интервью в Освенциме», напечатанный в журнале «Аврора» (1987 г.); роман «Горькие травы Березани» (1990 г.) и другие.

С 1991 года начинает работу на Санкт-Петербургском телевидении, ведет большую организаторскую и общественную деятельность.

В 1996 году возвращается в Севастополь, где основывает Фонд истории и культуры города. Здесь, в Севастополе, написал последний историко-публицистический очерк «Молчание колокола»…

21 июня 1996 года умер в Санкт-Петербурге, а 29 июня того же года его прах перевезен в город, который он всегда любил – Севастополь...

*Памятник писателю **Черкашину Геннадию Александровичу** (1936-1996).*
Скульптор - С.А. Чиж, мастер по камню - М.П. Сова, 1998 г. Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

Памятник адмиралу ***Чурсину Серафиму Евгеньевичу*** *(1906-1985).*
Скульптор С.А. Чиж по рисунку художника И.А. Белицкого, 1986 г.
Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

Памятник на братской могиле Командующему авиацией Черноморского флота Н.А. Острякову, заместителю начальника авиации Ф.Г. Коробкову и бригадному комиссару М.Г. Степаненко. Скульптор Л.М. Писаревский, архитектор М.Б. Сендлер, 1946 г. Кладбище Коммунаров. Фото - 2011 г.

МИХАЙЛОВСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

Сердце человеческое отнимется от него,
И дастся ему сердце звериное...
Даниил, IV, 13

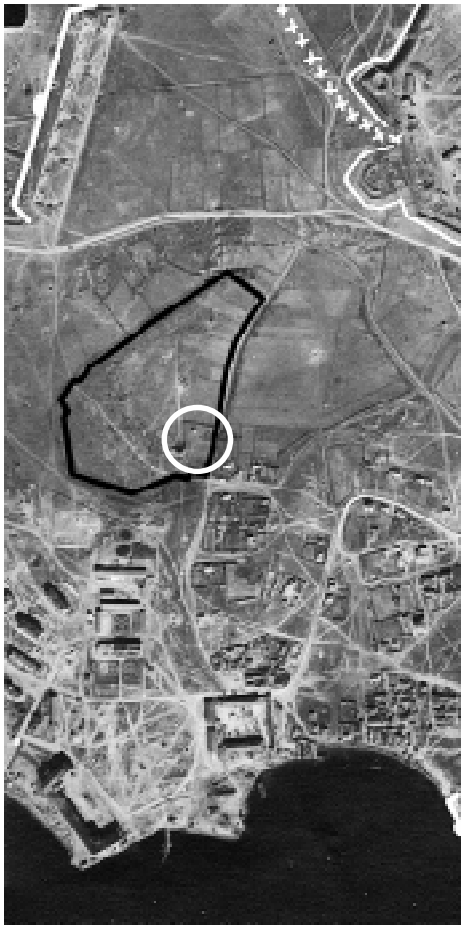
« Надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надо приняться за дело... Человек возвеличится духом божеской, титанической гордостью и явится человекобог... а ему все дозволено», - писал в романе «Братья Карамазовы» Федор Достоевский.

Не знал и не ведал тогда великий пистель, что таким человекобогом в начале XX века возомнит себя воинствующий пролетариат, когда будет взрывать церкви, уничтожать некрополи и расстреливать служителей божьих, как рассадников буржуазного наследия.

Современный человек воскликнет: «Да, это когда было?!, - на заре становления советской власти...».

Да, не так уж давно и было, - заметим мы. Большевизм продолжил свой кровавый поход даже тогда, когда в этом не было особой необходимости, да и смысла тоже.

В 1973 году Севастопольский городской Совет принял решение о возведении на Северной стороне за Михайловской батареей жилого микрорайона. Не остано-



Территория Михайловского некрополя до и после застройки жилыми домами. В круге - памятник параходу «Веста».

вило властей даже то, что эта территория уже была занята некрополем офицеров и матросов, князей и георгиевских кавалеров, погибших при обороне Севастополя. Были здесь захоронения и тех, кто отдал свои жизни за становление советской власти в Крыму. Дмитрий Мережковский в свое время писал: есть «...две необходимые предпосылки для торжества социализма — уничтожение Бога и уничтожение личности. Надо разрушить в человечестве идею не только о Боге, но и личности... Социалистическая Вавилонская башня строится на костях убитого Бога и убитого человека» [1, с.154].

Сегодня не только севастопольцы, но даже и жители микрорайона на Северной стороне в большинстве своем не помнят, что их дома, школы и детские сады стоят на костях людей, погибших во имя светлых идеалов, в том числе — коммунизма. Тогда, в недалеких для нас 70-80-х годах XX столетия, могилы наших предков с помощью трактором и экскаваторов были сравнены с землей и только некоторые надгробия (без перезахоронения) были перенесены на Братское кладбище... Большего позора пролетарское государство под названием СССР и его чиновники еще не знали...

Территория Михайловского некрополя сегодня. Фото - 2010 г.

Михайловский некрополь возник в самом начале XIX века, то есть тогда, когда на северо-восточной окраине Севастополя стали появляться рабочие слободки, жители которых возводили доки, арсенал, равелины и прочую морскую и оборонительную инфраструктуру. Плотность захоронений достигла своего пика в годы Первой обороны Севастополя в 1854-1855 годов, когда здесь впервые стали производиться захоронения убитых офицеров и матросов. О тех, кто здесь нашел свой последний приют несколько подробнее пишет в своей книге историк Владимир Шавшин (Каменная летопись Севастополя, - Севастополь, 2003. — С.284-285).

Первоначально некрополь видимо развивался достаточно стихийно, что вынудило городских властей заняться его благоустройством: весной 1868 года Симферопольская инженерная дистанция, дислоцировавшаяся в Севастополе, наметала будущие очертания благоустройства некрополя с высадкой деревьев, прокладки дорожек и устройства часовни. Это привело к тому, что центр некрополя фактически был отдан наиболее влиятельным особам и высшим офицерским чинам.

Сегодня о былой его красоте свидетельствует единственный сохранившийся мемориал погибшим морякам парохода «Веста» в 1877 году.

К сожалению большего о Михайловском некрополе мы сказать не можем...

Подвиг парохода «Веста».

Как известно, поражение России в Восточной войне 1853-1856 гг. привело к тому, что по Парижскому мирному договору она более не имела права держать свой флот на Черном море. Это обстоятельство в значительной степени ослабляло не только южные границы империи, но тормозило экономическое и политическое развитие государства. Односторонний пересмотр итогов Крымской войны со стороны царской России стал основной целью и причиной внешней политики России 70-х годов XIX столетия. И, вновь, как и прежде, Балканы стали очагом войны. Этому в полной мере способствовали широко развернутые в 1876 году восстания народов Боснии, Герцеговины и Болгарии против турецкого засилья. Турецкие войска весьма жестоко расправлялись с восставшими. Тогда Сербия и Черногория объявили войну Турции. В феврале 1877 года правительство России потребовало от султана прекратить насилие и провести реформы в пользу славянского православного населения Балкан. Турция отвергла это требование. В ответ на это 12 апреля 1877 года Россия объявила ей войну.

Однако выступать против мощнейшего Турецкого флота с уничтоженным в Первую оборону Севастополя 1854-1855 гг. Черноморским флотом было почти невозможно. К 1877 году на Черном море было только два броненосца береговой обороны (поповки – круглые корабли с сильной артиллерией, но очень плохой мореходностью, предназначенные для обороны крепостей, портов и других береговых объектов), а также пять устаревших пароходо-фрегатов. И тогда правительство пошло на крайние меры: оно закупило у торгового флота наиболее прочные и быстроходные корабли и превратила их в военные крейсера.

Одним из таких «крейсеров» стал небольшой винтовой пароход «Веста». Он был построен в 1858 году и мог развивать скорость до 12 узлов. На нем были установлены девять орудий и два минных катера с шестовыми минами. Экипаж в 88-м человек набирался исключительно из добровольцев. Командиром «Весты» был назначен капитан-лейтенант Николай Михайлович Баранов (1836-1901). Он получил распоряжение производить крейсерские действия в районе румынского порта Кустендье (Констанца) и перехватывать турецкие пароходы, следовавшие туда с войсками и воинскими грузами. Утром 11 июля 1877 года, находясь примерно в 35 милях от порта Кустендье, вперед смотрящие заметили на горизонте, как предполагалось, торговое судно и пошли на перехват. Вскоре стало очевидно, что впереди не торговый транспорт, а турецкий броненосец «Фетхи-Буленд». Этот турецкий корабль, построенный в Англии, имел достаточно толстую бортовую броню и сильную артиллерию в бронированных башнях. У «Весты» вообще не было брони, а артиллерия состояла из орудий и мортир, предназначенных только для ближнего боя.

Вскоре турецкий броненосец открыл огонь. Командир Н.М. Баранов стал маневрировать, стараясь не подставлять неприятелю борта, так как бомбы «Весты» не могли пробить бортовую броню броненосца. Через некоторое время выяснилось, что броненосец обладает большей скоростью хода и может выбирать дистанцию и угол обстрела русского парохода. Вскоре несколько бомб попали в корму, а одна пробила палубу и вызвала пожар. Количество убитых и раненых постоянно возростало. Казалось, что развязка уже близка. Баранов решил подойти к броненосцу вплотную и взорвать оба корабля. Тем временем был убит наводчик кормовой мортиры. Тогда вместо наводчика встал лейтенант Зиновий Рождественский (будущий вице-адмирал и командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой). Его удачный выстрел решил исход боя. Бомба попала в крышу башни, пробила ее и разорвалась внутри. На броненосце началась паника. Он окутался облаком дыма и пара, стал отставать, а затем повернул на обратный курс.

Около шести часов длился этот героический бой. На «Весте» было убито 12 и ранено 28 человек. На следующее утро израненная и опаленная пожаром, но с гордо реющим флагом «Веста» пришла в Севастополь. Встречать ее вышло почти все население города.

Император Николай I в телеграмме передал всем офицерам и команде парохода сердечное спасибо. Все участники боя были награждены по-царски. Офицеров повысили в званиях, Н. Баранов, В. Перелешин и З. Рождественский были награждены орденом Св. Георгия 4-й степени. Остальные офицеры – орденом Св. Владимира с мечами и бантом. Для нижних чинов было пожаловано двенадцать Георгиевских крестов и столько же унтер-офицерских вакансий. Все офицеры и матросы были награждены пожизненными пенсиями.

Следует заметить, что впоследствии командир «Весты» был обвинен в «преувеличении своей роли» в победе над турецким броненосцем и понижен в должности…

Памятник-надгробие погибшим офицерам и матросам на пароходе «Веста» 11 июля 1877 года.
Территория бывшего Михайловского некрополя. Фото - 2010 г.

НЕКРОПОЛЬ СВЯТО-ВЛАДИМИРСКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ НА ТЕРРИТОРИИ ХЕРСОНЕСА

Ранним утром апреля 1922 года к территории древнего городища Херсонес подъехало несколько пустых подвод и машина с красноармейцами. Во главе с членами реквизиционной комиссии Севастопольского городского Крайкома они проникли на территорию Свято-Владимирского мужского монастыря и стали проводить экспроприацию церковных ценностей. Согласно архивным данным было изъято: 45 церковных риз, 8 икон в серебряных окладах, золотые и серебряные напрестольные кресты, чаши, лампады, кадильницы и прочее.

Надо сказать, что это была уже не первая «чистка» церковного имущества: с июля 1919 года по апрель месяц 1922 года у монастырской братии и из храма Св. Владимира было изъято 1135 вещей.

Параллельно с церковным разграблением шла планомерная работа по уничтожению «оплота религиозного дурмана», каким считался, в том числе и Свято-Владимирский мужской монастырь вместе с его церковнослужителями. Национализировались жилые, служебные, подсобные помещения и здания с передачей их в ведение Собеса (учреждение, ведующее социальным обеспечением), военных структур и администрации музея-заповедника Херсонесского городища.

27 августа 1924 года Совет народных комиссаров Крыма, по ходатайству Наркомпроса Крыма от 19 августа за □ 199, вынес постановление об окончательном закрытии Херсонесского монастыря. Так закончилось более чем 70-летнее существование Свято-Владимирского мужского монастыря. Само же братство окончательно было разогнано летом 1927 года...

В продолжение начатой темы скажем несколько слов как в адрес формирования храмового комплекса, так и его церковной братии.

Идея по возведению храма в Херсонесе принадлежала Главному командиру Черноморского флота и Военному губернатору вице-адмиралу Алексею Самуиловичу Грейгу (1775-1845). Относится она к 1825 году, когда А. Грейг обратился к Императору России Александру I Павловичу (1777-1825) с прошением о разрешении возвести на территории Херсонеса православный храм на месте предполагаемого крещения Киевского князя Владимира Святославовича, возведенного в сан святых. Прошение вице-адмирал А.С.Грейг подтвердил результатами раскопок, произведенных по его распоряжению на предполагаемом месте крещения киевского князя. Такое Императорское соизволение им было получено и в 1829 году был объявлен всенародный сбор средств. Однако в связи с новыми установками пришедшего к власти в 1833 году Михаила Петровича Лазарева местом установки храма была указана Центральная горка, в связи с чем все собранные средства пришлось поделить поровну. А, поскольку, первоочередность строительства пала на Владимирский храм в Севастополе, то херсонесскому храму пришлось долго отстаивать свои позиции, вплоть до 1854 года — начала Первой обороны Севастополя.

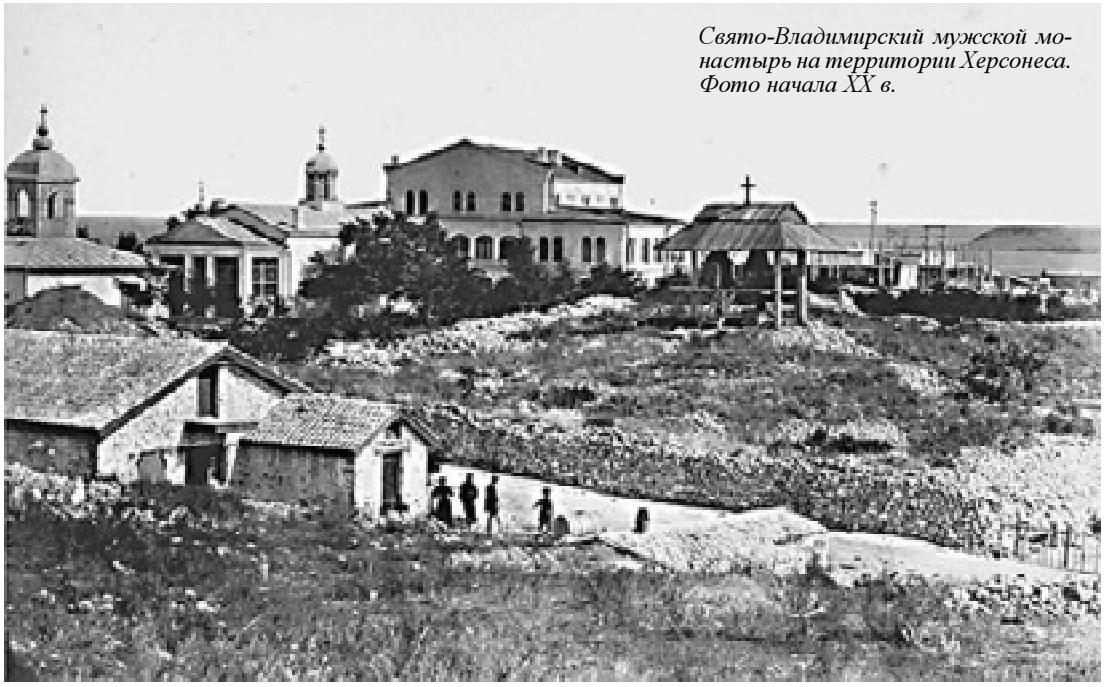
Нужно заметить, что времени строительства Владимирского собора в Херсонесе предшествовала большая и напряженная работа монастырской братии по формированию в первой половине — середине XIX века на остовах древнего городища Херсонеса монастырских построек и попытки создания централизованной херсонесской киновии со своим настоятелем иеромонахом Василием, прибывшем из Афона. Однако «По печальному стечению обстоятельств настоятельский корпус и многочислен-

ные службы оказались построенными в центральной части древнего города на месте античного театра и монетного двора, римских терм и большого дворцового комплекса. При возведении монастырских домов древние сооружения оказались разрушенными...» [1, с.143].

Монастырские постройки, по свидетельству историка и директора Симферопольской гимназии и училищ Таврической губернии (с 1865 по 1870 гг.) Евгения Львовича Маркова (1835-1903), представляли собой сплошную хаотичную застройку, без всякого архитектурного вида и «никакой определенной физиономии». В частности он пишет: «Его дворы и немногие церкви как-то оторваны друг от друга и будто еще не выкарабкались из тысячелетнего мусора, на котором возникли». Или говоря о киновии: «Палаты эти значительно громаднее двух бедных церквей, построенных в первый раз на развалинах Херсонеса, еще при преосвященном Иннокентии. Но эти палаты также не имеют архитектурной физиономии и уже, во всяком случае, более похожи на французский замок, чем на греческий или русский монастырь» [2, с.119-120].

Судя по описаниям Е. Маркова речь идет о двух небольших церквях, одна из которых была возведена во имя Святого князя Владимира – крестителя Киевской Руси (ок.1850 г.), другая – во имя Семи священномучеников Херсонесских (1856-1857 гг.). Что же касается настоятельного корпуса с домовой церковью во имя Покрова Божьей Матери, то она была возведена по проекту инженер-архитектора Константина Вяткина в 1863 году (ныне – корпус Средневекового музея Херсонеса) на месте церкви во имя Св. княгини Ольги, разрушенной в Первую оборону Севастополя.

В годы Первой обороны Севастополя монашеские церковные постройки, кельи и трапезная подверглись со стороны французских войск осквернению и разрушению, а послевоенная разруха почти окончательно уничтожила надежду монастырских послушников на скорое строительство хорошего и добротного храма. Это стало одной из причин того, что в апреле 1857 года на современной территории музейного комплекса «Херсонес» купец Петр Телятников на собственные средства возводит одну из первых послевоенных деревянных церквей во имя Семи священномучеников Херсо-



Свято-Владимирский мужской монастырь на территории Херсонеса. Фото начала XX в.

Теплая церковь и архіерея покои Херсонисса.

несских, просуществовавшей несколько лет и перестроенной (а точнее — заново построенной, как уже было отмечено, по проекту инженер-архитектора Константина Вяткина) небольшой одноименной каменной церкви, освященной 2-го апреля 1861 года епископом Херсонским и Таврическим Иннокентием.

Скудность монастырской жизни и отсутствие храма, соответствующего духу верующих, подвигли Императора Александра II Николаевича (1818-1881) дать свое Высочайшее соизволение на строительство соборного храма и 2-го июля 1859 года он подписывает проект будущего храма с одновременным утверждением рабочих чертежей, составленных молодым академиком Императорской Академии художеств Давидом Ивановичем Гриммом (1823-1898), недавно прибывшим из творческой поездки по Закавказью, произведенный вскоре за свои работы Императорской Академией художеств в академики по архитектуре.

Торжественную закладку первого камня после молебна в память крещения князя Владимирова произвел 23 августа 1861 года Император Александр II со своей супругой Марией Александровной. Тогда же государь и государыня пожертвовали будущему храму богатый серебряный с позолотой оклад к чудотворной Корсунской иконе Божьей Матери, украшенный драгоценными камнями, которой святитель Иннокентий Таврический благословил еще первоначальный храм во имя Семи священномучеников Херсонесских. От представителей Одесского общества истории и древностей была подарена престольная средневековая византийская мраморная доска с высеченными крестами, обнаруженная при раскопках Херсонеса в 1845 году. Кроме названных вещей от Императора еще ранее поступили частицы мощей Святого князя Владимира в специально изготовленном ковчеге в виде Евангелия, переданных Херсонесскому монастырю в конце июня 1859 года из Малой церкви Зимнего дворца.

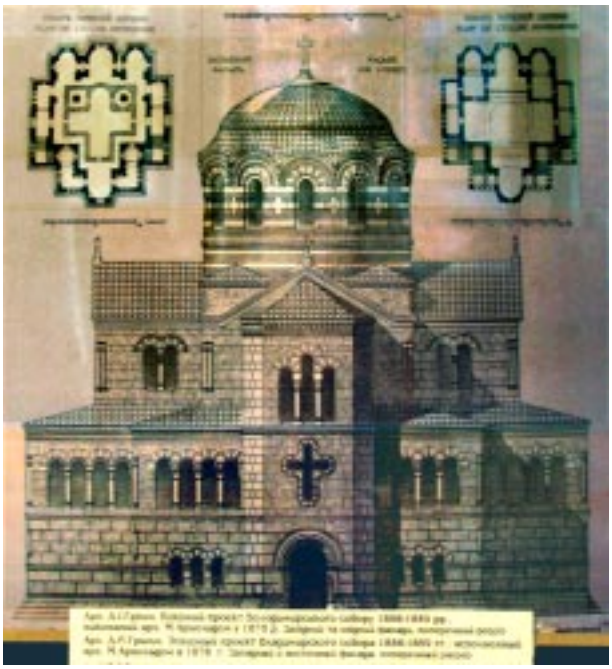
Однако это обстоятельство не предотвратило очередной остановки строительных работ по причине достаточно прозаичной — недостатка средств. И тем не менее к 1877 году постройка собора, как отмечается, была вчерне завершена. Параллельно с

окончанием строительства велись работы по внутреннему украшению храма, которые продолжались три последующих года. Руководил всей внутренней и внешней отделкой талантливый организатор и великолепный мастер архитектуры Николай Михайлович Чагин (1823-1909). Н.М. Чагин был поклонником и талантливым интерпретатором исторических стилей в архитектуре. До приезда в Севастополь он служил губернским архитектором в Вильно (с 1864 по 1885 гг., Литва), где и до ныне сохраняется большое количество построенных им административных, церковных и жилых построек. И чтобы иметь наше полное представление о талантливом мастере архитектуры укажем на знаменитую в Крыму Форосскую церковь на скале Килен-Кая («Красная горка»), построенную архитектором Н.М. Чагиным по заказу купца и мецената Александра Григорьевича Кузнецова (1855-1895) в том же византийском стиле в 1892 году, то есть — несколько позднее нежели Владимирский собор в Херсонесе.

Историки свидетельствуют: «К выполнению проекта внутреннего оформления храма был привлечен коллектив талантливых художников и архитекторов. Художнику А.И. Корзухину, имевшему широкую известность, было поручено написание 72 икон. Росписи «Тайная вечеря», «Крещение Господне», «Священномученики Кирилл и Мефодий» (написана в память посещения ими Херсонеса в 861 году) были важнейшими в оформлении храма. Академик живописи П.Ф. Тихобразов, кроме оформления, разделял с Чагиным нелегкий труд организации работ, к которому были привлечены инженер-архитектор М.Ю. Арнольд и сын Н.М. Чагина Владимир. Академик В.И. Нефф, П.Т. Рисс и художник И.А. Майков осуществляли росписи стен храма» [3, с.149].

Построенный храм исполнен в гармоничных и строгих симметричных формах византийского храма. Отличается монументальностью, торжественностью и величием. В плане это трехнефная базилика с подчеркнутой формой крестовокупольного храма. На западной стороне главный вход решен в виде мощного ризалита (части здания, выступающего за основную линию фасада) с внутренним притвором, на восточном — выступают три граненые апсиды. Внутри собор оригинальным способом разделен на два яруса: в нижнем, посвященном Святой Богородице, находятся эстетически обработанные руины древней базилики, в которой по преданию в 988 году крестился киевский князь Владимир Святославович.

Верхний храм исполнен во имя Святого Равноапостольного князя Владимира и Александра Невского. Ярусы между первым и вторым этажами соединены широкими каменными лестницами. Храм был великолепно украшен фресками и мозаиками. Так, известно, что художником П.П.Прокофьевым орнаментом были украшены стены храма, а итальянскими мастерами Сеппи и Баскерини — мраморные части иконостаса, панели и кресты. Мастера И.Т. Сафронов и И.А. Морозов выполняли бронзовые царские врата, изготавливали паникадила, лампады и фонари. В храме нижнего этажа деревянный резной иконостас, получивший широкую известность тонкостью и изяществом работы, выполнил придворный мастер Тихонов. Не уступал ему, а по мнению некоторых даже превосходил, ореховый иконостас в верхнем храме, изготовленный в мастерской Владимира Корецкого.



Храм Св. Владимира. Проектный рисунок.

Храм расположен на главной площади (агоре) древнего городища и занимает доминирующее положение в Карантинной балке. Имеет размеры: 32,7 х 41,6 при общей высоте с крестом в 34,6 метра.

К сожалению «долгострой» показал жизнь храма не с лучшей стороны: в 1888 году, к 900-летию Крещения Руси, была освящена лишь нижняя церковь, а верхний храм во имя Святого Равноапостольного князя Владимира — в 1891 году и только в 1892 — церковь во имя Святого Александра Невского...

В конце XIX — начале XX вв. монастырь обзавелся новой трапезной, гостиницей для паломников, каретным сараем, кузницей, двумя корпусами для братии, баней, домом для эконома и другими хозяйственными постройками. В монастырской обители разбили два сада — для настоятеля и братии. Приносили постоянное пополнение в казну два собственных доходных дома в городской застройке Севастополя, обитель имела свой племенной скот и жалованные земли в Крыму, в Мелитопольском и Бердянском уездах. Казалось ничего не предвещало трагедии. Но...в 1917 году начался красный переворот и обители пришел медленный, но верный конец. Особенно состояние обители стало ухудшаться после смерти в 1919 году настоятеля епископа Иннокентия, погребенного рядом в нижнем храме Рождества Богородицы Владимирского собора.

В 1925 году в стенах храма прошла последняя Божественная литургия. В 1927 году все монастырские постройки, как было уже отмечено, были переданы вначале дирекции Херсонесских раскопок, а затем в зданиях храма и обители разместилась воинская часть, Дом инвалидов и другие учреждения...

Из официальных исторических справок следует, что в годы Второй обороны Севастополя (1942 г.) в храм Святого князя Владимира попала немецкая авиационная бомба, которая разворотила весь первый и второй этажи, сорвала крышу и

уничтожила всю фресковую живопись. Однако, по неофициальным источникам, имеются свидетельства о сознательной акции большевиков на уничтожение православного храма, которые уже после войны заложили огромный тротиловый заряд внутри здания и попытались окончательно уничтожить память об этой христианской святыне (впрочем научным персоналом этот факт не подтверждается...).

Любопытно другое — современные историки и краеведы, словно боясь кого-либо обидеть, очень осторожно говорят об этом событии: «В годы Великой отечественной войны, - пишут они, - рухнул барабан с куполом, провалилось перекрытие между первым и вторым ярусами, треснули стены, исчезли мраморные ступени внутренних лестниц, почти полностью пропала живопись...».

В таком состоянии храм простоял до начала 90-х годов XX столетия, а с 1992 года Владимирский собор вновь стал оживать: вначале здесь, в еще полуразрушенном нижнем храме, начались первые богослужения, а 6 января 1994 года храм окончательно перешел во владение православной общины Севастополя.

Возрождение Владимирского собора в Херсонесе, как памятника православной архитектуры, началось с Постановления Кабинета Министров Украины в июне 1997 года о проведении реставрационных и восстановительных работ, которые начались в Херсонесе только в конце 1998 года. Ими предусматривалось восстановление основных конструктивных элементов свода, купола, галерей, западного ризалита, центральных и боковых апсид. Также заменялись разрушенные колонны и реставрировались фасады. Последним этапом предусматривалось проведение работ по воссозданию утраченного интерьера: реставрация и поновление настенной живописи, мозаичных полов и прочее.

Теперь же перейдем к анализу монастырского некрополя.

Учитывая то обстоятельство, что формирование Свято-Владимирского мужского монастыря относится к 1848 году, то мы вправе предполагать основание некрополя к середине XIX века. Это утверждение опирается на распоряжение Первосвященника Херсонской духовной консистории от 15 ноября 1858 года о разрешении основания монастырского кладбища при херсонесской киновии с уже имеющимися захоронениями.

Члены братства были людьми малоимущими поэтому и захоронения, как правило, носили простые православные формы: деревянные кресты, невысокие ограды или каменные плиты с выбитыми на них крестами и именами похороненных.

Несколько в ином варианте были исполнены надгробия погребенных в ходе сражения за Севастополь в 1854-1855 годах, а также в более позднее время. Появлялись могилы богатых горожан, офицеров и духовных лиц. Один из аборигенов Севастополя — Юрий Огородников, вспоминая свое детство и свои прогулки по Херсонесу, вспоминал: «Еще в двадцатые годы (XX в. — А.Ков.) здесь было православное кладбище. На сравнительно небольшом участке, за каменной оградой, среди кипарисов стояли надгробные кресты. Огромные мраморные и простые деревянные. Здесь похоронены офицеры и нижние чины, купцы и мещане. Здесь было несколько братских могил». Указывает автор и наличие на некрополе как семейных склепов, так и отдельных захоронений.

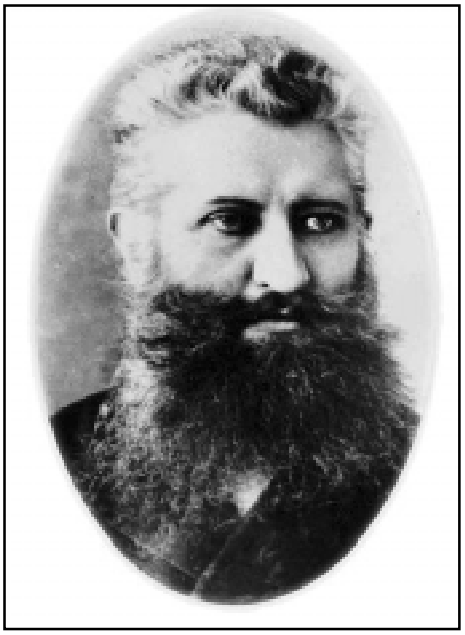
Территория некрополя простиралась к северо-западу от величественного храма Святого Владимира, занимая площадь ниже настоятельского дома и церкви во имя Покрова Божьей Матери. Здесь, на некрополе, до недавнего времени еще можно было разглядеть захоронения известных людей Севастополя и Крыма: лейтенанта Константина Шкота, убитого при обороне Севастополя и захороненного в марте 1854 года; титулярного советника, литератора и врача морского ведомства —

Закревского Никифора Ивановича (1806-1864); священника Дмитрия Кесарева, священника Якова Синицкого, иеромонаха Маркелина; коллежского асессора Афанасия Климова, умершего в 1868 году; известного севастопольского агронома-ученого в области садоводства, виноградарства и злаковых культур, ученого и писателя - Палимпсестова Ивана Устиновича (1818-1902); прославленного адмирала Кологераса Леонида Константиновича, родившегося в 1838 году и скончавшегося близ Афин 9 февраля 1896 года; севастопольского градоначальника, контр-адмирала Вальронд Константина Ростиславовича (1817-1899); архимандрита Иннокентия-Херсонесского (в миру Лозянова), похороненного здесь в 1893 году и целого ряда других. Всего здесь было захоронено 54 человека, 17-ть из которых принадлежали священному сану. Последнее захоронение здесь производилось в 1938 году (более подробно см.: Крестьянников В. Некрополь херсонесского монастыря //Прошлое Севастополя в архивных документах: сборник научных статей. - Севастополь, 2011. - 252 с.).

Особое слово следует сказать о захоронении основателя и первого директора херсонесского музея-заповедника Костюшко-Валюжинича Карла Казимироваича (1847-1907), скромный надгробный памятник которому находится при спуске к морю от древнего городища Херсонес; художнику и архитектору Херсонеса и его музея — Янышеву Николаю Михайловичу (1859-1938).

К сожалению ни время, ни люди с их способностью к самоуничтожению, не пощадили этот уникальный некрополь. Начатое интенсивное строительство музея древностей в 90-х годах XIX века за счет некрополя и монастырского сада, продолжилось в 60-х годах уже XX века, и в первом десятилетии XXI века, когда по бывшим захоронениям и монастырскому саду стали прокладывать туристические мощенные дорожки, разбивать цветники, устраивать открытые павильоны для херсонесских находок и даже использовать в качестве огородных грядок для временно проживающих в лачугах на территории Херсонеса. Стоят здесь и металлические гаражи для администрации и чиновников музея-заповедника... Человеческое равнодушие со стороны музейной администрации, да и самих церковнослужителей Свято-Владимирского собора, привело к тому, что о былой красоте некрополя уже никто и ничего не знает...

Вот так выглядят остатки некрополя Херсонесского монастыря сегодня.
Фото - март 2011 г.



Костюшко-Валюжинич
Карл Казимирович
(20 апреля **1847-1907** 14 декабря)

История древнего городища Херсонес буквально пестрит трагическими страницами: камни, мозаики, архитектурные обломы, скульптурные детали и другие предметы, имеющие художественную ценность, возами и даже кораблями вывозили из Крыма в сторону Турции и других восточных государств. Да и сам город Севастополь, как мы уже писали: «…во всем одолжен до последнего камушка древнему Херсонесу…В Херсонесе крепость Ахтиар (будущий Севастополь – А.Ков.) ископал все свои украшения» (Сумароков П. «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. - М.,1800).

И только с середины – второй половины XIX века наиболее прогрессивная часть российской интеллигенции и дворянства начала обращать внимание на культурно-историческую значимость Херсонеса, как памятника национального значения. Начинается постепенное, но неуклонное исследование городища с помощью проведения точечных археологических раскопов. И одним из немногих, кто обозначил интерес к археологическим находкам был граф Алексей Сергеевич Уваров (1825-1884) – основатель московского археологического общества, открывший в 1853 году в Херсонесе базиликальный храм, носящий ныне его имя.

Однако в истории Херсонеса главное и особое слово сказал человек, который был фанатично предан археологии и науке – Карл Казимирович Костюшко-Валюжинич (1847-1907) и, собственно, которому Херсонес обязан всемирной славой.

Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич родился 20 апреля 1847 года в Могилеве, в семье титулярного советника и дворянина польского происхождения.

В августе 1859 года в возрасте двенадцати лет родителями он был определен в Корпус горных инженеров в Санкт-Петербурге, которое по причине малолетства и болезни не окончил и в 1865 году возвращен домой.

В 1868 года поступил на службу в Управление Динабургско-Витебской железной дороги помощником главного инженера. Та же самая причина – болезнь в 1879 году приводит его в Севастополь, где климат идеально подходил для него. Здесь начал работать при управлении Лозово-Севастопольской железной дороги в должности конторщика и позднее – бухгалтера-счетовода. Купив в 1881 году в черте города домик он увлекся изучением археологии Крыма. Постепенно круг

его интересов стал расширяться: он возглавил редакцию газеты «Севастопольский листок», а в 1882 году организовал Кружок любителей истории и древностей Крыма с собственным музеем. Однако денежный вопрос и растущая семья заставили его в январе 1885 года вновь поступить на службу. Вскоре как человека безупречной открытости и честности, его избирают Товарищем директора Севастопольского городского банка, а позднее – председателем Совета общества взаимного кредита. Не порывает он и с археологией: с 1885 года Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич становится действительным членом Императорского Одесского общества истории и древностей.

В 1888 году российский Император принял решение о передачи археологического комплекса Херсонеса-Таврического в ведение Императорской Археологической комиссии. Карл Каземирович попросил у вице-президента Одесского общества В.Н. Юргевича рекомендации перед Императором о назначении его руководителем раскопок. С этого времени он становится не только производителем работ, но заведующим «Складом местных древностей», основателем археологического музея.

Вот на этом посту он и проработал почти двадцать лет, где в полной мере раскрылся его талант археолога, ученого и организатора. Именно ему принадлежат масштабные раскопки древнего городища, превратившие их, как говорят исследователи, - в «русские Помпеи». Людмила Гриненко, - заведующая научной библиотекой Херсонеса, - пишет: «Им были открыты жилые кварталы и улицы, лавки и мастерские, общественные здания (в том числе т. н. Монетный двор), богато декорированные церкви с мозаичными полами, система водоснабжения, превосходной сохранности оборонительные сооружения. Производил Карл Казимирович раскопки и за пределами Херсонеса – в районе мыса Фиолент и на берегу Казачьей бухты».

Умер Карл Казимирович Костюшко-Валюжинич 14 декабря 1907 года. Похоронен на краю монастырского кладбища, с тем, чтобы душа видела дела рук его: среди раскопок древнего Херсонеса, благодаря ему ставшим великим…

*Памятник заведующему раскопками на Херсонесе **Костюшко-Валюжиничу Карлу Казимировичу** на бывшей территории Херсонесского мужского монастыря. Родился 20 апреля 1847 г., скончался 14 декабря 1907 г. Фото - 2011 г.*

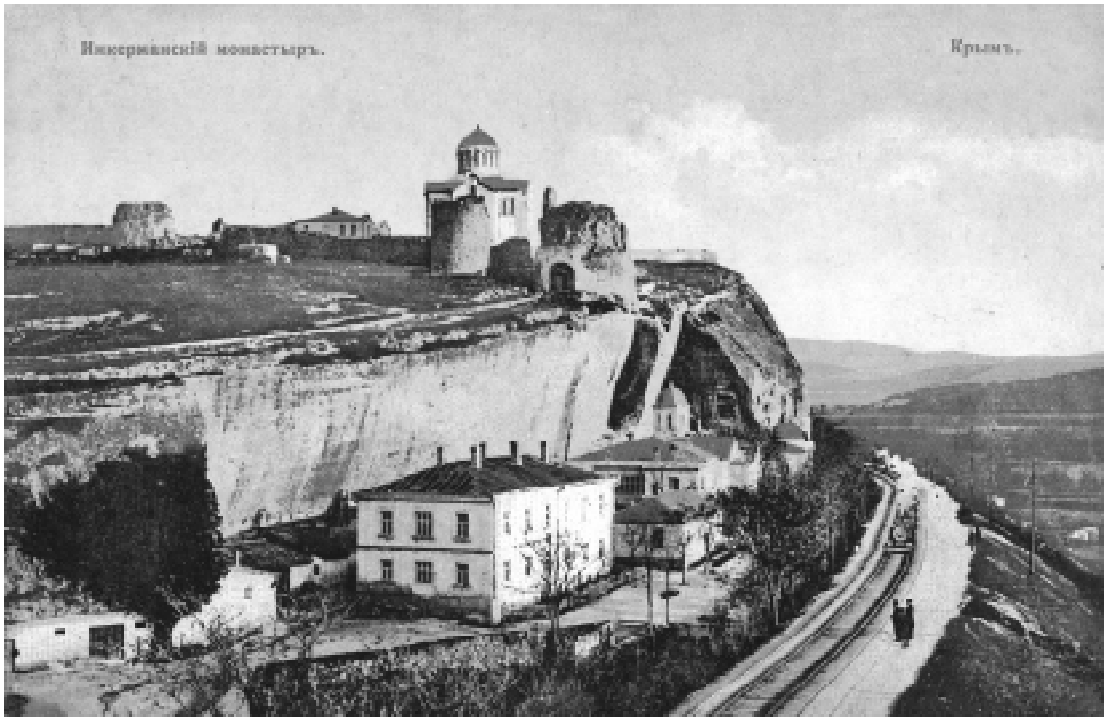
НЕКРОПОЛЬ ИНКЕРМАНСКОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КЛИМЕНТА МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

История некрополя Инкерманского священномученика Климента мужского монастыря неразрывно связана с историей его формирования. И, хотя первичные материальные следы этого некрополя стерлись во времени, но сам факт присутствия на территории монастыря захоронений говорит о глубоком нашем к нему интересе. Поэтому нам есть смысл о нем поговорить...

Инкерманский мужской монастырь находится в нескольких километрах к востоку от Севастополя и расположен на территории крепости Каламита в нижней и средней частях ее Монастырской скалы. Большинство храмовых построек было вырублено в скалах еще в период византийского иконоборчества VIII-IX веков, когда в процессе изгнания христиан из Константинополя они массовым потоком потекли в Крым и страны Закавказья. Об этом свидетельствуют и научные изыскания, проведенные специалистами в области археологии.

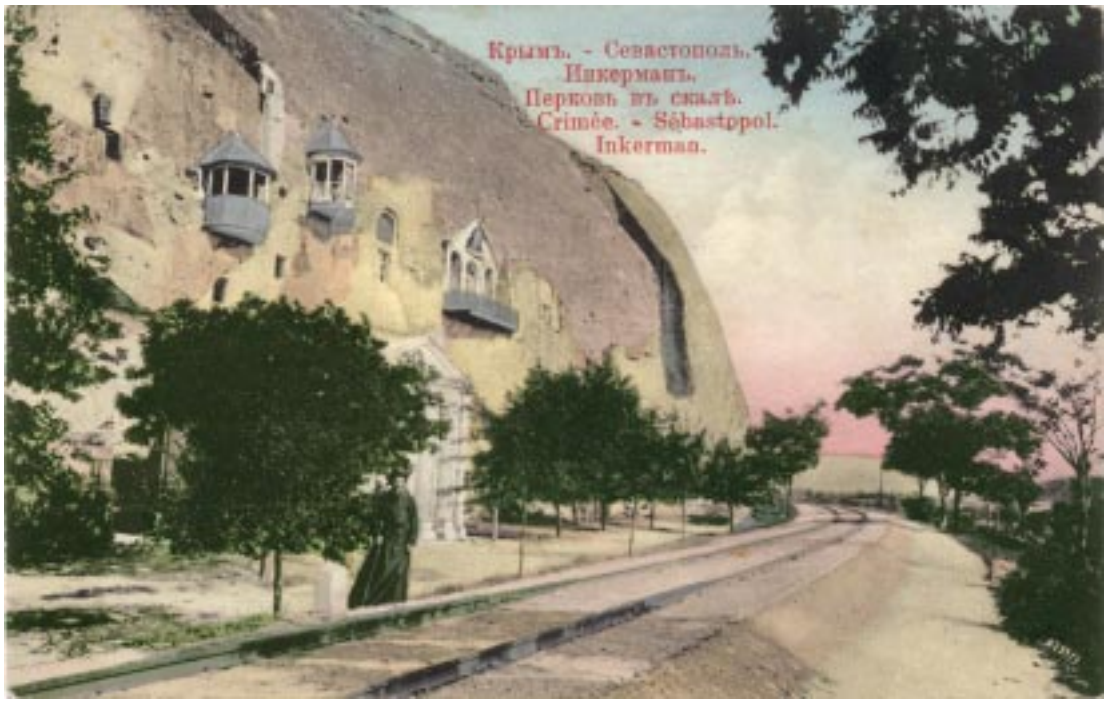
Правда историки, краеведы и церковнослужители пытаются искать более древние истоки формирования монашеского скита, указывая на предания, повествующие о появлении в Инкерманских каменоломнях римского папы и Священномученика Климента, - ученика Святого апостола Петра, которого якобы за проповеди христианства в языческом Риме в 98 году сослали в провинцию, каким являлся Крым с Херсонесом и Инкерманскими высотами вкупе, где тот, не смотря на притеснения, продолжал нести христианство в языческие народы за что в 101-м году по приказу римского императора Марка Трояна (53-117) и был казнен. По этой причине храмы и кельи Инкермана церковнослужители считают наиболее древними среди других христианских пещерных сооружений Крыма.

Инкерманский монастырь. Фото - 2009 г.



С монастырем связана и легенда о другом Святителе, - Мартине I Римском (? — 655). Вот как в церковных записях говорится о его деяниях: «Святитель Мартин Исповедник, папа Римский, был уроженцем Тосканской области в Италии. После смерти Папы Феодора I (642-649) пресвитер Мартин был избран на престол.

В то время мир Церкви был нарушен ересью монофелитов, получившей широкое распространение. Бесконечные споры монофелитов с православными происхо-



Свято-Климентовский пещерный монастырь. Фото - 2010 г.

дили во всех слоях населения. Император Констанс (641-668) и Константинопольский Патриарх Павел II (641-654) также были приверженцами ереси монофелитов. Император Констанс издал еретический «Образец веры» (Типос), обязательный для всего населения. Святой Папа Мартин, твердый поборник Православия, созвал в Риме Поместный Собор, который осудил монофелитскую ересь. Разгневанный император в 654 году приказал военачальнику Феодору предъявить святителю Мартину тяжкие обвинения в тайном общении с врагами империи — сарацинами, хулении Пресвятой Богородицы и неканоническом вступлении на папский престол, после чего доставить святителя Мартина на суд. Военачальник Феодор схватил святителя Мартина и отправил его на один из Цикладских почти безлюдных островов (Наксос) в Эгейском море, где тот пребывал в течении года терпя лишения. Затем измученного исповедника направили на суд в Константинополь, где ему огласили приговор — лишить Папу сана и предать смертной казни. Однако казнь вскоре была заменена ссылкой в отдаленный Херсонес Таврический, где святитель и скончался, изнуренный болезнью, нуждой, голодом и лишениями (умер 16 сентября 655)».

Есть предания и сказания третьего порядка, связанные, например, с апостолом Андреем Первозванным, который, якобы в период своего посещения Херсона (Херсонеса) в 60-х годах н. э., основал в Инкерманских высотах первый скит...

Пережив как славные так и трагические годы своего существования вплоть до турецкого нашествия в 1473-1475 гг., монастырь медленно но неуклонно продолжал свое развитие вплоть до Октябрьской революции 1917 года. Особенно успешным периодом монастырской жизни стал 1850 год, когда в монастыре появились послушники и уже в 1852 году, благодаря усилиям Архиепископа Иннокентия, вновь открывшим Инкерманскую обитель, в нем стало совершаться богослужение. Тогда в толще Монастырской скалы образовались новые пещерные храмы: во имя святых Мартина-Исповедника, Андрея Первозванного и другие.

В 1867 году у подножия Монастырской скалы построили дом настоятеля с домовой церковью во имя Святой Троицы. Помимо названных, строится прискальный храм Святого Чудотворца Пантелеймона (1894, освящен 14 мая 1895 года), Николая Мир-Ликийского (1905 г.) на Монастырской скале, жилые корпуса с церковью Благовещения (1907 г.) и другие. Однако несмотря на большое их обилие: «Главный храм, как и сама киновия, получил новое наименование — во имя св. Климента... Раньше этот пещерный храм, как и сам монастырь в целом, носил имя св. Георгия-Победоносца...» [1, с.126].

К 1905 году относится и храм, устроенный на месте средневекового пещерного храма Святого Евграфия и освященного во имя святого священномученика Димитрия Солунского. Храм расположен в восточной части на пути к Монастырской скале. 27 сентября того же года в присутствии Великого князя Алексея Михайловича и ветеранов крымской войны 1853-1855 гг. была освящена церковь в честь иконы «Всех скорбящих радосте» (Пресвятой Богородицы). Храм устроили на месте древней Софийской церкви у обрыва Каменоломенной балки. Спроектировал и построил этот храм архитектор Александр Михайлович Вейзен (1871-1940). Внутри хранились образа войсковых частей, принявших участие в боях на Черной речке.

Параллельно с развитием монастыря — рос и монастырский некрополь, расположенный у его основания и который состоял из захоронений послушников и священнослужителей. Как правило, здесь нет богатых захоронений, но те что имеются свидетельствуют о верном смиренном служении Богу и царю.

Во время Первой обороны Севастополя 1854-1855 гг. монастырь пострадал и пришел в запустение. Однако уже в 60-х годах XIX века сюда вновь вернулись послушники, которые провели большие работы по расширению и благоустройству монастыря, а также — реставрацию пещерных храмов. С тех пор (вплоть до 1917 года) храм не прекращал своей проповеднической деятельности: в Киновии постоянно жили монахи и послушники...

Кроме того из имеющихся у нас сведений мы узнаем, что в мае 1895 года на территории Инкерманского монастыря был освящен еще один храм в Византийском стиле во имя Святого великомученика и целителя Пантелеймона. Это был, как мы уже говорили, прискальный храм, где алтарная часть его была вырублена в скале, остальная часть храма — наземная (прискальная). К сожалению о его «византийском архитектурном направлении» мы почти ничего не знаем так как до нас дошла лишь его внутренняя (скальная) часть храма...

По свидетельству очевидцев в этом храме был «...очень изящный и ценный иконостас стеклянной мозаики с иконами художественной работы» [2, с.18].

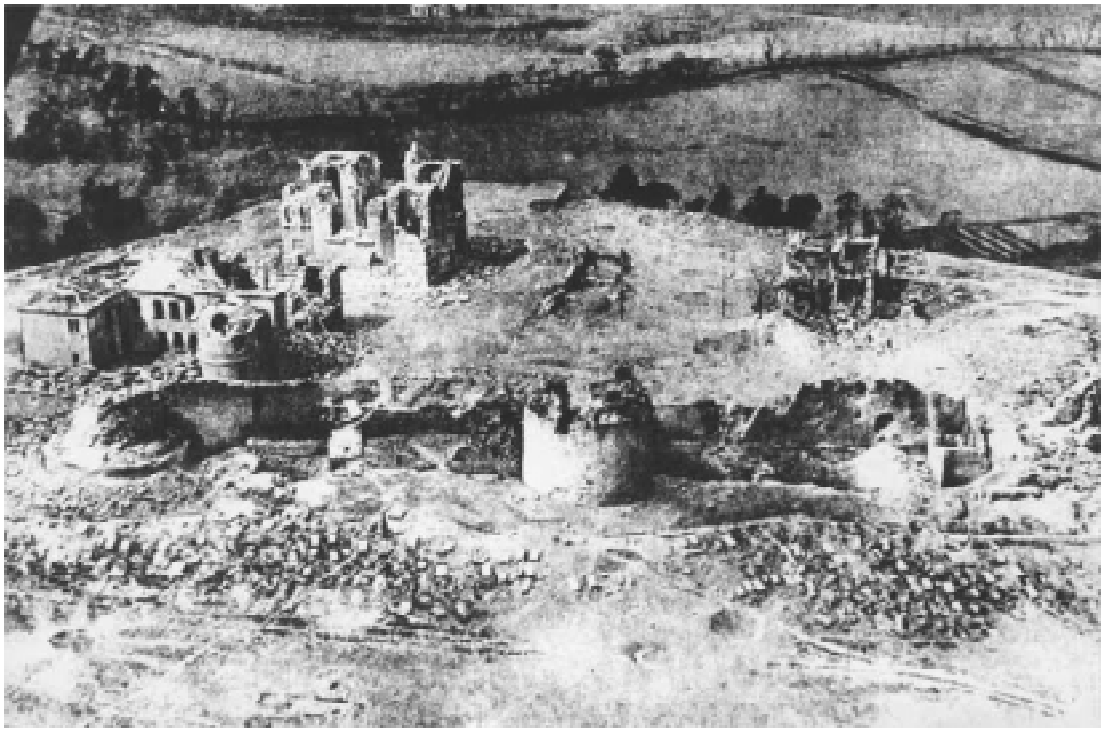
Надо заметить, что история всегда не очень вежливо распоряжалась судьбой монастыря: в период строительства Лозово-Севастопольской железной дороги во второй половине XIX века часть монастырских построек была снесена, а у подножия Монастырской скалы проложили рельсы железнодорожной ветки. В 1924 году Советская власть закрыла монастырь, а в послевоенное время по распоряжению все тех же советских чиновников в Монастырской скале устроили каменоломню, уничтожив, тем самым, огромное историческое наследие...

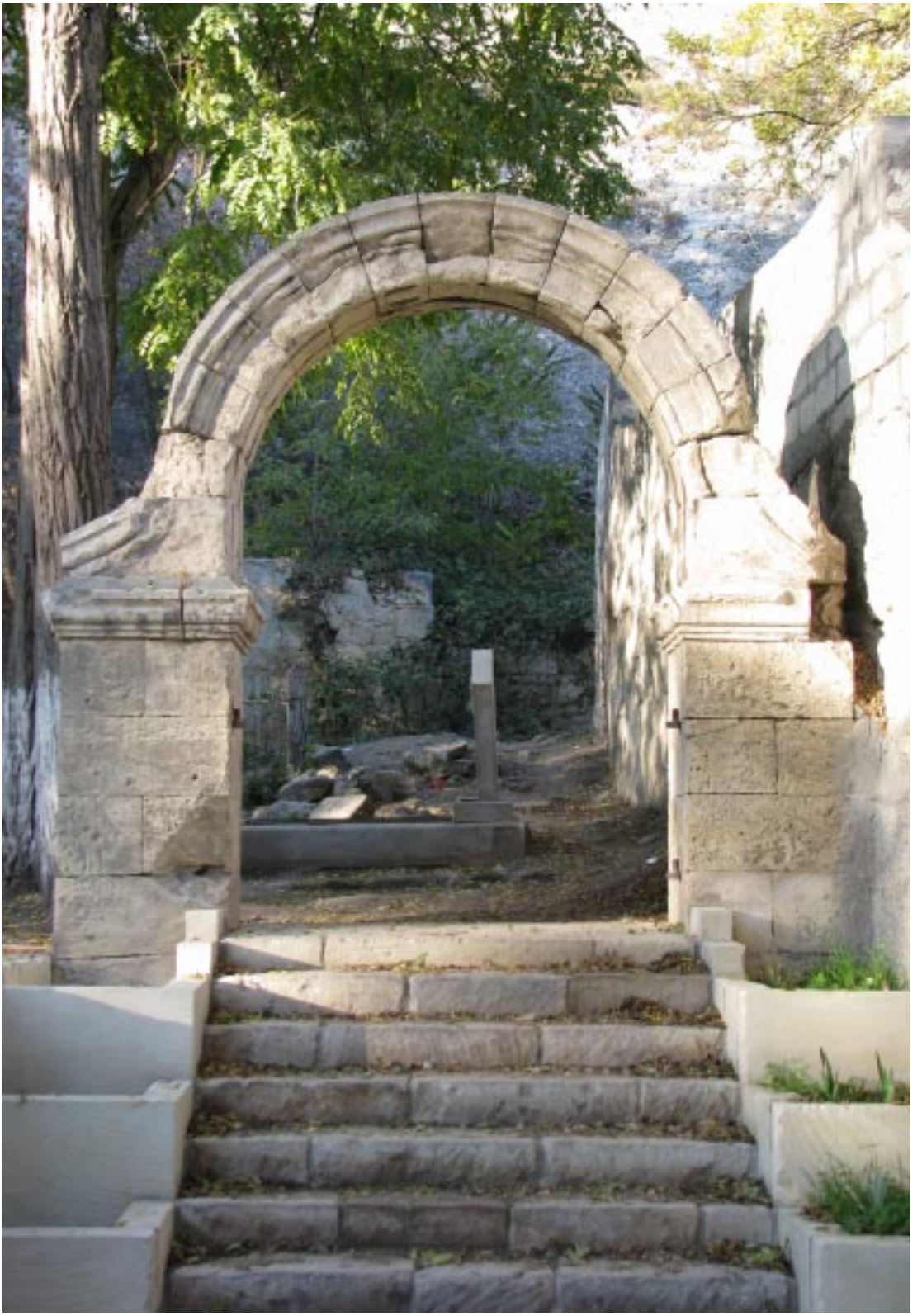
В Первую оборону Севастополя на вершине Монастырской скалы появился новый некрополь. Он был посвящен убитым и скончавшимся от ран защитникам Севастополя 1854-1855 гг. За короткое время на его небольшой площади появились сотни надгробий, формировавшиеся вокруг строящегося заупокойного храма во имя Святого Николая-Чудотворца Мир-Ликийского — архиепископа Мир-Ликийских земель (в Малой Азии), о котором имеются следующие сведения: сооружен он был из белого

Храм во имя Николая-Чудотворца на монастырской скале. Фото - до 1940 г.

Храм во имя Николая-Чудотворца на монастырской скале до разрушения.

Развалины храма во имя Николая-Чудотворца на монастырской скале. На переднем плане - некрополь погибших в Первой обороне Севастополя, 1854-1855 гг. Фото - после 1940 г.





Входная арка к некрополю Инкерманского Святого Климента мужского монастыря. Фото - 2009 г.

*Памятник Статскому советнику **Тархову Василию Захаровичу**. Скончался 4 ноября 1901 года 56-ти лет. Некрополь Инкерманского Святого Климента мужского монастыря. Фото - 2009 г.*

инкерманского камня в ранневизантийском стиле VI века, крестообразный в плане с двумя приделами. Проект храма вероятно был исполнен (согласно Таврическим Епархиальным ведомостям за 1905 год») Георгием Прокофьевичем Долиным (1862-1918) — архитектором Севастопольского градоначальства, одним из авторов Генерального плана застройки города Севастополя 1910 года.

Храм был освящен во имя Святого мученика Николая Мир-Ликийского 5 октября 1905 года и обошелся монастырю по разным подсчетам от 40 до 150 тысяч рублей добровольных пожертвований. Прах некоторых из жертвователей, например, - купца Михаила Рогожина, - находится в склепе одного из храмов.

В 1925 году Инкерманская религиозная община под давлением Севастопольского крайкома отказалась от пяти церквей, оставив себе пещерный храм во имя Святого Климента и домовую Троицкую церковь, но и они просуществовали недолго.

В 1927 году сильное землетрясение повредило здание собора Святого Николая и Благовещенскую церквь, а в стенах образовались многочисленные трещины. Было решено эти храмы разобрать. Собор Святого Николая на верхнем плато (по сведениям некоторых краеведов) уничтожили в 1932 году. Однако другие очевидцы утверждают, что стены храма возвышались на верхнем плато еще и в 1942-м, и 1944-х годах, что, собственно, подтверждается представленными здесь фотографиями...

В начале данного раздела мы уже указывали, что храм во имя Святого Николая-Чудотворца не сохранился до наших дней. Однако нашему современнику было бы полезно побывать на этой священной Монастырской скале, расположенной в древней крепости Каламита, где еще можно видеть уничтоженные людьми и войной остатки не только храмовых построек, но и могильные плиты, по всей территории разбросанные взрывами авиационных бомб...

Сегодня мы с надеждой в мыслях говорим: настоящее возрождение Инкерманского Свято-Климентовского монастыря, начатое в 1993 году, продолжится потомками той, старой, церковной братии, трудами которой оно начиналась...

*Памятник борт-механику **М.Т.Медведеву,** погибшему 14 июля 1938 г. и разрушенные могилы на Монастырской скале Инкерманского Святого Климента мужского монастыря. Фото - 2009 г.*

Разрушенный некрополь Инкерманского Святого Климента мужского монастыря. Фото - 2009 г.

Разграбленные и разрушенные склепы некрополя Инкерманского Святого Климента мужского монастыря. Фото - 2009 г.

Памятник Матросу и Солдату на мысе Хрустальном. Фото - 2011 г.

Вид на мыс Хрустальный. Обелиск в честь города-героя Севастополя. Фото - 2011 г.

БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (у пос. ДЕРГАЧИ)

Недалеко от Сапун-горы расположился хутор «Дергачи», основанный еще до Первой обороны Севастополя 1854-1855 гг. Василием Ивановичем Дергачевым (ок.1815-1876), - дворянином, подполковником по адмиралтейству, выкупившем земли вместе с дворовыми у наследников морского офицера, - капитана II ранга И.И. Ознобишина, - участника Керченского сражения в июле 1790 года, командира 40-пушечного фрегата «Покров Богородицы». Впрочем, есть основание предполагать, что хутор изначально принадлежал жене В.И. Дергачева и достался ему в качестве приданного. Как бы то ни было, но название хутора прижилось и дошло до наших дней. Сегодня «Дергачи» входят в состав административного округа Нахимовского района Севастополя, до 50-х годов XX века находившегося на далекой его окраине. Естественным будет утверждать, что недалеко от хутора когда-то должен был расположиться и некрополь, а попросту говоря — деревенское кладбище.

В Первую оборону Севастополя «Дергачи» были захвачены французами, которые здесь также хоронили своих убитых, умерших от ран и болезней. Исследователи-некрополисты до сих пор находят на территории севастопольских окраин не только захоронения местных аборигенов, но и братские могилы французских воинов. И те, и другие сегодня варварским образом разрушены, а на их месте построены магазины, стадионы, школы, многоэтажные дома и гаражи. Другая часть некрополя захвачена садоводческим товариществом, которое на костяках строит свои дачи и разводит огороды.

Несколько больше повезло мемориальному кладбищу советских воинов и военно-морских офицеров, расположенному у поселка «Дергачи» далее по Симферо-

Обелиск Вечной Славы на некрополе советских воинов у пос. Дергачи. Фото - 2011 г.

польскому шоссе. Автору этих строк довелось видеть, как бережно и уважительно к праху умерших относится севастопольское воинство и ветераны Великой Отечественной войны, на средства администрации города и Военно-Морского флота содержащие могилы в должном и исправном состоянии. Учитывая то обстоятельство, что на огороженной территории наличествуются только захоронения погибших в годы Второй мировой войны и более позднего времени, можно предположить его возникновение не ранее 1942 года.

Севастопольский историк Владимир Шавшин так писал об этом мемориальном комплексе: «Возникло в период обороны 1941-1942 гг., вначале там хоронили воинов 8-й бригады морской пехоты. После войны на него перезахоронили участников обороны и освобождения Севастополя из Алсу, района Сухой речки, Инкермана, Микензиевых гор, мыса Херсонес и других мест, где шли бои. В 1953 году некрополь был благоустроен по проекту архитектора В.П. Петропавловского...В 1975-1983 годах проведена реконструкция кладбища (архитектор В.М. Артюхов, инженер Е.В. Веникеев). Организовано 16 братских могил... На некрополе погребены 17 героев Советского Союза... На этом некрополе похоронен и командир 8-й бригады морской пехоты полковник П.Ф. Горпищенко» [1, с.179].

Сегодня некрополь продолжает принимать на себя останки погибших как в годы Великой Отечественной войны, так и в разных военных конфликтах или несчастных

Аллея погибших в годы Второй Мировой войны на некрополе советских воинов у пос. Дергачи. Фото - 2011 г.

Пропилеи некрополя советских воинов у пос. Дергачи. Фото - 2011 г.

случаях на кораблях и подводных лодках. Имеются здесь захоронения и гражданских лиц, но это, скорее, исключение, чем правило...

Теперь скажем несколько слов о стилистическо-художественных решениях надгробных памятников.

Любопытствующий краевед или историк не найдет здесь традиционных для православия форм отражения мемориального захоронения. Поскольку на данном некрополе наличиствуются только захоронения военных или надгробия военно-чиновнической номенклатуры советской эпохи, то, соответственно, и решение о художественном оформлении надгробного памятника исходит из партийно-чиновнического представления о нехристианской, атеистической природы. Традиционной формой такого представления является мемориальная плита из полированного гранита (как правило — черного), на которой с помощью высечки наносится плоскостной рисунок умершего человека. Эпитафия, как правило, отсутствует. Надгробные плиты, как близнецы, похожи друг на друга и не являются произведениями мемориальной культуры в полном ее понимании. Это лишь упрощенный вариант символа, за которым прячется некое представление о «строгости» и партийной помпезности, идущей еще с эпохи пролетарского ампира. И приятной неожиданностью выступает здесь надгробие известного деятеля художественной культуры — Михаила Павловича Крошицкого, исполненного из белого мрамора на достаточно высоком профессиональном уровне.

Панорама некрополя советских воинов у пос. Дергачи.
Фото - 2011 г.

КАРАНДИН
МОГИЛА
СОВЕТСКОГО
ВОИНА

Братское захоронение на некрополе советских воинов у пос. Дергачи.
Фото - 2011 г.

Братское захоронение морякам крейсера «Червона Україна» на некрополе советских воинов у пос. Дергачи. Фото - 2011 г.

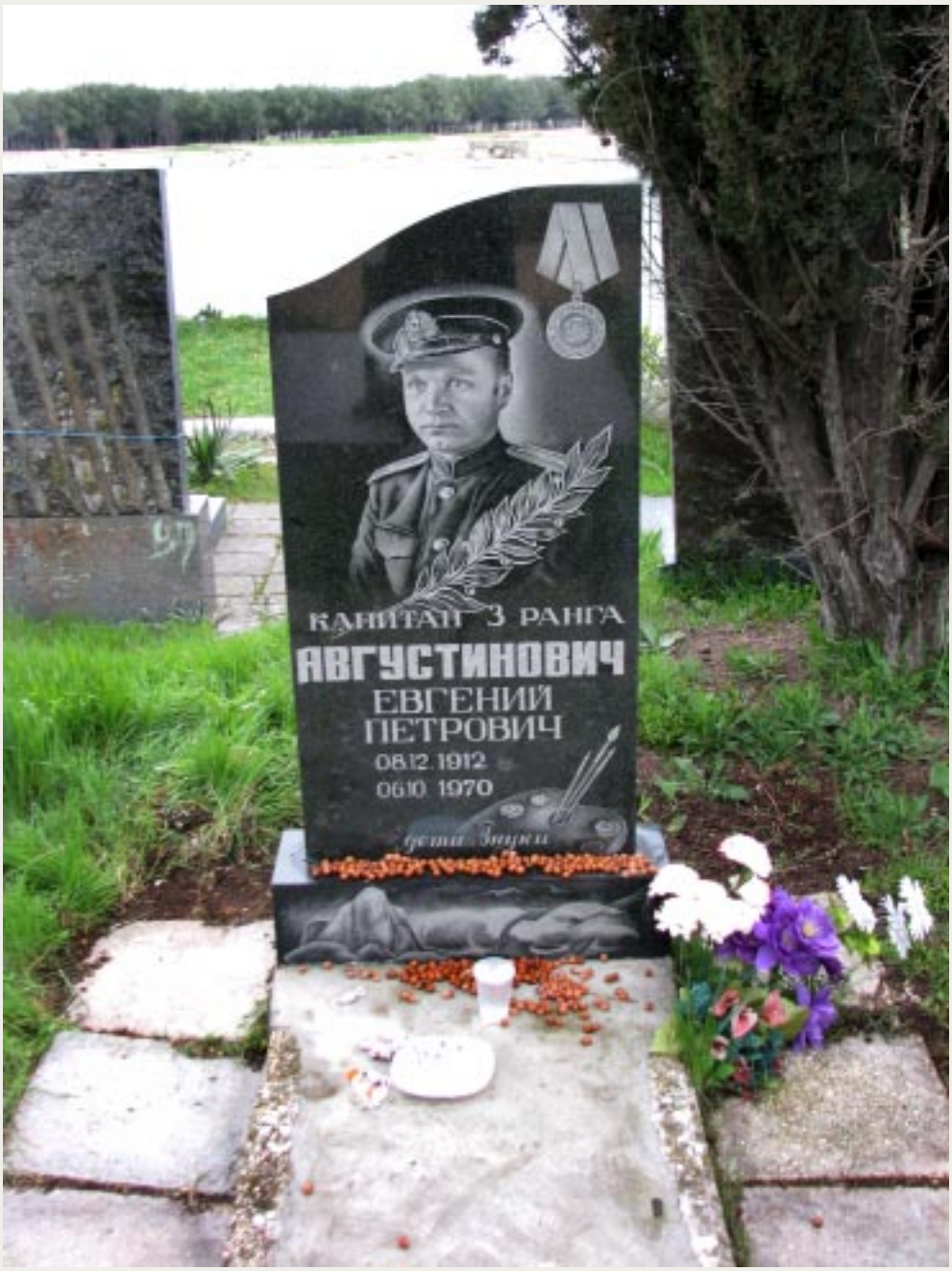
Братская могила Героев Советского Союза на некрополе советских воинов у пос. Дергачи. Фото - 2011 г.

Братское захоронение воинов 33-й стрелковой дивизии на некрополе советских воинов у пос. Дергачи. Фото - 2011 г.

Братское захоронение полковому комиссару 8-й бригады морской пехоты - П.И. Силантьеву и начальнику штаба береговой обороны, полковнику И.Ф. Кабалюку на некрополе советских воинов у пос. Дергачи.
Фото - 2011 г.

Братское захоронение авиаторов-черноморцев на некрополе советских воинов у пос. Дергачи. Фото - 2011 г.

Братское захоронение воинов-десантников на некрополе советских воинов у пос. Дергачи. Фото - 2011 г.



*Памятник капитану III ранга **Августиновичу Евгению Петровичу**. Родился 8 декабря 1912 г., скончался 6 октября 1970 г.*
Некрополь советских воинов у пос. Дергачи.
Фото - 2011 г.

*Памятник инженер-полковнику **Арутюняну Мартиросу Агасиевичу**, (1909-1978).*
Некрополь советских воинов у пос. Дергачи.
Фото - 2011 г.

Памятник контр-адмиралу ***Богословскому Александру Тимофеевичу****. Родился 18 июля 1908 г., скончался 10 декабря 1971 г.*
Некрополь советских воинов у пос. Дергачи.
Фото - 2011 г.

Памятник доктору технических наук, кораблестроителю ***Воеводину Николаю Федоровичу,*** *(1908-1972).*
Некрополь советских воинов у пос. Дергачи.
Фото - 2011 г.

Николай Федорович Воеводин в 1931 году окончил Ленинградский кораблестроительный институт. Работал во Владивостоке, на «Петрозаводе» в Ленинграде, проректор и преподаватель Московского института рыбной промышленности. С 1966 года - заведующий кафедрой проектирования и теории корабля Севастопольского приборостроительного института. В тесном сотрудничестве с Севморзаводом занимался проектированием и строительством плавающих кранов.

Его именем названо промысловое судно «Профессор Воеводин».

Горпищенко
Павел Филиппович
(**1893-1943** 28 ноября)

В глубине некрополя за центральным двенадцати метровым обелиском виднеется невысокая, скромная и малозаметная надгробная плита с барельефным изображением полковника Горпищенко Павла Филипповича, погибшего в жестоком бою с фашистами 28 ноября 1943 года на Никопольском плацдарме под Мелитополем.

Павел Филиппович Горпищенко в молодые годы активно участвовал в становлении советской власти на Кубани и в Крыму. В 1918 году не имея специального образования командовал артиллерийским дивизионом, но через год окончил артиллерийские курсы в городе Саратове и до 1928 года являлся командиром батареи береговой обороны Черноморского флота.

В 1928 году в Севастополе командовал дивизионом артиллерийской бригады; с 1929 года – помощник командира дивизиона 6-й артиллерийской бригады Севастопольской крепости. В 1933 году окончил курсы усовершенствования командного состава и с 1934 по 1938 годы преподавал в Военно-Морском училище береговой обороны имени ЛКСМУ.

В 1938 году назначается начальником школы оружия Учебного отряда Черноморского флота. С началом Великой Отечественной войны и до января 1942 года командовал 1-м Севастопольским полком морской пехоты, защищавшим подступы к Одессе и Северному Причерноморью, а с 29 января до конца июня 1942 года был командиром 8-й бригады морской пехоты Черноморского флота. За проявленное мужество, героизм и умелое командование бригадой в мае 1942 года награжден орденом Красного Знамени. В последние дни обороны получил тяжелое ранение и был эвакуирован из осажденного Севастополя.

После лечения Павел Филиппович вновь вернулся в строй, но уже с назначением на должность командира 77-й стрелковой дивизии в составе 51-й Приморской армии, ведшей кровопролитные освободительные бои у реки Молочной под Мелитополем. Он погиб 28 ноября 1943 года на Никопольском плацдарме поднимая дивизию на прорыв мощной оборонительной полосы неприятеля.

Будучи родом из Кубани, был похоронен у себя на родине – в Краснодаре. Но в ноябре 1961 года останки Павла Филипповича были перевезены в Севастополь и захоронены на Братском кладбище Великой Отечественной войны, что у поселка «Дергачи», где хоронили всех погибших во время Второй обороны и освобождения Севастополя, в том числе и воинов 8-й бригады морской пехоты…

Именем Павла Филипповича Горпищенко ныне названа улица в Нахимовском районе, что между улицей Николая Островского и поселком Дергачи, на которой стоит памятный знак из инкерманского камня с рельефным изображением героя (в торце дома по улице П.Ф. Горпищенко, 47). Автор этой трехметровой стелы – севастопольский скульптор Александра Романовна Сухая (1930-2009). Она же исполнила и мраморный барельеф П.Ф. Горпищенко на сером граните надгробного памятника на мемориальном кладбище у поселка Дергачи.

Несколько слов скажем и о скульпторе, - Александре Романовне Сухой:

Родилась 1 мая 1930 года в селе Червона Воля, Днепропетровской области.

С 1948 по 1953 гг. училась в Крымском художественном училище им. Н.С. Самокиша в Симферополе. По окончании училища получила распределение в Севастополь, где активно включилась в художественную жизнь города, украшала его монументальными памятниками и рельефами. Так, среди наиболее известных ее работ – скульптурные орнаментальные композиции и рельефы Русского драматического театра им. А.В. Луначарского на проспекте П.С. Нахимова и Матросского клуба Черноморского флота на площади Ф.Ф. Ушакова; ей принадлежат и памятники-бюсты: известному ученому и министру СССР по радиоэлектронике В.Д. Калмыкову, украинскому поэту Тарасу Шевченко, Народному артисту Узбекской ССР В.В. Афанасьеву, целого ряда надгробных памятников и прочее.

Среди других работ следует указать на композиционный памятник Игнатию Шевченко – герою Первой обороны Севастополя, установленному в 1978 году на Бомборской высоте, где размещался 3-й бастион и откуда когда-то делал вылазки на неприятеля матрос Игнатий Шевченко.

*Памятник капитану II ранга **Джус Сафону Петровичу**, (1910-1998).*
Некрополь советских воинов у пос. Дергачи.
Фото - 2011 г.

*Памятник участнику обороны и освобождения Севастополя **Колодкину Василию Гавриловичу**. Родился 15 января 1904 г., скончался 7 июля 1965 г.*
С 1955 года исполнял обязанности начальника Управления культуры при севастопольском горисполкоме; с 1959 по 1965 годы - директор музея героической обороны и освобождения Севастополя.
Некрополь советских воинов у пос. Дергачи.
Фото - 2011 г.

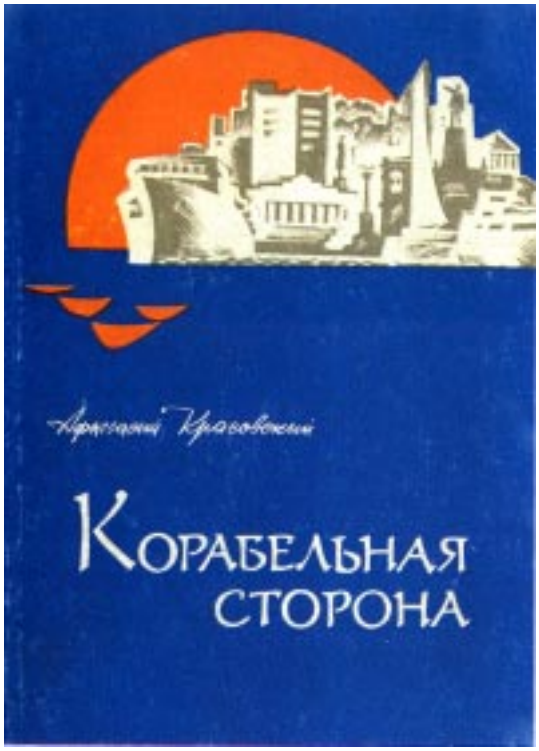
Красовский
Афанасий Степанович
(1 мая **1911-1983** 23 апреля)

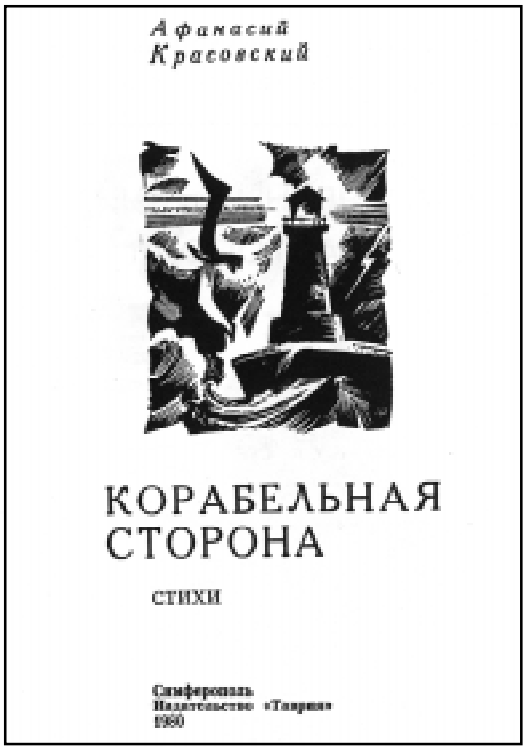
Афанасий Степанович Красовский - поэт и драматург, военный корреспондент газеты «Красный Черноморец». Литературную деятельность начал в студии Новикова-Прибоя в Севастополе.

В период исхода советских войск из Севастополя в 1942 году, покинул город на лидере «Ташкент», на котором было эвакуировано полотно Франца Рубо из горящей панорамы Первой обороны Севастополя, 1854-1855 гг. Неоднократно выходил на десантные боевые задания и нагруженный впечатлениями под псевдонимом «Вана Чиркин» писал в газетах очерки о подвигах советских моряков.

В мае 1944 года одним из первых освобождал Севастополь от немецко-фашистских захватчиков.

Автор многих стихотворных произведений, часть из которых были положены на музыку; писал пьесы, повести и рассказы. Так, в 1980 году из издательства «Таврия» в Симферополе вышел сборник стихотворных произведений: Красовский А. «Корабельная сторона», в оформлении известного севастопольского художника Анатолия Шорохова...





Памятник поэту, участнику обороны Севастополя ***Красовскому Афанасию Степановичу****. Родился 1 мая 1911 г., скончался 23 апреля 1983 г.*
Некрополь советских воинов у пос. Дергачи.
Фото - 2011 г.

Крошицкий
Михаил Павлович
(17 ноября **1894-1972** 4 апреля)

В ноябре 1927 года газета «Маяк коммуны» сообщила об открытии в Севастополе картинной галереи. В этом же году в качестве сотрудника пришел сюда работать тридцати трех летний Михаил Павлович Крошицкий, - коренной севастополец и ученик Высшего художественного училища при Императорской академии художеств. Вскоре честолюбивые мечты отправляют Михаила Крошицкого в Алупкинский дворец-музей, откуда он едет в Воронеж в качестве директора местного художественного музея.

В.Бернадский. Портрет М.П. Крошицкого, 1964 г.

В декабре 1939 года М.П. Крошицкий возвращается в Севастополь, где ему предлагают должность директора картинной галереи (с 1965 года - Севастопольский художественный музей). На этой должности он проработает до мая 1958 года. Именно ему принадлежит честь спасения бесценных произведений искусства в годы оккупации Севастополя гитлеровскими войсками. Вот, что пишут о нем сотрудники музея: «Больше года на суровых дорогах войны он один был в неустанных хлопотах о передвижении и сохранении бесценного груза, несмотря на голод, холод, трагические известия из дома.

В том героическом пути через Черное и Каспийское моря, большие города и крошечные полустанки Кавказа, Средней Азии, Алтая, Сибири при 43 перегрузках было спасено более тысячи двухсот экспонатов» (Севастопольский художественный музей им. М.П. Крошицкого. - М.: Белый город, 2002. - С.6.).

*Фрагмент памятника **Крошицкому Михаилу Павловичу**. Фото - 2011 г.*

*Памятник художнику, директору Севастопольской картинной галереи **Крошицкому Михаилу Павловичу**. Родился 17 ноября 1894 г., скончался 4 апреля 1972 г. Некрополь советских воинов у пос. Дергачи.*
Фото - 2011 г.

*Памятник подполковнику **Молчанову Вадиму Александровичу** (1914-1968).*
Некрополь советских воинов у пос. Дергачи.
Фото - 2011 г.

Памятник контр-адмиралу ***Нестерову Ильи Михайловичу*** *(1909-1985). Некрополь советских воинов у пос. Дергачи. Фото - 2011 г.*
С марта 1954 года - начальник Высшего военно-морского инженерного училища в бухте Голландия.
Родился в городе Благовещенске на Амуре. В 1931 году окончил Военно-Морское училище им. М.В. Фрунзе. Служил на подводном флоте. Принимал участие в военных действиях на Черном море. В 1951 году окончил Академию Генерального штаба.

*Памятник полковнику **Сац Семену Ароновичу**.*
Родился 26 июня 1921 г., скончался 10 апреля 2009 г.
Некрополь советских воинов у пос. Дергачи.
Фото - 2011 г.

Памятник капитану I ранга ***Селиверстову Михаилу Ивановичу*** *(1904-1969).*
Некрополь советских воинов у пос. Дергачи.
Фото - 2011 г.

Соколов
Сергей Николаевич
(10 августа **1902-1975**)

Сергей Николаевич Соколов родился 10 августа 1902 года в Феодосии (Крым). Ему было пятнадцать лет, когда произошла Октябрьская революция. Родители его спасаясь от большевистской чистки бежали в Грозный, Чеченской Республики, где молодой будущий художник окончил в 1922 году художественную студию.

В 1924-1926 годах жил в Тбилиси, работал в музее моделистом.

В 1926 году был призван в Красную армию и отправлен на Черноморский флот в Севастополь. Остался на сверхсрочной службе и дослужился до подполковника. С боями прошел всю Великую Отечественную войну, был участником обороны Севастополя. В 1956 году ушел в отставку и занялся живописью. В 1958 году, после ухода на пенсию директора Севастопольской картинной галереи М.П. Крошицкого, был назначен на его место, в качестве которого проработал до 1970 года.

С.Соколов. Красное дерево

С.Соколов. Южный берег.

*Памятник **Соколову Сергею Николаевичу.** (1902-1975). Моряку. Художнику. Коммунисту. Некрополь советских воинов у пос. Дергачи. Фото - 2011 г.*

Памятник контр-адмиралу ***Соловьеву Михаилу Георгиевичу.***
(1904-1968).
Некрополь советских воинов у пос. Дергачи.
Фото - 2011 г.
Участник Великой Отечественной войны. В звании капитана I ранга командовал подводной лодкой. С начала 1944 года - командир бригады подводных лодок. С июня 1944 года - контр-адмирал. До начала 50-х годов - инспектирующий по флоту при Министерстве Обороны СССР.

*Памятник **Талицкой Анне Александровне**.*
Некрополь советских воинов у пос. Дергачи.
Фото - 2011 г.

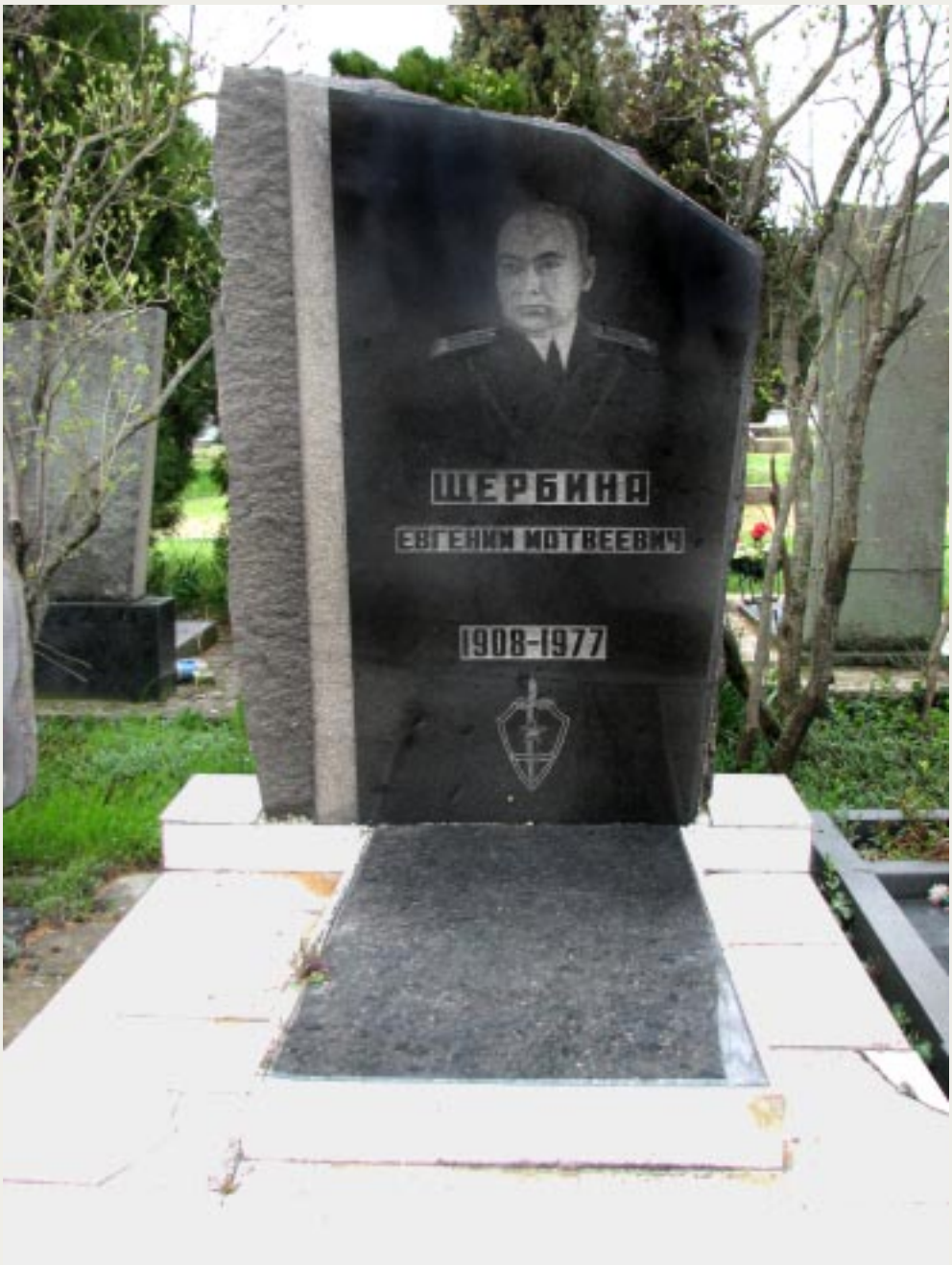
Шейнин
Борис Григорьевич
(26 мая **1915-1990** 10 мая)

Борис Григорьевич Шейнин - один из известных фотокорреспондентов военного и послевоенного Севастополя. К 1932 году относится начало его трудовой деятельности в качестве корреспондента севастопольской газеты «Красный Черноморец», позже - фотокорреспондент Дома Красной Армии и Флота имени П.П. Шмидта. Перед войной окончил Днепропетровское художественное училище, но...искусство фотографии победило в нем художника и в 1938 году он стал штатным фотокорреспондентом газеты «Красный флот». С первых дней Великой Отечественной войны в качестве военного журналиста и корреспондента принимал участие в обороне Севастополя и фронтовыми дорогами дошел до Берлина. По окончании войны Б.Шейнин - собственный корреспондент ТАСС по крымской области, руководитель фотолаборатории в Институте биологии южных морей в Севастополе.

В его творческом багаже несколько тысяч фотоснимков. Результатом такой работы стал выпуск книги «В объективе война: из блокнота военного фотокорреспондента» (Симферополь: Таврия, 1986).

Памятник военному фотокорреспонденту ***Шейнину Борису Григорьевичу****. Родился 25 мая 1915 г., скончался 10 мая 1990 г. Некрополь советских воинов у пос. Дергачи. Фото - 2011 г.*

*Памятник капитану I ранга **Шкутову Евгению Германовичу** (1918-1980). В годы Великой Отечественной войны командовал торпедным катером. В 60-х годах XX ст. - командир бригады ракетных катеров. Был участником высадки военного десанта на Кубе.*
Некрополь советских воинов у пос. Дергачи.
Фото - 2011 г.



Памятник ***Щербине Евгению Матвеевичу*** *(1908-1977).*
Некрополь советских воинов у пос. Дергачи.
Фото - 2011 г.

БРАТСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Никогда еще за всю историю существования России от возникновения московского княжества в 1147 году до пика могущества советской империи под названием СССР в 70-80-х годах XX столетия, наше отечество не знала столь крупной широкомасштабной войны, какой стала война с немецко-фашистскими захватчиками в 1941-1945 годах. Горели города, под бомбами и снарядами сотнями и тысячами гибли люди, в концентрационных лагерях заживо морили узников отравляющими газами, мирных жителей сжигали в собственных домах и церквях. Миллионы людей тогда полегли на полях сражений...

Братскими могилами усеяна вся земля наша. Крупные захоронения при благоприятных условиях еще как-то обозначались путем установки на них надгробных памятников, стел или скульптурных композиций. Но многие так и остались в земле без памяти и следа. И это при том, что участники Великой Отечественной войны, совместно с общественными организациями и государственными органами власти, установили и до сих пор устанавливают тысячи памятников на местах захоронений и боев с фашистами.

Севастополь не является исключением: здесь, в ее земле, полегли тысячи советских солдат. По предварительным подсчетам с 1944 по 2010 годы было установлено около 800 мемориалов, посвященных Великой Отечественной и его защитникам.

Как известно Германия начала подготовку к нападению на СССР в 1940 году (план «Барбаросса») и уже 18 декабря 1940 года верховное главнокомандование вермахта получило за подписью Гитлера директиву 21, где были изложены основные идеи и стратегические замыслы предстоящей войны против СССР. Германское военно-политическое руководство планировало «молниеносную войну» («блицкриг» - нем. Blitzkrieg, от Blitz - молния и Krieg - война). Согласно этому плану оккупированная территория должна была подвергнуться полному разорению, а все хозяйственные ресурсы поставлены на обслуживание потребностей вермахта. В германском генеральном плане предусматривалось уничтожение и выселение с оккупированных территорий около 50 млн. славян и других народностей. Оставшееся население нацисты рассчитывали германизировать и превратить в рабочую силу. Территорию СССР намечалось разделить на отдельные политико-административные районы с собственными органами управления и тем самым ликвидировать русских как единую нацию...

На рассвете 22 июня 1941 года германско-фашистская армия всей своей мощью обрушилась на советскую землю. Началась Великая Отечественная война, - война советского народа с фашистскими оккупантами, продолжавшаяся 1418 дней и ночей.

Опуская подробности военной компании и стратегических действий германского командования, скажем: к весне 1942 года фронт дошел до границ Северного Кавказа и Крыма. Фашисты планировали захват нефтеносных районов, плодородных долин Дона и Кубани, ликвидацию советской группировки в Крыму. Любой, кто владел Крымом, владел и Черным морем и мог оказывать политическое давление на соседние страны — например, на Турцию и Персию. Турция особенно волновала Гитлера. Он хотел иметь это государство в своих союзниках, поскольку оно могло послужить для него мостом в Средиземноморье и к богатому нефтью арабскому миру.

12 сентября 1941 года 11-я немецкая армия подошла к Перекопу. Но Крымский полуостров отделен от материковой территории Сивашем, так называемым «Гнилым морем», — непроходимым для пехоты и танков. Поэтому немцы пытались быстрым натиском овладеть перешейком, открыв, таким образом, западные ворота в Крым. Однако первая попытка немецкой армии ворваться в Крым с ходу передовыми частями провалилась. И это при том, что на семикилометровом Перекопском перешейке не было глубокой обороны. Удавалось сдерживать наступление превосходящих сил противника только мужеством советского солдата и стратегическим военным талантом командующего 51-й армии, стоящего на перекопских рубежах, генерал-полковника Федора Исидоровича Кузнецова (1898-1961).

24 сентября 1941 года немецкие войска силами двух пехотных дивизий при поддержке артиллерии и авиации перешли в наступление на Перекопском перешейке. В ходе тяжелых боев им удалось к 26 сентября прорваться через Турецкий вал и овладеть городом Армянск. К 30-му сентября 1941 года советские войска с большими потерями отошли к Ишуньским позициям, но немцы продолжали теснить советские войска и в последних числах октября месяца они все же прорвали оборону. Приморская армия под командованием генерал-майора Ивана Ефимовича Петрова (1896-1958), оказывая упорные сопротивления, отошла в сторону Севастополя, а 51-я армия — к Керчи. Попытка отступавших советских войск закрепиться на Керченском полуострове также оказалось безуспешной. 16 ноября 1941 года пал и сам город Керчь.

К середине ноября 1941 года немцы, практически, овладели Симферополем, Ялтой и Алуштой, отрезая, таким образом, отступающим силам советской 51-й и Приморской армиям путь к Севастополю.

Теперь главной целью оставался Севастополь. Город Черноморской славы был объявлен на осадном положении с 29 октября 1941 года. Из ставки поступил категоричный приказ: «Севастополь не сдавать ни в коем случае и оборонять его всеми силами...». 9 ноября Приморская армия пробилась из Керчи в Севастополь и заняла позиции по всему периметру. Однако времени на передышку уже не было и 11 ноября начались первые бои на подступах к Севастополю.

А.Дейнека. Оборона Севастополя, 1942 г.

С 17 декабря 1941 по 2 января 1942 года прошел второй, еще более массированный штурм города-крепости. Почти на всех направлениях шли тяжелые, непрерывные бои. Но город продолжал жить: работали школы, медицинские учреждения, магазины и театры, по улицам ходил трамвай.

Перед армией Эриха фон Манштейна была поставлена довольно сложная задача - захватить одну из сильнейших морских крепостей в мире, - Севастополь.

Третий и последний штурм города начался 7 июня 1942 года. Упорная борьба и контратаки защитников продолжались более недели. Перелом наступил 17 июня: на южном участке атакующие вышли к подножию Сапун-горы. 30 июня пал Малахов Курган. На северном участке был захвачен форт «Сталин» и еще несколько фортов, включая «Максим Горький-1» (знаменитой бронебашенной береговой батареи 30 калибра 305 мм.), последним пала 35-я береговая батарея на мысе Казачьем. У защитников Севастополя практически заканчились боеприпасы, и тогда командующий обороной вице-адмирал Филипп Сергеевич Октябрьский (1899-1969) получил разрешение Ставки на эвакуацию. План Октябрьского предусматривал вывоз только командного состава армии и флота. Эвакуация военнослужащих в том числе и раненых не предполагалось...

Остатки Приморской армии, лишенные высшего командования, отошли на мыс Херсонес, где сопротивлялись еще три дня. Вот, как описывает весь этот ужас известный севастопольский историк Аркадий Чикин: «На нем не было живого места (мыса Херсонес — А.Ков.). Без воды и продовольствия, артиллерии и боеприпасов, в условиях страшной жары и зловония от незахороненных трупов людей и лошадей, оставленные командованием смешанные части Приморской армии и моряков Черноморского флота, наводили ужас на немцев, переходя в стремительные, часто самоубийственные контратаки... И опять среди смерти и кромешного огня, безнаказанно расстреливаемые в упор танковыми пушками и под бомбовыми ударами с воздуха, молча, отбросив каски и распахнув на груди гимнастерки, поднимались в цепи в полосатых тельняшках» [1, с.77].

Третьего июля 1942 года Совинформбюро официально сообщило об оставлении Севастополя...

«Крым должен быть освобожден от всех чужаков и заселен немцами», - заявил Гитлер на совещании в ставке 19 июля 1941 года. По его предложению Крым превращался в имперскую область Готенланд (страна готов). Центр области Симферополь переименовывался в Готсбург (город готов), а Севастополь получал название Теодорихшафен (нем. - Theoderichshafen - гавань Теодориха, короля остготов Теодориха Великолепного, по легенде когда-то правившего в Крыму в 493-526 гг.).

Не успев захватить Севастополь, немцы стали издавать приказы к гражданскому населению и наводить «арийские порядки». Так уже пятого июля 1942 года командованием вермахта был рассмотрен вопрос о переселении жителей Крыма. Принято решение о создании лагерей для проведения «расового обследования населения». По приказу Генриха Гиммлера началось формирование подразделений СС для охраны концентрационных лагерей и ликвидации оставшихся «расово неполноценных»...

С 9 июля 1942 года с целью выявления коммунистов, комсомольцев, установления людских резервов трудоспособного населения в городе была проведена пе-

Немцы в Севастополе. 1942 год.

перерегистрации населения; для поддержания «нового порядка» были созданы карательные органы:

- в угловом здании на улице Красный спуск (современная ул. В. Кучера) разместилась немецкая жандармерия;

- на улице Частника, расположилась служба безопасности (СД), основной задачей которой было выявление коммунистов, сотрудников органов госбезопасности и милиции, работников госаппарата, партизан и подпольщиков;

- комендатура размещалась на улице В.И. Ленина;

- на улице А.С. Пушкина, в доме 2, размещалось главное управление русской вспомогательной полиции. При ней была создана следственно-розыскная часть, или криминальная полиция. В декабре 1942 года она стала именоваться вспомогательной полицией безопасности и перешла в подчинение СД.

С первых дней оккупации было создано более двадцати лагерей для военнопленных: на горе Матюшенко (территория современного «Севастопольгаза»); в Камышовой бухте; в здании бывшей тюрьмы и современной территории стадиона «Чайка», что на площади Восставших; на территории Лазаревских казарм; на Северной стороне, у Куликова поля и так далее.

«Германский порядок» начался с того, что только в июле 1942 года в Инкерманском лагере было уничтожено 450 военнопленных, а в августе 1942-го массовые расстрелы были произведены практически во всех лагерях.

Свидетели этих событий говорят и о заживо погребенных. «С ноября 1942 года они стали ежедневно выгонять по 20-30 человек из лагеря военнопленных в Лазаревских казармах и заживо закапывать их в воронках от авиабомб... После освобождения Севастополя было обнаружено 190 таких воронок, в которых было 2020 трупов». Проходили расстрелы и на 5-м километре Балаклавского шоссе, где был вырыт противотанковый ров...

О зверствах фашистов свидетельствует такой факт: в первых числах декабря 1943 года из Керчи в Севастополь прибыли три эшелона с военнопленными (около 2,5 тыс. чел.). Восьмого декабря того же года их погрузили на баржи и в открытом море подожгли. И таких барж был не один десяток...

Всего в Севастополе было уничтожено более 15 тысяч раненых красноармейцев и военнопленных краснофлотцев. За годы оккупации повесили, расстреляли, сожгли в топках и на баржах, утопили в море более 27 тысяч человек. И эти цифры, как мы понимаем, нельзя считать окончательными.

Оккупация города немецкими войсками продолжалась с 1 июля 1942 до 9 мая 1944 года. Освобождение Севастополя, как и всего Крыма, наступило весной 1944 года...

Осенью 1943 года советские войска Южного фронта, разгромив немецкие армии подошли к Крыму. Они с ходу прорвали Перекопский вал, преодолели Сиваш и захватили плацдармы на крымской земле. Тогда же части Отдельной Приморской армии, форсировав Керченский пролив, высадились севернее и южнее Керчи. В Крыму была заперта крупная группировка фашистских войск. В апреле 1944 года советские войска нанесли сокрушительные удары по мощным укреплениям врага, и прорвав их, двинулись в глубь полуострова: войска 4-го Украинского фронта — с севера, Отдельная Приморская армия — с востока. В разгроме врага им активно помогали корабли и авиация Черноморского флота и крымские партизаны.

Спустя неделю после наступления, 15 апреля 1944 года, войска 4-го Украинского фронта, а двумя днями позже — Отдельная Приморская армия, подошли к внешнему оборонительному кольцу укреплений, окружающих Севастополь, и 17 апреля освободили Балаклаву.

К началу мая 1944 года на участках прорыва на каждый километр фронта было сконцентрировано более 180, а в районе Сапун-горы - до 250 орудий и минометов. Небо над Севастополем заполнили истребители, штурмовики и бомбардировщики 8-й воздушной армии, а с моря врага блокировали катера и подводные лодки Черноморского флота.

Салют над освобожденным Севастополем. Май 1944 года.

После тщательной подготовки наши войска пошли на штурм вражеских укреплений. Ожесточенное сражение началось с Мекензиевых гор. Пятого мая после огненного смерча, в атаку пошли воины 2-й гвардейской армии под руководством командующего армией, генерал-лейтенанта Георгия Федоровича Захарова (1897-1957), прибывшая сюда с другими войсками 4-го Украинского фронта и Черноморского флота. За двое суток ожесточенного сражения они прорвали линию вражеских обороны и двинулись к Севастополю. И уже 7 мая 1944 года войска Приморской и 51-й армий нанесли первые и главные удары в направлении Сапун-горы. Полтора часа стоял шквал огня на Сапун-горе и прилегавших высотах. Когда он стих, в атаку поднялась пехота. Южнее Сапун-горы на врага устремились танки.

Штурм Сапун-горы — одна из самых блестящих страниц Великой Отечественной войны, - гимн мужеству и отваге советского солдата. Впереди шли штурмовые группы, блокируя и уничтожая доты и дзоты. Артиллеристы на руках тащили на гору 45-миллиметровки и били из них в упор по амбразурам дотов. Среди наступающих было немало тех, кто уже сражался здесь, отстаивая Севастополь в 1941-1942 годах.

Девять часов наши войска непрерывно штурмовали крутые склоны Сапун-горы и к вечеру на гребне Сапун-горы один за другим начали вспыхивать алые стяги, возвещая о том, что ключевая позиция вражеской обороны в наших руках. При штурме вражеских укреплений в Севастополе отличились сотни, тысячи советских воинов — героизм здесь был массовым.

Сражение не затихало ни днем ни ночью. 8 мая 2-я гвардейская армия взяла Мекензиевы горы и вышла к Северной бухте. На следующий день войска 51-й армии ворвались на Корабельную сторону, а к исходу 9 мая, ровно за год до великой победы над фашистской Германией, Севастополь бы полностью очищен от врага...

Севастополь вернулся к мирной жизни, но в ее земле полегли тысячи солдат и матросов, офицеров и адмиралов, мирных жителей, расстрелянных и замученных в застенках гестапо...

Красное знамя над освобожденным Севастополем. Май 1944 года.

Захоронение воинов 414-й Анапской стрелковой дивизии

Памятник-мемориал посвящен воинам 414-й Анапской стрелковой дивизии, погибших при освобождении Севастополя в начале мая 1944 года.

414-я дивизия, сформированная в Грузии, в составе Приморской армии участвовала в освобождении Севастополя. В ожесточенных боях на подступах к городу армия потеряла более тысячи грузинских воинов, часть из которых была похоронена в двух братских могилах.

Памятник находится у подножия высоты «Горной» 10-го километра Балаклавского шоссе. Исполнен в 1961 году на средства Грузинской ССР с посвятительными надписями. Представляет собой бетонный обелиск на гранитном пьедестале, облицованный красно-кирпичным туфом с бронзовой фигурой грузинского воина, склонившего голову в вечном поклоне павшим.

Перед обелиском установлены мемориальные доски с перечислением имен погибших, а на самой стеле - посвятительные надписи на русском и грузинском языках: «Вечная слава героям 414-й грузинской стрелковой Анапской Краснознаменной дивизии, павшим в боях за освобождение города Севастополя 7-12 мая 1944 г.» и строки из произведений Шота Руставели: «Лучше смерть со славой, чем бесславных дней позор».

Исполнен в авторском содружестве скульптора Т.И. Сихарулидзе и архитектора А.Н. Гокадзе по проекту скульптора А.А. Арутюняна.

Памятник на Братском захоронении воинов 414-й Анапской стрелковой дивизии, 1961 г. (10-й км. Балаклавского шоссе). Скульптор Т.И. Сихарулидзе, архитектор А.Н. Гокадзе. Фото - 2006 г.

Памятник на Братском захоронении воинов 414-й Анапской стрелковой дивизии, 1961 г. (10-й км. Балаклавского шоссе). Фото - 2006 г.

Памятник на Братском захоронении воинов 89-й Таманской стрелковой дивизии, входивший в состав Приморской армии.
(10-й км. Балаклавского шоссе). Установлен на средства Армянской АССР в 1961 году. У памятника два братских захоронения с более чем 500 воинов, погибших 18 апреля 1944 года при освобождении Балаклавы и Севастополя.
Скульптор А.Арутюнян, архитектор Д.Торосян. Фото - 2006 г.

Собирательный памятник на Братском захоронении в селе Черноречье.
Это святое место селян. Сюда жители села приносят портреты и устанавливают надгробия воинов-односельчан, не вернувшихся с фронтов войны...
Фото - 2008 г.

Суханов
Владимир Егорович
(**1935** г.р.)

На страницах нашего исследования мы уже говорили о скульпторе Станиславе Чиже, создавшем в Севастополе большое количество памятников как монументальной, так и мемориальной скульптуры.

Не менее важную роль для художественной культуры Севастополя и Балаклавы сыграл балаклавский мастер - Суханов Владимир Егорович. Его резцу принадлежат множественные памятники и надгробия, посвященные историческим событиям в жизни города и его людей. Вот почему автору видится особая необходимость в данном исследовании сказать и о творчестве В.Е. Суханова:

- Суханов Владимир Егорович родился 14 декабря 1935 года в местечке Каменка-Днепровская, Запорожской обл.

В семнадцатилетнем возрасте отправляется в город Запорожье, где пытается поступить в изостудию или художественную школу. После неудачной попытки, поступает на работу плотником, а в 1959 году едет в Крым, где поступает в Крымское художественное училище им. Н.С. Самокиша в Симферополе.

В 1964 году, по окончании Крымского художественного училища, Владимир Суханов поселяется в Балаклаве, где вскоре становится ведущим художником и исполнителем многих памятников и памятных знаков.

Первым памятником, исполненным скульптором В.Е. Сухановым, стал монумент у села Хмельницкое, посвященный подвигу защитников города Севастополя в годы Великой Отечественной войны - памятник воинам 7-й бригады морской пехоты, который был сооружен им из бетона в 1968 году.

В последующие годы В. Суханов будет часто обращаться к военной тематике: памятный знак «Медицинским работникам, погибшим в годы Великой Отечественной войны» (1976), «Освободителям Балаклавы» (1986), «Морякам Черноморского флота» на Приморском бульваре (1979), памятник генерал-майору П.Г. Новикову в Балаклаве (1983), «Защитникам мыса Херсонес» (2002) и многих других.

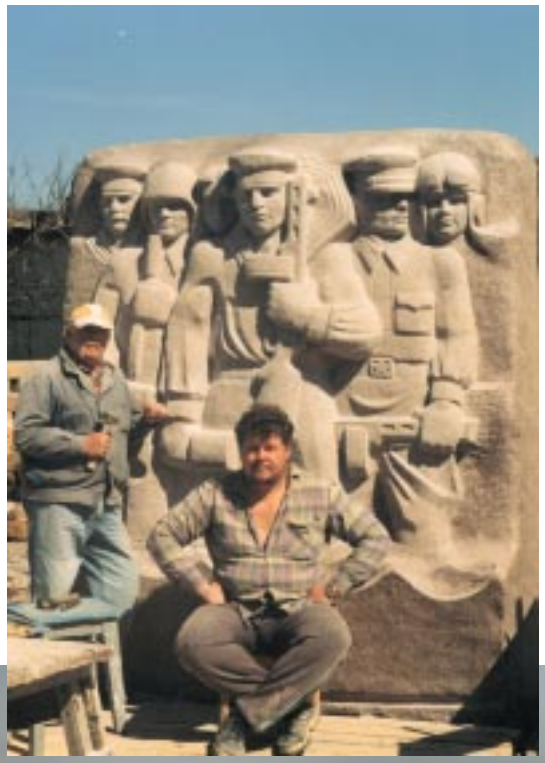
Особое место в творчестве В. Суханова занимают произведения, посвященные творческой интеллигенции, оставивших заметный след в жизни Балаклавы и Севастополя. Среди наиболее интересных (реализованных и нереализованных) проектов являются: памятник писателю А. Куприну (конкурсный проект для набережной Балаклавы, 2006 год) и памятник украинской писательнице и поэтессе Лесе Украинке, установленный на набережной Балаклавы в 2003 году.

Сегодня В.Е. Суханов продолжает успешно работать над станковыми и монументальными проектами памятников, не чужды ему и заказные работы по исполнению надгробий известных людей...

Памятник «Героям Херсонеса»

На страницах монографического исследования достаточно много говорилось о жесточайших боях за Севастополь в апреле-июле 1942 года. Советские войска вынуждены были отступить и в город вошли фашисты. На мысе Херсонес в окружении оказались десятки тысяч воинов: офицеров, мичманов, старшин, матросов и солдат. Вся земля была усеяна убитыми, хоронить которых уже было некому...

В 2002 году, по поручению севастопольского горсовета и Черноморского флота, Владимир Суханов, вместе со своим сыном Вадимом, установил на символическом некрополе мыса Херсонес мемориальный памятник «Героям Херсонеса», вокруг которого находятся братские могилы с останками более 250 человек...



Памятник «Героям Херсонеса» на мысе Херсонес. Скульптор В.Е. Суханов, 2002 г. Фото - 2006 г.

Захоронение воинов 7-й бригады морской пехоты

Памятник 7-й бригаде морской пехоты установлен на склоне горы Госфорта вблизи села Хмельницкое.

7-я бригада морской пехоты была сформирована 15 августа 1941 года на территории Лазаревских казарм для защиты рубежей Крыма: Ишуньских позиций в районе Перекопа и Севастополя. Командиром этой отдельной бригады был назначен полковник (впоследствии - генерал-лейтенант) Евгений Иванович Жидилов (1899-1977).

Памятник сооружен в 1968 году по проекту балаклавского скульптора Владимира Егоровича Суханова (1935 г.р.). На стеле - мемориальный текст и стихи, написанные уже после войны командиром бригады Е.И. Жидиловым.

У памятника находится братская могила, в которой похоронены девяносто пять воинов.

Жидилов Евгений Иванович

Ушли вы в бессмертье,
Чтоб песни звучали,
Чтоб город-герой
Горделиво стоял!
Чтоб дети смеялись
И внуки рождались,
И землю не жёг
Смертоносный металл.

Отважно сражалась
Морская пехота,
Чтоб матери больше
Не слепли от слёз.
И нет среди вас
Безымянных героев.
Вам званье дано -
Черноморский матрос!

Мемориальные плиты с именами погибших воинов 7-й бригады морской пехоты, 1968 г. Фото - 2006 г.

Памятник воинам 7-й бригады морской пехоты, 1968 г. Скульптор В.Е. Суханов. Фото - 2006 г.

Одна из братских могил у горы Госфорта на берегу Черной речки. Фото - 2006 г.

Захоронение военных и гражданских лиц, погибших в период фашистской оккупации Балаклавы

Братская могила военных и гражданских лиц, погибших от рук фашистов в годы Великой Отечественной войны находится в центре Балаклавы (соврем. ул. П.Г. Новикова). На этом месте когда-то располагался деревянный театр «Прогресс», построенный в 1890 году и сгоревший в период обороны Балаклавы в июне 1942 года. Вот сюда, в глубокий подвал сгоревшего театра, балаклавцы стали приносить тела убитых, зверски замученных жителей и защитников города. После освобождения Балаклавы в 1944 году здесь продолжили захоронение погибших воинов как найденных на территории города, так и привезенных с ближайших окрестностей. Исследователи истории Балаклавы указывают на наличие в этой братской могиле до 3-х тысяч погибших, но только чуть более девятисот человек были названы поименно...

В 1953 году на месте братского захоронения установили высокую стелу в виде дорической колонны с красной звездой в лавровом венке. Однако со временем мемориал обветшал и его новая жизнь началась в 2001 году, когда по проекту севастопольского архитектора Валерия Александровича Иванова была проведена реконструкция: отцом и сыном балаклавских мастеров монументальной скульптуры Сухановых были исполнены мемориальные доски, добавлены утраченные скульптурные детали и облагорожена сама территория некрополя.

Братское захоронение воинов 227-й Темрюкской стрелковой дивизии в Кефало-Вриси

Недалеко от Балаклавы в сторону горы Аскети на географическом склоне в 212 м. над уровнем моря располагается живописное урочище Кефало-Вриси («Голова источника»), известного с древнейших времен своей чистой водой и первыми поселениями. Во все времена здесь устраивали свои укрепленные поселения монахи-отшельники, защитники Балаклавы и враги, желающие закрепиться на чужом им берегу. Здесь нашли свой последний приют освободители Балаклавы, полегшие на его склонах в апреле-мае 1944 года; здесь, в центре урочища, в 1975 году балаклавцы и севастопольцы открыли мемориальный комплекс во имя полегших в жестоких боях за освобождение Крыма от фашистских захватчиков: 227-й Темрюкской стрелковой дивизии (командир - Герой Советского Союза полковник Г.Н. Преображенский) и 242-й Таманской горнострелковой дивизии. В братских могилах покоятся 482 воина (по другим источникам указывается число погибших - 402 человека).

Через десять лет балаклавский скульптор Владимир Егорович Суханов (1935 г.р.) реконструировал захоронение, добавив к нему мемориальные плиты с именами погибших и исполнением барельефа «Освободителям Балаклавы».

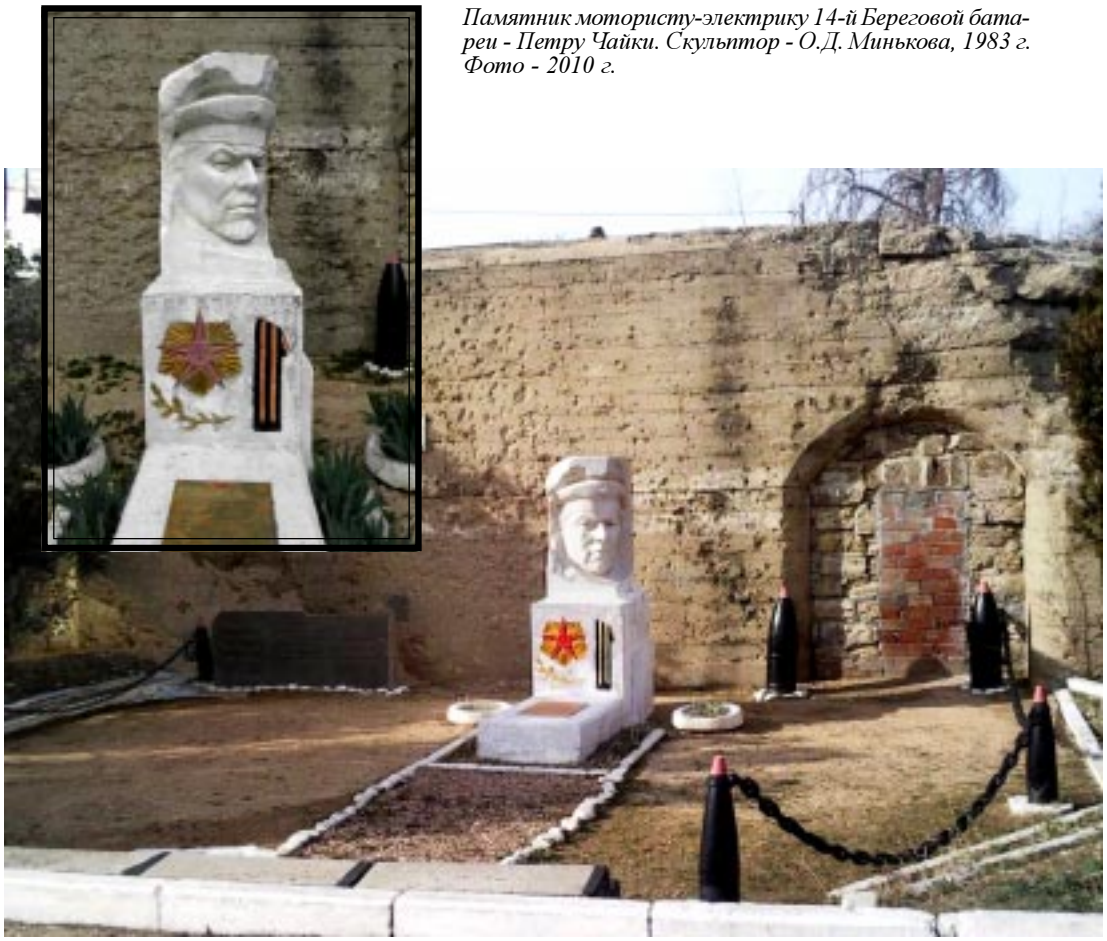
Памятник воинам 227-й стрелковой дивизии, - освободителям Балаклавы, 1986 г. Скульптор В.Е.Суханов. Фото - 2006 г.

Захоронение на территории Военно-Морского училища им. П.С. Нахимова

На территории Военно-Морского училища имени П.С. Нахимова бережно сохраняется памятник младшему специалисту, мотористу-электрику 14-го батальона Береговой батареи Петру Чайки, погибшему в 1942 году при обороне Севастополя. Это одно из немногих захоронений дошедших до нас из всех погибших в те роковые дни кровавой обороны города.

Батарея № 14 входила в состав второго отдельного артиллерийского дивизиона береговой обороны главной базы Черноморского флота. При вторжении фашистских войск на территорию Крыма она была направлена на Перекоп. Остатки ее, наряду с другими береговыми батареями, участвовали в обороне Севастополя до конца июня 1942 года.

Береговая батарея № 14, стационарная, долговременная, открытая, моноблочного типа, была построена в 1914 году и к октябрю 1941 года была вооружена тремя 130 мм. орудиями. Она проводила артиллерийские стрельбы по всему участку обороны: от Северной строны до районов Варнаутки, Алсу, Шули, Нижнего Чоргуня, Мекензиевых гор. Иногда эти стрельбы проводились совместно с другими береговыми батареями. В июне-июле 1942 года на ее территории развернулись ожесточенные бои, где полегли сотни защитников Севастополя...



Памятник мотористу-электрику 14-й Береговой батареи - Петру Чайки. Скульптор - О.Д. Минькова, 1983 г. Фото - 2010 г.

Братское захоронение на Максимовой даче

О многострадальной усадьбе «Максимова дача» написано достаточно много. Писал о ней и автор этих строк (см.: Коваленко А. Архитектура Севастополя в стилях и направлениях. - Симферополь: Доля, 2010. - 456 с.: ил.).

«Максимова дача» - загородная резиденция купца 1-й гильдии, избранного в 1901 году Городским головой Севастополя - Алексея Андреевича Максимова (1853-1908). Она была построена в 1898-1905 гг. художником и архитектором Валентином Августовичем Фельдманом (1864-1928), который за короткое время превратил скалистое урочище в великолепный садово-парковый ансамбль, где были устроены каскады с фонтанами, тенистые аллейки с беседками, исполненные в разных стилях; живописные пруды с нависающими над ними обходными мостами-галереями и прочее. Особую гордость составлял парк с диковинными кустарниками и цветниками, привезенными из разных стран мира.

Дальнейшая история «Максимовой дачи» печальна: в годы гражданской войны большевики устроили здесь «расстрельную» команду, где уничтожались «враги революции». Имение было разграблено и осквернено. Окончательная гибель пришла при обороне Севастополя в годы Великой Отечественной войны, где базировался лазарет и некоторые части Черно-Морского флота и Красной армии. Артиллерийские обстрелы и авианалеты фашистских истребителей стерли с лица земли былую красоту «Максимовой дачи».

Сегодня на ее территории можно увидеть не только остатки былого архитектурного великолепия, но и сохранившуюся братскую могилу защитников Севастополя 1942 года. В ней также похоронены и умершие от ран в лазарете, устроенном на его территории...

Братское захоронение на Максимовой даче. Фото - 2010 г.

Братские захоронения советских воинов у села Мамашай

Село «Мамашай» (с 1945 года - село «Орловка») расположено в 12-15 км. к северу от Севастополя. Относится к Качинскому району севастопольского горсовета. В переводе с тюркского предположительно означает «Мама-река», названного по имени протекающей у села реки Кача.

Вот в этом селе и находятся несколько некрополей и братских могил, посвященных погибшим воинам в Великой Отечественной войне:

- братское захоронение шестерых советских воинов-односельчан, погибших в 1941-1944 гг.;

- братский некрополь, состоящий из множественных захоронений погибших при освобождении близлежащих крымских сел: Бельбек, Кача, Мамашай, Эски-Эль и других. Всего здесь захоронено более ста человек. Официально считается, что на этом некрополе захоронены бойцы 54-го стрелкового корпуса, 2-й гвардейской армии, участвующей при освобождении Севастополя и его подступов...

Памятник шестерым советским воинам-односельчанам в селе Мамашай (Орловка). Фото - 2010 г.

Сборный некрополь советских воинов у села Мамашай (Орловка). Фото - 2010 г.

Братская могила воинов 25-й Чапаевской дивизии в Инкерманском Свято-Климентовском мужском монастыре

В июне-июле 1942 года советские войска мужественно обороняли подступы к Севастополю. На территории Свято-Климентовского мужского монастыря в Инкермане, на Монастырской скале, расположилась 25-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Трофима Калиновича Коломийца (1894-1971). Дивизия прошла все этапы трагедии падения Севастополя, как последнего рубежа обороны Крыма. Тогда в боях погиб почти весь состав дивизии, часть из которого был похоронено под Монастырской скалой Инкерманского монастыря. В конце 60-х годов XX века здесь был установлен памятник-надгробие в виде вертикально поставленной плиты из серого гранита с посвящением. В наши дни монахи Свято-Климентовского монастыря установили внизу постамента свою молитвенную плиту из черного гранита...

Памятник-мемориал советским танкистам

В мае 1944 года советские войска полностью освободили город Севастополь. За его свободу многие солдаты и офицеры заплатили страшную цену, которая называется «смерть». В знак вечной признательности к павшим, по всей севастопольской земле стали возводиться памятники и мемориалы. Одним из таких мемориалов стало братское захоронение воинов-танкистов 85-го отдельного танкового полка. На высокой горе, прозванной «Зеленой», благодарные севастопольцы установили весьма оригинальный памятник в виде прославленного танка Т-34, вознесенного на высоком пьедестале. На его фасадной части – плита с именами погибших в тех майских боях. Здесь же и их захоронения, символизирующие, что в памяти людей никто не забыт и ничто не забыто…

Памятник-мемориал советским воинам 318-й стрелковой дивизии

В апреле-мае 1944 года советские войска, преодолевая упорное сопротивление врага, продвигались к Севастополю. На высоте Горная развернулись особенно ожесточенные бои. Фашисты превратили ее в мощный опорный пункт. В течение нескольких дней с 7 по 9 мая 1944 года она несколько раз переходила из рук в руки. Первыми на вершину ворвались воины 89-го стрелковой дивизии. Бок о бок с ней вели бои 318-я Новороссийская горнострелковая дивизиия и 414-я Анапская стрелковая дивизия. Эта же высота стала последним прибежищем для тех, кому не суждено было дожить до победы.

25 июля 1944 года, после окончательного освобождения Крыма от фашистских захватчиков, на высоте Горная воины Новороссийской дивизии соорудили памятник, автором которого стал архитектор А.Д. Киселёв. Это 12-ти метровый четырехгранный обелиск из инкерманского камня. На постаменте и обелиске установлены мемориальные доски с посвятительными текстами и фамилиями павших в боях за высоту. Нужно сказать, что инженер-архитектор Киселев в том же 1944 году исполнил для Севастополя еще один памятник - обелиск Славы на Сапун-Горе...

Памятник на братской могиле высоты Горной. Фото - 2010 г.

НЕКРОПОЛИ ИНОСТРАННЫХ ДЕРЖАВ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВАСТОПОЛЯ

Описывая историю возникновения некрополей Севастополя, автор обращал внимание читателя на многочисленные войны, происходящие на его земле. И естественным фоном являются следы пребывания иностранных легионов и легионеров, навсегда оставшихся здесь в результате кровопролитных битв или умерших от ран как в одиночных захоронениях, так и в братских могилах. Учесть полегших в боях не представляется возможным: поисковиками до сих пор в самых невероятных местах выкапываются останки офицеров и солдат вражеских войск. Сегодня европейские державы пытаются каким-то образом благоустроить некрополи своих бывших подданных: проводят раскопки на местах боев, идентифицируют останки и по международным соглашениям перезахоранивают их на выделенных территориях вокруг Севастополя. Таким образом Западная Европа пытается примирить когда-то враждующие стороны и оставить свой добрый след в истории.

О некоторых некрополях иностранных держав наш дальнейший рассказ...

Май 1944 года. Это все, что осталось от врага.

Май 1944 года. Советские воины собирают погибших немецких солдат.

Немецкое кладбище у села Гончарное периода Второй мировой войны

В двадцати километрах от Севастополя по ялтинской дороге, в Варнутской долине, раскинулось село Гончарное (до августа 1945 года – Варнутка).

Вот здесь, по международному соглашению в 1999 году между Германией и Украиной, возник немецкий некрополь погибших в 1941-1944 годах во время оккупации Крыма немецко-фашистским захватчиками.

Официальной датой открытия мемориала считается 2 октября 1999 года, когда были произведены первые перезахоронения немецких солдат и офицеров. Координацию работ по благоустройству кладбища осуществляет Народный Союз Германии по уходу за воинскими захоронениями. Сегодня по некоторым версиям на некрополе находится более 14 тысяч немецких солдат, многие из которых уже идентифицированы по найденным воинским медальонам, и с именами которых можно ознакомиться в специальной Книге памяти, хранящейся в мемориальной комнате при кладбище.

Сегодня перезахоронение погибших продолжается и кладбище пополняется новыми именами солдат Вермахта, свозимых сюда со всех ближайших регионов Крыма и Украины. Так, например, стало и в апреле 2007 года, когда сюда вывезли останки погибших из парка «Салгирка» в Симферополе, где были обнаружены сотни и даже тысячи захоронений периода Великой Отечественной войны...

Некрополь немецким воинам, павшим в Крыму в 1941-1944 гг. Фото - 2009 г.

Списки погибших немецких воинов, павших в Крыму в 1941-1944 гг. Фото - 2009 г.

Некрополь немецким воинам, павшим в Крыму в 1941-1944 гг. Фото - 2009 г.

Глава 4

О БРЕННОСТИ ЖИЗНИ, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О МИФОЛОГИЗМЕ И СИМВОЛИЗМЕ СОВРЕМЕННОГО НАДГРОБИЯ

В загробном мире нет места
ни для радости, ни для печали
Гай Юлий Цезарь

Во все времена человечество было подвержено страху смерти. Родоначальником ее считается дьявол. Вместо заповеди «возлюби ближнего своего» люди подверглись всеобщему унынию и ожиданию мирового апокалипсиса. Царство нашей свободы — во Христе, - утверждают богословы. Он своей жизнью заплатил за все грехи человеческие, открыв, тем самым, путь из царства тьмы в царство Света. «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец» - говорится в Библии. Религиозная трансцендентальность «есть опознание Бога и переживание связи с Богом» (С.Н. Булгаков). Об этом же говорит и Лев Толстой: «...религиозные чувства приближают людей к тому идеалу, который указывает религия» [1, с.38].

Помочь человечеству постичь религиозные чувства призвано искусство: изобразительное или монументально-мемориальное. Так как «...искусство есть или одно из высших проявлений Идеи, Бога, Красоты или есть высшее духовное наслаждение» [2, с.48].

Для образного проявления Бога в Византии, в период правления Юстиниана I (527-565) были утверждены церковные каноны богослужения, обозначены символы христианства, получившие догматический характер. «язык символов оказался универсальным, с его помощью можно было придать изображению многозначность, выразить глубокий смысл» [3, с.21].

Символика есть неизменный атрибут всех религий без исключения, - читаем у другого автора. Они (символы) «...имеют тайный смысл, строго соответствующий основным догмам веры» [4, с.75].

Иначе говоря, символы веры остаются вечными и неизменными.

Казалось бы на этом можно поставить точку и начать наш анализ существующих мемориальных памятников, трансформированных в историческом пространстве. Но не все так просто.

Искусство религии, как, собственно, и сознание человечества всегда были подвержены эволюционным преобразованиям. В результате научно-технического прогресса канонические рамки религиозного догматы стали размываться и разрушаться. Эти неизбежные процессы «размывания» впервые были исследованы во второй половине — конце XIX века в религиозно-философских исканиях Мари Жан Гюйо (1854-

1888) в его книге «Иррелигиозность будущего» (М., 1909), по которому искусство является новым этапом религиозного учения, так как: «время религии, как системы догматов, миновало».

Те же самые процессы исследования религиозного сознания на заре XX века происходили в России, когда на арену выступило «всенародное религиозное искусство — мифо-символ» (Вяч. Иванов).

Мы уже знаем, что связь мифа и искусства (в том числе — мемориальной художественной культуры как отражающего знака-символа), исходит из архаического представления о связи Бога и Космоса, о единстве живого и мертвого. «Только после смерти мы будем истинно жить», - говорил древнеримский философ Марк Тулий Цицерон. Ему вторит Сенека говоря, что день смерти является «днем рождения в вечности», где умерший будет наслаждаться вечным покоем вместе с богами.

Этот догмат нашел подтверждение и в христианстве: «смерть наша — лишь плата за грехи, но дар Божий — есть вечная жизнь во Христе». Религиозный экстаз сегодня пал в Лету, стал мифом, духовным феноменом, за которым стоит всего лишь символ-лик (Андрей Белый).

Первые символы христианства, бывшие когда-то глубокой догмой (в том числе и в похоронном обряде) нивелировались до бессознательного подражания и наивного утверждения «так положено». Кем и когда положено — уже никто не помнит, да и никого не интересует. Исчезла даже мысль о символической привязке надгробия к ирреальному пространству; исчезли каноны глубоко традиционного церковного похоронного обряда. Все изменилось. Церковное воспитание превратилось в показное театрализованное представление, за которым уже нет ничего святого. И поистине наступило исполнение времен. Человеческий дух не находит уже вечного успокоения во Христе и его муках за грехи человеческие, а у живых пропала тоска по вечности. Но «Иисус Христос есть тот же вчера, сегодня и всегда. Поэтому будьте тверды в неизменной вере его учения. Не увлекайтесь искушениями все изменяющего мнения», - предупреждает нас английский богослов Фредерик Вильям Фаррар (1831-1903).

Религиозно-исторический миф, возникающий в лоне философского размышления о единстве мира видимого и невидимого по прежнему опирается на художественно-образный знак или символ. А символ, в свою очередь, должен опираться на канон, как наиболее устойчивую форму религиозной структуры. Казалось бы, что мы уже доказали важность соблюдения традиционных форм в применении художественного образного отражения мемориального захоронения. Надгробный камень, поставленный на современном некрополе, должен вмещать в себя метафизический образ, символ-лик, живущий своими законами синкретического мифологического сознания, в котором уже изначально заложен тайный смысл. И этот канон не должен быть иначе интерпретирован, не должен терять своего изначального смысла, но должен оставаться постоянным и неизбежным.

Но так ли это применительно к сегодняшнему времени?

К сожалению мы можем констатировать: надгробный памятник или мемориальное захоронение стало уже не местом скорби и печали, и даже не символом вечной жизни во Христе, а последней формальной данью умершему в его путешествии в небытие. Пропала разница между архаическим камнем, поставленном на древнем захоронении, между деревянным крестом — символом вечной жизни во Христе и богатым саркофагом из мрамора или гранита, поставленном родственниками, но уже потерявшего смысловую значимость.

Отход от церковного канона (в том числе и похоронного обряда), отношение к надгробию и месту захоронения умерших людей (а проще сказать - к кладбищу) заметил еще Александр Сергеевич Пушкин, когда писал в 1836 году:

Когда за городомъ задумчивъ я брожу
И на публичное кладбище захожу -
Решетки, столбики, нарядныя гробницы,
Подъ коими гн□ютъ все мертвецы столицы,
Въ болоте кое-какъ стесненные кругомъ,
Какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ;
Купцовъ, чиновниковъ усопшихъ мавзолеи
(Дешеваго резца нелепыя затеи!),
Надъ ними надписи и въ прозе и въ стихахъ
О добродетеляхъ, о службе, о чинахъ;
По старомъ рогаче вдовицы плачъ амурный,
Ворами со столбовъ отвинченныя урны,
Могилы склизк□я, зевающ□я тутъ,
Которыя жильцовъ къ себе на утро ждутъ —
Так□я смутныя мне мысли все наводитъ,
Что злое на меня унын□е находитъ,
Хоть плюнуть, да бежать.

Но какъ же любо мне
Осеннею порой, въ вечерней тишине,
Въ деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлютъ мертвые въ торжественномъ покое:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
Къ нимъ ночью темною не лезетъ бледный воръ.
Близь камней вековыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
На место праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ ген□евъ, растрепанныхъ харитъ
Стоитъ широк□й дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя...

Мы не ставим своей задачей описывать церковные канонические формы похоронного обряда: они слишком объемны по своему содержанию и кроме всего прочего имеют свои географические и этнические особенности. В качестве примера возьмем лишь небольшую выдержку из православного обряда погребения: «...В могиле усопший полагается лицом к востоку, с той же мыслию, с какой мы молемся на восток, - в ожидании наступления утра вечности... Таким образом усопшего предают земле в знак покорности Божественному определению: «Земля еси - и в землю отыдеши». Крест - символ спасения - возвышается над могилою всякого христианина (он становится в ногах). Умерший веровал в Распятого на кресте и покоится сном смерти под сенью креста. Крест становится восьмиконечный, из любого материала, но обязательно правильной формы» (Православный обряд погребения). Многие сотни лет надгробия оставались безымянными и лишь в XIII-XVI веках стали появляться каменные плиты, на которых выбивались слова из Евангелия или молитвы. И, как правильно заметит читатель, полного творчества в надгробии еще не было. «Древняя Русь, - говорит М.В. Алпатов, - вовсе не знала ни надгробий как жажды личного бессмертия, ни плясок скелетов как выражения страха перед смертью. На Руси веками воспитывалось эпическое отношение к смерти, и в толще русской народной жизни оно сохранилось нетронутым вплоть до нового времени...».

Классический тип надгробия появится позже, - в XVIII веке, о чем уже писалось на страницах данной монографии. Тогда же утвердилось и искусство эпитафии «о

Памятник-надгробие полковнику Вахитову Хади Сахиевичу, как образец современного захоронения. Городское кладбище у пос. Кальфа. Фото - 2011 г.

добродетелях, о службе, о чинах», о чем писал А.С. Пушкин. Эпитафия нынешнего времени - это вульгаризация современного представления о смерти. И совершенно правильно заметил «профессиональный странник по Руси» Геннадий Михеев: «...похоронная индустрия давно уже предлагает стандартный набор текстов, достаточно качественных с точки зрения литературной паденщины и грамотных. Но в них абсолютно отсутствует искренность...». И далее: «Упадок культуры эпитафии на русском кладбище с лихвой компенсирует распространенность изображений умерших на надгробиях. Фотография сделалась неотъемлемым атрибутом могилы. Это стало уже закоренелой частью погребальной культуры, как и частью культа мертвых вообще...». И это при том, что православная церковь, как и другие религиозные конфессии, отрицательно относится к любому изображению умершего и тем более когда это изображение наносится на сам крест.

Появление фотографии на памятнике, как известно, относится к культуре обедневшего пролетариата XX столетия. Это было своего рода «Ноу-Хау» для советской эпохи 40-80 годов. Являясь яростными противниками «церковного мракобесия» коммунистические идеологи не только не чтили церковные и поминальные заповеди, но и воспитывали население в духе атеизма, обозначенного Ватиканским Папой Павлом VI еще в 1963 году, как «сквернейшее явление нашего времени». А, поскольку, в СССР все были равны в своей бедности, необразованности и невоспитанности, то фотография стала одним из дешевых способов почтить память умер-

шего, непонимая всей глубины религиозного заблуждения. Фотография на керамике или в камне - это сатанинский обряд, где за основу берется не душа умершего во Христе, а сам образ человека, заменяющий собой Христа. В европейском современном сообществе издревле существовала традиция, когда на могилу устанавливалась надгробная плита или крест (каменный или деревянный) с указанием имени, года жизни и смерти. Таким образом восстанавливалась связь между жизнью и смертью во Христе.

Весьма неоднозначную оценку имеет ограда, - железная, деревянная или каменная. С одной стороны человек стремится отвоевать право «на два аршина» собственной земли. С другой - ты теряешь связь с умершим и, как следствие, рискуешь вскоре быть похороненным рядом с ним.

Итак, что мы можем сказать в завершении нашего исследования:

- у нас нет романтическо-сентиментального (если так можно выразиться) стиля изложения надгробного памятника, но у нас есть российско-советский натурализм с его суровостью и строгостью исполнения. Виной тому обыденная в своей мужественной простоте регламентированная жизнь военного гарнизона, каким всегда был и до сего дня остается Севастополь. Отсюда - форма и философия отражения бытия как в литературе, музыке и изобразительном искусстве, так и в погребальном обряде с его надгробным памятником;

- отсутствие единого религиозно-культового мировоззрения в формировании некрополей Севастополя. Пластическое воплощение идей жизни и смерти стало во многом зависеть от вкуса самого заказчика, от его представления об идеологизированном (мифологизированном) образе умершего. И если ранее у ног погребенного сажали дерево или устанавливали крест, как символ мученичества Христа и ухода в вечную жизнь во Христе, то на современном надгробии уже устанавливается стела или плита с изображением умершего, смысл которого укладывается в созерцании самого себя, но только воплощенного в камне.

- отсутствие знаний о догматических канонах, которые стали не востребованными, а зачастую и вовсе неизвестными в силу отсутствия религиозного воспитания и образования;

- отсутствия культуры и художественного вкуса в создании мемориального надгробия. Даже эпитафия стала набившей оскомину серой стандартной фразой: «Мир праху твоему».

- отсутствие подлинных произведений мемориального искусства (за исключением небольшой части мемориалов, исполненных известными скульпторами-монументалистами). А те, что имеются, выполняются в виде гравировки по граниту или мрамору с изображением умершего. Такие изображения, как правило, исполнены с помощью специальных бормашин и конечно же не имеют никакого отношения к искусству и уходу в мир Вечности, ко Христу. Из такого мемориала или надгробия практически невозможно извлечь поучительную эпитафию для живущих. «Поучайся, чтобы память жизни твоей осталась бессмертной и душа твоя пришла к вечному преупокоению» - говорится на одном из надгробий Московского некрополя.

Богатое надгробие XVIII — первой половины XIX века было прерогативой людей богатых, людей чести и благородства. Оно было обращено как к потомкам, так и к родственникам, в виде поучения блюсти честь рода в служении отечеству. Но и тогда мемориал носил в себе изобразительный образ: символ скорби по безвременно ушедшему в мир иной. Сегодня — это портретный образ умершего,

Церковнослужители в отличие от нас более тонко чувствуют грань жизни и смерти, грань между бытием и вечной загробной жизни...

Весьма показательным некрополем, с глубоким философским значением и символизмом является, например, ниша (костница) в пещерном храме Свято-Климентовского мужского монастыря в Инкермане, где сложены черепа умерших в обители. На стекле, закрывающей эту нишу, надпись: «Мы были такими, как Вы. Вы будете такими, как мы». Прохожий, видя такое надгробие, должен умилиться сердцем, помолиться об усопших и задуматься о бренности жизни, собственной кончине и своей значимости для потомков. Впрочем не все так грустно и не все еще потеряно для русского народа, ибо: «В его воле еще отказаться от этой политики эгоизма и национального отупения... Фальсифицированный продукт...еще не задушил у нас национальной совести, которая сумеет найти более достоверное выражение для истинной русской идеи. За этим не надо далеко ходить: она здесь, близко - эта истинная русская идея, засвидетельствованная религиозным характером народа... И если этого недостаточно, то есть еще более великое и верное свидетельство - откровенное Слово Божие...», - писал русский философ Владимир Соловьев [5, с.16-17].

Костница в Свято-Климентовском мужском монастыре в Инкермане. Фото - 2011 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ:

1. Яковлев Е.Г. Искусство и мировые религии. - М.: Высшая школа, 1977. - 224 с.
2. Толстой Л.Н. Что такое искусство? //Полное собрание сочинений Льва Николаевича Толстого /Под ред. П.И.Бирюкова. – Т. XIX. – М.: Типограф. И.Д. Сытина, 1913. – С. 5-142.
3. Олесницкий М. Из системы христианского нравоучения. – К., 1896.
4. Толстой Л.Н. Что такое искусство? //Полное собрание сочинений Льва Николаевича Толстого /Под ред. П.И. Бирюкова. – Т. XIX. – М.: Типограф. И.Д. Сытина, 1913. – С. 5-142.

Глава 1

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ САКРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Искусство Этрусков и Древнего Рима /Авторы текста Ю.Д. Колпинский, Н.Н. Бритова. – М.: Искусство, 1982. – 112 с.: ил.
2. Жишкович В. Пластика Русі-України: X – перша половина XIV століть. – Львів: Інститут Народознавства, 1999. – 240.: іл.
3. Белый Андрей. Символизм как миропонимание /Сост. Л.А. Сугай. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
4. Моздир М. Українська народна меморіальна скульптура. – К.: Наукова думка, 1996. – 130 с.: іл.
5. Марков Е. Очерки Крыма: картины крымской жизни, истории и природы. – К.: Издательский дом «Стилос», 2006. – 512 с.: ил.
6. Жишкович В. Пластика Русі-України: X – перша половина XIV століть. – Львів: Інститут Народознавства, 1999. – 240.: іл.
7. Ромм А. Федор Гордеевич Гордеев. – М.: Искусство, 1948. – 32 с.: ил.
8. История русского искусства: искусство X – первой половины XIX века. – М.: Изобразительное искусство, 1979. – 362 с.: ил.
9. Стасов В.В. Статьи об искусстве. – В 2-х т. - Т. 2. - М.; Л.: Искусство, 1937. – 664 с.
10. Там же.

Глава 2

ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД В КУЛЬТУРНОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КРЫМА

1. Савеля О.Я. Древние Боги Таврики //Боги Тавриды: история религий народов Крыма. – Севастополь, 1997. – С.14-36.

2. Остошко А. Мегалиты Тавриды /Тайны и загадки Крыма. Сборник. – Симферополь: издат. дом «ЛиИС», 2005. – С.91-92.

3. Дюличев В.П. Крым. История в очерках. – Симферополь: Рубин, 2008. – 496 с.: ил.

4. Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII-IV вв. до н.э. – СПб, 2007. – 484 с.: ил.

5. Там же.

6. Там же.

7. Федоров-Давыдов Г.А. На окраинах античного мира. – М.: Наука, 1975. – 104 с.: ил.

8. Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. – К.: Наукова думка, 1979. – 208 с.: ил.

9. Ольховский В.С., Храпунов И.Н. Крымская скифия. – Симферополь: Таврия, 1990. – 128 с.: ил.

10. Сорочан С.Б., Зубарь В.М. и др. Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков: Майдан, 2001. – 828 с.: ил.

11. Там же.

12. Там же.

13. Фаррар Ф.В. Первые дни христианства. – В 2 т. – Т. 1. – Hope of Salvation Mission, 2005. – 592 с.

14. Лихачева В. Искусство Византии IV-XV веков. – Л.: Искусство, 1981. – 310 с.: ил.

15. История СССР с древнейших времен до конца XVIII века. – М.: Высшая школа, 1975. – 496 с.: ил.

16. Марков Е. Очерки Крыма: картины крымской жизни, истории и природы. – К.: Стилос, 2006. – 512 с.: ил. (Факсимильное издание. – СПб, 1902).

17. Токарев С. Религия и история народов мира. – М.,1964.

18. Цит. по: Мухамедьяров Ш.Ф. Ислам в Крыму //Боги Тавриды: история религий народов Крыма. – Севастополь, 1997. – С.172-190.

19. Якобсон А.Л. Крым в средние века. – М.: Наука, 1973. – 174 с.: ил.

Глава 3

НЕКРОПОЛИ СЕВАСТОПОЛЯ И ИХ СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Усыпальница адмиралов

1. Храм Святого Равноапостольного князя Владимира в Севастополе. – Севастополь: Типо-Литография Ковалева,1904. – 24 с.

2. Там же.

Мемориальное Братское кладбище защитников Севастополя, 1854-1855 гг.

1. Калько А. Без срока давности //Слава Севастополя, 1999. - № 55-56 от 24 марта. – С. 4.: ил.

2. Марков Е. Очерки Крыма: картины крымской жизни, истории и природы. – К.: Стилос, 2006. – 512 с.: ил. (Факсимильное издание. – СПб, 1902).

3. Шавшин В. Каменная летопись Севастополя. – Севастополь,; Киев, 2003. – 384 с.: ил.

4. Кириченко Е. Русская архитектура 1830-1910-х годов. - М.: Искусство, 1982. - 400 с.: ил.

5. Там же.

6. У карты Севастополя: справочник /Составит.: А.А. Ляхович, Л.А. Шорин, Е.В. Веникеев, В.Г. Шавшин. – Симферополь: Таврия, 1982. – 224 с.: ил.

Братские захоронения периода Первой обороны Севастополя

1. Терновский Г. Памятник народного подвига: панорама «Оборона Севастополя 1854-1855 гг.». – Симферополь: Крымиздат,1956. – 180 с.: ил.

2. Гуркович В.Н. Французское военное кладбище в Севастополе и его смотритель Жозеф Равве //Историческое наследие Крыма, 2004. - № 3-4. – С. 112-125.

Старое городское кладбище (ул. Н.Пожарова)

1. Александрова К. Храм Всех Святых //Проспект,2007. - № 13 (439). - С.6.

Некрополь еврейского Национального кладбища

1. Крестьянников В.В., Терещук Н.М. Севастопольский еврейский некрополь //Историческое наследие Крыма. - Симферополь, 2004. - № 8. - С. 161-164.

Кладбище Коммунаров

1. Цит. по: Мережковский Д. Больная Россия. - Л.: издат-во Ленинградского университета, 1991. - 270 с.

2. Коваленко А. Станислав Чиж и его время. - Симферополь: Таврия, 2004. - 200 с.: ил.

3. Там же.

4. Там же.

Михайловский некрополь

1. Мережковский Д. Больная Россия. - Л.: Издат-во ленинградского университета, 1991. - 270 с.

Некрополь Свято-Владимирского мужского монастыря на территории Херсонеса

1. Боги Тавриды: история религий народов Крыма. – Севастополь,1997. – 256 с.: ил.

2. Марков Е. Очерки Крыма: картины крымской жизни, истории и природы. – К.: Издат. Дом «Стилос», 2006. – 512 с.: ил. (Репринтное издание, - СПб., М.: Тов-во М.О. Вольф, 1902).

3. Боги Тавриды: история религий народов Крыма. – Севастополь,1997. – 256 с.: ил.

Некрополь Инкерманского Священномученика Климента мужского монастыря

1. Боги Тавриды: история религий народов Крыма. – Севастополь,1997. – 256 с.: ил.

2. Инкерман и Инкерманский священномученика Климента монастырь в Крыму. – Одесса,1912. – 28 с.: ил.

Братское кладбище Великой Отечественной войны (у пос. Дергачи)

1. Шавшин В. Каменная летопись Севастополя. – Севастополь,; Киев, 2003. – 384 с.: ил

Братские захоронения Великой Отечественной войны

1. Чикин А.М. Город бессмертия. – Севастополь: Рибэст,2004. – 116 с.: ил.

Глава 4

О БРЕННОСТИ ЖИЗНИ, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О МИФОЛОГИЗМЕ И СИМВОЛИЗМЕ СОВРЕМЕННОГО НАДГРОБИЯ

1. Толстой Л.Н. Что такое искусство //Полное собрание сочинений Льва Николаевича Толстого. – Т. 19 /Под ред. П.И.Бирюкова. – М.: типография И.Д.Сытина, 1913. – С. 5-142.

2. Там же.

3. Лихачева В. Искусство Византии IV- XV веков. – Л.: Искусство, 1981. – 310 с.: ил.

4. Яковлев Е.Г. Искусство и мировые религии. – М.: Высшая школа, 1977. – 224 с.

5. Соловьев В. Русская идея. - М.: Типография А.И. Мамонтова, 1911. - 52 с.

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова К. Храм Всех Святых //Проспект,2007. - № 13 (439). - С.6.
- Антонова О.А. Католицизм и искусство. XX век. - М.: Мысль, 1985. - 175 с.
- Белый Андрей. Символизм как миропонимание /Сост. Л.А.Сугай. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
- Беляев Л.А. Христианские древности: введение в сравнительное изучение. - СПб: АЛЕТЕЙЯ, 2000.
- Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового завета, - канонические. - 1992.
- Боги Тавриды: история религий народов Крыма. - Севастополь, 1997. - 256 с.
- Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. - К.: Наукова Думка, 1989. - 296 с.
- Веникеев Е.В. Севастополь и его окрестности. - М.: Искусство, 1986. - 176 с.: ил.
- Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. – К.: Наукова думка, 1979. – 208 с.: ил.
- Гайворонский О. Повелители двух материков. - К.: Майстерня книги, 2010.
- Гайворонский О. Страна Крым: Крымское ханство в лицах и событиях. - Симферополь: Доля, 2004.
- Гайворонский О. Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце. - Симферополь: Доля, 2006.
- Дюличев В.П. Крым. История в очерках. – Симферополь: Рубин, 2008. – 496 с.: ил.
- Ерышев А.А. Религоведение. - К.: МАУП, 1999. - 280 с.
- Жишкович В. Пластика Русі-України: X – перша половина XIV століть. – Львів: Інститут Народознавства, 1999. – 240.: іл.
- Инкерман и Инкерманский Священномученика Климента монастырь в Крыму. - Одесса, 1912. - 28 с.: ил.
- Искусство Этрусков и Древнего Рима /Авторы текста Ю.Д.Колпинский, Н.Н.Бритова. – М.: Искусство, 1982. – 112 с.: ил.
- История русского искусства: искусство X – первой половины XIX века. – М.: Изобразительное искусство, 1979. – 362 с.: ил.
- Історія українського мистецтва. - В 6 т. - Т.1. - К.: Жовтень, 1966. - 456 с.: іл.
- Касперавичюс М.М. Функции религиозной и светской символики. - Л.: Знание, 1990. - 32 с.
- Кириченко Е. Русская архитектура 1830-1910-х годов. - М.: Искусство, 1982. - 400 с.: ил.
- Коваленко А. Станислав Чиж и его время. - Симферополь: Таврия, 2004. - 200 с.: ил.
- Коваленко А. Памятники Севастополя и их авторы. - Симферополь: ГП «Таврия», 2008. - 216 с.: ил.
- Коваленко А. Архитектура Севастополя в стилях и направлениях. - Симферополь: Доля, 2010. - 456 с.: ил.
- Крестьянников В.В., Терещук Н.М. Севастопольский еврейский некрополь //Историческое наследие Крыма. - Симферополь, 2004. - № 8. - С. 161-164.

- Лихачева В. Искусство Византии IV-XV веков. – Л.: Искусство, 1981. – 310 с.: ил.
- Марков Е. Очерки Крыма: картины крымской жизни, истории и природы. – К.: Издательский дом «Стилос», 2006. – 512 с.: ил.
- Мережковский Д. Больная Россия. - Л.: издат-во Ленинградского университета, 1991. - 270 с.
- Моздир М. Українська народна меморіальна скульптура. – К.: Наукова думка, 1996. – 130 с.: іл.
- Мухамедьяров Ш.Ф. Ислам в Крыму //Боги Тавриды: история религий народов Крыма. – Севастополь, 1997. – С.172-190.
- Ольховский В.С., Храпунов И.Н. Крымская скифия. – Симферополь: Таврия, 1990. – 128 с.: ил.
- Остошко А. Мегалиты Тавриды /Тайны и загадки Крыма. Сборник. – Симферополь: издат. дом «ЛиИС», 2005. – С.91-92.
- Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI - XVI веков. - М.: Радуница, 2004.
- Ромм А. Федор Гордеевич Гордеев. – М.: Искусство, 1948. – 32 с.: ил.
- Савеля О.Я. Боги Тавриды: история религий народов Крыма. – Севастополь, 1997. – С.14-36.
- Соловьев В. Русская идея. - М.: Типография А.И. Мамонтова. 1911. - 52 с.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М. и др. Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков: Майдан, 2001. – 828 с.: ил.
- Стасов В.В. Статьи об искусстве. – В 2-х т. - Т.2. - М.; Л.: Искусство, 1937. – 664 с.
- Терновский Г. Памятник народного подвига. - Симферополь: Крымиздат, 1956. - 180 с.: ил.
- Токарев С. Религия и история народов мира. – М.,1964.
- У карты Севастополя: справочник /Составит.: А.А.Ляхович, Л.А.Шорин, Е.В.Веникеев, В.Г.Шавшин. – Симферополь: Таврия, 1982. – 224 с.: ил.
- Фаррар Ф.В. Первые дни христианства. – В 2 т. – Т. 1. – Hope of Salvation Mission, 2005. – 592 с.
- Федоров-Давыдов Г.А. На окраинах античного мира. – М.: Наука, 1975. – 104 с.: ил.
- Филиппов М.М. Осажденный Севастополь. - М.: Правда, 1989. - 448 с.
- Херсонесский сборник. - Вып.IX. - Севастополь, 1998. - 268 с.: ил.
- Храм Святого равноапостольного князя Владимира в Севастополе. - Севастополь: Типо-Литография Ковалева, 1904. - 24 с.: ил.
- Чикин А.М. Город бессмертия. - Севастополь, 2004. - 216 с.: ил.
- Шавшин В. Каменная летопись Севастополя. – Севастополь,; Киев, 2003. – 384 с.: ил.
- Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII-IV вв. до н.э. – СПб, 2007. – 484 с.: ил.
- Шилов Ю.А. Истоки славянской цивилизации. - К.: МАУП, 2004. - 704 с.: ил.
- Якобсон А.Л. Крым в средние века. – М.: Наука, 1973. – 174 с.: ил.
- Яковлев Е.Г. Искусство и мировые религии. - М.: Высшая школа, 1977. - 224 с.

СОДЕРЖАНИЕ

- **ПРЕДИСЛОВИЕ** ..... **4 -6**

- **Глава 1**
  ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ САКРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ **8-25**

- **Глава 2**
  ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД В КУЛЬТУРНОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КРЫМА **26-79**

- **Глава 3**
  НЕКРОПОЛИ СЕВАСТОПОЛЯ И ИХ СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ **80-446**

Усыпальница адмиралов **82-119**

Мемориальное Братское кладбище защитников Севастополя, 1854-1855 гг. **120-193**

Братские захоронения периода Первой обороны Севастополя ... **194-215**
- Братские захоронения на месте Альминского сражения
- Братское захоронение английских солдат
- Братское захоронение русских и французских воинов на Малаховом кургане
- Некрополь французских воинов
- Турецкий военный мемориал
- Мемориал воинов Сардинского королевства

Старое городское кладбище (ул. Н.Пожарова) **216-261**

Городское кладбище у пос. Кальфа **262-303**

Некрополь еврейского Национального кладбища **304-313**

Кладбище Коммунаров **314-361**

Михайловский некрополь **362-365**
- Подвиг парохода «Веста»

Некрополь Свято-Владимирского мужского монастыря на территории Херсонеса **366-375**

Некрополь Инкерманского Священномученика Климента мужского монастыря **376-387**

Братское кладбище Великой Отечественной войны (у пос. Дергачи) **390-423**

Братские захоронения Великой Отечественной войны **424-446**
- Захоронение воинов 414-й Анапской стрелковов дивизии
- Захоронение воинов 89-й Таманской стрелковой дивизии
- Захоронение воинов в селе Черноречье
- Памятник «Героям Херсонеса»
- Захоронение воинов 7-й бригады морской пехоты
- Захоронение военных и гражданских лиц, погибших в период фашистской оккупации Балаклавы
- Братское захоронение воинов 227-й Темрюкской стрелковой дивизии в Кефало-Вриси
- Захоронение на территории Военно-Морского училища имени П.С. Нахимова
- Братское захоронение на Максимовой даче
- Братские захоронения советских воинов у села Мамашай
- Братская могила 25-й Чапаевской дивизии в Инкерманском Свято-Климентовском мужском монастыре
- Памятник-мемориал советским танкистам
- Памятник-мемориал советским воинам 318-й стрелковой дивизии

Некрополи иностранных держав на территории Севастополя **447-449**
- Немецкое кладбище у села Гончарное периода Второй мировой войны

- **Глава 4**
О БРЕННОСТИ ЖИЗНИ, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О МИФОЛОГИЗМЕ И СИМВОЛИЗМЕ СОВРЕМЕННОГО НАДГРОБИЯ **450-455**

ПРИМЕЧАНИЯ **456-459**

ЛИТЕРАТУРА **460-461**

ББК 85.133 (4УКР - 2 СЕВ)
К. 56

А.И. Коваленко.
Некрополи Севастополя. - Симферополь: НАТА,2012. - 464 с.: ил.
ISBN _____

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ РЕДАКТОР
Даутова
Луиза Касимовна

© А.И.Коваленко - макет, компьютерная верстка, 2011-2012
© А.И.Коваленко - фото, 2008-2012

464

ISBN _____